Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 96

МУЗЕИ РОССИИ КАК ПЕРЕДОВАЯ ОБОРОНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

МАТЕРИАЛЫ XXVI Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (14–17 февраля 2023 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2023

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)
М 341

Серия основана в 1996 году.

М 341 **Музеи России как передовая обороны отечественной культуры в XX — начале XXI века** : Материалы XXVI Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (14–17 февраля 2023 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2023. — 388 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 96).

ISBN 978-5-94595-131-0

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы очередных Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко, прошедших в Пушкинском Заповеднике 14–17 февраля 2023 года и приуроченных к 120-летию со дня рождения послевоенного директора музея-заповедника, легендарного Хранителя пушкинского заповедного уголка.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы и филологии, краеведения, музейного и библиотечного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-131-0
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2023

Очередной выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» содержит материалы прошедших в Пушкинском Заповеднике XXVI Февральских музейных чтений памяти Семена Степановича Гейченко (1903–1993) под названием «Музеи России как передовая обороны отечественной культуры в XX — начале XXI века».

В 2023 году чтения были приурочены к 120-летию со дня рождения С.С. Гейченко, послевоенного директора, легендарного Хранителя Пушкинского Заповедника, и посвящены музейной, хранительской работе, творческому труду, судьбам выдающихся культурных деятелей во времена нелегких испытаний, исторических потрясений, которые грозили самому существованию нашего Отечества. Многие из тех, кто посвятил свою жизнь служению русской культуре, прошли боевой путь, спасали музейные коллекции в годы военного лихолетья, а затем, вернувшись с победой в Великой Отечественной войне, восстанавливали музеи, вели просветительскую работу, развивали культуру по всем направлениям.

В настоящем сборнике читатель найдет статьи, посвященные С.С. Гейченко, В.М. Звонцову, Н.Н. Грамолиной, Ф.Д. Поленову, С.И. Кожухову и другим подвижникам, их бесценному вкладу в сохранение и развитие музейного дела в России, а также материалы, касающиеся истории Святогорского и Псково-Печерского монастырей и творческой биографии А.С. Пушкина.

Эдуард Узенев,
ученый секретарь Пушкинского Заповедника

С.С. Гейченко в Михайловском. Июль 1987 года. Фото Ю.Г. Белинского. Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ КП 27653

МУЗЕИ РОССИИ КАК ПЕРЕДОВАЯ ОБОРОНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В XX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Материалы XXVI Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (14–17 февраля 2023 года)

Наталья Исакова, Валерия Волкова

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК И С.С. ГЕЙЧЕНКО В ДОКУМЕНТАХ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) хранится около 150 фондов личного происхождения. Среди фондообразователей партийные и государственные работники, общественные деятели, писатели, художники, актеры, в фондах которых хранятся самые разнообразные материалы по истории Псковского края (дневники, воспоминания, переписка, фотографии и многие другие виды документов).

В некоторых из них отложились документы, связанные с историей Пушкинского Заповедника, а также с его директором С.С. Гейченко. Прежде всего это фонды литераторов, которые в силу своей деятельности часто посещали Пушкинские Горы, участвовали в различных мероприятиях, связанных с увековечением памяти А.С. Пушкина.

Значительное количество подобных документов хранится в фонде Р-275 участника Великой Отечественной войны, партизана, поэта, писателя, журналиста Ивана Васильевича Виноградова, который был лично знаком с Семеном Степановичем Гейченко с 1945 года.

В описи 4 выделен самостоятельный подраздел в количестве 11 архивных дел за 1945–1994 годы под названием «Коллекция документов о праздновании Дня поэзии и памятных дат, связанных с А.С. Пушкиным»[1]. Отдельные документы по данной теме имеются и в других подразделах и описях[2].

В деле 208 описи 4 «Документы о директоре музея-заповедника А.С. Пушкина С.С. Гейченко» хранится недатированная рукопись И.В. Виноградова, посвященная С.С. Гейченко, в которой он рассказывает о необыкновенном таланте рассказчика, присущем Семену Степановичу: «Он говорил так, как будто сам присутствовал при последних прощаниях Пушкина. Полное впечатление: он всё видел своими глазами и слушал своими ушами». Иван Васильевич называл его «журналистом самой высокой марки», «рассказчиком необыкновенным», «чародеем не только слова, но и чародеем ума, чувства и выразительности».

И.В. Виноградов отмечал присущее С.С. Гейченко огромное уважение к своим слушателям. Для него не имели значения их возраст и социальное положение. Он одинаково хорошо выступал и перед академиками, и перед школьниками. «Для Гейченко нет разницы, кто его слушает», — подчеркивал писатель. Он также отметил «высочайшую дисциплину и обязательность Семена Степановича», связанную с поступавшими письмами: ни одно из них он не оставлял без ответа[3].

Пример подобного отношения Гейченко к своим адресантам можно найти в фонде Р-230 коллекционера, книголюба из поселка Карамышево Псковского района Ивана Павловича Сергеева, где сохранились пять писем и четыре открытки Семена Степановича за 1962–1991 годы. Гейченко отвечает на все вопросы Сергеева: о месте захоронения няни Пушкина Арины Родионовны, о церкви, где крестили А.П. Ганнибала, об отношении к Н.Н. Гончаровой-Пушкиной, о высылке экземпляра книги, об адресах авторов книги «Хранитель» Л. Агеевой и В. Лаврова[4].

В деле 208 также хранится адрес С.С. Гейченко от Псковской областной организации Союза журналистов СССР в связи с 85-летним

---

[1] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 211–221.

[2] ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 208, 209; ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 2. Д. 40; ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 3. Д. 48.

[3] ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 208. Л. 2–4.

[4] ГАПО. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–9.

юбилеем от 14 февраля 1988 года (вероятно, копия, т. к. подписи председателя правления Н. Корнеева и секретаря И. Виноградова отсутствуют)[5]. Остальную часть дела составляют вырезки из газет «Молодой ленинец», «Правда», «Псковская правда», «Пушкинский край» за 1964–1993 годы.

И.В. Виноградов хранил вырезки из газет со статьями, посвященными Пушкинскому Заповеднику. В его фонде имеются газетные статьи за 1945–1993 годы. Среди них вырезка из «Ленинградской правды» от 4 июля 1945 года со статьей литературоведа В.Е. Евгеньева-Максимова «В Пушкинском Заповеднике». В статье идет речь о праздновании 146-летней годовщины рождения А.С. Пушкина, которую по решению Института литературы Академии наук СССР было решено отмечать не только в Ленинграде, но и на территории Пушкинского Заповедника. Любопытно описание сложностей, с которыми столкнулась ленинградская делегация, добираясь до Пушкинских Гор: «Не без труда добираемся мы до переправы. Здесь нас ждет большое разочарование: старый мост взорван, а новый мост, на который мы так рассчитывали, еще не доведен до конца. Приходится организовать переправу на лодке. А лодка всего одна, а стара она так же, как тот дед, который предлагает свои услуги в качестве перевозчика. Весел у этого перевозчика-добровольца нет: он пользуется вместо них ружейным прикладом и железной лопатой. Переправа на лодке сопряжена с риском: всё днище лодки в щелях, из них так и хлещет вода — не успеваешь вычерпывать. А Великая в этих местах и широка и глубока и отличается стремительным течением».

Здесь же описание самого сельца Михайловского: «Еще несколько сот метров — и мы у въезда на территорию Михайловской усадьбы. Сильно пострадала знаменитая аллея из столетних елей, которая ведет в усадьбу, несколько огромных деревьев, которые не охватить руками, срублены у основания. В самой усадьбе также нас ждет немало горьких впечатлений. Голые фундаменты на месте того дома, где помещался Пушкинский музей, и на месте соседних флигелей…»[6]

Воспоминания о Пушкинском Заповеднике в 1945 году есть и у самого И.В. Виноградова, который тоже присутствовал на праздновании

[5] ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 208. Л. 6–7.

[6] Там же. Д. 211. Л. 1.

и читал свои стихи. В статье «Здравствуй, Пушкин!» он пишет: «Мне посчастливилось участвовать в первом послевоенном чествовании Пушкина в Михайловском, 1945-й год… Всё здесь было тогда сожжено и разрушено. Ни одной уцелевшей постройки. Только зияли окопы и траншеи, словно глубокие раны на теле Пушкинского Заповедника. Но мы торжественно провели праздник. Пушкин, как всегда, был с нами»[7].

Сохранились фотографии выступления И.В. Виноградова на празднике в 1945 году, снимки срубленного старинного дуба, разминирования, проводимого советскими солдатами в Тригорском, и другие фотографии 1940-х годов[8].

Иван Васильевич бережно собирал всё, что было связано с Пушкинским Заповедником и проводимыми там праздниками в честь поэта. В его фонде отложилось большое количество приглашений на различные мероприятия по чествованию Пушкина, программ, буклетов и другой печатной продукции за 1947–1994 годы[9]. Среди них пригласительные билеты Псковской областной комиссии по проведению празднования 148-й и 149-й годовщин со дня рождения А.С. Пушкина и дирекции Пушкинского Заповедника Академии наук СССР на торжественные заседания в Пушкинских Горах (1947 и 1948 годов), на траурное заседание, посвященное 112-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина (1949)[10], открытки с гравюрами художника В.М. Васильева и его автографами, памятка паломнику (1981)[11].

Про эти открытки И.В. Виноградов упоминал в статье «Лето в Михайловском» от 5 июля 1981 года: «Мы его застали у входа в квартиру с пачками каких-то листков и пакетов. — У меня гости, из Болгарии. Хочу подарить им наши сувениры — рисунки художника Валентина Васильева с его автографом, — сказал Гейченко»[12]. Отметим, что в Государственном архиве Псковской области хранится фонд художника Валентина Михайловича Васильева, в котором имеются печатные издания (календари) с его гравюрами по пушкинской теме[13].

---

[7] ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 2. Д. 40. Л. 1.

[8] ГАПО. Фотофонд. Оп. А-6. Д. 213, 214.

[9] ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 212, 215–221.

[10] Там же. Д. 212.

[11] Там же. Д. 220. Л. 2–10.

[12] Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 3.

[13] ГАПО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 1–5, 7–9.

В фонде И.В. Виноградова также сохранилась программа Первого Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, проводившегося в Пскове и Пушкинских Горах 2–4 июня 1967 года[14].

И.В. Виноградова и С.С. Гейченко связывали добрые отношения, о которых свидетельствует сохранившаяся переписка. Сохранились два письма, адресованные Семеном Степановичем И.В. Виноградову (одно из писем датировано июнем, а второе — 12 октября 1957 года) и 14 поздравительных открыток за 1969–1979 годы[15].

В письме от 12 октября 1957 года Семен Степанович делится своими планами: рассказывает о замене деревьев в Михайловском (взамен наспех посаженных в 1945 году), о восстановлении сортов яблок и разведении цветов, которые существовали в пушкинское время, о восстановлении дома Осиповых в Тригорском. Вероятно, отвечая на вопрос Виноградова, Гейченко пишет: «Вы просите сообщить об итогах летнего экскурсионного сезона 1957 года. Скажу вкратце. В этом году в Заповеднике побывало свыше 2 500 экскурсий, 75 000 человек. География мест, откуда приезжали посетители, самая разнообразная, т. е. от Кавказа до Алтая, от Амура до Днепра! Почти изо всех областей и главных городов СССР. Путевки в Дом туриста были проданы еще зимой. В Михайловском бывали дни, когда приезжало 50–60 автобусов с экскурсантами. В этом году больше, чем в предыдущие годы».

В связи с этим Гейченко говорит о необходимости организации хорошего обслуживания для посетителей и прекращения торговли спиртным: «Нужно прекратить торговлю водкой. Ох уж это винище, сколько бед и безобразий оно причиняет заповеднику».

Семен Степанович просит Ивана Васильевича, если тот будет в Москве, посетить мастерскую скульптора Екатерины Федоровны Белашовой, которая в то время как раз трудилась над памятником А.С. Пушкину, и рассказать о своем впечатлении[16].

В фонде И.В. Виноградова отложилось большое количество фотографий, связанных с Пушкинским Заповедником и праздниками поэзии, которые заслуживают отдельного исследования[17]. Особый интерес представляют фотографии С.С. Гейченко[18]. Немало интересных

[14] ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 219. Л. 2–3.

[15] Там же. Д. 48. Л. 2–4, 6; Д. 209.

[16] Там же. Оп. 3. Д. 48. Л. 2–4 об.

[17] ГАПО. Фотофонд. Оп. А-6. Д. 213–224.

[18] Там же. Д. 218.

фотографий гостей праздников поэзии, среди которых известный французский писатель, лауреат Нобелевской премии Жан-Поль Сартр и его супруга, писательница Симона де Бовуар, посетившие Пушкинский Заповедник в 1965 году[19].

Письма С.С. Гейченко также сохранились в фонде писателя А.А. Бологова. Это 33 почтовых отправления (письма и открытки) за 1974–1991 годы[20].

В некоторых письмах Гейченко обращается к своему адресату как к ответственному секретарю Псковской писательской организации. Будучи членом этой организации, он направляет А.А. Бологову свой отчет за 1991 год, в котором сообщает, что прочитал 20 лекций по пушкинской теме, 10 раз выступил на телевидении и радио, написал 15 статей для газет и издал три «небольшие книжки» о Пушкинском Заповеднике[21].

Однако в большей части писем он обращается к Александру Александровичу как к доброму приятелю. В одном из писем он сообщает ему о том, что отправил свою фотографию: «Посылаю на добрую память мой старинный портрет, снятый в 1929 году для хранения в доме моей матери, где бы она ни жила. Мать этот портрет хранила в окопах и в тех городах и весях, куда направляла ее судьба в 1941–1950 гг. Она умерла в Мих. в 1951 г. и просила сохранить, что я и сделал, а Вам посылаю копию»[22].

Если говорить о портретах, то в этом же деле хранится нарисованный Гейченко шутливый портрет А.А. Бологова с надписью: «Это Бологов, когда ему будет 60!»[23]

Шутливыми автопортретами, нарисованными шариковой ручкой, Гейченко сопровождает некоторые свои письма, используя их вместо подписи: «Да здравствует Бологов и его ансамбль поэтов и писателей!»[24]

Коллекция писем С.С. Гейченко имеется в фонде Р-167 писателя, литературного критика В.Я. Курбатова. Сохранилось 37 адресованных ему почтовых отправлений (писем и открыток) от С.С. Гейченко за 1971–1990 годы (в том числе восемь писем и открыток не датиро-

[19] ГАПО. Фотофонд. Оп. А-6. Д. 205.
[20] ГАПО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 62.
[21] Там же. Л. 41.
[22] Там же. Л. 8.
[23] Там же. Л. 7.
[24] Там же. Л. 19 об., 26 об.

ваны). Помимо писем имеется вырезанная и наклеенная на картон иллюстрация с портрета Гейченко кисти В.М. Орешникова с надписью, сделанной Семеном Степановичем: «Худ. В.М. Орешников. Портрет писан в 1962–64 гг. в Ленинграде в мастерской художника на Васильевском Острове. С. Гейченко»[25]. Судя по шутливым обращениям и подписям, переписка носит дружеский, неформальный характер: «Л. Дж. (Любовь Джалаловна) сидит за телевизором, кот на лежанке, я за столом, на часах 10 вечера, радио верещит будто сильно простужено, за окном темень как во времена Стефана Батория… О, Господи. На сём писанию моему конец. Гут абенд! Ауфидерзеен!»[26]

Среди писем воспоминания С.С. Гейченко об основателе и художественном руководителе «ТРАМа» — первого советского молодежного театра в Ленинграде, Михаиле Владимировиче Соколовском, составленные для Н.И. Виноградова. В этом театре Семен Степанович, по его воспоминаниям, работал по совместительству в 1934–1936 годах заведующим методической частью театра и массово-культурной работой. Гейченко вспоминает: «У Соколовского я встречался с А. Пиотровским, В. Соловьевым. Вместе с Михаилом Владимировичем нередко бывал в гостях у поэта Н.А. Клюева, который жил в районе Исаакиевской площади, в доме, который расположен рядом с домом немецкого посольства. Вход со двора. Здесь мы встретились с С.А. Есениным, художником Мансуровым, поэтом В. Ричиотти»[27].

На первой странице воспоминаний имеется любопытная запись: «т. Курбатову. Принять сию промеморию в архив. Ген. С. Енчиков»[28].

В фонде сохранилось немало фотодокументов (позитивов): фотографий С.С. Гейченко, фотографий В.Я. Курбатова с С.С. Гейченко и фотографий В.Я. Курбатова в Пушкинском Заповеднике, в том числе на Пушкинских праздниках поэзии за 1979–1990-е годы[29].

Помимо документов на бумажной основе в фонде В.Я. Курбатова хранятся электронные документы о С.С. Гейченко. Это видеозапись передачи «100-летию Семена Степановича Гейченко», над которой работал В.Я. Курбатов, подготовленной ГТРК «Псков» в 2003 году[30],

---

[25] ГАПО. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 62. Л. 2–2 об.

[26] Там же. Л. 6 об.

[27] Там же. Л. 15–17.

[28] Там же. Л. 15.

[29] ГАПО. Фотоколлекция. Оп. П-3 (позитивы).

[30] ГАПО. Ф. Р-167. Оп. 2-ЭД В. Ед. уч. 5.

и видеосюжет «Воспоминания В.Я. Курбатова о директоре Государственного Пушкинского музея-заповедника С.С. Гейченко и хранителе музея-усадьбы Владимира Набокова А.А. Семочкине», вышедший в эфир 23 июня 2000 года. Автор съемки — режиссер-документалист В.В. Орехов[31].

Живой голос С.С. Гейченко можно услышать в записи радиопередачи «Пушкиногорье», вышедшей в эфир в 1983 году, где директор Государственного Пушкинского музея-заповедника рассказывает об А.С. Пушкине[32].

Помимо документов из фондов литераторов имеются и другие документы личного происхождения, связанные с Пушкинским Заповедником, например, воспоминания первого секретаря Псковского областного комитета КПСС (1971–1987) А.М. Рыбакова, которые он назвал «Из истории создания историко-культурного центра в п. Пушкинские Горы»[33]. Воспоминания, датированные 29 декабря 2002 года, представляют собой 10 страниц рукописного текста. В них Алексей Миронович рассказывает об истории строительства здания, о том, как ему пришлось добиваться разрешения председателя Совета министров СССР на строительство нового объекта, о людях, благодаря которым строительство было реализовано, в том числе и о С.С. Гейченко: «…Семен Степанович был исключительно интересный собеседник, всесторонне подготовленный человек, страстный пропагандист творчества А.С. Пушкина и заповедных пушкинских мест». По словам Рыбакова, «эта стройка придала ему (Гейченко) многие годы активной творческой работы».

Таким образом, в фондах личного происхождения Государственного архива Псковской области отложились достаточно разнообразные документы о Пушкинском Заповеднике и о С.С. Гейченко. Перечень фондов и документов, упомянутых в настоящей статье, не является исчерпывающим, и работа по дальнейшему выявлению документов по данной теме может быть продолжена.

---

[31] ГАПО. Ф. Р-167. Оп. 2-ЭД В. Ед. уч. 1.

[32] Там же. Оп. 1-ЭД Ф. Ед. уч. 1.

[33] ГАПО. Ф. П-9952. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–10.

Мария Инге-Вечтомова

ПУШКИНОГОРЬЕ. ВАСИЛИЙ ЗВОНЦОВ. ГРАВЮРЫ В ПИСЬМАХ

Офорты Василия Звонцова и письма Семена Гейченко Елене Вечтомовой. Из архива семьи Инге-Вечтомовых

…Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я…

А.С. Пушкин

Офорты Василия Михайловича Звонцова отражают виды, пейзажи, картины, наблюдаемые Пушкиным в Святых Горах, а также память о поэте. Это местные крыши, аисты, Сороть и, конечно, Святогорье, могила поэта.

Что натолкнуло нас на рассказ об этих тонкой иглой сделанных работах, как называют эту технику — «сухой иглы»? Архивные материалы из собрания ленинградской писательницы Елены Андреевны Вечтомовой (1908–1989).

Е.А. Вечтомова с 1930-х годов — со времени создания «писательской надстройки» — жила в доме на канале Грибоедова, 9, в Ленинграде. Работала в блокадном городе, выступала со своими стихами в госпиталях, на заводах, на радио. Ее блокадные стихи, написанные как в ночь встречи 1942 года, в ночь прорыва блокады 18 января 1943 года, так и в дни освобождения Ленинграда от блокады, стали классикой такого жанра. Ее муж, поэт Юрий Инге погиб 28 августа 1941 года при прорыве кораблей Балтфлота из Таллина в Кронштадт.

В Писательском доме на канале Грибоедова, 9, где жили писатели Ленинграда, сейчас уже 30 лет находится Государственный литературный музей «XX век».

О доме можно рассказывать отдельно — здесь жили В.А. Каверин, Б.С. Житков, И.С. Соколов-Микитов, Е.Л. Шварц. Н.А. Заболоцкий, М.М. Козаков, М.Л. и С.М. Слонимские, пушкинисты Б.В. Томашевский и Б.М. Эйхенбаум и многие другие. Местонахождение дома на канале Грибоедова и самого музея замечательно — совсем рядом с Мойкой, 12, и Конюшенной церковью, овеянными памятью об Александре Сергеевиче Пушкине.

Знакомство мое с именем Гейченко началось с инскрипта на книге «У Лукоморья» 1977 года (третье издание, иллюстрации В.М. Звонцова): «Е.А. Вечтомовой с великим смирением, радостью, почтением, добрыми пожеланиями, приглашением под сень Михайловских рощ, где мы когда-то встречались с Вами

от автора. С. Гейченко».

Но, конечно, общение Вечтомовой с обитателями Михайловского начиналось гораздо раньше. Когда закончилась война, писательница — поэт, прозаик и очеркист Вечтомова, как и вся страна, включается в мирную жизнь и приезжает в Пушкиногорье по заданию редакции для написания очерка.

Одно из первых приглашений на Пушкинский праздник поэзии, находящихся в нашей коллекции, датировано 1948 годом. В дневниках, которые Вечтомова вела с 1920-х годов до конца 1980-х, нет упоминаний о поездке в то время. Видимо, впервые она приехала в Пушкиногорье в 1950-х: именно к середине этого десятилетия относится одно из писем, которые мы приводим здесь.

Переписка Вечтомовой с Гейченко продолжалась долгие годы. Познакомимся с классическим образцом эпистолярного наследия Семена Степановича Гейченко. При своей занятости, при многообразии задач, стоявших перед ним, при широчайшем круге общения он всех одаривал личными теплыми и ироничными собственноручными письмами.

Итак, 1956 год. Сезон окончен, осень, погода испортилась, поток туристов спал.

«Дорогая Елена Андреевна! Простите мне мои каракули. Пишу Вам на одре болезни. Седьмой день лежу. Убивственно простудился. Кашляю. Чихаю. Вою. Ною. К богу взываю. Умоляю поднять на ноги.

Тоска смертная. Электричество не горит. Свеча горит дурно. Керосиновая лампа чадит и мигает и трясет своими ослиными ушами.

Дорогая Е.А., Вы так долго молчали, что я стал думать шут знает о чем. А теперь всё зер гут. Когда я выздоровлю, то сразу же поЪеду в Ленинград и приду на Канал Грибоедова, постучусь в Вашу дверь и Вы услышите, как я буду вам рычать: «Бабушка, а бабушка, я тебя съем!» Только Вы не пугайтесь, это я нарочно, потому что я бабушек есть не люблю, а больше люблю варенье, конфеты, пирожные и хороший табак.

Вышеизложенное свидетельствую своими подписями
Семен Стефанов
Сын Енчиков из села Михайловского
15 октября 56 года».

Из этого письма мы узнаем и погоду, и состояние техники в Михайловском, и то, что бывал Семен Степанович на канале Грибоедова, 9, и знает, что в дверь надо стучать, звонка нет.

Следующее примечательное письмо — от октября 1964 года.

«…экскурсанты остались только шальные, да и то либо пенсионерия либо пионерия. Порядочные люди ездить перестали. Начался благодатный период отпусков. Мой намечен на 1 ноября. До этого я должен буду побывать в Питере по командировке, чествовать Эрмитаж, а заодно и Вас повидать. Посылаю Вам «Псковскую Правду», в которой напечатаны Ваши стихи о Михайловском. Все баре и дворовые люди Вас обнимают и низко кланяются, что и свидетельствуется моей собственноручной подписью».

Ел. Вечтомова

В МИХАЙЛОВСКОМ
С. Гейченко

1
Семен Степаныч,
вы, пожалуй, правы,
Вступаясь за кокетку Натали.
Ревнители Его высокой славы,
Мы ей простить ни слова не могли.
Винили —
справедливо —
в тяжких бедах.
А вы ее увидели иной —
Не львицей, а девчонкой-непоседой,
За пяльцами скучающей.
Женой...
Жить рядом с гением бедняжка уставала.
Мир барышни и путан был
и мал.
Стихов, которые она писала,

Ведь Александр Сергеич не читал
Затем, что, заурядность ненавидя,
Он верил, что святей мадонны нет.
И поруганью черни
и обиде
Не отдал имени ее поэт.
Такой ценой!
И нам — друзьям поныне —
Возможно ль всем, что только в сердце есть.
Не поддаваясь яростной гордыне,
Не защитить любовь его и честь!

2

Да может быть, ошибка?
И услышим —
Ни ссылка не настигла,
ни беда,
А попросту —
хозяин только вышел —
Не вовремя наведались сюда.
Час предвечерний.
Начало смеркаться.
Вещей оживших смутный разговор, —
Он их касался.
Или мог касаться…
Их жар ты ощущаешь до сих пор.
Он запоздал.
Мы видели —
гудроном
Его шаги поспешные легли.

Разбуженные ветки кленов
За ним сомкнулись,
гнутся ели.
Приехали поэты-молдаване.
Летят стихи,
крылаты и легки.

Прислушаешься —
и немного странен
Напев гортанный пушкинской строки.
Да он сейчас доспорит,
возвратится,
не памятник,
не прах,
А искра памяти —
раскрытая страница
На дерзких протестующих стихах.
Круженье сердца,
головокружение.
Такою правдой всё озарено,
Что жизнь — горенье.
Скрипнули ступени.
Распахнуто звенящее окно!

Архив писательницы Елены Вечтомовой внушителен. Она была свидетелем эпохи становления и перемен, войны и мира. Мы собирались рассказать о коллекции офортов Звонцова, а пока вспоминаем лишь о Вечтомовой и Гейченко. Но, согласитесь, имея в багаже такую интересную переписку, невозможно ее обойти вниманием. Духовная связь творческих личностей с Пушкиногорьем, единожды и навсегда полюбивших эти места, нерасторжима.

Здесь ключ к образцам художественного творчества Звонцова, также хранящегося и в его эпистолярном наследии. Если Гейченко в 1949 году положил начало поэтическим праздникам в Пушкинских Горах, то вместе со Звонцовым в 1957 году они заложили традицию художественной практики студентов Академии художеств, о чем упоминается и в наших письмах.

Письма Гейченко давно изучены, видимо, сотрудниками Заповедника. Но читать их удивительно интересно. Это путеводитель по музею в Пушкиногорье.

Осенью 1965 года хозяин Пушкиногорья пишет:

«…проводил республиканское совещание литературных музеев, открыл три художественные выставки, «Пушкинские чтения», посвященные 141-й годовщине ссылки Пушкина в Михайловское. До 1 сентября у нас побывало 8 000 экскурсионных групп. А это «не фунт изюму».

Было много гостей, которых пришлось обносить пирогами и разными фрыштиками, обедами и ужинами».

Перечислены некоторые гости — тут и родственники Пушкина, тут и художники, и артисты, «и просто люди с записками от питерских добрых людей, и начальство, и юродивые, и французы, и один японец, и финн, и прежде дикой, а ныне весьма культурный тунгуз, и друг украинских степей писатель из Донбасса. Из близких мне по духу людей в Михайловском никого не было — Базиль Звонцофф загорает в Крыму». Наконец появилось связующее звено — имя художника.

Письма С.С. Гейченко, адресованные Е.А. Вечтомовой, посвящены колоколам и паспортам деревьев, многочисленным заметкам о Пушкиногорье и, что наверняка интересно пушкиногорским музейщикам, перечислению экскурсоводов и научных сотрудников.

«Евгений Ананьевич Ананьев в штате Заповедника в должности препаратора — художника-шрифтовика, пишет таблицы разные, этикетаж, планы-схемы. Вера Константиновна Зажурило раньше много лет работала в музеях Пушкинского Дома и Всесоюзном музее Пушкина, а теперь приезжает на лето в Заповедник обучать начинающих экскурсоводов уму-разуму. Вольдемар Никифоров работает внештатным экскурсоводом, а постоянно в Пушкиногорском культпросветучилище, учится в библиотечном институте. По роду и племени потомственный пушкиногорец.

Васильев Михайло Ефимович. Хранитель Святогорского музея, родом из прибалтийских славян».

Известна любовь С.С. Гейченко к игре со стилем. Он пишет всё через фиту, предпоследнюю букву старо- и церковнославянской кириллицы, последнюю (после выхода из употребления в конце XIX века ижицы) букву дореволюционного русского алфавита. Вместо текущего года от Рождества Христова ставит год от сотворения Мира — «в лЂто 6778-е».

В одном из писем трогательно присланы завернутые в лист писчей бумаги фиалки, так и подписанные: «Здесь лежат фиалки, которые зацвели в саду Михайловского 1 ноября 1964 года».

Письма Гейченко столь замечательны, что следовало бы не смешивать их с офортами Звонцова, но попросим прощения у почтенной публики и еще процитируем.

«Милая и добрая барыня Елена Андреевна! Пишет вам Семен Стефанов из села Михайловского, о чем сему следуют пункты». Опуская

огорчение от статьи Глушковой в «Литературной России», упомянем, как Семен Степанович был рад приезду Дудина, который «своей веселостию рассеял его грусть-печаль». Далее он зовет Елену Андреевну приезжать осенью ввиду большого урожая яблок для «вкушения и общей приятности».

Возьмемся всё же за Звонцова, тем более что уже промелькнула ниточка от загоравшего в Крыму Базиля Звонцофф. В нашем архиве сохраняется около 40 офортов, присланных Василием Михайловичем ленинградской писательнице, с которой его связывала многолетняя творческая дружба.

Напомним биографию ленинградского графика. Василий Михайлович Звонцов (1917–1994) — народный художник РСФСР, член Союза художников СССР. Родился в Вологодской области. Поступил в Ленинградское художественное училище в 1935 году. После поступления в 1939 году в Институт имени И.Е. Репина был призван в армию, а вскоре начавшуюся войну закончил подполковником и был неоднократно награжден.

В 1946 году вернулся к учебе. После окончания ее до 1970 года был преподавателем офорта на графическом факультете Института имени И.Е. Репина. С 1970 года на протяжении четырех лет работал главным редактором издательства «Аврора». Всю жизнь творчество было на первом месте. Особую известность получили работы художника, посвященные Пушкинскому Заповеднику в Михайловском.

Мы имеем возможность представить некоторые офорты Звонцова, с 1954 года присылаемые им Е.А. Вечтомовой в письмах.

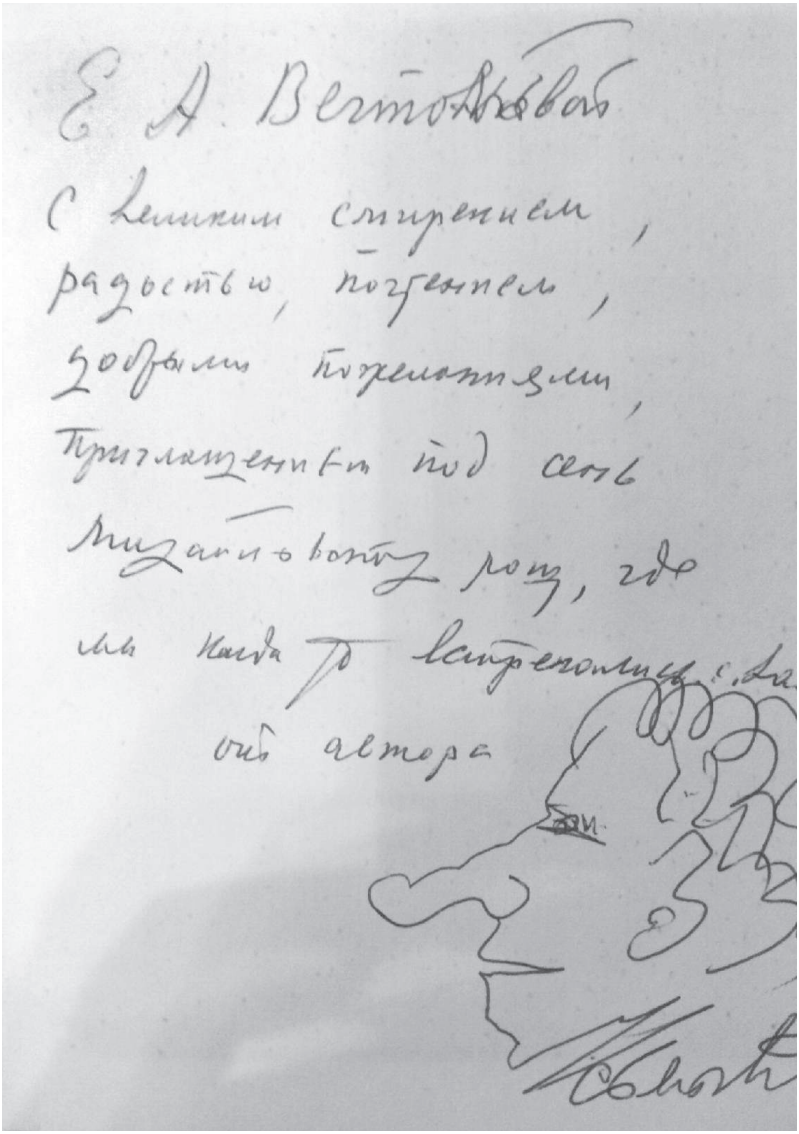
Как правило, в их частной переписке офорты служили открытками к праздникам. Что было праздничным поводом для депеши в советское время? Новый год, День Советской армии и Военно-морского флота, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая — День Победы, 7 Ноября — день Великой Октябрьской социалистической революции. Именно в эти даты и приходили письма от Звонцова с собственноручно изготовленными открытками. Обычно это был лист плотной бумаги формата А5 или А6, сложенный пополам. В него вкладывался офорт на такой же плотной бумаге. Бывали случаи, когда художник немного акцентировал детали художественной работы легким раскрашиванием акварелью или цветными карандашами. Изредка офорт был напечатан на бумаге, которую художник складывал и надписывал. Иногда в конверт вкладывались открытки издательства «Аврора».

В нашей коллекции есть и офорт Марии Леонидовны Рудницкой, жены художника. Храм Покрова на Нерли был изображен ею в 1970 году.

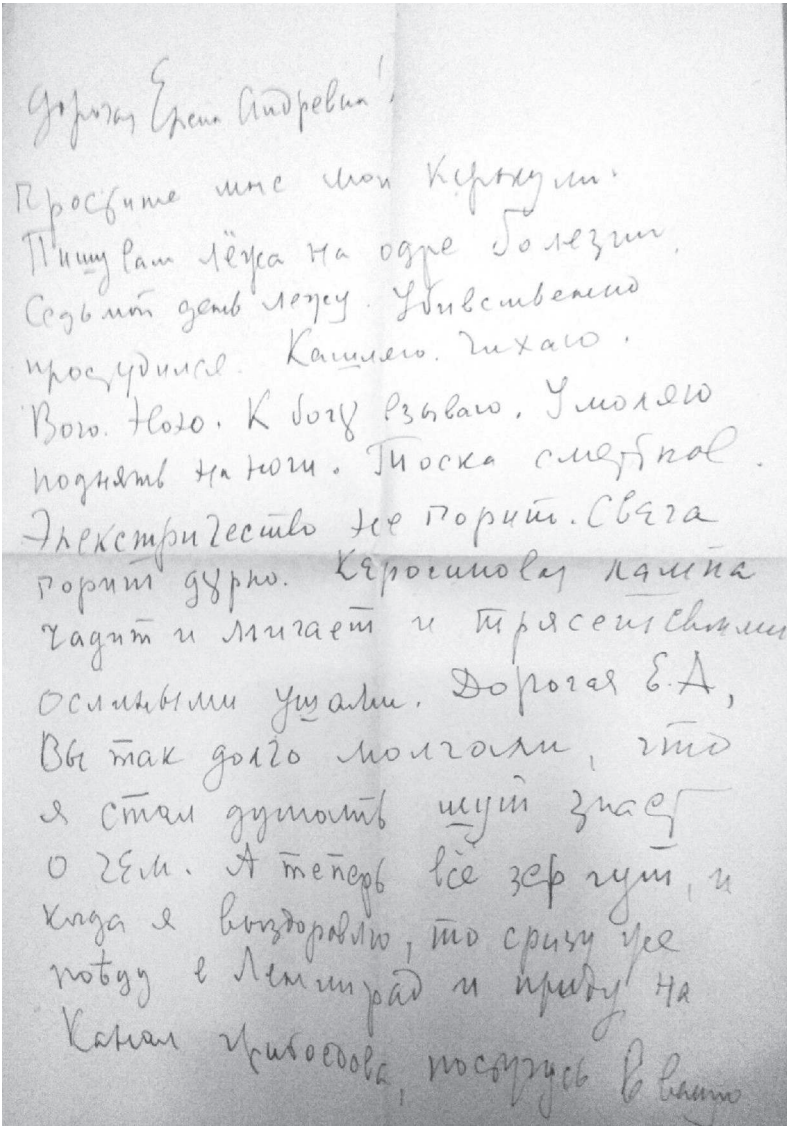
Таким образом, мы остановились на нерушимой дружбе талантливых людей, несомненно вдохновленной пушкинским гением, почерпнутым в Святогорье. Свидетельства их любви к Пушкину мы бережно сохраняем.

Дом на канале Грибоедова, 9.
Вид со стороны Малой Конюшенной улицы. До 1991 года

Писательница Е.А. Вечтомова с автором статьи в 1970 году, примерно в то время, когда продолжалось общение со Звонцовым и Гейченко



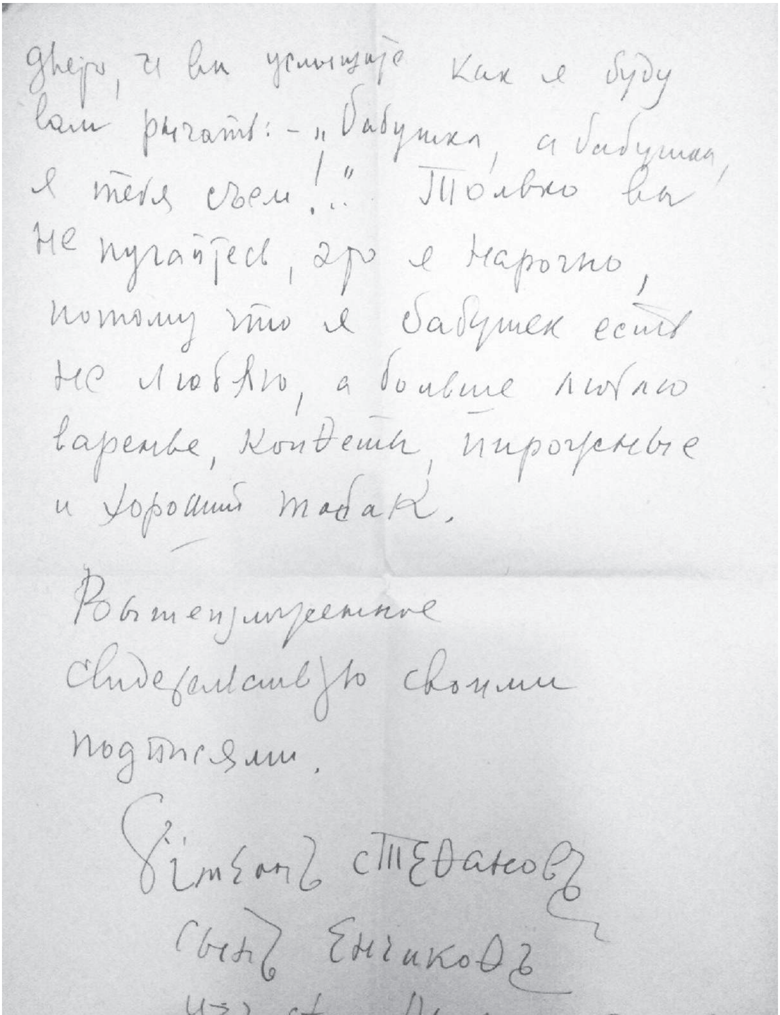
Автограф Гейченко на его книге



Дорогая Елена Андреевна!

Простите мне мои каракули.
Пишу вам лёжа на одре болезни.
Седьмой день лежу. Убивственно
простудился. Кашляю. Чихаю.
Вою. Ною. К богу взываю. Умоляю
поднять на ноги. Тоска смертная.
Электричество не горит. Свеча
горит дурно. Керосиновая лампа
чадит и мигает и трясет своими
ослиными ушами. Дорогая Е.А.,
Вы так долго молчали, что
я стал думать шут знает
о чем. А теперь всё зеркут, и
когда я выздоровлю, то сразу же
поеду в Ленинград и приду на
Канал Грибоедова, постучусь в ваши

Письмо Гейченко от 1956 года

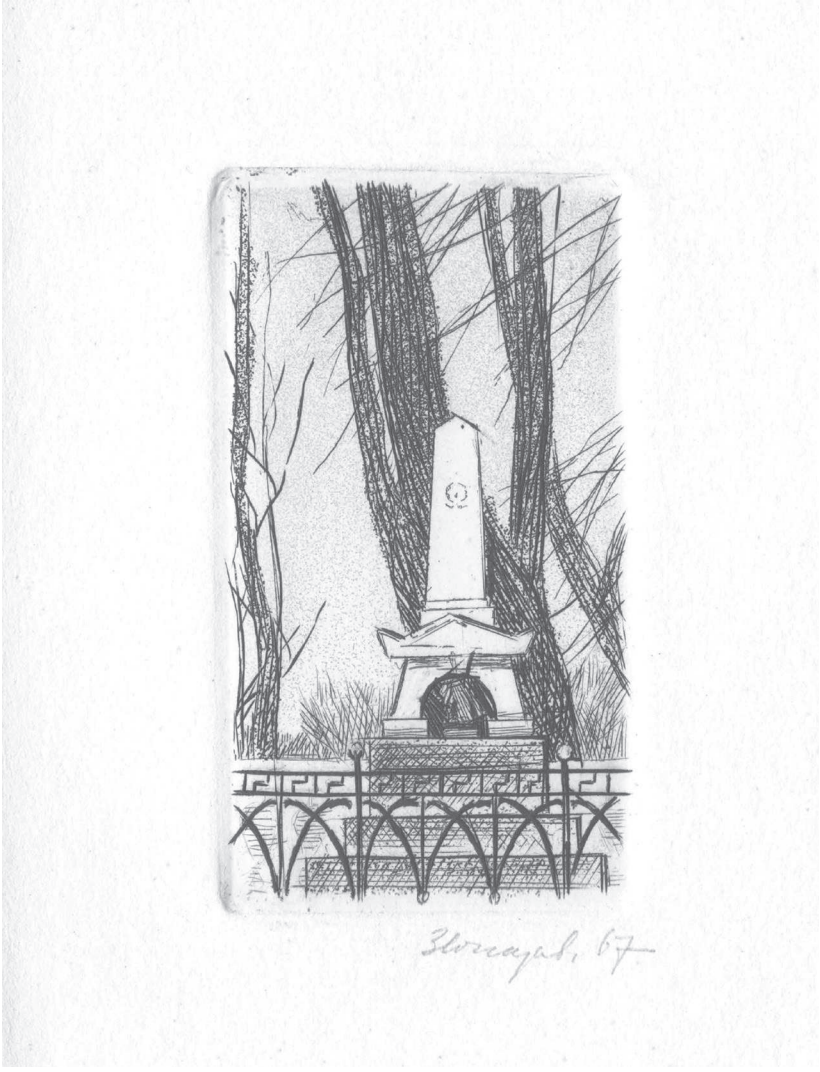


детей, и вы услышите как я буду
вам рычать: — „Бабушка, а бабушка,
я тебя съем!..“ Только вы
не пугайтесь, это я нарочно,
потому что я бабушек есть
не люблю, а больше люблю
варенье, конфеты, пирожные
и хороший табак.

Вышеизложенное
свидетельствую своими
подписями.

Степанъ Степановъ
сынъ Еничковъ
изъ села Михайловсково
15 ок…

Продолжение письма Гейченко от 1956 года



В.М. Звонцов. Памятник на могиле Пушкина. Офорт

В.М. Звонцов. Поздравление. Офорт

Екатерина Дмитриева

ПСКОВ КОНЦА 1960—1970-Х ГОДОВ: ПАМЯТИ С.С. ГЕЙЧЕНКО

Что осталось от Пскова шестидесятых — семидесятых годов теперь уже прошлого столетья? А ведь это были поистине золотые (по аналогии с Золотым веком) десятилетия в истории города. Цвет художественной и интеллектуальной элиты собрался здесь. Ю.П. Спегальский, Б.С. Скобельцын, В.П. Смирнов, Л.А. Творогов, о. Сергий Желудков и, конечно же, С.С. Гейченко. Среди них были те, кто ввиду различных обстоятельств приехал в послевоенный Псков и так и остался в нем до конца. Так и мой отец, Е.А. Маймин (1921–1997), выпускник филологического факультета Ленинградского университета и ученик Б.М. Эйхенбаума, в Пскове оказался после расформирования в 1957 году Выборгского педагогического института, где он тогда преподавал, и его слияния с Псковским, а потом всю жизнь благодарил судьбу, которая его таким неожиданным образом переместила в тогда еще совершенно чуждый ему Псков. Другие, как, например, Н.Н. Колиберский, были уроженцами Пскова (Псковской губернии), став ее гордостью и славой.

В самом начале 1960-х годов в Пскове в течение нескольких лет живет Н.Я. Мандельштам, обучая английскому языку студентов на факультете иностранных языков Псковского педагогического института[1]. В этой первой возможности для Надежды Яковлевны найти — после многих лет ссылки — «приличную» работу в краях не столь отдаленных решающую роль сыграла преподавательница кафедры русского языка Псковского института, лексикограф и диалектолог Софья Менделевна Глускина (1917–1997), ученица Б.А. Ларина, преподаватель поистине легендарный: на ее лекции по истории старославянского языка ходили, как на увлекательнейший фильм. Свояченица И.Д. Амусина, который был знаком с Надеждой Яковлевной еще с довоенных времен, именно она выступила предстательницей в этом нелегком деле перед тогдаш-

[1] О псковском периоде жизни Н.Я. Мандельштам писала Л.Я. Костючук (опубликовано в: Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 400–418). См. также: Надежда Яковлевна. «Товарищ большеротый мой…» М., 2015 (раздел «Кочевые шестидесятые»). См. там же нашу публикацию: «Милые мои маймишата…» Письма Н.Я. Мандельштам Е.А. Маймину и Т.С. Фисенко. Публикация и предисловие Е. Дмитриевой-Майминой.

ним ректором института Иваном Васильевичем Ковалевым. Ковалев заинтересовался «случаем» Н.Я. и сразу же согласился взять ее на свободную вакансию. Добрая ему память! Впрочем, правда и то, что, как говорила сама Надежда Яковлевна, в те — уже хрущевские — времена сочувствие вдове опального поэта постепенно стало почитаться признаком хорошего тона среди высоких чиновников. Возможно, благодаря именно этому Н.Я. Мандельштам впоследствии получила прописку и купила квартиру в Москве.

Сама я в те времена была совсем еще маленькой девочкой и потому мало что помню о происходивших тогда событиях. Знаю, что родители с Надеждой Яковлевной легко и быстро подружились и вошли в «свой», то есть «ее» круг. О моем отце она напишет своей подруге В.В. Шкловской-Корди зимой 1964 года: «Сейчас приедет мой приятель, Маймин Евгений Александрович, и привезет мой перевод для Ники. Приятель очень хорош, давно интересуется Колей… Он совсем свой. Читайте ему и ласкайте его»[2]. А месяц спустя вновь упомянет как своего, пусть и с легкой укоризной — за увлечение поэзией Окуджавы и Беллы Ахмадулиной, каковую она поэзией не считала: «Варюша! Получила ваше письмо с Майминым. Он очень хороший, всё понимает в Тютчеве и Баратынском, но способен увлечься Ахмадулиной и Акуджавой (слышал их в Ленинграде). Я видела в «Юности» стихи и того, и другого. Ахмадулина кривляка невыносимая, а Акуджава — дурак. Песенки хорошие, — а в стихах он ничего не понимает, как в Гоголе. Почему ему не хочется песенок? Так ладно идет!..»[3]

Сама же я помню, как мы навещали с мамой Надежду Яковлевну в комнате, которую она снимала в коммунальной квартире в самом начале Октябрьского проспекта (сейчас этот дом снесен, на его месте построен типовой филиал, кажется, Сбербанка России). И как в этой комнате постоянно стоял густой дым, казавшийся мне, девочке, чрезвычайно таинственным. Помню, как приезжала к Надежде Яковлевне Варвара Викторовна Шкловская и как мы вместе ездили в Изборск. Но, наверное, самым ярким детским впечатлением была «битва гигантов» — Надежды Яковлевны и Леонида Алексеевича Творогова, человека, без которого Псков того времени поистине немыслим. Создатель

[2] Надежда Яковлевна. «Товарищ большеротый мой...» // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. С. 162. Коля — поэт Николай Панченко, муж В.В. Шкловской.

[3] Там же.

Псковского древлехранилища, библиотеки библиотек почти в борхесовском понимании этих слов, прошедший Беломорканал и много чего другого, по городу он ходил с костылями и рюкзаком в сопровождении двух собак, его единственных и неизменных спутников. Таким его и запомнили жители Пскова тех лет. В городе были и те, кто почитал его чудаком. Другие этим чудаком с профилем Гете в старости восхищались. Творогов очень любил стихи местного поэта А.Н. Яхонтова, считал его несправедливо забытым после смерти, а при жизни — недооцененным, в чем винил А.С. Пушкина. Ссора разгорелась в нашей маленькой квартире в хрущевском доме на набережной Великой. «Я Пушкина пиф-паф», — кричал Творогов, наставив свой костыль на Надежду Яковлевну, пускавшую в него кольца дыма в защиту «солнца нашей поэзии».

Последние свои псковские дни в преддверии отъезда в Москву, «сдав» съемную комнату хозяевам, Надежда Яковлевна прожила в квартире моих родителей, окна которой выходили на тогда еще не взорванный ажурный Ольгинский мост (инженерный проект Г.Н. Соловьева) и Анастасиевскую часовню с фресками по эскизам Н.К. Рериха.

Но на этом «псковский» период жизни Н.Я. Мандельштам не закончился. Первое время после отъезда в Москву она каждое лето приезжала на месяц, а то и больше, в Псков (видимо, всё же скучала по нему — или по тем людям, которых оставила в городе). Останавливалась она тогда в Любятове — на окраине Пскова, у отца Сергия Желудкова. Отец Сергий был к тому времени уже отлучен от церкви и лишен прихода — за тихое его диссидентство. На Западе его знали как редкого и оригинального богослова[4]. Отец по вечерам слушал иногда «по тому радио» отрывки из его книги «Как я стал христианином». В обыденной жизни о. Сергий был человеком очень скромным. Собственного дома отец Сергий не имел и жил в доме своей прихожанки Татьяны Гавриловны Дроздовой, женщины драматической судьбы, что, по-видимому, их и сблизило. Это время я помню уже более отчетливо.

Самым ярким событием бывал день приезда Надежды Яковлевны. Она прилетала из Москвы на самолете. В псковский, очень сельский по виду, а потому и очень уютный аэропорт мчались в те вечера два такси. В одном — отец Сергий и Татьяна Гавриловна. В другом — мы

[4] См. о нем биографический очерк С.С. Бычкова «Священник Сергий Желудков» в кн.: *Желудков С., свящ.* Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания. Изд. 2-е. М., 2004. С. 3–29.

с мамой и Лина Георгиевна Дюкова[5] (в другой раз была еще и Софья Менделевна Глускина). Надежда Яковлевна медленно сходила с трапа, а мы все уже бежали ей навстречу с цветами. (Наверное, она всё же приезжала три раза, потому что я помню эти встречи именно как повторяющееся действо.) У отца Сергия глаза при этом как-то по-особому начинали светиться. Впрочем, светились они у него всегда. А затем все ехали в любятовский деревенский дом. Вокруг дома был яблоневый сад, казавшийся «Эдема списком сокращенным». (Татьяна Гавриловна зарабатывала себе на жизнь, продавая иногда на рынке яблоки.) В доме была фисгармония. Отец Сергий прекрасно играл, а у Татьяны Гавриловны был ангельский голос (впрочем, при характере отнюдь не ангельском). Так что «посиделки» в любятовском доме и в день приезда, и в остальные дни начинались с духовных песнопений.

О чем они говорили? Конечно, содержания разговоров я не помню. Но помню, что всё, что говорилось, было так высоко, так приподнято над обыденностью, что на следующий день я с большим трудом входила в привычную колею. Так, что моя мама, несколько испугавшись, однажды полувопросительно заметила: «Но ты же понимаешь, что происходящее там и наша остальная жизнь не очень совместимы? И что ты ничего никому не должна рассказывать?» Это-то как раз я понимала… Впрочем, какие-то обрывки разговоров я всё же помню. Как Надежда Яковлевна, раздумывая над предложением Софьи Менделевны уехать в Израиль (что Софья Менделевна в конечном счете сделала, правда, много позже), сказала, обратившись к моей маме: «А знаете, Танечка, я всё думала, думала об этом, а потом как-то раз проснулась с таким чувством, будто я уже в Израиле и кругом меня одни евреи. И решила, что не надо этого делать». Тогда Надежда Яковлевна уже закончила работу над первой книгой. Отец Сергий спросил ее о второй. «Она уже тоже написана. Вот здесь», — сказала она, указав на область сердца.

Вообще иногда Псков 1960–1970-х годов представляется мне этаким «гофмановским» пространством, готовым в каждую минуту предстать то самым что ни на есть обыкновенным городом, то поистине сказочной Атлантидой. Старик, торгующий на рынке яблоками или

[5] Металина Георгиевна Дюкова, преподаватель (до 1978) философии в Псковском педагогическом институте, единственная в те времена в Пскове, кто, читая лекции по этому скомпрометировавшему себя предмету, требовал от студентов знаний, явно выходящих за пределы конспектов Ленина и Маркса. Ее философский, неженский ум Надежда Яковлевна высоко ценила.

клубникой, в иной жизни оказывается ученым-богословом, тончайшим мыслителем и одаренным музыкантом. А немолодая женщина, что преподает студентам-оболтусам английскую грамматику и даже, кажется, не очень-то умеет ее преподавать, потому что не владеет ни методикой, ни педагогикой, в другом пространстве в то же самое время складывает в уме (это именно ее выражение) свою бессмертную книгу — сначала первую, затем вторую, и обе станут ярким явлением русской — и не только мемуарной — литературы XX века. Книги, которые на какой-то момент даже затмили — по тому интересу, который к ним проявился, — стихи ее великого мужа.

В один из своих поздних приездов в Псков Надежда Яковлевна привезла с собой двух своих подруг. Имени одной я, к сожалению, не помню. Запомнилась она в основном тем, что тут же надавала моим маме и бабушке огромное количество рецептов тортов и сухарей (последнее — не без значения). Из тортов у нас в доме укоренился один, о котором она говорила как о любимом торте Солженицына. А поскольку самого Солженицына она называла «рыженьким», то и торт получил в доме гражданство под именем «Рыженький». Другая подруга была Наталья Евгеньевна Штемпель. Отец, который из-за раненной на войне ноги часто не мог совершать длительных прогулок, послал меня показать им Псков. Я с юношеским ригоризмом провела их по самому длинному, хотя и самому красивому пути — пройдя вдоль Великой до Покровской башни и оттуда, через Мирожский монастырь, через мост, к церкви св. Климента. И когда уже оттуда мы дошли до старообрядческой церкви, она присела. Сказала, что больше не может. Да я и без того видела, что она всё сильнее и сильнее прихрамывала. Но когда она села, печально и как-то почти беспомощно, я вдруг словно впервые увидела ее лицо. Казалось бы, почти некрасивое. Но такое прекрасное! И тогда, наверное, впервые подумала: какой же прекрасной бывает и не очень красивая женщина! И могла ли я тогда себе представить, что хромота эта была уже освящена поэтом. И породила великие стихи. И была не увечьем, но стигматом, а значит, и благодатью.

К пустой земле невольно припадая
Неравномерной сладкою походкой…

Периодически Надежда Яковлевна «присылала» в Псков, а значит, и к моим родителям, гостей. Так появился в Пскове Варлам Шаламов.

А Надежда Яковлевна в 1966 году (?) напишет отцу: «Шаламыч до сих пор вспоминает о вас с дикой своей улыбкой — выгибает руки, подпрыгивает и кричит, что поедет в Псков». Описание Надеждой Яковлевной «Шаламыча» с его причудливой жестикуляцией и «дикой улыбкой» поразительным образом совпадает с моими ощущениями семи- или восьмилетней девочки. Тогда я испугалась и убежала к бабушке в комнату. И только папа мне после сказал, что я не в состоянии еще оценить, какого великого человека в тот день увидала.

Вообще тема гостей, приезжавших в Псков в шестидесятых — семидесятых, и хозяев, их принимавших, — тема особая. В середине шестидесятых годов в Псков приезжает Л.Н. Гумилев — к архитектору и кузнецу Всеволоду Петровичу Смирнову, чтобы заказать крест на могилу своей матери, А.А. Ахматовой. На тракторе по бездорожью они едут по холмистым равнинам Изборска и Малов, и Гумилев излагает при этом свою концепцию пассионарности. Мой отец, который был третьим в этом тракторе, потом рассказывал, что никогда еще не видел, чтобы отвлеченные идеи так накладывались на окружавший их пейзаж. А закончилась эта инициация в прошлое нашей истории обедом (или ужином?) в звоннице церкви Успения у Парома, которая служила тогда В.П. Смирнову мастерской и где он принимал особо почетных гостей, готовя всегда — что-то очень экзотичное и одновременно брутальное — сам.

К слову, ежегодно он на протяжении многих лет устраивал и ужины в честь дня рождения Л.А. Творогова. Как писал в воспоминаниях мой отец, «в этот день он заезжал за Твороговым на такси и вез его к себе домой. Там уже дожидался именинника праздничный стол и на нем собственноручно приготовленные Смирновым рыба в сметане, сибирские беляши и другие вкусные вещи. Ужин, в честь его устроенный, Леонида Алексеевича не удивлял: за многие годы он к этому уже привык»[6]. И всё же 1960 год особо запомнился — обилием поздравительных телеграмм. «Среди них — от очень известных ученых-филологов. И даже из-за границы— от Мазона из Франции, от Романа Якобсона и многих других. Творогов сиял, радовался по-детски: «Вот ведь как. Знают обо мне. И не говорите… Замечательное дело»[7].

---

[6] *Маймин Е.А.* О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / под ред. Е.Е. Дмитриевой-Майминой и Н.Л. Вершининой. Подгот. текста писем и коммент. Е.Е. Дмитриевой-Майминой. Псков, 2015. С. 665.

[7] Там же.

Е.А. Маймин и Ю.М. Лотман

Группа ветеранов, освобождавших Михайловское.
В левой части снимка — С.С. Гейченко

1960–1970-е годы остались в памяти многих псковичей как время проведения легендарных пушкинских конференций, сделавших на некоторое время Псков одним из центров отечественной пушкинистики. В Псков в это время приезжали и здесь печатались те, чьи имена ныне уже не нуждаются в комментарии: В.В. Пугачев, А.П. Чудаков, Н.И. Михайлова, Ю.Н. Чумаков, Г.В. Краснов, Ю.М. Лотман. Лотман именно в псковском «Пушкинском сборнике» напечатал ставшие классикой статьи о поэме Пушкина «Анджело» и о «Капитанской дочке». Как и многие другие провинциальные конференции, псковские пушкинские конференции имели перед аналогичными учеными собраниями, проводимыми в Москве или Ленинграде, преимущество длительного неформального общения. Кулуарами для бесед здесь становились рощи Михайловского леса или же устье Великой, а в роли экскурсоводов — о, неслыханная привилегия тех лет! — выступали то задумчиво-увлеченный Борис Степанович Скобельцын, то артистичный Семен Степанович Гейченко.

Когда познакомился с С.С. Гейченко мой отец? По-видимому, вскоре после того, как переехал в Псков. Во всяком случае, из далекого детства в памяти встает картина: мы, трое детей, образующих маленькую группу изучающих немецкий язык, в большой (а на самом деле не слишком просторной) комнате хрущевки всё на той же набережной реки Великой играем на немецком языке в «Колечко-колечко, выйди на крылечко». И в это время в комнату входит очень-очень высокий человек и тут же, ни слова не говоря, садится с нами в кружок. «А разве взрослые тоже играют?» — воскликнул кто-то из нас.

Разумеется, играют не все. Даже несмотря на меткий афоризм Шиллера о том, что «человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и вполне бывает человеком, лишь когда играет».

И Семен Степанович, действительно, играл. И умел это делать виртуозно. Одним из проявлений его игрового менталитета стало выступление как раз на пушкинской конференции, что проводилась в Пскове. Выступил он на ней с докладом о незадолго до того обнаруженных записках попа Шкоды. Записки были оригинальны, своеобычны, и мой отец, будучи ответственным редактором пушкинских сборников, конечно же, трепетно возжелал их заполучить. Гейченко торжественно обещал прислать свою ценную находку. Но время шло, и никакого пакета из Пушкинских Гор получено не было. Наконец час долгожданный настал. Помню радостного отца, распечатывающего толстую бандероль с обратным адресом: село Михайловское. И что же он в ней нашел? Большой опус сотрудника Пушкинского Заповедника А. Теплова, в котором подробно описывалось, как должно очищать пруды «дедовским методом».

В нынешние времена, когда пруды зарастают, а денег на новейшую технику нет, текст этот пришелся бы, наверное, очень кстати. Но отец тогда расстроился. А когда вышла книга «У Лукоморья», то всё понял.

Не могу сказать, что Гейченко и моего отца связывали очень близкие отношения. Разумеется, это не были отношения Гейченко и Дудина, Гейченко и Звонцова и т. д. И всё же он исправно писал ко всем праздникам остроумно-забавные письма-поздравления, целая кипа которых до сих пор лежит в письменном столе нашей квартиры. Одно из них, уже относительно позднее (от 15 июля 1989 года), гласит: «Дорогой отче Евгений! 21–22 августа у нас в Пушкинском Заповеднике состоится очередная научная конференция! Без Вас — она немыслима! Прошу сообщить мне о Вашем участии и теме доклада или сообщения. Может быть, кто-нибудь из вашей педагогической братии может тоже приехать

Е.А. Маймин в Пушкинских Горах

и выступить? Сделайте доброе дело. Жду ответа!!!.. Всегда Ваш дед Семен Гейченко из Пушкиногорья».

Ездили родители в шестидесятые годы несколько раз в феврале на день рождения Гейченко. Из одной из таких поездок они вернулись с кусочком дерева, торжественно объявив, что это кусочек легендарной ели-шатра. Уже в студенческие годы я слышала от Ирины Гибшман, праправнучки Пушкина, рассказ о подаренном ей Гейченко древесном кусочке от гроба Пушкина. И она даже, кажется, показала его. Был ли это языческий фетишизм или, напротив, трепетно-христианское отношение к реликвиям? Бог ведает.

Помню и рассказы родителей о замечательных спектаклях, которые ставил С.С. Гейченко. О разыгранной им вертепной драме о царе Максимилиане, где роль самого царя играл Гейченко, а непослушную дочь исполняла Татьяна Юрьевна Мальцева, еще один легендарный человек заповедных мест и заповедных гейченковских лет.

Вообще игровая атмосфера и «политика игры» в Пушкинском Заповеднике — тема особая, и требует она особого разговора. В завершение расскажу только о том, как сама, уже в студенческие годы, стала объектом одного из многочисленных остроумных розыгрышей Семена Степановича.

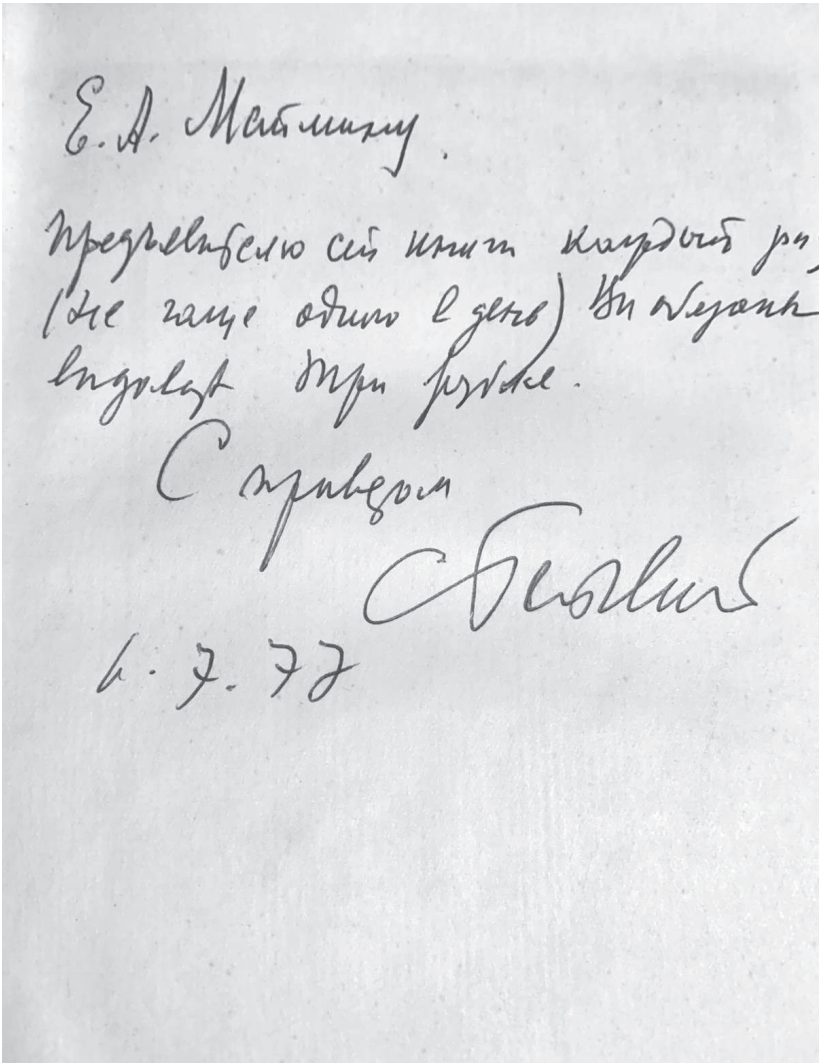
Жаркий июньский день. Петровское, где я тогда водила экскурсии. Почему-то в Петровское приехал директор. Помахивая, как он это часто делал, пустым рукавом, он подзывает меня. «Хочешь, подарю книжку? И надпишу. Будет память о старике».

В руках у него зелененькое «У Лукоморья». Я слежу за его пером и вижу, что подписывает он всё же не мне, а моему отцу: «Е.А. Маймину». В ответ на вопросительный взгляд сказал бурчливо: «Ступай! Сказал, что подпишу, значит, подпишу».

Когда потом я открыла книгу, то увидела на форзаце написанное:

Е.А. Маймину.
Предъявителю сей книги каждый раз
(не чаще одного в день) Вы обязаны
выдавать Три рубля.
С приветом

С. Гейченко
6.7.77.



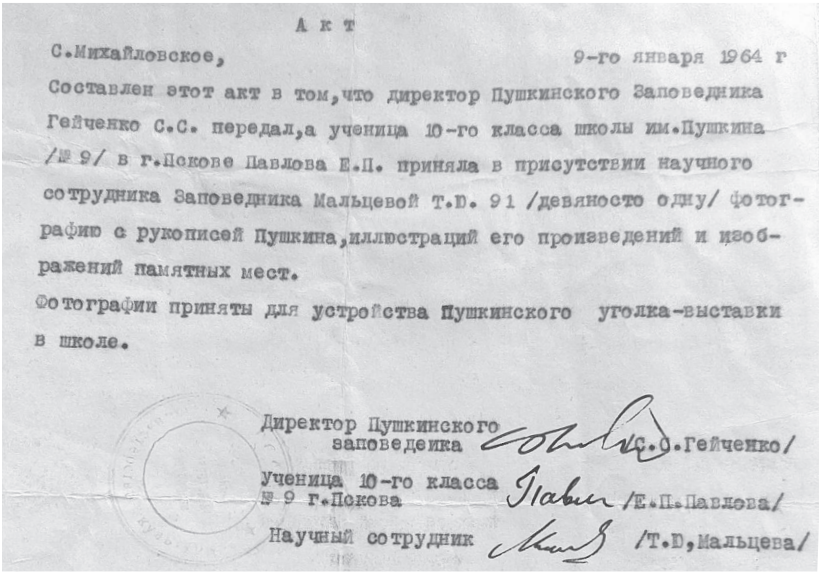
Инскрипт С.С. Гейченко на книге «У Лукоморья»

Илона Мотеюнайте

С.С. ГЕЙЧЕНКО И ПСКОВСКАЯ ШКОЛА № 9 ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

В 1949 году, к 150-летию А.С. Пушкина, в СССР был объявлен конкурс на лучшее оформление школы к пушкинским дням. Его выиграли три школы: ленинградская, болдинская и школа № 9 в Пскове. В результате этой победы последней было присвоено имя А.С. Пушкина. Это подтверждено указом правительства за подписью тогдашнего руководителя страны. Кроме соответствующей надписи на вывеске, перед школой в 1950-е годы был установлен гипсовый памятник работы Екатерины Федоровны Белашовой: Пушкин-лицеист, на постаменте слова «Мой друг, Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы». Уже в 1990-е годы памятник (прекрасный, как мне теперь кажется) разрушился, и его убрали.

Мне не удалось выяснить, как была украшена школа в 1949 году. Однако в школьном музее хранится акт, датированный 9 января 1964 года, о передаче ученице 10-го класса школы № 9 Е.П. Павловой 91 фото-



А к т

С.Михайловское, 9-го января 1964 г

Составлен этот акт в том,что директор Пушкинского Заповедника Гейченко С.С. передал,а ученица 10-го класса школы им.Пушкина /№ 9/ в г.Пскове Павлова Е.П. приняла в присутствии научного сотрудника Заповедника Мальцевой Т.Д. 91 /девяносто одну/ фотографию с рукописей Пушкина,иллюстраций его произведений и изображений памятных мест.

Фотографии приняты для устройства Пушкинского уголка-выставки в школе.

Директор Пушкинского заповедника /С.С.Гейченко/

Ученица 10-го класса №9 г.Пскова /Е.П.Павлова/

Научный сотрудник /Т.Д.Мальцева/

Акт о передаче фотографий и иллюстраций

Литературный кружок в псковской школе № 9

графии с рукописей Пушкина, иллюстраций его произведений и изображений памятных мест «для устройства Пушкинского уголка-выставки в школе». Акт подписан С.С. Гейченко, Е.П. Павловой и научным сотрудником Заповедника Т.Ю. Мальцевой. Эти разноформатные фотографии и картинки, видимо, периодически выставлялись на стендах в школьных рекреациях к определенным датам.

На рубеже 1970-х — 1980-х годов замечательный учитель литературы в нашей школе, Янина Ивановна Александрова, организовала литературный кружок, куда входила и я (это было едва ли не самым интересным для меня в школьные годы, определившим выбор профессии). Тогда с фотографиями, подаренными Гейченко, были сделаны стационарные тематические стенды о семье Пушкина, Лицее, друзьях, Михайловском заповеднике; они заняли целую большую рекреацию. Члены кружка водили экскурсии по залу для младшеклассников; так проводились классные часы и даже уроки.

В основном мы в кружке «делали доклады» по книжкам. Например, хорошо помню, как мы читали «Всё волновало нежный ум» Арнольда Ильича Гессена: пересказывали главы о «Литературной газете» и «Современнике», о знакомых Пушкина, добавляя материалы из других источников, в основном, из творчества и писем самого поэта. Отдельной темой были письма Пушкина: мы рассказывали друг другу о разных

адресатах, прочитав всю (доступную тогда по десятитомнику 1958 года) переписку с ними и выделяя темы переписки, особенности стиля и прочее — что могли заметить.

В 10-м классе мы стали читать книгу С.С. Гейченко «У Лукоморья». Видимо, не случайно: Янина Ивановна готовила встречу. В школьном музее хранится письмо Гейченко от 23 января 1981 года с приветом нам — литературному кружку. Вот его текст с сохранением авторской пунктуации.

23 января 1981 г.
Пушкинские Горы

Дорогие друзья!

Примите мое благословение и любовь!

10 февраля все мы — пушкиноведы будем справлять тризну по Пушкину. Мы прославляем имя его как самое светлое, громкое, доброе, милое.

Пусть он умер, но поэзия его жива. Она бессмертна, бесконечна и безгранична.

Бессмертен не только Пушкин, но и всё пушкинское, и не только материальное, т. е. его книги, рукописи, его вещи, заповедные места, где «он жил, страдал, любил и сердце где похоронил», но и беспредметное, т. е. его дух!

Ныне имя Пушкина — священное имя для всего человечества. Почти во всех больших городах наших республик поставлены памятники поэту; театры, музеи, школы, дома культуры, поселки, колхозы и совхозы, улицы, площади носят его имя. Почти во всех странах есть общества друзей Пушкина, воздвигаются памятники ему как «гению европейскому, славе всемирной».

Месяц тому назад журнал «Книжное обозрение» сообщил читателям, что в ближайшее время памятник великому русскому поэту будет поставлен в Испании. Исполнились вещие слова поэта:

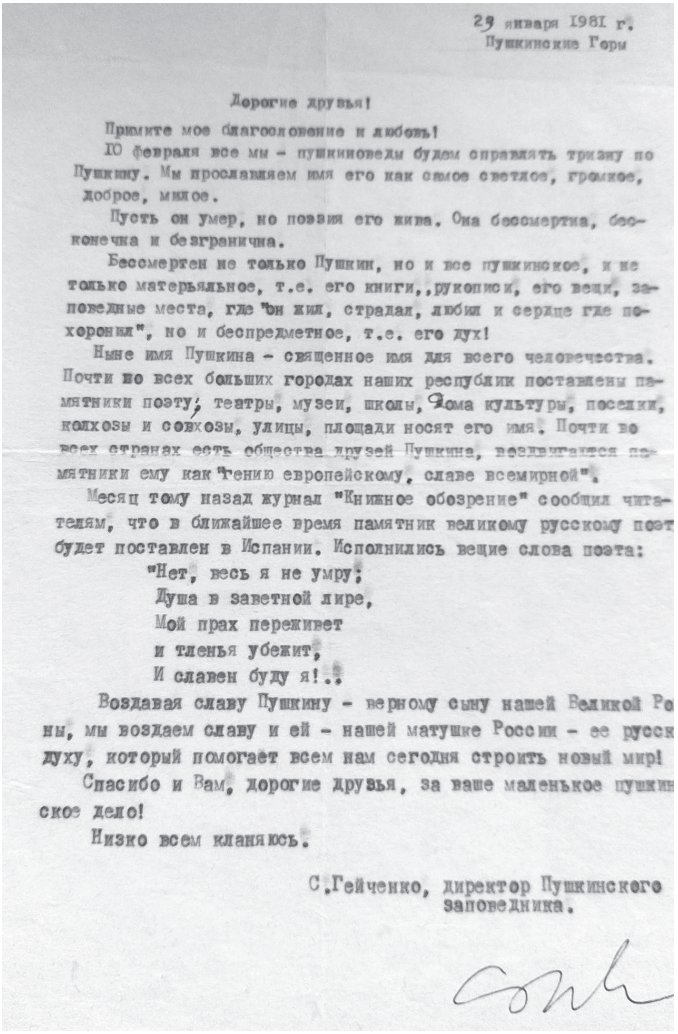
«Нет, весь я не умру:
Душа в заветной лире,
Мой прах переживет
и тленья убежит,
И славен буду я!..

Воздавая славу Пушкину — верному сыну нашей Великой Родины, мы воздаем славу и ей — нашей матушке России — ее русскому духу, который помогает всем нам сегодня строить новый мир!

Спасибо и Вам, дорогие друзья, за ваше маленькое пушкинское дело!

Низко всем кланяюсь.

С. Гейченко, директор Пушкинского заповедника.
(подпись)



29 января 1981 г.
Пушкинские Горы

Дорогие друзья!

Примите мое благословение и любовь!

10 февраля все мы – пушкиноведы будем справлять тризну по Пушкину. Мы прославляем имя его как самое светлое, громкое, доброе, милое.

Пусть он умер, но поэзия его жива. Она бессмертна, бесконечна и безгранична.

Бессмертен не только Пушкин, но и все пушкинское, и не только материальное, т.е. его книги, рукописи, его вещи, заповедные места, где "он жил, страдал, любил и сердце где похоронил", но и беспредметное, т.е. его дух!

Ныне имя Пушкина – священное имя для всего человечества. Почти во всех больших городах наших республик поставлены памятники поэту; театры, музеи, школы, Дома культуры, поселки, колхозы и совхозы, улицы, площади носят его имя. Почти во всех странах есть общества друзей Пушкина, возвигаются памятники ему как "гению европейскому, славе всемирной".

Месяц тому назад журнал "Книжное обозрение" сообщил читателям, что в ближайшее время памятник великому русскому поэт будет поставлен в Испании. Исполнились вещие слова поэта:

"Нет, весь я не умру;
Душа в заветной лире,
Мой прах переживет
и тленья убежит,
И славен буду я!.."

Воздавая славу Пушкину – верному сыну нашей Великой Ро ны, мы воздаем славу и ей – нашей матушке России – ее русск духу, который помогает всем нам сегодня строить новый мир!

Спасибо и Вам, дорогие друзья, за ваше маленькое пушкин ское дело!

Низко всем кланяюсь.

С.Гейченко, директор Пушкинского Заповедника.

Визит С.С. Гейченко в псковскую школу № 9 в 1981 году

Осенью 1981 года нам сказали, что Семен Степанович приедет к нам в школу. Приготовления были большие: к событию (4 ноября) была вымыта рекреация, включая стены и батареи; мы расставили стулья, вынесли стол, поставили вазу для цветов (купили белые хризантемы) и с помощью цепи удлинителей подключили проигрыватель. По цепочке от входа в школу до третьего этажа сообщалось: «идут». В нужный момент включили пластинку с романсами на стихи Пушкина; она играла на полную громкость. Контрастом прозвучали слова Семена Степановича при входе в зал: «Выключите этот матюгальник». Было очевидно, что ему не нравится официальная «концертность»; он за естественность общения. Был открыт, весел и радушен. Запомнилось, что говорил сначала стоя, это как-то беспокоило, потому что мы знали о ранении; потом сел. Без руки обходился очень ловко. Уходя, сам напомнил о цветах и ждал, пока мы их опять завернем в бумагу (на улице было холодно).

Его визит помнят все одноклассники, которых я обзвонила сейчас. Само впечатление от этого человека было ярким и воодушевляющим, через 40 лет у нас оживлялись и светлели лица при этом воспоминании. Как сейчас принято определять, он был «харизматичным».

Он был для нас из другого, совсем взрослого мира: мира книг, которые мы читали. Яркой была манера речи — очень простая и свободная,

С.С. Гейченко подписывает книги

с шутками, не похожая на публичную речь, без риторических украшений и канцелярских оборотов. Сейчас, читая его письмо в школьном музее, я вижу дискурс эпохи; так и должен был писать директор Пушкинского Заповедника школьникам: о славе поэта и знаках его почитания. Но в его живой речи перед нами было другое: простое и личное. Чувствовалось, что он страстно любит то, что делает.

Однако восстановить, о чем он говорил, оказалось сложно. Что касается точности, я чувствую себя немножко в пьесе Дмитрия Данилова «Свидетельские показания». Помнится, что речь шла о войне, видимо, рассказ шел о восстановлении Заповедника, о разминировании монастыря и могилы Пушкина. Одна из моих одноклассниц запомнила, что вместе с Семеном Степановичем приехала молодая женщина, видимо, сотрудница Заповедника, и она говорила о том, как счастлива работать с ним и какой это великий человек. Другая одноклассница запомнила, что перед подписыванием книг Семен Степанович прочитал рассказ, который назвал «крикливым», речь там шла о девушке; найти этот рассказ среди опубликованного нам не удалось.

Потом мы ездили в Заповедник зимой 1982 года, было очень морозно и красиво. После визита к нам Семена Степановича ученики нашей школы стали ездить в Заповедник чаще; в школьном музее есть фотографии с ним наших учителей и учеников поздних выпусков. Также в музее хранятся путевка из Петровского 1987 года с благодарностью за помощь «по устранению последствий урагана», подписанная Б. Козминым; заметка о поздравлении С.С. Гейченко с юбилеем из газеты шефствовавшего над нами ПЭМЗа — Псковского электромашиностроительного завода.

В одной из автобиографических справок Семен Степанович писал о своей общественной работе; она была направлена на поддержку всяческого интереса к творчеству Пушкина и дел по сохранению его памяти. Школьники в этом отношении — обширная и благодарная аудитория. Хорошо, что ему хватало сил и энергии и на них.

Татьяна Иванова

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ. О НЕКОТОРЫХ АВТОГРАФАХ

По материалам научного архива Пушкинского Заповедника

Одна из музейных традиций, существующих и по сей день, — традиция предлагать паломникам книги для записи впечатлений о посещении того или иного достопримечательного места.

Самая ранняя из таких сохранившихся книг в Пушкинском Заповеднике — Книга регистрации посетителей могилы А.С. Пушкина «Память Александра Сергеевича Пушкина Св. Горы Псковской Губернии» (1898–1926). В настоящее время она экспонируется в Колонии престарелых литераторов в Михайловском. Это один из самых ценных предметов основного фонда Заповедника. Свои записи в ней оставили сын поэта Григорий Александрович, его жена Варвара Алексеевна, Лев Николаевич Павлищев, потомки и друзья А.С. Пушкина, соседи по Михайловскому — Назимовы, Шелгуновы, Яновичи, Затеплинские, фотограф Карл Булла; художник Василий Максимов; писатели Иван Новиков, Виктор Острогорский; пушкинист Борис Модзалевский и другие[1].

В научном архиве вся документация — послевоенная. Довоенные материалы Заповедника хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, в ведении которого с 1933 по 1953 год находился Пушкинский Заповедник. Исключением являются три книги впечатлений посетителей Михайловского и Святогорского монастыря 1936–1937 годов, в одной из которых — известный автограф Константина Георгиевича Паустовского о посещении Михайловского[2].

Книги впечатлений посетителей музеев Заповедника — это особый тематический раздел научного архива Пушкинского Заповедника, отраженный в архивной тематико-хронологической картотеке. Его небольшой подраздел — книги почетных посетителей. Таких книг всего четыре. Датируются они 1965–1991 годами. О них и пойдет речь ниже[3].

---

[1] ПЗ-КП-4477/49-ДА.

[2] Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 159, 160, 161. Н/а.

[3] АПЗ. Д. 799, 1156, 174, 3200. Н/а.

Отдельные материалы книг впечатлений фрагментарно уже публиковались в выпусках сборника «Михайловская пушкиниана», в других изданиях (Э.Ф. Лобановой, Т.В. Степановой, другими авторами). На официальном сайте Пушкинского Заповедника также приводится информация о некоторых автографах знаменитых людей, посетивших Заповедник в разные годы.

Временные рамки указанных книг впечатлений — советское и позднесоветское время; период расцвета Пушкинского Заповедника после восстановления и период небывалого паломничества в наши места.

В записях чувствуется благоговейное отношение к Пушкину, понимание гения места, огромная благодарность людям, создавшим здесь музейный комплекс, в котором незримо присутствует живой Пушкин.

Свои впечатления в этих книгах оставили исследователи творчества Пушкина Дмитрий Благой, Натан Эйдельман, Ираклий Андроников, Вадим Вацуро.

Среди автографов немало автографов потомков А.С. Пушкина из России — Григория Пушкина, Ирины Гибшман, Сергея Клименко, Александра Кологривова, Татьяны Галиной, а также из Франции и Англии — Георгия Воронцова-Вельяминова (Париж), Мариты Кроули, Фионы Барнетт, Александры Аберкорн (Лондон).

Представители власти разных уровней считали своим долгом побывать здесь. Это областные и министерские чиновники, в том числе курировавшие работу Заповедника, высшие военные чины.

Члены иностранных делегаций, в том числе участники праздников поэзии, представители посольств и консульств, побывавшие здесь, также оставили слова благодарности.

Французский писатель, философ и публицист Жан-Поль Сартр написал в книге впечатлений: «С благодарностью за то, что вы дали нам почувствовать жизнь Пушкина и то, что вы его так любите. 12.VII/65»[4] ***(см. Приложение в конце статьи)***.

В самом начале сентября 1965 года заповедник посетили народный артист СССР, виолончелист Мстислав Ростропович, солистка Большого академического театра СССР Галина Вишневская, английский композитор Бенджамин Бриттен и солист оперы Ковент-Гарден Питер Пирс[5].

«Я никогда не забуду этого посещения Пушкинского дома великолепным летом. С огромным преклонением. Бенджамин Бриттен».

[4] АПЗ. Д. 799. Л. 10.

[5] Там же. Л. 30–33.

«Никогда не сможешь выразить своей благодарности за это посещение — откровение поэзии. Питер Пирс».

«Совершенно потрясен Михайловским — домом всей русской души. Мстислав Ростропович».

«Ты прежнею Татьяной стала…» До глубины души взволнована, слов найти не могу. Галина Вишневская.

3 сентября 1965 год».

Множество художников, артистов, поэтов и писателей считали посещение Заповедника особым событием в жизни. Это художники Андрей Мыльников, Алексей Соколов, Василий Звонцов, Борис Щербаков, Энгель Насибулин, Валерий Пименов, художник-реставратор Савелий Ямщиков; писатели Белла Ахмадулина, Юрий Нагибин, Григорий Горин; артисты Мария Миронова и Александр Менакер, Андрей Миронов, Вера Васильева, Михаил Царев, Дмитрий Журавлев, Сергей Юрский, Михаил Ульянов, Михаил Козаков, Аркадий и Константин Райкины, Ролан Быков и Елена Санаева.

Журналист Василий Песков 29 мая 1982 года оставит в одной из книг такую запись[6]:

«Из всех хождений по земле приход сюда был самым главным».

Отдельные материалы из книг впечатлений уже публиковались. Но всё же нужно помнить, что архив — это кладовые неисчерпаемых сокровищ, где еще много непознанного. Порой можно найти нечто интересное и неожиданное даже в тех делах, которые уже просматривались многими исследователями.

Абсолютной неожиданностью для нас было натолкнуться на запись 1987 года, сделанную американским епископом Василием, в миру — Владимиром Михайловичем Родзянко. Неожиданностью, потому как отношения церкви и советского государства в те годы были сложны.

Личность известная. О нем архимандрит Тихон — митрополит Псковский и Порховский Тихон (Шевкунов) пишет в одном из рассказов книги «Несвятые святые»[7].

Далее приводим запись, сделанную епископом Василием[8], сохраняя орфографию и пунктуацию оригинала, помня, что почти всю жизнь он провел за границей, не в русскоязычной среде.

---

[6] АПЗ. Д. 1744. Н/а. Л. 9.

[7] *Тихон (Шевкунов), архимандрит.* «Несвятые святые» и другие рассказы. М., 2016. Речь о рассказе «Преосвященнейший послушник».

[8] АПЗ. Д. 3200. Л. 31.

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Это мы, первые паломники из Америки[9], приехавшие в преддверии празднования 1000-летия крещения Руси[10], почувствовали (вероятно, имелось в виду «побывали») здесь на Святых, Пушкинских Горах и в Михайловском.

Святая Русь создала Пушкина и Пушкин отразил Святую Русь, которая — залог жизни, радости, любви, мира и глубины духа человека.

Мы счастливы пережить эту глубину и выслушать сказанные нам о ней слова Семеном Степановичем Гейченко!

Спасибо за хранение этой всечеловеческой святыни так заботливо!!!

Да поможет Вам Бог!

Владимир М. Родзянко

17 января 1987 г. (Епископ Василий

из Вашингтона)».

Особенно интересны поэтические записи впечатлений. Они, безусловно, могут иметь непосредственное применение — например, могут украсить любую экскурсию по Пушкинскому Заповеднику наряду с уже известными и давно опубликованными произведениями о пушкинских местах. Ведь наш музей — литературный, музей нашего Первого Поэта. И здесь стихи разных поэтов, посетивших в свое время Михайловское, звучат очень гармонично. Из известных и опубликованных, к примеру, можно вспомнить замечательное стихотворение Юлии Друниной «Есть в России святые места…»

Как правило, поэтические записи в наших книгах — это экспромты, короткие этюды, эмоции, заключенные в рифмы, возникшие под сильным впечатлением. Это посвящения Пушкину и его поэтической Родине.

На одном из разворотов книги впечатлений[11] 1965–1969 годов находим сразу два стихотворных автографа. Слева — последнее четверостишие из известного стихотворения Михаила Александровича Дудина «Над могилой А.С. Пушкина». Судя по надписи над стихотворением, автор месяц жил в Михайловском[12]:

---

[9] Имеется в виду самое начало (январь) 1987 года.

[10] В 1988 году Русская Православная Церковь отметила 1000-летие Крещения Руси.

[11] АПЗ. Д. 799. Н/а. Л. 73 об., 74.

[12] Здесь и далее сохраняем орфографию и пунктуацию оригиналов.

«28 июня 29 июля 1968 г. /М. Дудин/ За месяц 2 статьи и цикл стихов «На пути под деревом»[13]/ и Пушкину:

Мы знаем это иль не знаем,
Хотим того иль не хотим,
Но он никем не заменяем
И навсегда необходим.

В правой части разворота, подхватив мотив и продолжая дудинское посвящение Пушкину, в том же стихотворном ритме поэт, прозаик и исследователь творчества Пушкина, участница Пушкинских праздников поэзии в Михайловском Лариса Васильева[14] пишет:

20–29 июля 1968 г. / Лариса Васильева
…и проскользну прозрачной тенью
промеж березовых стволов
навстречу чудному мгновенью
Твоих незатененных слов,
увижу солнечные пятна,
найду в них два твоих следа —
Необъяснимый и Понятный,
как воздух, ветер и вода.

29.VII.68

А вот экспромт, оставленный Давидом Самойловым 26 сентября 1985 года[15], он написан в форме дружеского шаржа:

Я в том Петровском побывал,
Где древле Ганнибал живал.
Я видел Пушкина скамью,
И Вульфов славную семью.

[13] Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-112. Оп. 2. Д. 12. Дудин М.А. «На пути под деревом». Цикл стихотворений. Машинопись, гранки. Опубликовано: Время: сборник. М., 1974.

[14] Судя по датам, М.А. Дудин и Лариса Васильева гостили в Михайловском почти одновременно.

[15] АПЗ. Д. 3200. Л. 1.

Спасибо, милые друзья,
За то, что это видел я.

Начало стихотворения Евгения Александровича Евтушенко из книги почетных посетителей Пушкинского Заповедника известно как эпиграф к одной из публикаций Иосифа Теодоровича Будылина[16]. Это только самое начало данного стихотворения.

Почерк Евтушенко очень трудно читается, но нам было любопытно расшифровать весь текст, тем более, что полностью опубликовано стихотворение, по нашим данным, не было[17] [18].

В Михайловском выхода нет. Невозможен из Пушкина выход,
И мнимо доступен распахнутый в Пушкина вход.
В Михайловском лес, будто прошлого бережный выдох,
В Михайловском лес, как грядущего трепетный вдох.

Здесь дышит Россия. И Сороть, как русская Лета
Течет, не смущаясь вторжения беглых зарниц,
И шелест страниц — продолжение шелеста леса, и шелест его —
Продолжение шелеста вечных страниц.

Евг. Евтушенко.
10 июля 1968 г. Мих-е[19]

Хочется надеяться, представленные архивные материалы перестанут быть «мертвыми» материалами, обретут практические смыслы, окажутся полезными для сотрудников Пушкинского Заповедника и не только.

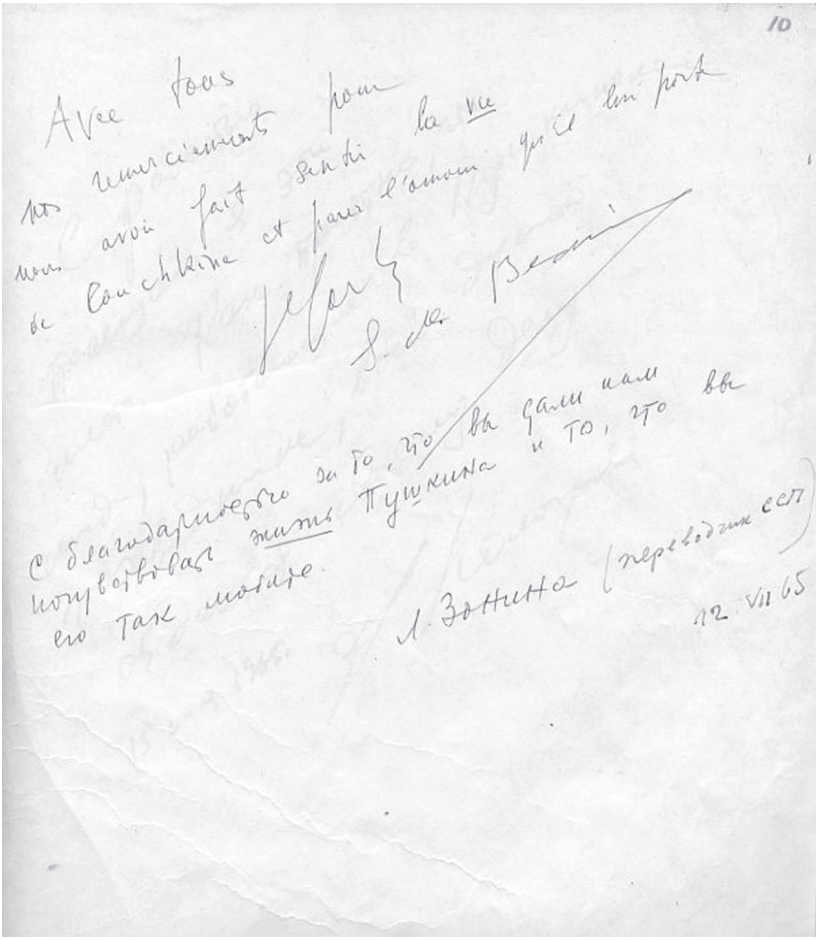
---

[16] *Будылин И.Т.* Писатели России в Пушкинском Заповеднике (Музей у дороги) // Псков. 2010. № 33.

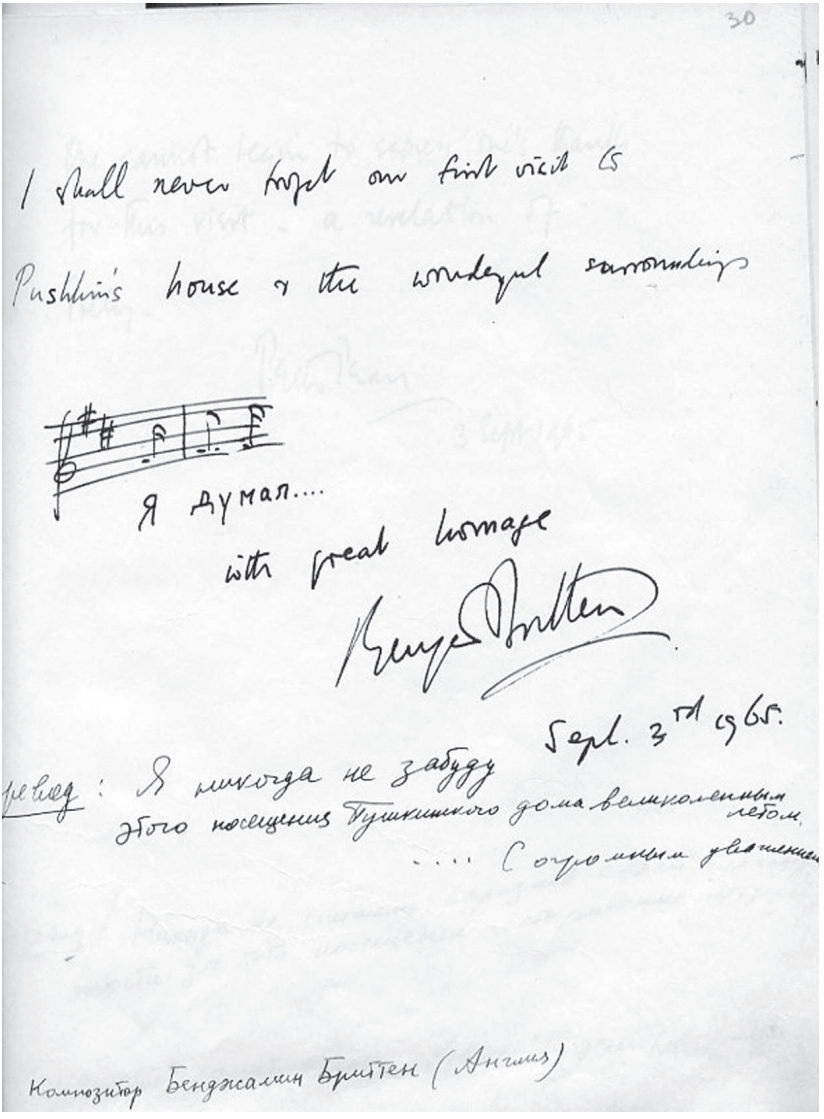
[17] *Ефремова Д.* Истоки вдохновения: музей-заповедник «Михайловское» отметил столетие // Известия. Публикация 19.03.2022 [Электронный ресурс: https://iz.ru/1307388/daria-efremova/istoki-vdokhnoveniia-muzei-zapovednik-mikhailovskoe-otmetil-stoletie].

[18] «Михайловское» знакомит интернет-пользователей с автографами великих современников // Псковская лента новостей. Публикация 09.06.2020 [Электронный ресурс: https://pln-pskov.ru/culture/381809.html].

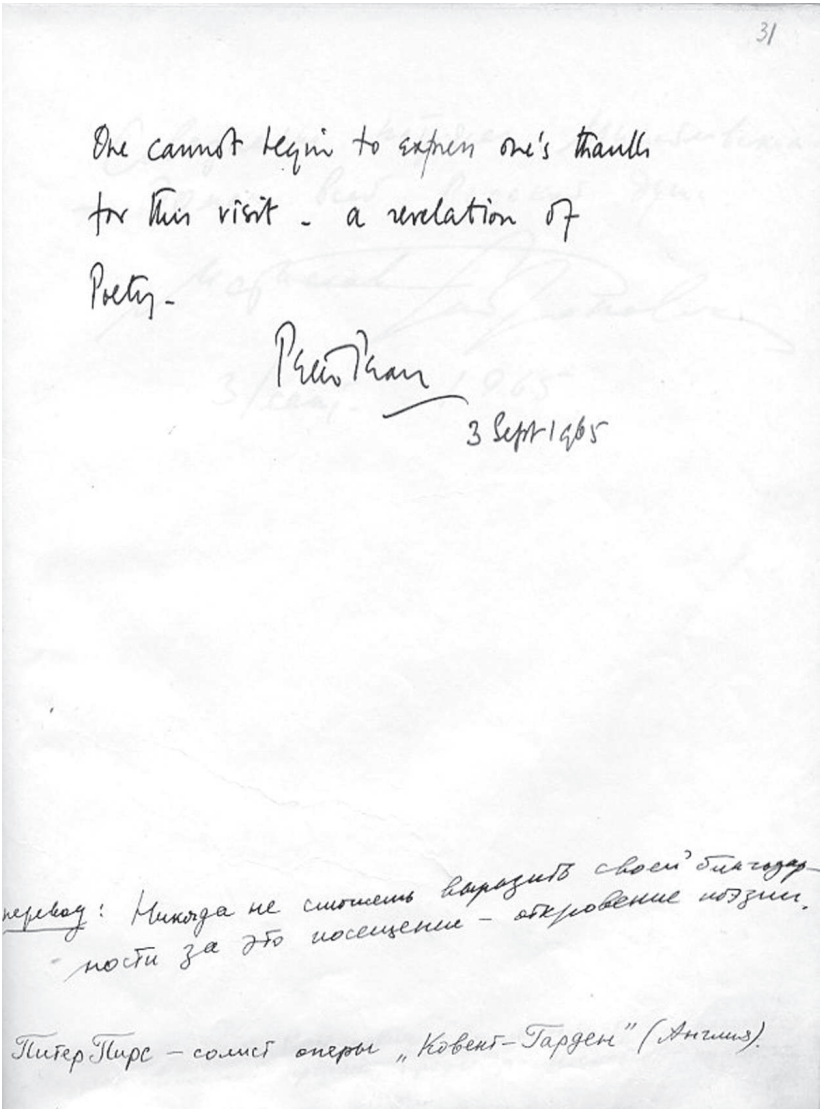
[19] АПЗ. Д. 799. Н/а. Л. 73.



Автограф Жан-Поля Сартра



Автограф Бенджамина Бриттена


31

One cannot begin to express one's thanks
for this visit - a revelation of
Poetry -

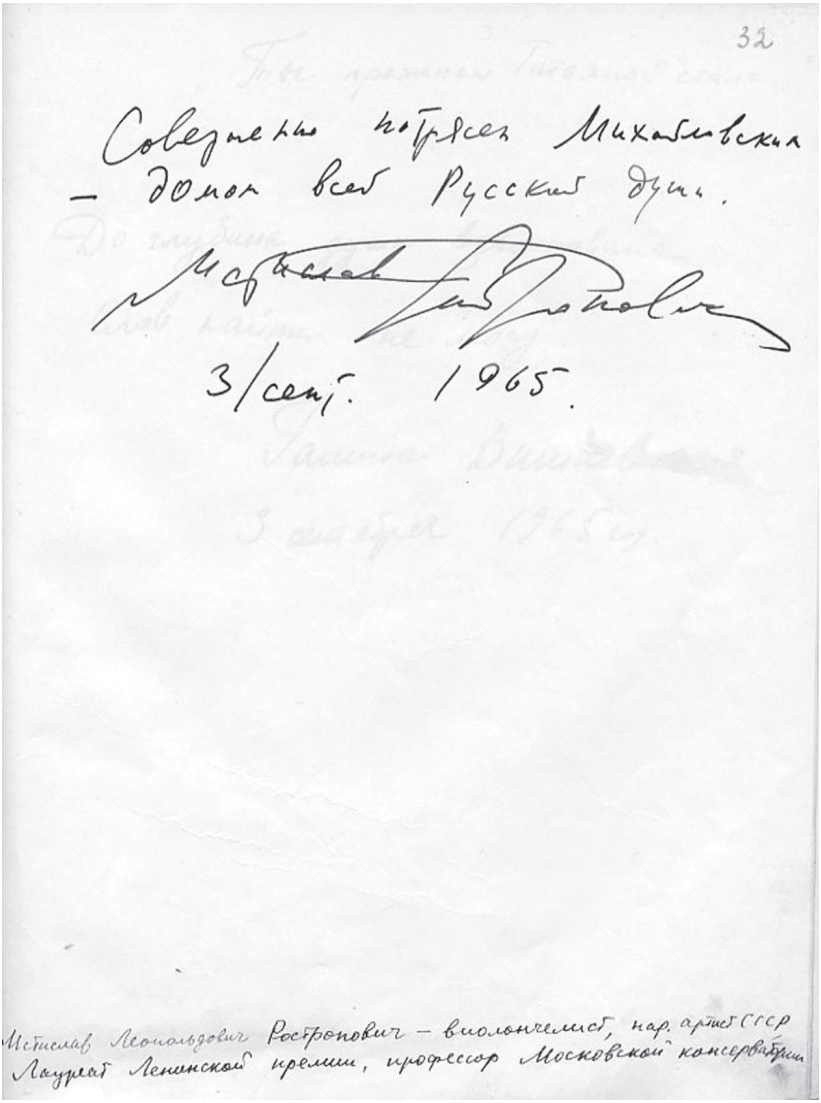
Peter Pears

3 Sept 1965

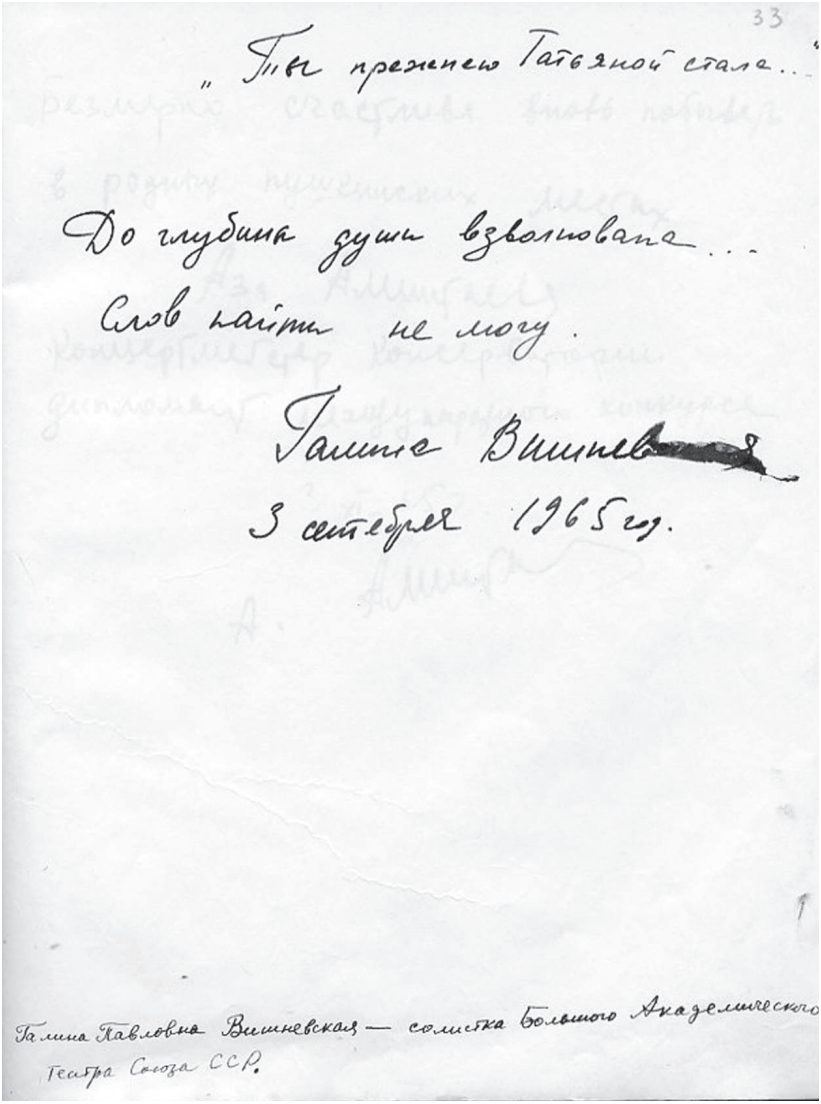
перевод: Никогда не сможешь выразить свою благодарность за это посещение – откровение поэзии.

Питер Пирс – солист оперы „Ковент-Гарден" (Англия).

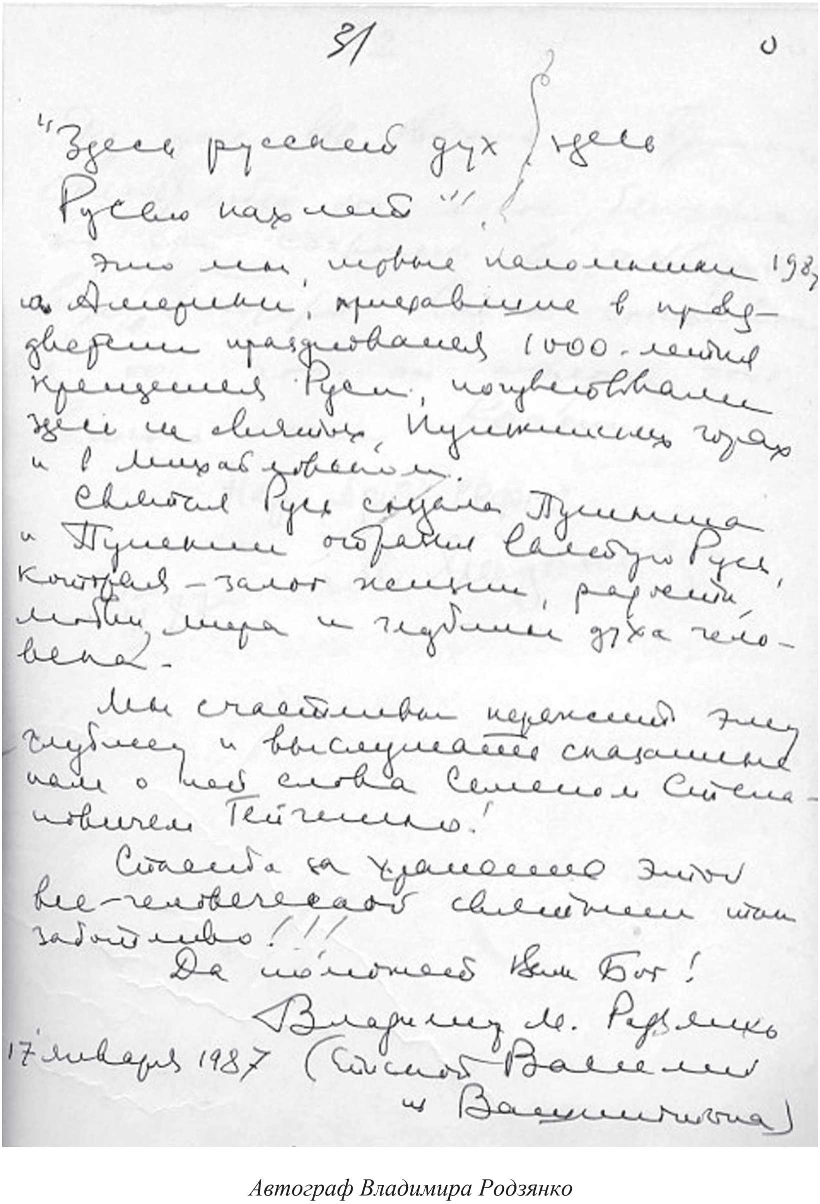
Автограф Питера Пирса



Автограф Мстислава Ростроповича



Автограф Галины Вишневской


31

"Здесь русский дух, здесь Русью пахнет"!!

Это мы, первые паломники 1987 из Америки, приехавшие в преддверии празднования 1000-летия Крещения Руси, почувствовали здесь и в святых Пушкинских горах и в Михайловском.

Святая Русь создала Пушкина и Пушкин открыл свободу Руси, которая — залог гениев, радости, любви, мира и глубины духа человека.

Мы счастливы пережить эту глубину и выслушать сказанные нам о ней слова Семеном Степановичем Гейченко!

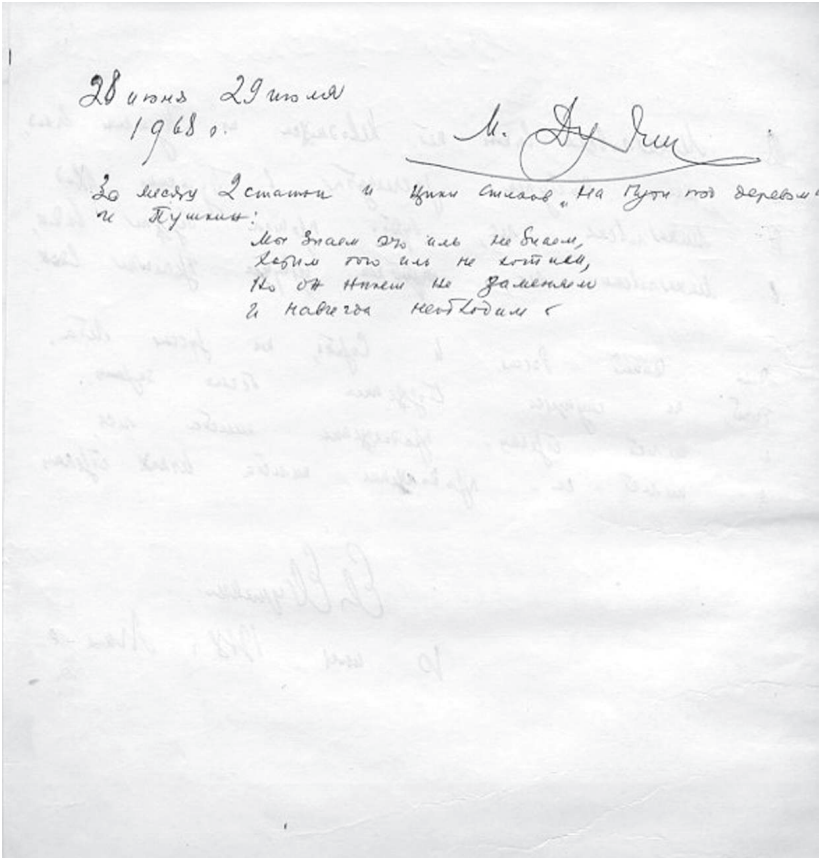
Спасибо за хранение этого все-человеческого святилища так заботливо!!!

Да поможет Вам Бог!

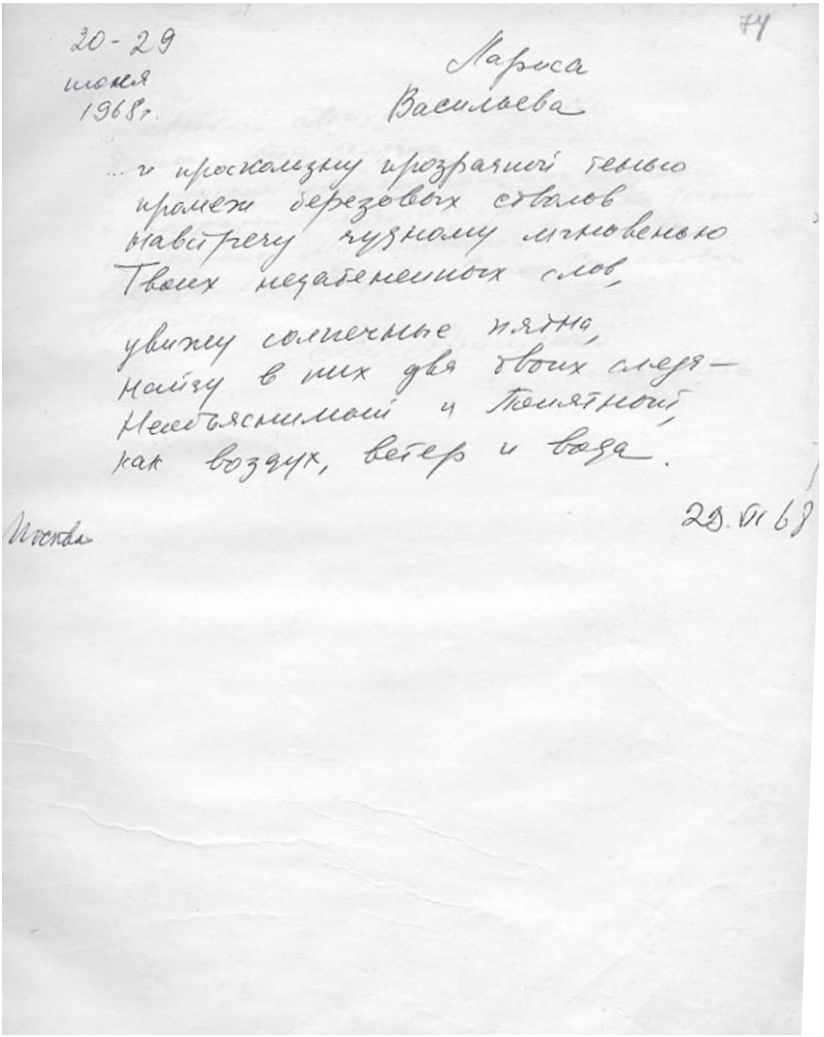
Владимир М. Родзянко

17 января 1987 (Епископ Василий и Василиса)

Автограф Владимира Родзянко



Автограф Михаила Дудина


74

20-29
июня
1968г.

Лариса
Васильева

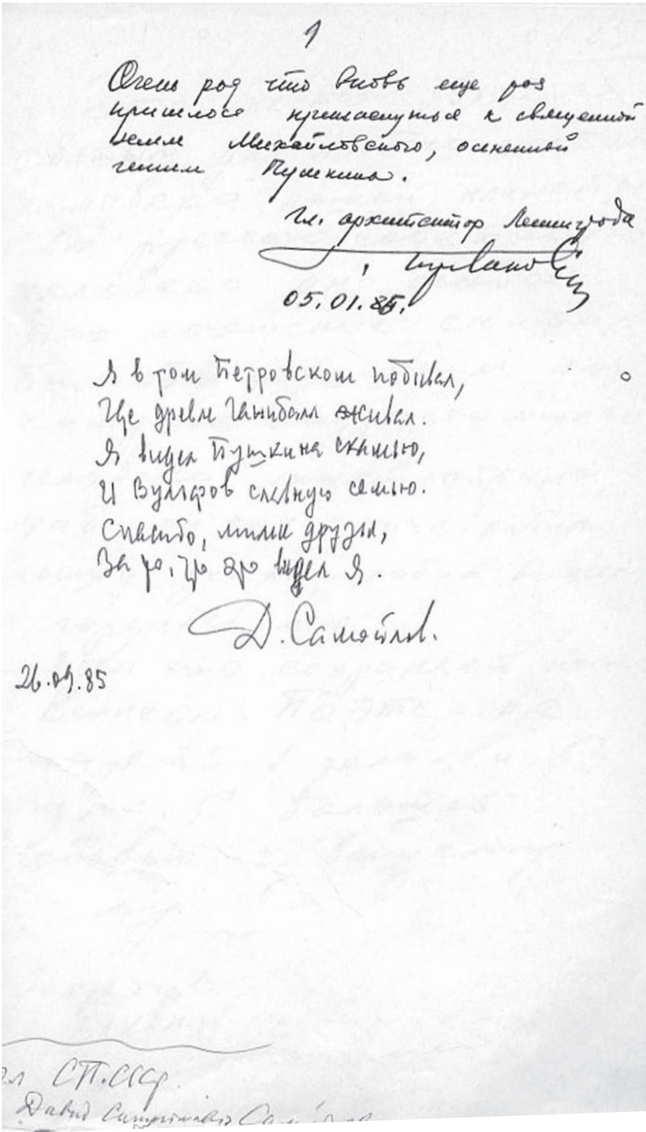
... и проскользну прозрачной тенью
промеж березовых стволов
навстречу гулкому мгновенью
Твоих негаданных слов,

увижу солнечные пятна,
найду в них два твоих следа —
Неистлевающей и тленной,
как воздух, ветер и вода.

Москва

25.VI 68

Автограф Ларисы Васильевой



1

Очень рад что вновь еще раз пришлось приобщиться к священной земле Михайловского, осененной гением Пушкина.

Гл. архитектор Ленинграда

05.01.85.

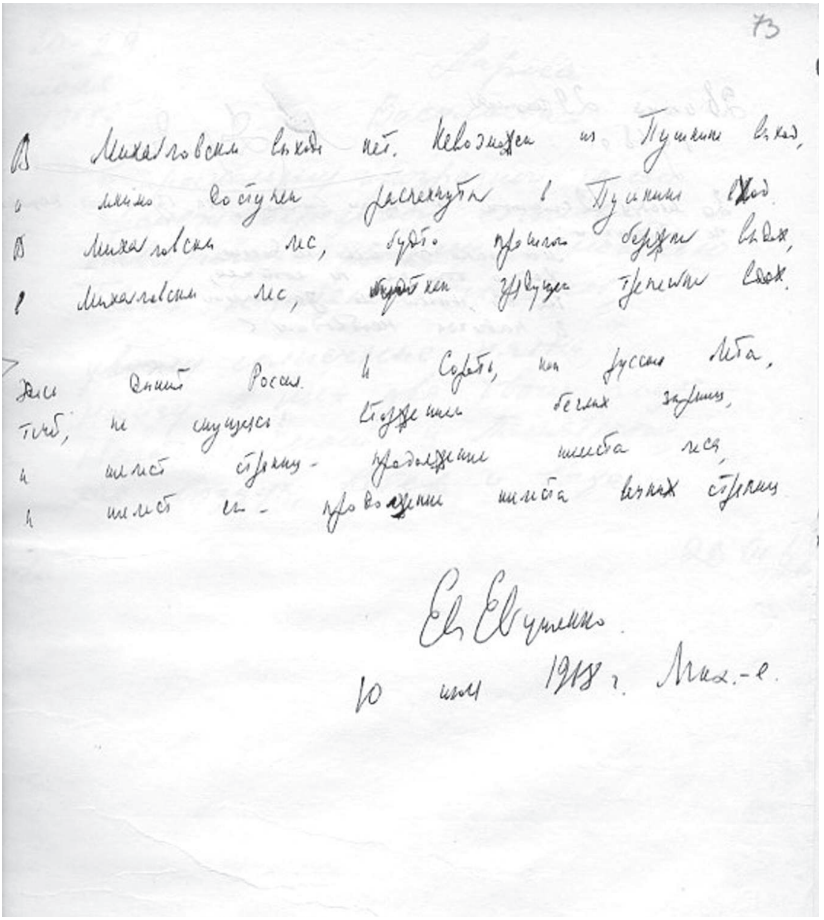
Я в том Петровском побывал,
Где древле Ганнибал живал.
Я видел Пушкина скамью,
И Вульфов сельскую семью.
Спасибо, милые друзья,
За то, что это видел я.

Д. Самойлов.

26.07.85

СП СССР
Давид Самуилович Сам

Автограф Давида Самойлова



Автограф Евгения Евтушенко

Ольга Васильева

ЗА БЛИЖНИМ КРУГОМ. ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ СЕМЬИ ПИМЕНОВЫХ

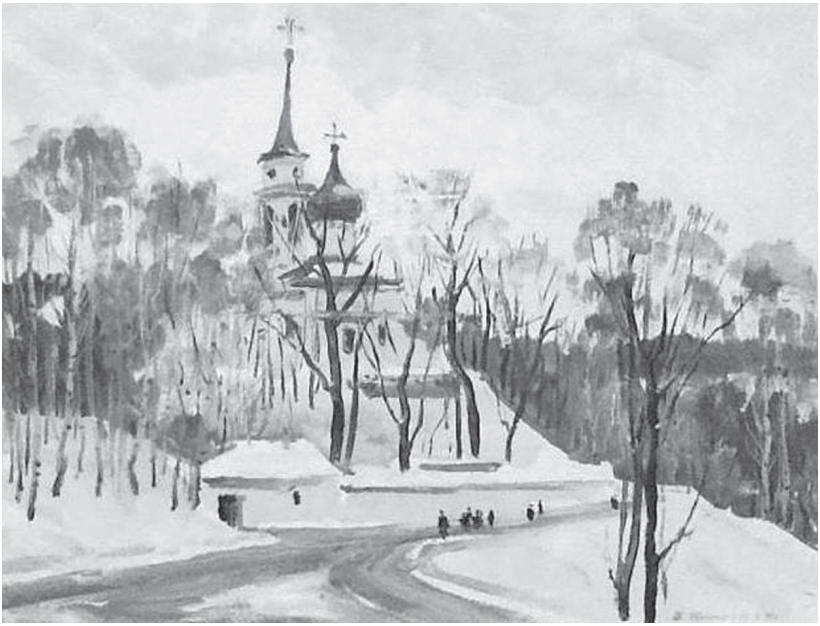
Чтения, приуроченные к 120-летию со дня рождения С.С. Гейченко, очередной раз поднимают тему культурной среды, в которой жил и которую создавал сам этот легендарный человек. В этом смысле важную роль играло окружение директора Михайловского. Был ближний круг друзей, таких как В.М. Звонцов или М.А. Дудин. Больше было добрых знакомых, почитавших Пушкина, стремившихся в музей за вдохновением и, конечно, за встречами с Гейченко. Среди них была замечательная пара — Валерий Васильевич и Эльга Александровна Пименовы.

В.В. Пименов (15.02.1920–28.02.2008) — народный художник Российской Федерации, преподаватель, профессор Института имени И.Е. Репина (Санкт-Петербургская академия художеств). Он и его ученики на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1957 года, приезжали на летнюю живописную практику в пушкинские места. Судьбы Эльги Александровны (9.11.1923–14.02.2009) и Валерия Васильевича Пименовых не только неотрывны друг от друга[1]. История их жизней, жизней искусствоведа и художника — это история культурной среды XX века, в которой важная роль принадлежит музею в Михайловском. К тому же Пименова была племянницей С.К. Исакова[2], деятельность которого начиная с 1918 года связана со многими российскими музеями, в том числе Русским музеем и музеями пригородов Ленинграда, в которых до начала Великой Отечественной войны работал С.С. Гейченко. Общие воспоминания, круг старых знакомых, как и обширный круг новых связей, звучали особой важной нотой в их общении.

Особенности художественного стиля В.В. Пименова очевидны в небольшой пейзажной работе «Святогорский монастырь». Монастырь писали многие и многократно. Конечно, есть общие моменты, связанные с изображением этой святыни, но за ними в работах не только

[1] Они познакомились в эвакуации в Самарканде: Валерий приехал в 1942 года из Москвы, Эльга после блокадной зимы из Ленинграда. Подробно см.: *Нащекина Н.* Валерий Пименов. Вологда, 2006.

[2] Сергей Константинович Исаков (1875–4.09.1953) — искусствовед, художественный критик, скульптор, педагог, музейный деятель, профессор.



В.В. Пименов. Святогорский монастырь. Картон, масло. 42 × 35 см. 1984 год. Череповецкое музейное объединение

прослеживаются особенности стиля каждого живописца, но и, как мне кажется, проявляются черты характера авторов. Пименовская композиция воздушная, архитектура написана легким мазком в бело-серых тонах, с преобладанием нежно-голубого неба. Создается впечатление, что войдя в эту обитель ты прежде всего соприкоснешься с источником добра и благодати. Изысканность колорита, отсутствие торжественности или монументальности в интерпретации этого хорошо знакомого нам пейзажа раскрывают собственно характер художника, удивительно мягкий и доброжелательный.

Это характер человека цельного, лишенного агрессивности в достижении своих целей. Пименов был очень элегантен, спокоен, даже несколько медлителен в движениях и жестах. Чаще носил не традиционные пиджаки, но куртки из мягкого материала с неизменным бантом, шейным платком или небольшой бабочкой. Трудно представить, чтобы Валерий Васильевич кому-то сказал грубое слово, о ком-то высказался

зло или недоброжелательно, повысил голос, накричал на кого-то. Подобный облик создавал впечатление потомственного петербуржца — баловня судьбы, лишенного жизненных проблем и переживаний.

Однако Валерий Васильевич родился в семье рабочего в Череповце и в Ленинград приехал только в 1936 году[3], где стал учеником в классах при Академии, затем студентом. Он получил то блестящее художественное образование, которое позволяло работать в самых разных жанрах. Учителями Пименова были замечательные мастера: И.Э. Грабарь, И.И. Бродский, М.С. Копейкин, В.М. Орешников, мастерскую которого он заканчивает в 1949 году. Это было непростое время, о котором очень точно написал Д. Самойлов в стихотворении «Сороковые»:

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Пименову повезло. Он вместе с большинством сотрудников Института имени И.Е. Репина был эвакуирован в Самарканд[4]. Сам он не убивал и не был ранен. Не видел, как его товарищи и друзья теряли руки, ноги, жизни. С чувством ответственности перед теми, кто это испытал, художник прожил свою жизнь. Порядочность, добросердечие и постоянство, как и полное погружение в профессию, стали его неизменными качествами.

Валерий Васильевич часто повторял слова своего учителя В.М. Орешникова: «Нужно ближе знакомиться с жизнью. Только так можно обрести крылья в творчестве». Поэтому он писал то, что хорошо знал, и тех, с кем был хорошо знаком, с кем дружил. Это очень широкий круг разных людей. Поэтесса О.Ф. Берггольц, писатель Ф.А. Абрамов, народные артисты В.И. Стржельчик и И.П. Владимиров, историк В.В. Мавродин, брат, мать, дочь Наташа, С.К. Исаков. Очень разные люди — как и их судьбы: счастливые и трудные, удачливые и не очень.

[3] Валерий Васильевич в Ленинграде получил рабочую специальность (слесарь-инструментальщик).

[4] Первые три месяца был на фронтах под Вязьмой, Ельней и Спас-Деменском. После контузии до Самарканда работал в оборонно-плакатной бригаде Московского художественного института, выполнявшего задание политуправления Западного фронта.

В.В. Пименов. Портрет Наташи. Холст, масло. 105 × 70 см. 1960 год. Сахалинский художественный музей

Портреты, созданные Валерием Васильевичем, объединяет его доброта и снисходительность к своим моделям. Они лишены парадности и пафосности. Мудрый и тонкий взгляд художника видит многие нюансы личностей портретируемых, но сохраняет только значительное и достойное. Он словно следует за словами Булата Окуджавы[5]:

Осудите сначала себя самого,
Научитесь искусству такому,
А уж после судите врага своего
И соседа по шару земному.

Научитесь сначала себе самому
Не прощать ни единой промашки,
А уж после кричите врагу своему,
Что он враг и грехи его тяжки.

Не в другом, а в себе побеждайте врага,
А когда преуспеете в этом,
Не придется уж больше валять дурака —
Вот и станете вы Человеком.

В 2000 году в залах музея Академии художеств в Санкт-Петербурге открылась выставка, посвященная 80-летнему юбилею художника, где экспонировалось более двухсот его произведений. Пейзажи, натюрморты, портреты — огромное наследие, разнообразное по жанрам, времени создания. Среди работ были безусловные вершины, интересные наблюдения, поиски. И выставка стала поистине свидетельством огромного трудолюбия мастера, работавшего до последнего дня жизни.

Жизни, неразделимой с другой судьбой — судьбой Эльги Александровны Пименовой[6]. Это были два совершенно разных человека.

---

[5] *Окуджава Б.* «Осудите сначала себя самого…» // Аскбука литературы: сайт [Электронный ресурс: https://www.askbooka.ru/stihi/bulat-okudzhava/osudite-snachala-sebya-samogo.html].

[6] Подробно см.: *Сазонова К.К.* Памяти Эльги Александровны Пименовой (1923–2009) // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 27. СПб., 2013. С. 70–76 [Электронный ресурс: http://ais-spb.ru/sbornik/27.pdf]; Валерий Васильевич Пименов // Циклопедия [Электронный ресурс: http://cyclowiki.org/w/index.php?&oldid=1129448].

В.В. и Э.А. Пименовы.1980-е годы. Квартира-мастерская. Санкт-Петербург, 3-я линия Васильевского острова

Валерий Васильевич пиано, Эльга Александровна не только форте, но и аллегро. Она была совершенно неугомонным человеком в работе кабинета искусств в институте имени И.Е. Репина, на собственной даче, в помощи друзьям. Вспоминаю их приезды с друзьями в Михайловское. Валерий Васильевич всегда с неизменным вниманием слушал вместе с другими С.С. Гейченко. Эльга Александровна при этом давала Семену Степановичу практические советы: чем лучше покрасить дом, какой приобрести нагреватель для воды, как рациональнее проложить пешеходные дорожки. И это были всегда советы из собственной практики, проверенные на опыте: она, как хороший крестьянин, умела и могла всё. Она прекрасно водила машину, построила замечательную дачу, собрала коллекцию антикварной мебели и фарфора.

Эльга Александровна была наделена мощной натурой, которая исключала какую-либо рефлексию, сомнения или неуверенность. Для нее всё было ясно и понятно. Она знала абсолютно точно, что хорошо, что плохо. В 70-е годы прошлого века Эльга Александровна перенесла сложную операцию, на которую решилась, как ей было свойственно, без колебаний и сомнений. После успешного лечения, за время которого она

В.В. Пименов. Мартышкино. Картон, масло. 50 × 70 см. 1983 год. Музей искусства Санкт-Петербурга XX–XXI веков

сблизилась со своей родственницей Надеждой Сергеевной[7], вместе с ее мужем, ректором медицинского института имени Н.И. Пирогова академиком Ю.М. Лопухиным[8] они приехали в Михайловское. Мне было заметно, как Семен Степанович с особым вниманием наблюдал за Эльгой. Ее всегдашняя активность, энергия не просто радовали — он как будто успокаивался, глядя на гостью[9]. Только потом я узнала, что Гейченко так же предлагали оперироваться. Допускаю, что безусловность поведения Пименовой в данной ситуации имела значение для Семена Степановича. Ее уверенность вообще притягивала к ней людей, а знакомых у нее было множество, и большинство она обязательно привозила в Михайловское, к Гейченко.

[7] Н.С. Исакова (Лопухина), дочь С.П. Исакова, театрального художника.

[8] С 1965 по 1984 год ректор 2-го Московского ордена Ленина государственного медицинского института имени Н.И. Пирогова.

[9] С.С. Гейченко знал также историю удивительного мужества Эльги, которая четыре года и семь месяцев пролежала в молодости в гипсовом корсете, так как после блокады перенесла тяжелую форму туберкулеза костей.

В.В. и Э.А. Пименовы с друзьями. 1998 год

У Семена Степановича к Эльге было особое отношение: их связывали общие воспоминания. С детских лет Эльга Александровна жила в окружении коллег и друзей Сергея Константиновича Исакова[10]. Это преподаватели Ленинградского университета, музейные сотрудники, искусствоведы, историки. Еще одно, особое, место взаимного притяжения — Петергоф, где, как известно, родился и работал 13 лет в музее Семен Степанович. Именно там находилась поистине легендарная дача Пименовых — гостеприимная, стильная, служившая Валерию Васильевичу творческой мастерской. Там, в Мартышкине, снимали дачи и много писали эти места еще И.И. Шишкин, И.Е. Репин, И.И. Левитан. Творчество В.В. Пименова продолжило русскую пейзажную традицию этих мест. «Открытый дом» для знакомых, друзей знакомых, а также тех, кому надо помочь советом или участием, — это было в традициях ленинградской профессорской семьи Исаковых, в которой была

[10] С.К. Исаков был женат на сестре отца Э.А. Пименовой. Семьи Исаковых и Кэо (фамилия отца Пименовой) жили в одной квартире, которая находилась в здании Академии художеств.

Студенты живописного факультета.
В центре сидит В.М. Орешников. 1985 год

воспитана Эльга Александровна. Конечно, в таком потоке людей находились те, кто вольно или невольно наносили обиды Пименовым, но они спокойно реагировали на это — ведь недостойно поступают не они, и продолжали помогать и неустанно работать.

Несколько раз я слышала от Валерия Васильевича стихи О.Ф. Берггольц[11], портрет которой он писал. Мне запомнились строки:

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

Эти строчки, написанные в страшные военные годы, отражают суть и форму мирной жизни таких людей, как Пименовы, Гейченко и их друзья — людей очень разных, но охваченных общей идеей служения русской культуре.

[11] *Берггольц О.Ф.* Февральский дневник // Культура.рф: сайт [Электронный ресурс: https://www.culture.ru/poems/41425/fevralskii-dnevnik].

Светлана Камышева, Альбина Филиппова

МАТЕРИАЛЫ О МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ А.С. ПУШКИНА «МИХАЙЛОВСКОЕ» И АВТОГРАФЫ СЕМЕНА СТЕПАНОВИЧА ГЕЙЧЕНКО В ФОНДАХ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ АКАДЕМИКА В.Г. КОСТОМАРОВА

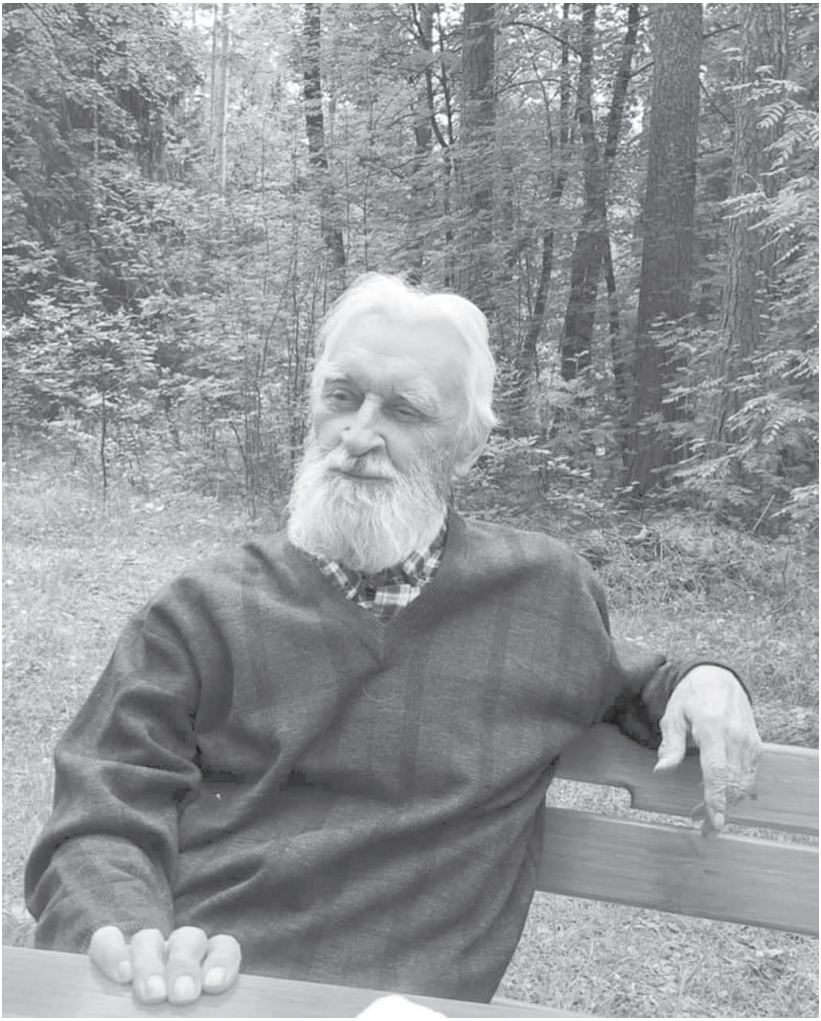
Немало общих имен великих мастеров слова, всемирно известных режиссеров и актеров, видных деятелей науки и культуры можно одновременно обнаружить в окружении выдающегося музейного деятеля, воссоздателя и хранителя мемориальных пушкинских мест на Псковской земле Семена Степановича Гейченко и ученого-лингвиста, академика, педагога, известного во всём мире методиста в области обучения русскому языку как иностранному Виталия Григорьевича Костомарова.

Оба подвижники, ревнители русской культуры, языка и литературы, обладали редким и удивительным свойством покорять, притягивать и объединять людей, отзывчивых ко всему прекрасному.

Пока не удалось установить, когда и где впервые встретились директор музея-заповедника А.С. Пушкина и ректор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, но об их близком и продолжительном знакомстве, общих взглядах на русский язык и литературу, искусство, отношении к культурному и природному наследию и, конечно, к личности и творчеству А.С. Пушкина свидетельствуют документы и воспоминания.

Дочь В.Г. Костомарова Мария Витальевна Вейн, принимающая активное участие в создании и деятельности Мемориального музея академика В.Г. Костомарова, рассказала в одном из электронных писем: «Отец часто ездил в Пушкинские Горы, много размышлял и говорил о Пушкине и выражал свое неизменное восхищение деятельностью директора Пушкиногорья».

Несомненно, стоит отметить тот факт, что созданный по инициативе молодого перспективного ученого В.Г. Костомарова Институт русского языка носит имя великого поэта. Именно А.С. Пушкину, по словам В.Г. Костомарова, «открылась истина»: «всесторонне освоить народные сокровища, утвердить на месте изысканного вкуса и безоглядного



В.Г. Костомаров. Отдых на Николиной горе

ретроградства мудрое чувство меры, благородную прелесть нагой простоты, точности, краткости, искренности выражения»[1].

Несколько слов необходимо сказать о В.Г. Костомарове как о еще одном выдающемся человеке, входящем в список имен в окружении С.С. Гейченко. Ученик и последователь известного советского языковеда В.В. Виноградова, В.Г. Костомаров изучал связи языка и культуры, основал особое научное направление — лингвострановедение и был редактором многих учебных пособий, в частности комплекса «Русский язык для всех», удостоенного Государственной премии СССР.

Доктор филологических наук, профессор, действительный член и президент Академии педагогических наук (ныне Российская Академия образования), президент Международной ассоциации преподавателей русского языка (МАПРЯЛ) В.Г. Костомаров был долгое время редактором журнала «Русская речь» и известным на весь мир языковедом и методистом-русистом[2].

В фондах Мемориального музея В.Г. Костомарова сохранились обширная переписка академика с редакцией Института русской литературы (ИРЛИ) (Пушкинский Дом), членом которой он являлся; документы о работе комиссии (председатель Д.С. Лихачев) и принятии решений о создании музея академика В.В. Виноградова в Москве и Ленинграде (в Пушкинском Доме); свидетельства о знакомстве В.Г. Костомарова с директором Государственного музея А.С. Пушкина в Москве А.З. Крейном; предметы, связанные с пушкинским имением в Болдине, множество программ, буклетов, приглашений, фотографий и книг, повествующих о биографии и творчестве А.С. Пушкина.

В пушкиниане В.Г. Костомарова несколько полных собраний сочинений великого поэта, изданных в разное время, сборники пушкинских научных конференций, проходивших в России и за рубежом, в том числе организованных Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина, воспоминания современников и представителей последующих поколений, художественные произведения о великом поэте, диссертации и авторефераты по пушкинской тематике, написанные аспирантами и докторантами из разных стран мира.

---

[1] *Костомаров В.Г.* Жизнь языка. От вятичей до московичей. М., 1994. С. 32.

[2] Выдающиеся деятели науки и культуры современной России. Энциклопедический словарь. М., 2019. С. 359–360.

Представлены здесь и многие издания о пушкинских местах, памятниках, мемориальных досках великому поэту в России и странах ближнего и дальнего зарубежья. Журнал «Русский язык за рубежом», выходящий до настоящего времени в институте, является одним из ярких и активных просветителей в области пушкинской биографии и творчества во всех уголках земного шара.

Очень важно, что в мемориальном собрании В.Г. Костомарова хранятся книги Семена Степановича Гейченко (некоторые с автографами выдающегося музейного деятеля), а также другие предметы, посвященные А.С. Пушкину и Пушкиногорью.

Среди них значительное количество фотографий студенческих выступлений на пушкинских конкурсах, в литературных гостиных, посвященных А.С. Пушкину, фрагментов любительских спектаклей по его произведениям — «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о Золотой рыбке», «Цыганы», широкоформатные фото Савкиной горки, окрестностей Михайловского и другие.

Фотографии и рекламные проспекты, хранящиеся в музее, запечатлели очень важное для преподавателей и студентов института ежегодное мероприятие: так называемый «митинг» (так до сих пор его называют) у памятника А.С. Пушкину в Москве в день рождения поэта, который проводится совместно с Государственным музеем А.С. Пушкина (Пречистенка, 12).

Отложилось в фондах и объявление следующего содержания, датируемое, как и большинство названных выше предметов, восьмидесятыми годами XX века:

«Информация о сборе средств для Пушкиногорья.

За 18 сентября поступили добровольные взносы от 87 сотрудников института на сумму 250 рублей 50 копеек.

Благодарим всех принявших участие в этом благородном деле».

Особую ценность и интерес для нашего музея представляет поздравительная открытка (14, 5 × 10 см; Министерство связи СССР, 1975) С.С. Гейченко В.Г. Костомарову, которую первый датирует «1.XI.88» в начале своего небольшого послания: «Премногомногоуважаемый Виталий Григорьевич! Примите мое сердечное поздравление с праздником Великого Октября! От души желаю Вам здоровья и успехов в Ваших благородных трудах и днях. Искренне уважающий Вас, С. Гейченко. Пушкинские Горы».

Конверт с написанным рукой С.С. Гейченко адресом и надпись на поздравительной открытке, отправленной В.Г. Костомарову

Несмотря на то, что поздравление посвящено «революционной» тематике, на самой открытке изображен памятник А.С. Пушкину в Пушкинских Горах (скульптор Е.Ф. Белашова, фото В. Савика). Поздравление «утверждено» печатью Пушкинского государственного Заповедника, а рукой С.С. Гейченко вписан адрес: «Москва, ул. Волгина, 6, Институт русского языка им. А.С. Пушкина. Директору Института В. Г. Костомарову».

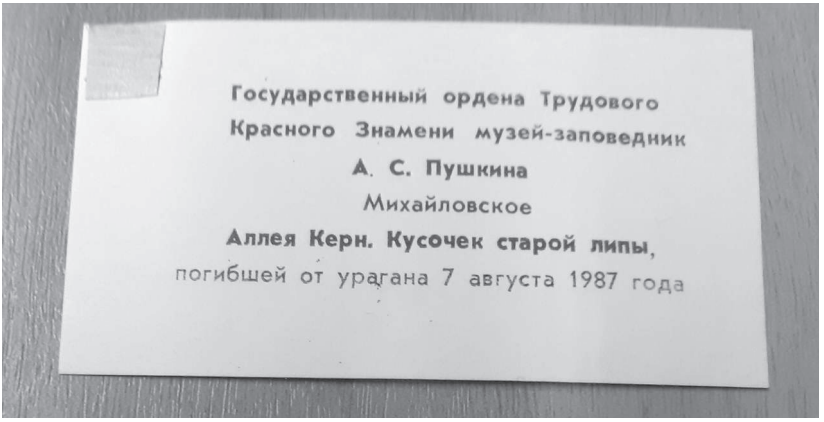
Открытка вложена в конверт (11 × 16 см, Министерство связи СССР, 1986) с изображением памятника А.С. Пушкину в Пушкиногорье (рисунок художника Л. Курьеровой), штампом музея-заповедника и адресом, написанном С.С. Гейченко от руки: «Москва, ул. Волгина № 6, Институт русского языка имени А.С. Пушкина. Директору Виталию Григорьевичу Костомарову (лично!)», в этом же конверте — миниатюрные подарки В.Г. Костомарову. С.С. Гейченко был уверен, что академик, как человек близкий по духу и восприятию русской усадебной культуры, по достоинству их оценит.

Прежде чем перейти к описанию сувениров, вложенных в конверт, отметим, что и открытка, и конверт с автографами С.С. Гейченко появились в обращении более сорока и, соответственно, тридцати лет назад. Они несут в себе не только мемориальную составляющую, но и могут быть по достоинству оценены коллекционерами-филокартистами и музейными сотрудниками по данному профилю.

Хорошо известно, что Семен Степанович Гейченко, трепетно относившийся ко всему, что связано с именем великого поэта А.С. Пушкина и его творчеством, как никто другой осознавал важность необыкновенно богатой по своей красоте и насыщенности всевозможными чудесами природы Михайловского и окрестностей.

Мемориальные места, всё то, что принято называть «гением места», «душой местности», «заповедными местами», неоднократно описывал директор Пушкиногорья в своих произведениях, подтверждая высказывание Д.С. Лихачева о том, что «Заповедник — это заповедный край. Это не край запретов: это край, где мы получаем заповеди любви, дружбы, веселья, встречаемся с Пушкиным, с тем, что он нам заповедал»[3].

[3] См.: *Гейченко С.С.* Пушкиногорье. Под пологом леса // Александр Пушкин: сайт [Электронный ресурс: http://pushkin-lit.ru/pushkin/mesta/gejchenko-pushkinogore/pod-pologom-lesa.htm].



«Визитка» с кусочком дерева — подарок С.С. Гейченко В.Г. Костомарову

Научные и научно-популярные труды академика В.Г. Костомарова, посвященные языку и культуре, свидетельствуют о том, что его восприятие мемориальных памятников природы было созвучно чувствам Д.С. Лихачева и С.С. Гейченко.

Восхищение рукотворной красотой архитектуры старинных усадеб, их ландшафтов и особым очарованием природы пушкинских мест, умение полностью погружаться в исторические реалии и наполняться энергией поэтических образов — всё это в полной мере было присуще характеру В.Г. Костомарова.

И он, и С.С. Гейченко хорошо знали «Поэзию садов» и неоднократно обращались к другим трудам Д.С. Лихачева[4], разделяли мнение последнего о том, что «исторические воспоминания и поэтические ассоциации — это и есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть и особенность»[5]. В.Г. Костомаров называл Д.С. Лихачева «выдающимся борцом за русскую культуру и русский язык»[6].

---

[4] См.: *Лихачев Д.С.* Поэзия садов. М., 1998; *Лихачев Д.С.* Письма о добром. М. ; СПб., 2006.

[5] См.: Дмитрий Сергеевич Лихачев о пушкинских местах // Псковиана: сайт [Электронный ресурс: http://pskoviana.ru/home1/soccer/literaturnaya-karta/3272-dmitrij-sergeevich-likhachev-o-pushkinskikh-mestakh].

[6] *Костомаров В.Г.* Академик Д.С. Лихачев — выдающийся борец за рус-

Оба подарка, вложенные в конверт С.С. Гейченко для В.Г. Костомарова, еще раз подтверждают вышесказанное.

Первый напоминает визитку: на небольшой прямоугольной карточке (8 × 4.3 см, белый картон), в верхнем правом углу которой приклеен кусочек дерева (1 × 1 см), по центру подпись:

«Государственный ордена трудового Красного
Знамени музей-заповедник
А.С. Пушкина
Михайловское
Аллея Керн. Кусочек старой липы,
Погибшей от урагана 7 августа 1987 года».

Семен Степанович стремился сохранить и приумножить память о рукотворных и природных особенностях местности, которые особенно любил и воспел в своих произведениях А.С. Пушкин. Рассылая своим единомышленникам маленькие фрагменты дерева, которое видел поэт, а оно, в свою очередь, «помнило» А.С. Пушкина, директор и хранитель заповедных мест продолжил традицию последнего владельца Михайловского из рода Пушкиных — младшего сына поэта Григория Александровича.

В свое время Г.А. Пушкин подарил куски последней из трех воспетых великим русским поэтом сосен, сломленной бурей 5 июня 1885 года, некоторым особенно близким людям[7]. Об этом, несомненно, знал и В.Г. Костомаров.

Второй подарок — миниатюрное издание произведения С.С. Гейченко под названием «Маленькая сказка о старом дереве» (Пушкинские Горы, 1988; 7,5 × 5,2 см) с дарственной надписью: «В.Г. Костомарову на добрую память от С. Гейченко».

К сожалению, нам не удалось установить, в каком количестве экземпляров была издана эта сказка в Пушкинских Горах, но известно, что в Российской Государственной библиотеке хранится экземпляр, вышедший в свет в 1989 году[8], а еще один, изданный в 1990 году

скую культуру и русский язык // В.Г. Костомаров. Статьи старых лет. М., 2010. С. 663.

[7] См.: *Февчук Л.П.* Личные вещи А.С. Пушкина. СПб., 1970; *Февчук Л.П.* Портреты и судьбы. Из ленинградской пушкинианы. Вещи А.С. Пушкина // Александр Пушкин: сайт [Электронный ресурс: http://pushkin-lit.ru/pushkin/bio/fevchuk-portrety-i-sudby/veschi-pushkina.htm].

[8] *Гейченко С.С.* Маленькая сказка о старом дереве. Пушкинские Горы, 1989

и с автографом С.С. Гейченко, в Государственном архиве Псковской области в фонде личного происхождения члена Союза художников Российской Федерации Александра Андреева[9].

Творческое сотрудничество Александра Андреева с Семеном Гейченко началось в 1980-х годах и тоже оказалось очень тесным и плодотворным. Художник часто бывал в Михайловском, посвятил Заповеднику серию гравюр «Пушкиногорье», иллюстрировал некоторые книги Гейченко, например, сборник стихов «В Михайловском. Времена года».

«Маленькая сказка о старом дереве» посвящена знаменитой «Елишатру» в усадьбе Тригорское, «оригинал» которой предположительно появился в 1812 году, а свое название получил из-за того, что крона ели образовывала шатер, непроницаемый для солнца и дождя.

26 мая 1965 года в Тригорском парке на месте погибшей «Елишатра» была посажена молодая елочка, возрастом около 10 лет, взятая с поляны около «Острова уединения» в Михайловском[10]. Это прекрасное дерево, некогда посаженное на кургане, сейчас является свидетелем многих событий, связанных с деятельностью самого С.С. Гейченко, «помнит» множество замечательных лиц, среди которых В.Г. Костомаров.

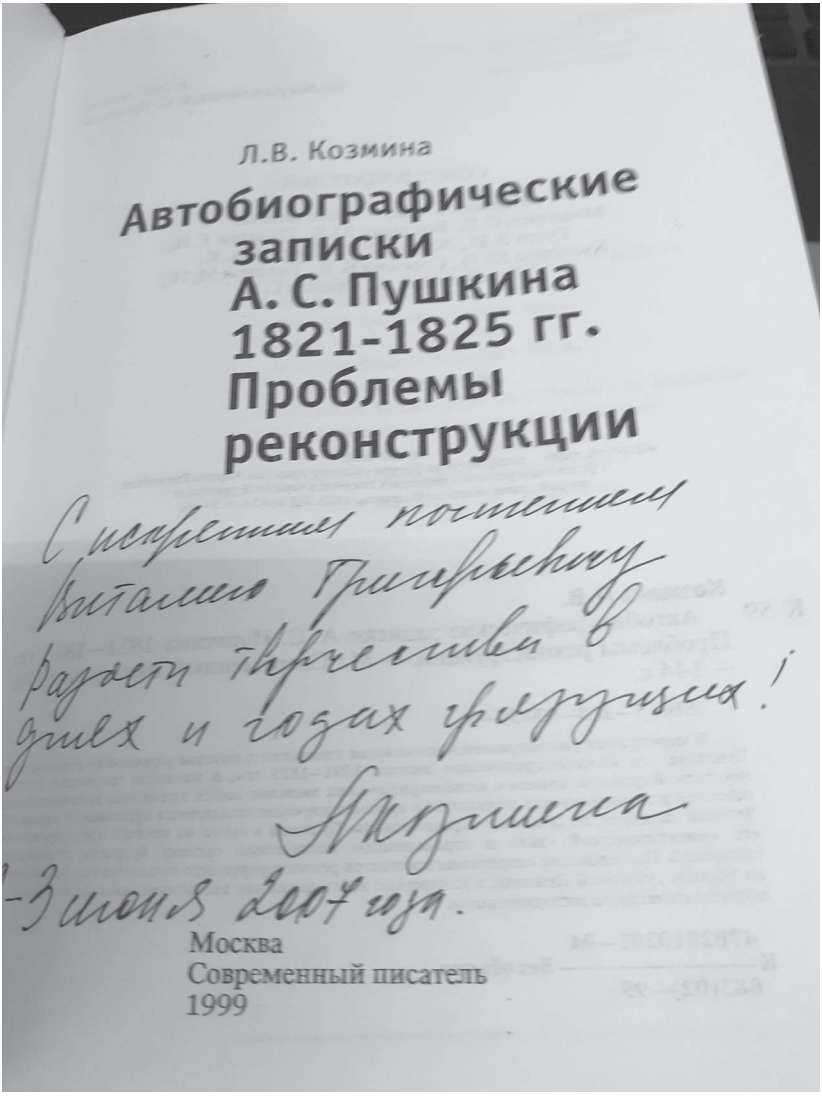
Академик бывал в музее-заповеднике «Михайловское» и после смерти С.С. Гейченко. В фондах Мемориального музея В.Г. Костомарова сохранилась программа Круглого стола «Русский язык в его развитии…» в рамках Форума русского языка, проходившего в Пушкинском Заповеднике 1–3 июня 2007 года.

Среди предметов, привезенных В.Г. Костомаровым в память об этом мероприятии и сохранившихся в мемориальной коллекции, экземпляр газеты «Пушкинский праздник поэзии. Специальный выпуск, посвященный XLI Пушкинскому празднику поэзии в Михайловском 2–3 июня 2007 года» с изображением А.С. Пушкина и С.С. Гейченко в Пушкинских Горах (художник И. Шаймарданов) и книга

// Национальная электронная библиотека: сайт [Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010448975/].

[9] [Книги с дарственными подписями Семена Гейченко…] // Вестник Пушкиногорья: сообщество в социальной сети ВКонтакте [Электронный ресурс: https://vk.com/wall-119250676_36706].

[10] См.: *Гейченко С.С.* Пушкиногорье. Под пологом леса.



Титульный лист книги Л.В. Козминой
с дарственной надписью автора В.Г. Костомарову

Л.В. Козминой «Автобиографические записки А.С. Пушкина 1821–1825 годов. Проблемы реконструкции»[11] с автографом автора.

Книга посвящена воссозданию и осмыслению не дошедших до нас, но «имевших место текстов»[12] А.С. Пушкина, что сходно с нашими задачами: в перспективе мы продолжим поиски свидетельств о встречах и возможном сотрудничестве С.С. Гейченко и В.Г. Костомарова для воссоздания целостной картины их взаимоотношений.

[11] *Козмина Л.В.* Автобиографические записки А.С. Пушкина 1821–1825 годов. Проблемы реконструкции. М., 1999.

[12] Там же. С. 7.

Александр Дубровский

К ИСТОРИИ ПСЕВДОПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «К Е***ВУ»

«К Е***ву» («Страдалец произвольной муки…») принадлежит к числу тех стихотворений, которые во второй половине XIX века признавались пушкинскими и входили в собрания его сочинений. Впоследствии авторство Пушкина было отвергнуто, а подлинный автор найден. Однако адресат этого стихотворения не выяснен и до настоящего времени. Пример этого стихотворения и его история отчетливо демонстрируют скрытые пружины механизма, содействовавшего созданию корпуса текстов, известных под названием «мнимый Пушкин». Приведем полностью текст — в том виде, в каком он впервые был напечатан.

Страдалец произвольной муки,
Не сводишь ты с нея очей,
Как Тантал, жадно ловишь звуки
Ея младенческих речей.

Не внятны ей твои страданья,
Язык любви ей не знаком,
Ей не понятны ни стенанья,
Ни бледность на лице твоем.

Когда в порыве страсти бурной
Ты с жаром руку жмешь у ней,
Ее пугает взгляд безумный,
Мгновенный блеск твоих очей.

Холодная к твоей печали,
Ея душа тиха, ясна,
Как вод в недвижимом кристале
С небес глядящая луна.

Стихотворение «К Е***ву» было опубликовано в 1859 году под редакционным заголовком «Неизданное стихотворение А.С. Пушкина»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА (1).

Страдалецъ произвольной муки,
Не сводишь ты съ нея очей,
Какъ Тапталъ, жадно ловишь звуки
Ея младенческихъ рѣчей.

Не внятны ей твои страданья,
Языкъ любви ей не знакомъ,
Ей не понятны ни стенанья,
Ни блѣдность на лицѣ твоемъ.

Когда въ порывѣ страсти бурной
Ты съ жаромъ руку жмешь у ней,
Ее пугаетъ взглядъ безумный,
Мгновенный блескъ твоихъ очей.

Холодная къ твоей печали,
Ея душа тиха, ясна,
Какъ водъ въ недвижимомъ кристалѣ
Съ небесъ глядящая луна.

---

1 Стихи эти доставлены намъ Г. Н. Геннади, получившимъ ихъ отъ В. А. Дерябиной; по ея словамъ, они написаны были А. С. Пушкинымъ *на скоро*, на балѣ у кн. А. И. Голицыной (урожд. Измайловой), для княжны Екатерины Семеновны Урусовой, потомъ въ замужествѣ Батуриной.

*«Неизданное стихотворение А.С. Пушкина» в томе 3 журнала «Русская беседа» за 1859 год: первая публикация псевдопушкинского произведения «К Е***ву»*

в славянофильском журнале «Русская беседа»[1] со следующим примечанием: «Стихи эти доставлены нам Г.Н. Геннади, получившим их от В.А. Дерябиной; по ее словам, они написаны были А.С. Пушкиным на скоро, на бале у кн. А.И. Голицыной (урожд. Измайловой), для княжны Екатерины Семеновны Урусовой, потом в замужестве Батуриной»[2].

Попытаемся разобраться в этой истории, которая, как выясняется, оказалась весьма запутанной.

Княгиня А.И. Голицына (урожденная Измайлова) была той самой княгиней Авдотьей («Совестно называть ее таким прозаическим именем», — говорил П.А. Вяземский[3]), или Евдокией Ивановной Голицыной (1780–1850), знаменитой «princesse Nocturne» («ночная княгиня»), одной из красивейших женщин своего времени, которая славилась как хозяйка литературного и светского салона, располагавшегося на Большой Миллионной улице (дом 30). На балу у нее Пушкин, по легенде, якобы и сочинил это стихотворение. Со слов Н.М. Карамзина известно, что юный Пушкин «смертельно влюбился в Пифию Голицыну, у которой проводит вечера»[4]. Княгине Голицыной он посвятил два стихотворения: «Краев чужих неопытный любитель…» и «Простой воспитанник природы…». Пушкин посещал салон Голицыной и по возвращении из ссылки. Так, Вяземский сообщал жене о танцевальном вечере 15 мая [1828] у «княгини Полуночной»[5]. Да и сам поэт писал в одной из своих рабочих тетрадей (ПД, № 838, л. 15 об.): «18 мая [1828] у княгини Голиц.[ыной]»[6]. Так что пушкинский экспромт на бале у Голицыной был вполне возможен.

---

[1] Неизданное стихотворение А.С.П. // Русская беседа. М.: в типографии Александра Семена на Мясницкой улице. 1859. Т. 3. С. 1. Издателями-редакторами журнала были А.И. Кошелев и Т.И. Филиппов, с 1858 года — один А.И. Кошелев. С 1859 года редакцией заведовал фактически И.С. Аксаков.

[2] Там же.

[3] Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым / изд. С.Д. Шереметева, под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899. Т. 1. С. 147.

[4] Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. С. 43.

[5] Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 79.

[6] Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. Изд. 2-е, переработанное. М., 1997. С. 258.

Другой вопрос, что княжне Екатерине Семеновне Урусовой, в замужестве Батуриной (1820–1882), которой предназначалось, согласно легенде, стихотворение, в то время было не более восьми лет. «Ея младенческие речи» и незнание «языка любви», вероятно, и сподвигли создателей легенды назвать ее адресатом послания Пушкина.

О ней мы знаем совсем немного. Дочь князя Семена Никитича Урусова и княгини Анны Ивановны Урусовой, в 1851 году она стала женой генерал-лейтенанта, сенатора Сергея Герасимовича Батурина (1789–1856). Боевой генерал, участник Отечественной войны 1812 года, С.Г. Батурин участвовал в сражениях под Смоленском, Бородином и Красным. В 1813–1814 годах, участвуя в заграничном походе русской армии, побывал в сражениях под Люценом и Кульмом, где был ранен, стал очевидцем взятия Парижа. За боевые отличия в войне против Наполеона Батурин награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», российским орденом Св. Владимира IV степени с бантом, прусским орденом Pour le Mérite и особым прусским знаком ордена Железного креста. Вступив в командование бригадой, Батурин участвовал позднее в Польской кампании 1831 года; при взятии Варшавы «получил контузию в левую ногу и был ранен ружейною пулею». За эту кампанию он также был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и алмазными украшениями.

Осталось теперь отыскать В.А. Дерябину, передавшую стихотворение Геннади. Точных сведений о ней найти не удалось. Можно предположить, что она — дочь одного из крупнейших специалистов горнозаводского дела в России Андрея Федоровича Дерябина (1770–1820), жена которого Наталья Никитична была дочерью князя Никиты Урусова (предводителя Ярославского наместничества). Таким образом получается, что по материнской линии Дерябина была из рода Урусовых, как и предполагаемый адресат стихотворения.

Но какова же история самого стихотворения? Сначала, как было сказано выше, Геннади опубликовал его в «Русской беседе», а затем, будучи редактором собрания сочинений Пушкина, издаваемого Я.А. Исаковым, напечатал его в первом томе этого издания в разделе «Стихотворения неизвестных годов». Здесь, в отличие от публикации в «Русской беседе», у стихотворения появилось название: «К Е***ву»[7]. Но никаких

[7] *Пушкин А.С.* Сочинения. В 6 т. / под ред. Г.Н. Геннади. СПб., 1859–1860. Т. 1. С. 562.

объяснений не было сделано. В книге приложений к сочинениям Пушкина эти стихи предварялись скупой ремаркой: «Пьеса, набросанная Пушкиным в двадцатых годах, на бале в Петербурге. Она была напечатана в 3 книге Русской Беседы 1859 г.»[8]

Немало удивленный этим обстоятельством, настоящий автор текста Д.П. Ознобишин принялся, по мере своих сил, исправлять недоразумение. М.Н. Лонгинов, занимавшийся поиском редких и неизданных материалов Пушкина, писал В.П. Гаевскому 6 января 1862 года: «Стихи Ознобишина, приписанные Пушкину, указал мне сам Ознобишин и своеручно отметил их в издании Исакова, в моей библиотеке, так же, как и многое другое в альманахах и т. д.»[9] В рецензии на перевод Ознобишина повести «Аксель» шведского поэта И. Тегнера (1782–1846) Лонгинов отнес переводчика к поэтам первого поколения последователей Пушкина. И отметил при этом, «что одно из произведений г. Ознобишина приписано еще недавно Пушкину и вошло в собрание его стихотворений; это пиеса К Е***, начинающаяся стихом: «Страдалец произвольной муки» (Соч. Пушкина. Изд. Исакова, т. 1, с. 562)»[10].

Но Геннади, вероятно, не был осведомлен о московских открытиях. Через десять лет под его редакцией вышло второе полное собрание сочинений Пушкина, которое мало чем отличалось от первого. И стихотворение Ознобишина снова напечатали в первом томе[11]. «Неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм» (Е.П. Ростопчина) С.А. Соболевский написал на издателя разящую эпиграмму, формально адресованную Пушкину и получившую распространение в литературной среде[12]:

---

[8] Приложения к сочинениям А.С. Пушкина, изданным Я.А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А.С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания / сост. Г. Геннади. СПб., 1860. С. 111.

[9] Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 341. Оп. 2. № 311. Л. 3–3 об.

[10] *Лонгинов М.* Аксель, повесть Исаии Тегнера, в русском переводе Д. Ознобишина. СПб., 1861 // Русский вестник. 1861. № 7. С. 44.

[11] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений / под ред. Г.Н. Геннади. СПб., 1869–1871. Т. 1. С. 552 (раздел «Литературное обозрение и заметки»).

[12] См.: *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 134.

О жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннадий![13]

Впоследствии П.А. Ефремов в рецензии на статью Н. Гербеля «Для будущего полного собрания сочинений Пушкина» подтвердил, «что печатающееся в Исаковских изданиях стихотворение «к Е-ву» (к Есакову) принадлежит Ознобишину (т. 1, с. 552)»[14]. Обращает на себя внимание, что именно Ефремову принадлежало «раскрытие» полного имени адресата, при том, что источник информации назван не был.

Авторство Ознобишина подтвердил и Б.Л. Модзалевский в Русском биографическом словаре (1902)[15]. Ученый отыскал первую публикацию стихотворения в журнале «Сын Отечества» (1827. Т. 113. № 9. С. 93–94) с подписью «Оз.» среди других стихотворений Ознобишина. Но там оно было озаглавлено «К N.» Модзалевский, подхватив версию Ефремова, уточнил, что адресатом этого послания был лицейский товарищ Пушкина, один из лучших воспитанников первого курса Семен Семенович Есаков (1798 — апрель 1831). Получив о нем сведения от его дочери баронессы Софьи Семеновны Корф, Модзалевский написал и биографический очерк о Есакове, поведав о его трагической судьбе[16].

Из очерка явствует следующее. С.С. Есаков, окончив в 1817 году Лицей со второй серебряной медалью, вместе с И.И. Пущиным поступил прапорщиком в гвардейскую конную артиллерию. Карьера его складывалась вполне успешно — от назначения подпоручиком в 1820 году до производства в полковники в 1829-м. Ссылаясь на книгу Я.К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники»[17],

---

[13] *Соболевский С.А.* Эпиграммы и экспромты / под ред. В.В. Каллаша. М., 1912. С. 30.

[14] *Ефремов П.А.* Александр Сергеевич Пушкин. Стихотворение «Моя родословная» по подлинной рукописи // Русская старина. 1879. Т. 26. № 12. С.731; Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 10–11.

[15] Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. СПб., 1902. Т. 12. С. 198.

[16] *Модзалевский Б.* Семен Семенович Есаков. Биографические заметки // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Т. 2. С. 27–31.

[17] *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота, с присоединением и др. материалов. 2-е изд., доп., с прил. неизд. письма Пушкина, под ред. проф. К.Я. Грота. СПб., 1899.

Модзалевский сообщал, что в 1831 году во время Польской кампании Есаков «имел несчастье потерять две пушки под каким-то мостом и с отчаяния застрелился»[18]. Относительно вопроса о личных взаимоотношениях Есакова и Пушкина Модзалевский замечал, что «по кратким упоминаниям о нем в письмах Илличевского к Фуссу в записках И.И. Пущина и в письмах Е.А. Энгельгардта нельзя составить об этих отношениях никакого представления; впрочем, из того, что Пушкин ни разу не обмолвился об Есакове в своих письмах, даже по поводу его трагической кончины, о которой не мог не знать своевременно, можно, кажется, предположить, что оба товарища никогда не были особенно близки между собою — ни во время лицейской жизни, ни впоследствии».

В конце заметки Модзалевский окончательно пришел к выводу, что связанное с именем Есакова стихотворение «Къ N.» («Страдалец произвольной муки») принадлежало не Пушкину, а Дмитрию Петровичу Ознобишину и относилось «действительно к какому-то Есакову, только не к Семену Семеновичу»[19].

Долгое время о жизни и творчестве Ознобишина было известно не так уж и много. Сам поэт, стихи которого были разбросаны по многочисленным журналам и альманахам, при жизни так и не собрался выпустить их отдельной книгой. Первый сборник его стихотворений был напечатан только в 1992 году[20]. Спустя два года (1994) Н.А. Хохлова подготовила обзор архива Ознобишина[21], переданный внуком поэта Дмитрием Ивановичем (1870–1962) Б.Л. Модзалевскому в Пушкинский Дом. А в 2001 году вышло наиболее полное собрание стихотворений и прозы Ознобишина в серии «Литературные памятники»[22]. «Лирика Ознобишина в значительной мере автобиографична, — отмечала в статье «Поэт и полиглот», сопровождавшей издание стихов Ознобишина в «Литературных памятниках», Татьяна Матэосовна Гольц. —

---

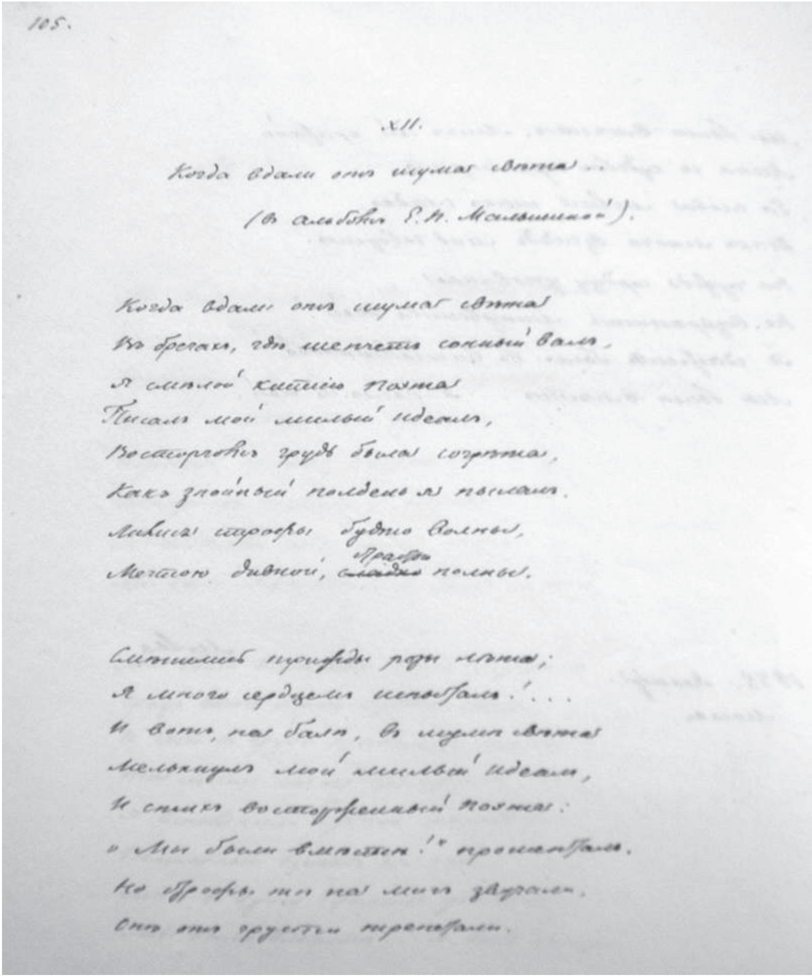
[18] *Модзалевский Б.* Семен Семенович Есаков. Биографические заметки. С. 30.

[19] Там же.

[20] *Ознобишин Д.П.* Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. Т.М. Гольц. М., 1992.

[21] *Хохлова Н.А.* Обзор архива Д.П. Ознобишина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 3–28.

[22] *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. Проза. В 2 кн. / подгот. Т.М. Гольц, А.Л. Гришунин, Н.Н. Холмухаммедова (серия «Литературные памятники»). М., 2001.



105.

XII.

Когда вдали отъ шума свѣта...

(Въ альбомъ Е.Н. Мельницкой).

Когда вдали отъ шума свѣта
Въ брегахъ, гдѣ шепчетъ сонный валъ,
Я милой кистію поэта
Писалъ мой милый идеалъ,
Восторговъ грудь была согрѣта,
Какъ знойный полдень я писалъ.
Живыя строфы, будто волны,
Мечтою дивной, ~~сладкой~~ страстью полны.

Смиряясь прихоти рѣзвой лѣта;
Я много сердцемъ испыталъ!..
И вотъ, на балѣ, въ шумѣ свѣта
Мельницкая мой милый идеалъ,
И снилъ восторженный поэта:
«Мы были вмѣстѣ!» прошепталъ.
Но строфъ ни на мигъ задержалъ,
Онъ отъ грусти трепеталъ.

Автограф Д.П. Ознобишина. «Когда вдали от шума света…»
РО ИРЛИ. Ф. 213. № 21. Л. 54 об.

По отдельным стихотворениям можно в основном проследить историю его первой любви к Е.П. Малыниной. Чувство к ней поэта было сильным и продолжительным. Девушка из дворянской семьи, тогда еще очень юная, постоянно жившая в деревне, была тоже к нему не безразлична. Но на его сватовство ответили отказом: поэт тогда не служил, владел всего 350 душами»[23].

Имя возлюбленной Ознобишина Е.П. Малыниной появляется в статье не случайно. Т.М. Гольц цитирует фрагмент напечатанного в 1929 году в Казани письма двоюродного брата поэта Д.А. Трубникова 1829 года[24], в котором имя той, кого любил поэт, не дописано. Приведем этот фрагмент по подлиннику с сохранением его орфографии: «…я вам скажу, что неудачное Маль… сватовство не должно огорчать вас, много етого народу. Любопытно знать, живя в деревне, кого оне найдут — какого-нибудь рябого генерала, ето не находка. Я читал ваши стихи в Галатеи: Меня обманула улыбка твоя. Полагаю, что ети писаны от души. По вашей доброй душе, уму вы восстановитесь в диагональном положении. Не печальтесь, вам предоставлено право выбирать»[25].

Гольц, как мы видели, расшифровала недописанное имя как Малынина (при том, что в оригинале первые четыре буквы прочитываются как «Маль»).

Разгадку мы находим в одном из альбомов стихов Ознобишина, которые хранятся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (РО ИРЛИ (Пушкинский дом) в фонде 213 — фонде Ознобишина. Одно из содержащихся в нем стихотворений «Когда вдали от шума света…» имеет подзаголовок «В альбом Е.П. Мальшиной»[26]. Именно Мальшиной, а не Малыниной, как прочла это имя Т.М. Гольц.

Екатерина Петровна (20.02.1810–27.02.1839), урожденная Мальшина, дочь надворного советника, помещика Симбирской губернии, в 1826 году вышла замуж за сына богатого пензенского помещика Александра Николаевича Арапова, который так же, как и Есаков

---

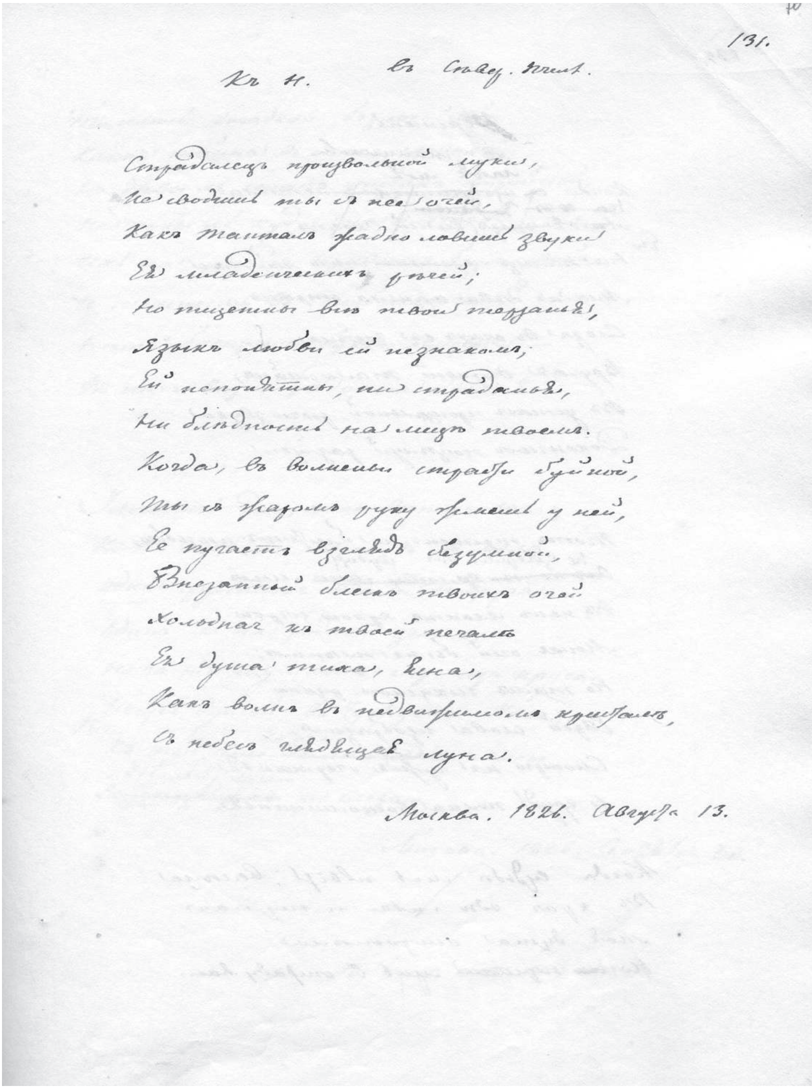
[23] *Ознобишин Д.П.* Стихотворения. Проза. С. 333–334.

[24] *Васильев М.* Из переписки литераторов 20–30-х годов XIX века (Д.П. Ознобишин — С.Е. Раич — Э.П. Перцов) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3–4. С. 182.

[25] РО ИРЛИ. Ф. 213. № 240. Л. 2.

[26] Там же. № 21. Л. 54 об.

Альбом Д.П. Ознобишина.
Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 213. № 24


70

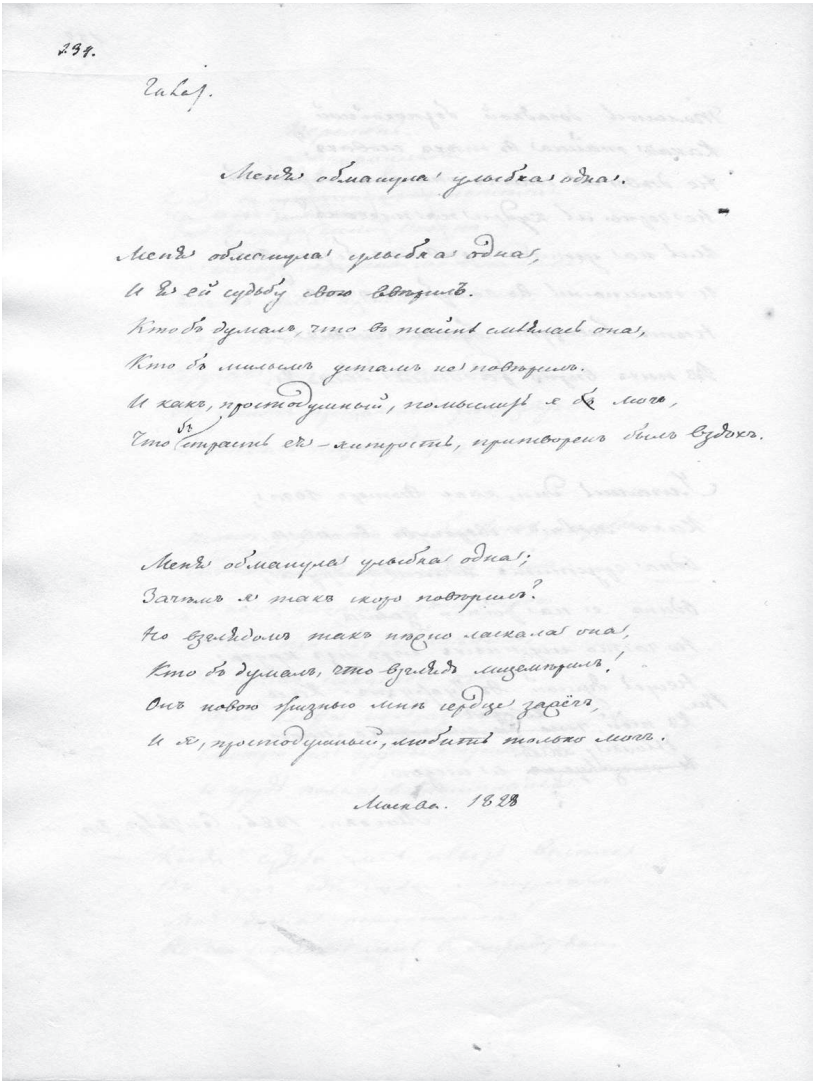
131.

Къ Н. въ Сѣвер. Пчел.

Страдалецъ произвольной муки,
Не сводишь ты съ нее очей,
Какъ Танталъ жадно ловишь звуки
Ея младенческихъ рѣчей;
Но тщетны всѣ твои терзанья,
Языкъ любви ей незнакомъ,
Ей непонятны, ни страданья,
Ни блѣдность на лицѣ твоемъ.
Когда, въ волненьи страсти буйной,
Ты съ жаромъ руку жмешь у ней,
Ее пугаетъ взглядъ безумной,
Внезапный блескъ твоихъ очей.
Холодная къ твоей печали
Ея душа тиха, ясна,
Какъ волнъ въ недвижимомъ кристаллѣ,
Съ небесъ глядящая луна.

Москва. 1826. Августа 13.

Автограф Д.П. Ознобишина. «К Н. Страдалец произвольной муки…»
РО ИРЛИ. Ф. 213. № 24. Л. 70



Автограф Д.П. Ознобишина. «Меня обманула улыбка одна…»
РО ИРЛИ. Ф. 213. № 24. Л. 71 об.

и Батурин (муж Е.С. Урусовой), принимал участие в подавлении Польского восстания. Все они могли знать друг друга. О Екатерине Петровне Мальшиной известно, что она родила двоих детей — Александра (1832–1919), который стал кавалергардом, гофмейстером, тайным советником, и Павла (1839–1885) — в будущем действительного статского советника, посланника в Португалии. Она скончалась через три недели после вторых родов в возрасте 29 лет и была похоронена на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Муж ее А.Н. Арапов продолжил военную карьеру. Он вышел в отставку в 1850 году в чине генерал-лейтенанта. Был ли он рябым, как предполагал двоюродный брат поэта, мы не знаем.

В другом альбоме, имеющем изящный красный с золотым орнаментом переплет и владельческую надпись золотыми буквами «Д: Ознобишинъ», среди произведений 1823–1829 годов мы находим и автограф стихотворения «К Н.» («Страдалец произвольной муки…»), написанного в Москве 13 августа 1826 года[27]. В оглавлении, составленном самим поэтом, оно значится «К NN.» В том же альбоме находится стихотворение «Меня обманула улыбка одна…» (Москва, 1828) и еще несколько стихотворений, также имеющих автобиографический характер.

Кажется, после всего сказанного не так уж трудно предположить, к кому были обращены и другие лирические строки, оставшиеся единственным свидетельством так и не свершившейся любви.

Ниже мы приводим текст по автографу. Выделенные курсивом слова отражают те места оригинала, которые подверглись изменениям в печатной редакции.

К Н.

Страдалец произвольной муки,
Не сводишь ты с нее очей,
Как Тантал, жадно ловишь звуки
Ея младенческих речей;
Но тщетны все твои терзанья:
Язык любви ей незнаком,
Ей не понятны ни страданья,

[27] РО ИРЛИ. Ф. 213. № 24. Л. 70 (в авторской постраничной пагинации с. 131).

Ни бледность на лице твоем.
Когда в волненьи страсти буйной
Ты с жаром руку жмешь у ней,
Ее пугает взгляд безумный,
Внезапный блеск твоих очей.
Холодная к твоей печале
Ея душа тиха, ясна,
Как *волн* в недвижимом кристале,
С небес глядящая луна.

Москва. 1826. Августа 13

Остается предположить, что легенда о стихотворении, якобы написанном Пушкиным на бале для юной княжны, вышла из семейства Урусовых — Батуриных. Батурины были в дальнем родстве с семьей Пушкиных. Мать Сергея Герасимовича Анна Николаевна и бабушка А.С. Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал были двоюродными сестрами. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна 22 октября 1836 года писала отцу, что Батурин, которого она называла «кузеном», уверял ее, что Пушкин очень занят «выездами на балы и рауты», в то время как муж Н.И. Павлищев успокаивал: «Александр, может быть, очень занят своим «Современником»[28].

[28] Мир Пушкина. Т. 1 (серия «Фамильные бумаги»). СПб., 1993. Т. 1. С. 53.

Петр Крапошин

«СВОРОТИЛ НА ПРЯМУЮ ТИФЛИССКУЮ ДОРОГУ»: КАКИМ БЫЛ И КАКИМ МОГ БЫ БЫТЬ МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ А.С. ПУШКИНА В АРЗРУМ В 1829 ГОДУ

В «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкин указывает многие места, которые находятся на его пути, но далеко не все. Целью настоящей работы является реконструкция маршрута путешествия А.С. Пушкина из Москвы в Арзрум и выявление мест, которые поэт посетил и которые мог бы посетить.

«Путешествие в Арзрум» написано в 1829–1835 годах и было опубликовано в первом номере журнала «Современник» в 1836 году. Почти одновременно, в 1833–1835 годах, А.С. Пушкин писал «Путешествие из Москвы в Петербург». В этих записках маршрут путешествия был описан подробно, в то время как в «Путешествии в Арзрум» детально был описан только путь начиная от Новочеркасска. Каким точно был маршрут путешествия от Москвы, в тексте «Путешествия» не сказано. 4 марта 1829 года А.С. Пушкин получил подорожную за подписью почт-директора К.Я. Булгакова. В подорожной было написано: «Почтовым местам и станционным смотрителям от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно. Г. чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно, предписываю почтовым местам и станционным смотрителям давать означенное в подорожной число почтовых лошадей без задержания и к проезду всякое оказывать пособие»[1].

А.С. Пушкин пишет, что из Москвы он направился сначала в Калугу, затем на Белев и Орел, сделав, таким образом, лишних 200 верст. Чтобы не удлинять маршрут, нужно было бы ехать через Тулу, но поэт решил по пути посетить Полотняный завод. Из Калуги до Орла дорога проходила через Лихвин, за которым следовали Белев, Болхов (откуда продолжался путь также и на Киев), а вслед за Болховом — Орел. Для удлинения маршрута могло быть две причины: поэт по пути посетил усадьбу Гончаровых Полотняный

[1] *Блохин Н.* 1829. Вторая поездка А.С. Пушкина на Кавказ // Культура. 25.07.2019 (№ 99).

завод, кроме того, в Орле поэт встретился с отставным генералом А.П. Ермоловым.

Путь от Орла А.С. Пушкин описывает следующим образом: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую тифлисскую дорогу». Если бы поэт решил ехать через Курск и Харьков, далее путь проходил бы следующим образом: Змиев, Изюм, Славянск, Бахмут, Новочеркасск, откуда дорога вела на Ставрополь. Под прямой тифлисской дорогой А.С. Пушкин имел в виду дорогу, которая из Москвы ведет через Серпухов, Тулу, Богородицк, Ефремов, Елец, Задонск, Воронеж, Павловск — и также через Новочеркасск. До Ельца дорога проходила через Ливны[2]. Изменение маршрута может быть связано с тем, что поездка в Арзрум была совершена полулегально. На просьбу зачислить А.С. Пушкина в действующую против турок армию 20 апреля 1829 года был получен отказ. Подорожную до Тифлиса Пушкин взял еще 5 марта, а выехал в Грузию 1 мая.

Часть пути А.С. Пушкин проделал по Задонскому почтовому тракту, который соединил Черкасск с Кавказской губернией. Этот тракт был основан еще в конце XVIII века. Войсковая канцелярия поощряла расселение казаков вдоль тракта и прежде всего у развертываемых почтовых станций — близ Батайска, рек Кагальник, Мечетка и Средний Егорлык. В 1808 году были основаны станицы Махинская (Ольгинская), Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыкская. Их А.С. Пушкин должен был проезжать независимо от того, по какому пути прибыл в Новочеркасск[3].

По пути от Новочеркасска до Ставрополя А.С. Пушкин проезжал станции Среднеегорлыцкое, Песчанокопское, Летницкое (ныне Летник), Медвежье, Преградное, Безопасное, Донское и Московское. От Ставрополя путь проходил через Александров до Георгиевска, где А.С. Пушкин останавливался и ранее, в 1820 году. От Георгиевска путь продолжался через Прохладный и Екатериноград, который в то время являлся началом Военно-Грузинской дороги (позже ее началом стал Владикавказ). До Ермолова дорога, начинавшаяся в Екатериноградe тотчас по переезде через Малку, шла через Моздок, по правому берегу Терека, в самом ближайшем соседстве беспокойных чеченцев. Ермолов перенес ее на левую сторону и направил на Татартуб и Ардон, где были построены крепости специально для путешественников, чтобы они могли укрыться

[2] Почтовый дорожник Российской империи. СПб., 1852.

[3] *Зайдинер В.И., Ковынева С.А.* По Задонскому почтовому тракту // Донской временник. Год 2009. Вып. 18. Ростов-на-Дону, 2008. С. 100–102.

от возможного нападения горцев. До Татартуба на пути до Владикавказа находились также крепости Пришиб и Урух. О посещении Татартуба Пушкин пишет: «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками» (VIII, 1; 448).

От Ардона А.С. Пушкин отправился во Владикавказ, а уже из Владикавказа — в Тифлис (Тбилиси), откуда его путь лежал через Гимры (Гюмри) и Карс.

После почти двухнедельного пребывания в Тифлисе 10 июня 1829 года Пушкин выехал в Армению. Сохранился маршрут от Тифлиса до Арзрума в копии, сделанной рукою Дельвига, следовательно, еще в 1830 году, и в писарской копии, включенной Пушкиным в состав «Примечаний» к «Путешествию в Арзрум», в которой обозначены расстояния в верстах между пунктами следования. Однако в нем отмечены не все места, через которые проехал или которые посетил Пушкин (что видно из того же «Путешествия в Арзрум»). Для Восточной Армении указаны лишь населенные пункты, где стояли казачьи посты и происходила смена лошадей, а для Западной Армении — путь, который прошла русская армия.

М.И. Пущин вспоминает:

«В 1829 году, в мае месяце, дождавшись главнокомандующего на границе в крепости Цалке, с ним я отправился в Карс, откуда сделано было нами движение к Ардагану, где, отделив от себя Муравьева на подкрепление Бурцева под Ахалцыхом, мы с главнокомандующим возвратились в Карс; Бурцев же, подкрепленный Муравьевым, не замедлил разбить турецкого пашу, желавшего отнять у нас Ахалцых, и прибыл к нам в Карс, подкрепивши Бебутова гарнизон в Ахалцыхе. По собрании всего отряда в Карсе мы присоединились к Панкратьеву, который

выдвинут был на Арзерумскую дорогу. Тут, несмотря на все убеждения двигаться вперед, Паскевич откладывал движение со дня на день, боясь Гагки-паши, расположенного влево от нас, в урочище Дели-Муса-Фурни, чтобы при движении вперед не иметь его в тылу нашем.

Во время этого бездействия я, который занимался разведыванием о неприятеле и составлял карты движения к Арзеруму, по обязанности своей должен был делать рекогносцировки и каждую ночь их удачно делал с партией линейных казаков, чаще всего с гребенскими. Однажды, уже в июне месяце, возвращаясь из разъезда, на этот раз очень удачного, до самого лагерного расположения турок на высоте Мелидюза, которое в подробности имел возможность рассмотреть, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречею с неприятелем, встречею, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А.С. Пушкин бросился меня целовать, и первый вопрос его был: «Ну, скажи, Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!» — «Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр; полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия; если же они не атакуют нас, то я с Бурцовым завтра непременно постараюсь заставить их бросить свою позицию, с фронта неприступную, движением обходным, план которого отсюда же понесу к Паскевичу, когда он проснется»[4].

В течение 10 июня Пушкин ехал по территории современной Грузии, минуя деревни Телети, Коды, Большие Шулаверы, пост Самиси (ныне деревня Ак-Корфа), в которых проживали грузинские и армянские семьи.

Утром 12 июня Пушкин, торопившийся в лагерь русских войск, стоявший, по его сведениям, в Карсе, выехал из Гумри. «Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росою и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. «Вот и Арпачай», — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Грани-

[4] *Пущин М.И.* Встреча с А.С. Пушкиным за Кавказом // Декабристы: форум [Электронный ресурс: https://d1825.ru/viewtopic.php?id=6180].

ца имела для меня что-то таинственное… Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России» (VIII, 1; 463).

В описании маршрута, составленном Пушкиным, после Гумри отмечены следующие пункты с постами для смены лошадей: селение Джамумлы (правильнее Джамушлы, ныне Палдрван) — 28 верст, со смешанным в то время армяно-русским населением, возле которого в начале XIX века еще сохранялись развалины крепости, построенной из камней, унесенных из древней столицы Армении — Ани; за Джамушлы — селение Халив-оглы, в 18 с половиной верстах, населенное в пушкинское время греками; Карс — в 21 версте.

К вечеру Пушкин приехал в турецкую деревню, находившуюся в 20 верстах от Карса. Отказавшись от ночлега и решив продолжать путь, Пушкин потребовал лошадь. «Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: Карс, Карс!» (VIII, 1; 464). Подъезжая к городу, Пушкин мучился беспокойством: «…участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию» (VIII, 1; 464).

При выезде из Карса с Пушкиным произошел инцидент: чтобы получить лошадей, ему необходимо было представить офицеру, ведавшему этим делом, письменное предписание с разрешением следовать в действующую армию. Такового у Пушкина не было, но он не растерялся: «Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (VIII, 1; 465).

Внимательный взор поэта замечает, что «дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саганлу (древнего Тавра) начинали появляться». Спустя два часа Пушкин увидел с холма русский лагерь, расположенный на берегу Карс-чая.

Вскоре Пушкин был уже в палатке Николая Николаевича Раевского-младшего — одного из своих близких друзей, которому он посвятил поэму «Кавказский пленник» и стихотворение «Андре Шенье». Раевский (1801–1843) находился в тесных связях с декабристами, и, хотя

царским властям не удалось установить его принадлежность ни к одному из тайных обществ, он был переведен в Особый Кавказский корпус, где Ермолов назначил его командиром Нижегородского драгунского полка. Вместе со своим полком Раевский принимал активное участие в Русско-персидской и Русско-турецкой войнах и за отличия был в 26-летнем возрасте удостоен звания генерала.

Пушкин прибыл в русский лагерь 13 июня, в день, когда войско получило приказ идти на Арзрум.

«Обедая у Р[аевского], слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении, им предписанном»… Говоря о «молодых генералах», Пушкин имел в виду И.Г. Бурцова, генерал-майора с апреля 1829 года, и Н.Н. Муравьева, с марта 1828-го. Они рассуждали о плане военных действий, составленном И.Ф. Паскевичем, согласно которому И.Г. Бурцов был отряжен «влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как всё прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю». Русские войска стояли у селения Котанлы, откуда начиналась турецкая часть Карского пашалыка, в 50 верстах от подошвы Саганлугского хребта. Через Котанлы проходила большая дорога на Арзрум, которая разветвлялась на две, перерезающие Саганлугский хребет: они находились одна от другой на расстоянии от трех до двенадцати верст, вновь соединяясь после спуска с гор у моста на реке Араке близ деревни Кеприкев.

Левая дорога называлась Минджегертской (от армянского Минджегерт — срединная крепость в одноименном поселении в уезде Хнус, известном находящимся здесь монастырем святого Карапета — Иоанна Предтечи). Эта дорога шла от Карса через селение Котанлы — 24 версты, урочище Дели-Муса-Пурун — 30 верст, развалины караван-сарая на вершине Саганлугских гор — 12 верст, урочище Милли-Дюз (где был лагерь основных турецких сил под командованием Гагки-паши) — 7 верст, замок Минджегерт — 9 верст, речка Чермик — 10 $^{1}/_{2}$ версты, деревня Хоросан — 12 верст; всего около 80 верст. По этой дороге необходимо было подняться на довольно высокий Саганлугский хребет, покрытый густым лесом, где и в июне местами лежал снег, преодолеть множество глубоких и крутых оврагов, что давало возможность туркам устраивать засады. К тому же лагерь турок располагался на ровной вершине хребта, под началом Гагки-паши находились четыре тысячи регулярной и шесть тысяч нерегулярной пехоты, семь тысяч конницы, 17 полевых орудий. Удобное расположение турецких войск

давало возможность действовать против русской армии и с флангов, и с тыла[5].

О том, каков был маршрут обратного пути А.С. Пушкина из Арзрума в Россию, в настоящее время мало сведений. Известно, что до Владикавказа он добирался тем же путем, каким направлялся из России в Арзрум. Обратный путь заканчивается Владикавказом, откуда до Новочеркасска он добирался по этому же пути. Но неизвестно, по какому пути поэт ехал от Новочеркасска до Москвы — через Воронеж и Елец или через Харьков. Ответ на этот вопрос могут дать материалы, касающиеся почтовых станций, расположенных на обеих дорогах. Кроме того, ответ на этот вопрос могли бы прояснить письма, написанные с июня по сентябрь 1829 года, но в настоящее время эти письма не выявлены.

Определение маршрута, по которому А.С. Пушкин возвращался в Москву, является отдельной исследовательской задачей.

[5] Пушкинские места: путеводитель. Ч. II. Крым; Украина и Молдавия; Кавказ и Закавказье; Поволжье и Урал / сост. Н.А. Тархова. М., 1988.

Юлия Узенева

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОДИТЕЛЕЙ А.С. ПУШКИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИХ ПЕРЕПИСКИ

Родители А.С. Пушкина были светскими и хорошо образованными людьми, проявляли постоянный живой интерес к литературе. Сергей Львович получил французское воспитание, был знатоком французской литературы, писал стихи, был сочинителем-любителем и хорошим декламатором, был знаком со многими литературными знаменитостями. В доме Пушкиных часто бывали писатели, в том числе Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев, И.И. Дмитриев. У отца поэта была замечательная библиотека, он сам много читал и приобщал своих детей к книгам.

Уже в девятилетнем возрасте Пушкин с жадностью читал в библиотеке отца сочинения французских литераторов XVII–XVIII веков и во французском переводе знакомился с классическими произведениями древности. В «Программе записок» позднее он отметил: «Охота к чтению»[1].

Книжный шкаф в Комнате родителей Дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском

[1] *Тархова Н.А.* Жизнь Александра Сергеевича Пушкина. М., 2009. С. 16.

О.С. Павлищева, сестра поэта, вспоминала: «Пушкин… рано обнаружил охоту к чтению и уже девяти лет любил читать Плутарха или «Иллиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе (на франц. яз.). Не довольствуясь тем, что ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века. Страсть эту развили в нем и сестре сами родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читывал им Мольера»[2].

Из воспоминаний Льва Сергеевича Пушкина: «…Ребенок проводил бессонные ночи тайком в кабинете отца, пожирал книги одну за другой. Пушкин был одарен памятью необыкновенной и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу»[3].

«Можно догадываться о составе библиотеки, — писал П.В. Анненков, — как по характеру Сергея Львовича, так и вообще по характеру библиотек того времени. Более чем вероятно, что книгохранилище Пушкиных состояло из французских писателей XVIII века, из философских трактатов сенсуальной школы, Вольтера, Руссо, Гельвеция и самых крайних их толкователей»[4]. Как образно высказался П.В. Анненков, «библиотека отца оплодотворила зародыши ранних и пламенных страстей, существовавшие в крови и в природе молодого человека, раздвинула его понятия и представления далеко за границу возраста, который он переживал, снабдила его тайными целями и воззрениями»[5]. По мнению П.В. Анненкова, библиотека С.Л. Пушкина была той «искрой», которая «внезапно оживила его (Пушкина) природу и раскрыла разнородные нравственные элементы»[6].

Судя по переписке родителей Пушкина с дочерью Ольгой, интеллектуальные интересы Пушкиных во второй половине 1820–1830-х годах состояли в чтении классиков и писателей-современников — Карамзина, Байрона, Сервантеса, Мольера, Жермены де Сталь, Лафатера, Сведенборга, а также самых модных авторов: Вальтера Скотта, Жюля Жанена, Базиля Холла, Поля де Кока, Дю Кана, Эжена Сю, Томаса Мура.

---

[2] Мир Пушкина: Семейные предания Пушкиных. Т. 3. СПб., 2014. С. 17–18.

[3] Там же. С. 27.

[4] *Анненков П.В.* Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 32.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 31.

С 28 июня и до первых чисел октября 1829 года Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины находились в Михайловском, но фактически проживали в Тригорском: перебрались к соседям на время ремонта в собственном доме. В это время они с жадностью читали прессу, так как их младший сын Лев Сергеевич с июня 1829 года воевал против турок, участвовал во взятии Арзрума и крепости Байбут. «У меня нет газеты, и это для меня большое лишение»[7], — писал Сергей Львович дочери Ольге из Михайловского. В другом письме читаем: «…Немецкая газета (Sangtpeterburger Zeitung, с 1840-х годов Herold) сообщает нам о сражении, которое должен дать граф Паскевич. — Бог даст, оно кончится счастливо для Леона. — Ты не сомневалась в том, что я и в немецких газетах стану читать известия, — ведь вот что делает необходимость! Пожалуй, если б была только одна газета на еврейском, я и ту пытался бы разобрать — лишь бы найти там Нижегородский драгунский полк»[8].

Не только переживаниями за Льва Сергеевича были наполнены родительские сердца Пушкиных. Нередко в письмах встречается беспокойство за судьбу старшего сына Александра, который после неудачного сватовства к Н.Н. Гончаровой 5 мая 1829 года отправился в Грузию, также побывал в Арзруме. Родители о его передвижениях могли следить по известиям в газетах. Так, 20 сентября 1829 года Сергей Львович из Тригорского писал: «Мы только узнали от одного Новоржевского лекаря, за которым я послал для Федора, будто «Северная пчела» уведомляет, что Александр выехал в Астрахань через Кавказ. Он обещал мне послать эту статью»[9]. Корреспондент «Северной пчелы» писал из крепости Владикавказа 10 августа: «Сего числа был здесь проездом А.С. Пушкин. Он приехал к нам из Арзрума и на другой день отправился далее с намерением побывать на Кавказских Минеральных водах и потом отправиться, через Моздок и Кизляр, в Астрахань». В Астрахани Пушкин не был. В Москву вернулся около 20 сентября[10].

О некоторых статьях и заметках, в которых упоминалось об Александре Сергеевиче, родители узнавали от недавних знакомых. 16 августа 1829 года Надежда Осиповна писала дочери Ольге: «Вчера мы были в Святых Горах у обедни, и я познакомилась с м-ль Пущиной

---

[7] Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. 1828–1835 годы. СПб., 1993. С. 38.

[8] Там же. С. 41.

[9] Там же. С. 66.

[10] Там же. С. 66.

и ее сестрою, которые много рассказывали мне об Александре и о статье в Газете, где говорится о нем; они хотят мне ее прислать»[11]. Эту статью, вероятно, Надежда Осиповна получила, так как уже в сентябре месяце она пересылала ее Ольге. «На случай, ежели ты не читаешь Северной пчелы, я посылаю тебе статью, касающуюся твоего брата…»[12] В «Северной пчеле», № 88 за 1829 год, говорилось: «Надежды наши исполнились. Пушкин посетил Грузию… Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями славного своего пера, с Кавказа дал он нам Кавказского пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в Бессарабии — Цыган, во внутренних провинциях писал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А.С. Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручающему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани»[13]. Несомненно, подобные статьи для родителей Пушкина были как бальзам на сердце: они гордились своим сыном, переживали за него.

Родители поэта появлялись в Михайловском эпизодически, и как таковой библиотеки здесь не было, но какие-то книги всё же из семейной библиотеки привозились, оставлялись, иногда забывались в деревне. Например, два тома избранных басен Лафонтена (1785). Как свидетельствуют надписи на обоих томах, это книги Сергея Львовича. Он подарил их дочери Ольге, а та — брату, чтобы он читал их в Лицее, но к несчастью, он забыл их на столе, как гласила надпись на обороте титульного листа второго тома. В конце первого тома юношеским почерком поэта сделана надпись: «13 июля 1817 г., в Михайловском», — видимо, указание дня, когда подаренные еще в 1811 году книги возвратились к забывчивому владельцу.

Родители Пушкина, приезжая в Михайловское, часто пользовались книгами своих соседей Осиповых в Тригорском, а также знакомых Вревских из имения Голубово, ведь в Голубово у Б.А. Вревского была хорошая библиотека, в которой насчитывалась свыше трех тысяч томов. «Благодаря Прасковье Александровне мы здесь читаем газету,

[11] Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. 1828–1835 годы. С. 48.

[12] Там же. С. 68.

[13] Там же. С. 50.

Вревские дают нам книги, и в деревне это большая отрада»[14], — сообщала Н.О. Пушкина дочери Ольге. 1 августа 1834 года она писала дочери: «Кстати, ты никогда не говоришь мне о своем чтении, я знаю, что ты хорошо себе выбираешь книги и у тебя есть вкус. Что до меня, то барон Вревский доставляет нам все новинки. Его братья посылают их Ефрозине, которая так образовалась, что ты ее и не узнаешь»[15].

Своими впечатлениями о прочитанных книгах Сергей Львович делился с дочерью. В письме от 22 октября 1834 года Сергей Львович признавался Ольге: «Вревские продолжают давать нам книги, как и Газету и Заграничное обозрение. В последнее время и теперь я еще читаю мемуары Байрона, писанные Муром. Надо признаться, что этот Великий Гений много мелочного имел в характере и, случалось, вел себя как сущий пьяница, каким он и был. — Дабы примириться с ним, мне нужно было его перечитать. Как Поэта я его люблю, но как человека… нимало! Я для этого не довольно цивилизован»[16].

Биография Байрона была переведена на французский язык под названием «Мемуары Лорда Байрона, изданные Томасом Муром, Париж, 1830». Отметки некоторых мест в первом томе, сделанные Пушкиным, дают основание предполагать, что впечатления его от Байрона-человека совпали с впечатлениями его отца. Алексей Николаевич Вульф, читавший эти мемуары в 1833 году, дает в своем дневнике отзыв, обратный отзыву Сергея Львовича, — достаточно восторженный, называет эти мемуары «драгоценностью». Он писал, что «Наполеон и Байрон заключают в себе всё великое, что я знаю»[17].

В этом же письме Сергей Львович сообщал дочери о том, что читал мемуары Холла Базиля, английского мореплавателя, исследователя берегов Кореи и островов Лиу-Киу: «…Попадаются места очень интересные. Это, однако, не помешало тому, чтобы на труде сём я нашел замечание Аннет Вульф, очень верное. — Она находит, что сцены на воде отличаются большой сухостью, и это правда»[18].

---

[14] Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. 1828–1835 годы. С. 179.

[15] Там же. С. 237.

[16] Там же.

[17] *Вульф А.Н.* Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. Т. 1. М., 1994. С. 397.

[18] Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. 1828–1835 годы. С. 237.

Мемуары, о которых говорит Сергей Львович, — это вышедшая во французском переводе в Брюсселе в 1831–1834 годах в трех томах книга под названием «Мемуары и путешествия Базиля Халля». Его сочинения имелись в библиотеке Пушкина. Чуть ранее, в письме от 22 сентября того же года, Сергей Львович признавался, что морские сцены в мемуарах Халля ему весьма надоедают. «Г-н Сю всегда заставляет меня поесть, а это в том же роде»[19]. Сергей Львович имел в виду известного французского писателя Эжена Сю — автора знаменитого романа «Вечный жид», а также многочисленных повестей из морского быта (самые известные из них — «Плик и Плок. Морские сцены», «Атар Гулль», «Саламандра»).

Из сочинений своего сына Сергей Львович упоминает в письмах поэму «Цыганы», роман в стихах «Евгений Онегин», «Историю Пугачевского бунта». 22 сентября 1834 года из города Острова Сергей Львович писал дочери: «…Его (Александра) история бунта Пугачевского объявлена в Газете. Те, кто видел кое-какие отрывки, отзываются с большой похвалой»[20]. «История Пугачевского бунта» вышла в последних числах декабря 1834 года.

Из писем Сергея Львовича и Надежды Осиповны известно, что в псковской глуши не только он с Надеждой Осиповной и их ближайшие друзья — обитательницы Тригорского, но и окрестные помещики с их дворовыми знали стихи Пушкина и заучивали их наизусть.

Некоторые сведения о читательских предпочтениях матери поэта мы тоже можем узнать из ее писем. Так, в одном из них от 20 августа 1831 года из Павловска она сообщала, что «Только что прочла «L'Âne mort» («Мертвого осла»), о котором ты мне столько говорила, это ужасно, как исповедь того же автора, какое страшное воображение! Это заставляет содрогаться, я не люблю этого рода, остается такое неприятное впечатление…»[21] Надежда Осиповна имела в виду романы Жюля Габриэля Жанена, одного из ведущих литературных критиков Парижа и его произведение «Мертвый осел, или Гильотинированная женщина» (Париж, 1829) и «Исповедь» (Париж, 1830). Первый роман был в библиотеке Пушкина, и Пушкин находил его одним из замечательнейших

[19] Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. 1828–1835 годы. С. 244.

[20] Там же. С. 244.

[21] Там же. С. 104.

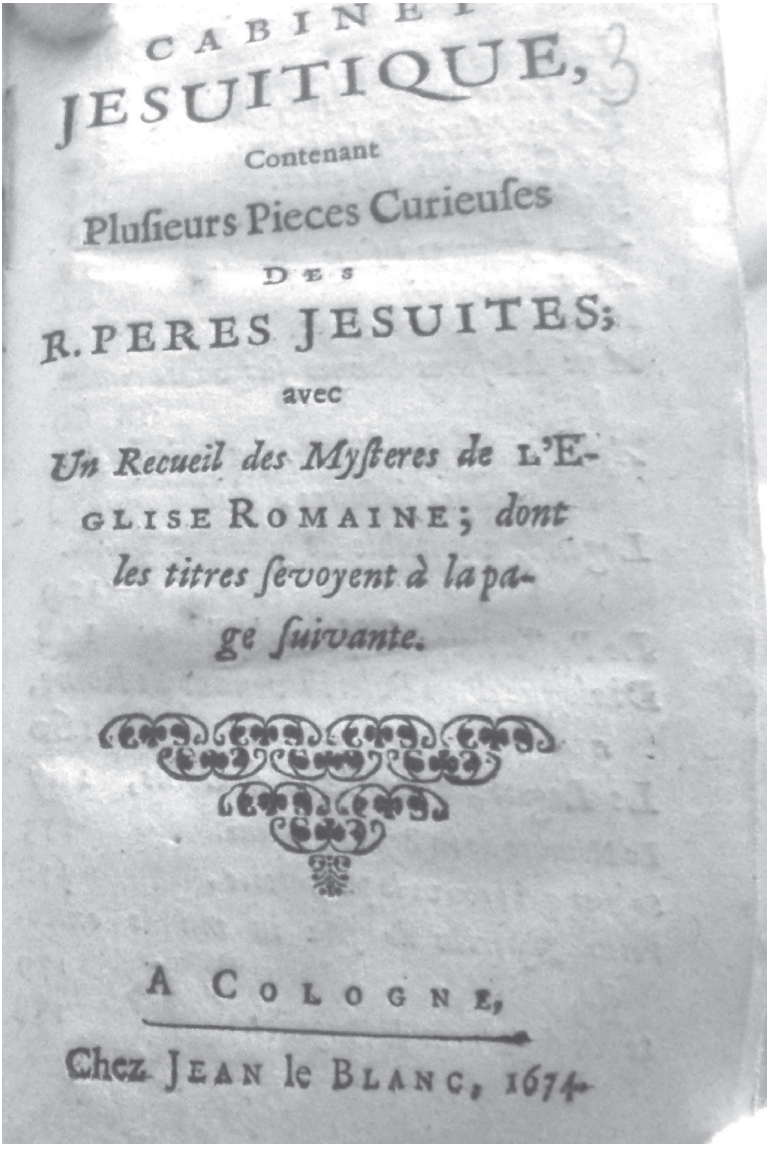
современных произведений, об этом он писал княгине В.Ф. Вяземской в конце апреля 1830 года.

23 марта 1834 года Надежда Осиповна писала дочери из Петербурга о том, что Софи Неймич часто ее навещает и приносит книги, который ей дает П.И. Мещерский. «Сейчас я читаю Les heures du soir ou livre des femmes, это очень мило. Я прочла Marelorico Дюканжа, Soeur Anne Поль де Кока и несколько других романов, итак ты видишь, что я не очень уж слаба, раз поглощаю книги с таким удовольствием»[22]. Виктор Анри Жозеф Дюканж — французский драматург и романист, автор некогда очень популярных романов «Старец из Кале», «Альберт», «Валентина» и знаменитой мелодрамы «Тридцать лет, или Жизнь игрока», которая обошла все европейские сцены, в том числе и русскую.

Разумеется, круг чтения родителей А.С. Пушкина был гораздо шире и разнообразнее тех сведений, которые нам удалось получить из их переписки с дочерью, но тем не менее эта переписка является ценным источником и позволяет убедиться в том, что родители поэта интересовались литературными новинками.

Сегодня в музейном пространстве Михайловского, в Доме-музее А.С. Пушкина, в Комнате родителей представлен небольшой книжный шкафчик с изданиями XVIII — первой половины XIX века. Представленные книги в целом соответствуют читательским интересам родителей поэта. Это в основном французская литература XVIII века и философские труды этого времени. Всего экспонируется 44 книги. Из них большую часть составляют издания второй половины XVIII века (26 книг), 11 книг — первой половины XVIII века, шесть книг — первой половины XIX века и одно издание второй половины XVII века («Иезуитский кабинет», Кельн, 1674). Среди представленных книг можно выделить издания по теории и истории литературы: «Принципы литературы» (том 4, Париж, 1774), исторические труды: Лебо. «История Нижней империи» (Париж, 1811), «Всеобщая история Германии» (том 1, Париж, 1772), «Военная история Карла XII» (Амстердам, 1740), Леблан «Царь Петр I во Франции» (том 1, Амстердам, 1747) и т. п. Из изящной словесности представлены в основном прозаические произведения: Кондильяк «Полное собрание сочинений» (том 16, 1801), «История Дон Кихота» (тома 2, 3, 1717). Философские

[22] Письма С.Л. и Н.О. Пушкиных к их дочери О.С. Павлищевой. 1828–1835 годы. С. 215.


CABINET
JESUITIQUE,
Contenant
Pluſieurs Pieces Curieuſes
DES
R. PERES JESUITES;
avec
Un Recueil des Myſteres de L'EGLISE ROMAINE; *dont les titres ſe voyent à la page ſuivante.*
A COLOGNE,
Chez JEAN le BLANC, 1674.

Титульный лист книги «Иезуитский кабинет» (Кельн, 1674)

труды представлены работой Бержье «Рассмотрение материализма» (том 1, 1771), а также книгами из «Библиотеки философов-химиков» (том 1, 2, Париж, 1741). Справочные издания, словари и учебники в небольшом количестве тоже экспонируются — например, замечательное издание с картами и иллюстрациями «Виды Испании» (тома 2, 5, 10, 16, Мадрид, 1773–1791).

В книжном шкафу экспонируется журнал «Вестник Европы» № 13 за 1814 год, где появилось первое печатное произведение Пушкина — «К другу стихотворцу». Безусловно, этим фактом из жизни сына родители гордились, и подобное издание должно было быть в семейной библиотеке. Представленная в шкафу книга была приобретена С.С. Гейченко, о чем свидетельствует его подпись на титульном листе, а на фронтисписе карандашом выполнена надпись: «Сия книга принадлежит Мурашкову Ивану 1873 года рождения, апреля 12 дня…»

Ценно и то, что среди представленных книг встречаются издания с владельческими наклейками, экслибрисами и библиотечными штампами.

Так, в книжном шкафу экспонируется две книги из собрания графа Александра Александровича Апраксина. В коллекции редкой книги Пушкинского Заповедника хранится 24 книги, принадлежавшие некогда Апраксиным[23]. В Михайловском представлена книга М. Ришер «Знаменитые дела» (тома 7, 9, Амстердам, 1774). В книге имеется наклейка с надписью, удостоверяющей принадлежность книг именно графу А.А. Апраксину, флота капитан-лейтенанту. Неизвестно, был ли знаком А.С. Пушкин с графом А.А. Апраксиным, но Пушкин был знаком с его родным дядей Петром Ивановичем Апраксиным (1784–1852), который начал свою военную карьеру кавалергардом, получил золотую саблю за Аустерлицкую битву. Через графа П.И. Апраксина, генерал-майора, бывшего тогда начальником Казанского жандармского округа, Пушкин передал своей казанской приятельнице А.А. Фукс «Историю Пугачева»: «Теперь граф Апраксин снисходительно взялся доставить к Вам мою книгу»[24].

Семь книг хранится в музее из библиотеки русского историка церкви, литературоведа, библиографа Николая Константиновича

[23] *Тихонова Л.П.* Из книг графа Александра Александровича Апраксина (по материалам архивных изысканий) // Михайловская пушкиниана. Вып. 19. М., 2001. С. 241.

[24] Там же.

Никольского (1863–1936). Он являлся признанным специалистом в области истории Русской Православной Церкви допетровского периода. Важной заслугой ученого являлось обнаружение, исследование и переиздание памятников древнерусской литературы. Широкое распространение получили выводы Никольского, сделанные в результате исследования древнерусских летописей, в том числе и «Повести временных лет». Из библиотеки Никольского в музее представлены следующие книги: Бержье, «Рассмотрение материализма» (том 1, Париж, 1771), Валери, «Митава» (1804), «Об общественном договоре» (Филадельфия, 1775), «Свобода совести» (Лондон, 1754), «Эссе Теодицея» (том 1, Лозанна, 1760).

Н.К. Никольский был учеником протоиерея Русской Православной Церкви, философа, богослова, переводчика, профессора Санкт-Петербургской духовной академии Дмитрия Степановича Вершинского. В собрании музея есть книга, ему принадлежащая, с более поздним штампом Никольского: «Исторический трактат отлучения от церкви» (Париж, 1715).

Из собрания юриста Рудольфа Рудольфовича Минцлова (1845–1904), отца Сергея Рудольфовича Минцлова, русского писателя, мемуариста, беллетриста, библиографа и коллекционера, представлена книга Кондильяка — том 16 из «Полного собрания сочинений» (Париж, 1801).

Издание «Военная история Карла XII» (Амстердам, 1740) имеет экслибрис библиофила, издателя, антиквара и книготорговца, внучатого племянника А.Ф. Смирдина Василия Ивановича Клочкова (1861–1915). У В.И. Клочкова было 29 видов знаков, выполнили их известные художники, в том числе Е.Е. Лансере, С.С. Соломко. Он отмечал экслибрисами не только свои личные книги, но и книги, продававшиеся в его магазине. Такие экслибрисы представляли собой книготорговый знак.

Издание «Всеобщая история новейших открытий» (том 5, 1782) имеет библиотечный штамп библиотеки Императорского училища правоведения, одного из наиболее престижных высших учебных заведений дореволюционной России. Всего за годы существования училища до начала 1918 года подготовлены более 2 000 профессионалов, оставивших заметный след в общественной и культурной жизни России.

Роль книги в жизни дворянина была значительна. С XIX века домашние библиотеки были важной частью интерьера дома, а чтение занимало приоритетное место среди других развлечений дворян. Посетители Дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском имеют уникальную возможность, благодаря редким изданиям, представленным в экспозиции музея, окунуться в атмосферу усадебной жизни, получить представление не только о библиотеке А.С. Пушкина, но и библиотеке его родителей.

Нина Цветкова

С.П. ШЕВЫРЕВ: ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Термин «культура» имеет разные толкования. Автору статьи о деятеле культуры С. Шевыреве, сформировавшемся в кружке русских шеллингианцев-любомудров, близко определение, данное в Новой философской энциклопедии, где термин для конца XVIII — начала XIX века осмыслен как «историческое развитие человеческой духовности — эволюция морального, эстетического, религиозного, философского, научного, правового и политического сознания, обеспечивающих прогресс человечества»[1].

Необходимо учесть, что жизненная программа Шевырева и его друзей любомудров формировалась под влиянием европейской культурной традиции, в которой важнейшую роль играют немецкая философия (Шеллинг, Кант, Фихте) и филология (Гердер, Лессинг, братья Шлегели). Если соотносить с нашим временем, то Шевыреву и его друзьям концептуально близки труды С.С. Аверинцева, который был «склонен разрабатывать филологическую версию культуры», а также М.М. Бахтина и В.С. Библера, рассматривавших «общую идею диалога о непрекращающемся взаимодействии и преемственности культур и межкультурной коммуникации»[2]. Можно говорить о том, что у идей наших современных ученых были предшественники в лице Шевырева.

Роль Шевырева в развитии русской культуры наиболее продуктивно можно проследить в его журналистской деятельности, которая показывает его движение от восхищения европейскою образованностью и культурой к осмыслению национальной традиции, оплодотворенной вечными ценностями и достижениями западной цивилизации. В энциклопедических журналах, начиная с «Московского вестника» (1827–1830) и продолжая «Московским наблюдателем» (1835–1837), а затем «Москвитянином» (1841–1856), он самым активным образом участвовал как критик, поэт, теоретик и автор статей в области эстетики, как

[1] Культура // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9A%D0%A3%D0%9B%D].

[2] *Волкова А.А.* Философское понимание диалога культур в концепциях М.М. Бахтина и В.С. Библера. Сравнительный анализ // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. No. 4. С. 108.

переводчик и автор статей в области перевода, как создатель оригинальной модели педагогической науки и т. д.

Шевырев начинается как деятель культуры в журнале «Московский вестник», осененном участием Пушкина. Цель его участников — действенное стремление к европеизации России в таких областях, как филологическая наука, просвещение, воспитание, в связи с чем они активно обращаются к немецкой философии, которую они называют «наукой наук». По словам признанного лидера Общества любомудров Д. Веневитинова, «философия и применение оной ко всем эпохам наук… предметы… необходимые для России»[3]. Он призывает к «свободному энтузиазму и истинной страсти к науке»[4]. В личности главного деятеля журнала Шевырева «наука, искусство и жизнь» обретают свое единство в самом начале его журналистского поприща, когда он выступает в качестве поэта, переводчика, теоретика искусства слова, критика, и когда именно ему любомудры доверяют редакторство «Московского вестника», в котором отдел критики представлен в основном его статьями. Одна из главных особенностей его критических статей — действенное стремление к диалогу с читателем, с автором разбираемых произведений при самом активном взаимодействии с миром искусства и науки. В текст входят вопросы, на которые Шевырев хочет получить ответ своего невидимого единомышленника или оппонента, вовлекая их в область гуманитарного знания, науки, просвещения и культуры. Иногда он сам отвечает на них, как будто учитывая замечания участника диалога. Он постоянно ощущает причастность к тому делу, которому служит, и моральную ответственность перед ним. Как будто о Шевыреве говорит М.М. Бахтин: «Личность должна стать сплошь ответственной… Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности»[5].

В личности Шевырева в его деятельности в «Московском вестнике» можно увидеть «способ представленности человека в культуре, или способ жизни человека в культуре»[6], как говорил С.С. Аверинцев о М.М. Бахтине.

---

[3] *Веневитинов Д.В.* Несколько мыслей в план журнала // Д.В. Веневитинов. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 133.

[4] Там же. С. 130.

[5] *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 5–6.

[6] М.М. Бахтин как философ: сборник статей / С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов, В.Н. Турбин и др. М., 1992. С. 111.

В журнале Шевырев самым активным образом проводит в жизнь просветительскую программу, изложенную Д.В. Веневитиновым, высокий смысл которой, «опираясь на твердые начала философии, представить ей (России) полную картину ума человеческого, картину, в которой бы она видела свое предназначение»[7]. Шевыреву важны выводы Веневитинова и о философии как о «твердом основании изящных наук», и о «своей нравственной свободе в литературе» как основе «своей самобытности»[8]. Именно перед ним стоит программная для любомудров задача создания русской критики и эстетической теории, которые выразили бы самосознание нации через осмысление ее словесности, опираясь на достижения немецкой философии и эстетики.

В статьях Шевырева в «Московском вестнике» критика была силой самобытной и имела сильное влияние на формирование эстетических и этических представлений читателей, о чем говорят впечатления таких его современников, как Н. Надеждин, В. Белинский, Н. Гоголь, М. Лермонтов. В критике Шевырев должен был «отдать отчет в просвещении своего народа по произведениям его словесности… определить дальнейшие пути национальной словесности, соответствующие национальной идее, народному «характеру»»[9], как писал А.М. Песков.

Для выполнения этой задачи Шевырев обращается к лучшим достижениям эстетической мысли Германии и ее писателей (Шиллер, Гете, братья Шлегели, Шеллинг, Гердер, Ж-П. Рихтер, Лессинг и другие). Так критик начинает культурный диалог в первую очередь с немецкой филологической наукой, эстетикой, литературой; предметом его осмысления станут произведения Гете, Шиллера, Байрона, Шекспира и других авторов. Более того, он сам выступает в роли переводчика и создателя текстов европейского уровня. Шевырев создает, с одной стороны, переводы и оригинальные произведения словесного искусства, с другой — осмысливает их теоретические основы, соединив, таким образом, практику и теорию творчества.

С 1829 до 1830 года Шевырев публикуется в журнале, находясь за границей. Его дневник показывает, что он — усердный ученик европейского просвещения и культуры. Но в нем явно уже живет соперник,

---

[7] *Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза. С. 132.

[8] Там же. С. 133.

[9] *Песков А.М.* Русская идея русской словесности. С.П. Шевырев / А.М. Песков. «Русская идея» и «русская душа». Очерки русской историософии. М., 2007. С. 63.

который пытается соизмерять возможности русского таланта с возможностями таланта европейского, например, в его высказываниях о работах русских живописцев, представленных на выставках в Италии. С молодым энтузиазмом, будучи за границей, он старается творить критику и эстетику, теорию перевода, реформу русского стихосложения; вступая в диалог с западной наукой и культурой, приближается к проблеме диалогичности культуры, предвосхищая идеи М.М. Бахтина.

Возвращение на родину с огромным багажом знаний и культурных замыслов происходит в 1832 году — и позволяет защитить сначала магистерскую, а затем и докторскую диссертации. А в 1835–1837 годах Шевырев возглавляет критический отдел в журнале «Московский наблюдатель», где создает свою концепцию современной ему русской литературы, вступает в борьбу с промышленниками от литературы, с «железным веком» в лице Сенковского, Булгарина, Греча. Статью Шевырева «Словесность и торговля» пронизывает тот подход к служению русской идее, который М.М. Бахтин определил как «ценностно осмысливающую эмоционально-волевую установку»[10]. Закономерно, что в противоположность позиции «библиотеки для чтения» он здесь же говорит о критике, которая «утвердится на верных правилах науки, на положительных свидетельствах истории словесности»[11], подчеркивает значение личности критика.

Он осознает свое имя как «духовную конкретную норму личностного бытия»[12], о чем писал П. Флоренский. Имя для Шевырева означает и жизнь, и судьбу, и честь. Он обязательно подписывает все свои главные статьи в журнале «Московский наблюдатель». Ю.М. Лотман объясняет такую позицию тем, что в послепетровскую эпоху, когда меняется статус писателя, «личная человеческая честность автора делается критерием истинности его сообщения»[13].

Без преувеличения можно сказать, что современная Шевыреву литература в его журнальных статьях стала предметом глубокого систематического исследования. Приведем наиболее интересные и ценные для нашего времени оценки.

---

[10] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества М., 1979. С. 98.

[11] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. СПб., 2020. Т. 2. Кн. 1. С. 320.

[12] *Флоренский П.* Имена. СПб., 2007. С. 51.

[13] *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте // Ю.М. Лотман. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 369.

В одной из статей «Московского наблюдателя» он пытается определить задачи литературы, сообразуясь с характером времени: «Психологические задачи о человеке всего более привлекают теперь наше внимание… Анатомия души есть наука века…»[14] В емкой формуле критик высказывает мысль, теоретически обосновывая «тот своеобразный путь, которым пойдет русская проза 40–50-х годов: изображение не отдельного чувства и страстей, а самого психологического процесса во всей его противоречивости»[15]. Он предскажет психологическую прозу Лермонтова, Толстого, Достоевского.

Он даст глубокую оценку поэзии Баратынского, в частности стихотворению «Осень». В поэзии Баратынского критик находит ответы «на важные вопросы века», чувствует философское осмысление человеческой души и духовной жизни времени[16]. Неслучайно в «Московском наблюдателе» приоритетным остается создание поэзии мысли, для которой необходимо создание и нового языка, и новых рифм и ритма. Шевырев показывает ее пример на переводе седьмой песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. В том же ряду и шевыревские оценки поэта Бенедиктова, названного Шевыревым «поэтом мысли». По мнению современных ученых[17], реформаторство Шевырева в его переводах, его восторженные отзывы о стихах поэта Бенедиктова предшествуют не только новаторству Некрасова, но и поискам поэтов конца XIX — начала XX века.

Лучшими в «Московском наблюдателе» стали статьи Шевырева о пушкинских произведениях последних лет, а также о «Миргороде» Гоголя.

Главная задача критика в них — сказать не столько о художественном своеобразии стихов Пушкина или прозы Гоголя, сколько увидеть сокровенные черты личности и человеческий облик их авторов. Осмысляя последние произведения Пушкина («Была пора: наш праздник молодой…»,

---

[14] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 2. Кн. 1. С. 529.

[15] *Эйхенбаум Б.М.* Статьи о Лермонтове. М. ; Л., 1961. С. 196.

[16] Московский наблюдатель. 1837. XII. 321.

[17] См.: *Гинзбург Л.* Из литературной истории Бенедиктова // Поэтика. Вып. II. Л.,1927; *Шимкевич К.* Бенедиктов, Некрасов, Фет // Поэтика. Вып.V. Л., 1929. С. 105–134; *Маймин Е.* Об одном переводческом опыте С. Шевырева // Мастерство перевода. Сб. 9. М., 1973. С. 385–405; *Рассадин Ст.* Между верою и знаньем, или Русский неудачник. Владимир Бенедиктов // Ст. Рассадин. Русские, или Из дворян в интеллигенты. М., 2005. С. 315–328.

«Отцы-пустынники и жены непорочны…», «…Вновь я посетил…») как итоговые в его жизни, Шевырев, как и зарубежные философы Шлейермахер и Дильтей, стремится к «конгениальному пониманию» пушкинского Я. В его интерпретации Пушкин предстает перед вечностью в целостности своей душевно-духовной жизни: с его «нравственным характером», в котором «дружба была… чем-то святым, религиозным», в котором «глубокое религиозное чувство всегда таилось на светлом дне души его»[18], в котором была благородная способность «к великому самоотвержению», чтобы «великодушно уступить бремя своей державы литературной»[19] молодому поколению, ни в чем не питая к нему зависти.

В статье о «Миргороде» Гоголя цель Шевырева — определить его художественную индивидуальность, представить «черты физиономии автора», особенности его фантазии, главное в которой — малороссийский юмор. При осмыслении творческой индивидуальности Гоголя Шевырев выявляет также главные психологические черты, свойственные природе человека: «искренность», то есть «непритворность, и «неистощимость»[20]. В психологическом истолковании категории комического русский критик близок Шлейермахеру, главной чертой которого Х.-Г. Гадамер считал психологическую интерпретацию, которая «является в конечном счете дивинационным подходом, самопогружением «внутреннего проистечения» структуры данного произведения, воспроизведением творческого акта»[21].

В то же время Шевырев гоголевский юмор рассматривает на широком фоне европейской культуры: английской карикатуры (Гильр, Роландсон, Круикшенк), интимной французской карикатуры Э.-Ж. Пигаля, мольеровской комедии, в сравнении с традициями юмора немецких писателей (Жан-Поль, Тик, Гофман) и английского писателя Фильдинга, находя его совершенно «оригинальным».

По мнению Шевырева, юмор помогает открыть несовершенство жизни старосветских помещиков, «всю постепенность… драмы»[22] двух

---

[18] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 2. Кн. 2. С. 39.

[19] Там же. С. 40.

[20] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 2. Кн. 1. С. 351.

[21] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 234.

[22] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 2. Кн. 1. С. 351.

Иванов. Но самое важное и близкое для критика в «Миргороде» связано с повестью «Тарас Бульба». Это ее высокое содержание, которое открывается в описании Запорожской Сечи, в сцене казни Остапа, отмеченной «печатью народности»[23]. Именно высокое ищет критик в современной жизни и поэзии, где, по его словам, не должно быть места «убийственной мысли о привычке»[24].

«Исторический взгляд на художественное развитие» России в критических статьях Шевырева в «Московском наблюдателе» помогает предугадать особенности литературного процесса в русской литературе XIX века[25]. Его статьи также аккумулируют и развивают идеи европейской гуманитарной науки, прокладывая в русской науке исторический, сравнительно-исторический, мифологический, биографический и другие методы исследования и показывая их плодотворность, закладывая основание русского академического литературоведения, о чем говорил в начале XX века академик И.В. Ягич.

В 1838 году Шевырев уезжает в учебную командировку за границу, где знакомится с методикой преподавания в высших учебных заведениях и школах Европы. В его дневнике много критических замечаний в адрес разных сторон жизни и культуры Франции и Англии. Пафос его размышлений обращен к России, к ее национальным корням, к отечественной истории, словесности, просвещению, что сближает Шевырева с его друзьями — И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, которые в 1839 году обменяются известными статьями: «О старом и новом» и «В ответ А.С. Хомякову». Можно сказать, что он возвращается в Россию в 1840 году с утвердившимися славянофильскими взглядами.

С 1841 года Шевырев начинает сотрудничать в новом журнале славянофильского направления «Москвитянин». В его статьях осмыслен цивилизационный подход к истории России и ее культуре .Он анализирует русскую историю и словесность, воспитание и образование в сравнении с западноевропейскими, приходя к выводу об их самобытном характере. Шевырев считает главной задачей времени создание русской

---

[23] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 2. Кн. 1. С. 352.

[24] Там же.

[25] См.: *Цветкова Н.В.* Концепция русской литературы 30-х годов XIX века в теоретическом и критическом наследии С.П. Шевырева этого периода // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков. Псков, 2005. С. 56–63.

культуры, сфера которой включает не только творчество, но и «духовное производство»: государственное и семейное воспитание и образование, в котором он выступает единомышленником теории «официальной народности» С.С. Уварова. В воспитании русского человека важную роль он отводит словесности в лице Пушкина и Гоголя, не принимая петербургской «промышленной литературы», представленной деятельностью Белинского, Булгарина, Греча, и противопоставляя им свои образовательные проекты.

Обратимся к некоторым проектам Шевырева в «Москвитянине». Например, проект филологического образования русского человека. Шевырев не отрицает «богатого протекшего Запада»: прошлое Запада необходимо для развития современного российского образования и культуры, но он глубоко убежден, что Россия обладает тем, что должно стать «залогом нашему будущему развитию». Это «наша древняя история», то есть самобытный исторический путь. Опираясь на триаду С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», он «расшифровывает» по-своему ее составляющие: «древнее чувство религиозное»; «чувство ее государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории»; «сознание нашей народности»[26].

Для ученого народность — это обширный мир традиционных понятий, близкий, по нашему мнению, уваровскому, т. е. «это синоним исторического равноправия народа в среде других таких же. Народность — это всеобъединяющее начало, это душа нации, пронизывающая все сферы политической, социальной и культурной жизни государства»[27], как говорит современный исследователь уваровского наследия.

Уваровский воспитательный идеал был близок Шевыреву и заключался в сочетании европейского просвещения с «русскими началами» — в том, чтобы юношество «лучше знало Русское и по-Русски»[28]. Воспитание русского человека Шевырев связывал с нравственным влиянием литературы, поэтому он серьезно относился к современной литературе как высокому искусству слова, о значении которого писал Ю.М. Лотман: «Одной из особенностей русской средневековой культу-

---

[26] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 3. Кн. 1. С. 50–51.

[27] *Зверева Н.А.* Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: автореф. дисс…. канд. истор. наук. Волгоград, 2005. С. 30.

[28] *Гаврилов И.Б.* К характеристике философии воспитания С.П. Шевырева // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 310.

ры был особый авторитет Слова… Слово никогда не ставится в один ряд с другими искусствами: они получают авторитет извне, от сакральных или феодальных ценностей… Когда место религиозного авторитета оказалось вакантным, его заняло искусство Слова… Заменив сакральные тексты, литература унаследовала их культурную функцию»[29].

Такое понимание слова Шевыревым объясняет его явное беспокойство о современной ему литературе, отраженное в названиях статей: «Взгляд на современное направление русской литературы (Вместо предисловия ко второму году «Москвитянина»)»: «Статья первая. Сторона черная» и «Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние русского языка и слога)». Говоря о «черной стороне» литературы, Шевырев имеет в виду петербургскую литературу и журналистику. В его едких аллегорических образах: «необыкновенная, безобразная куча, вроде муравьиной», «серая туча на небосклоне», «саранча», «безымянные насекомые работают над ничтожною кучею одного бесполезного сора»[30] — читатель должен узнать представителей «промышленного направления русской словесности»[31], современных «литераторов-промышленников» (Н.А. Полевой, Ф. Булгарин, Н. Греч, О. Сенковский, В. Белинский). Борьба с Белинским и «Отечественными записками» — это еще и схватка Шевырева с западнической идеологией. В тот же ряд попадает неприятие Шевыревым так называемой «неистовой словесности», «неистовой драмы Гюго», романов Сю, Сулье и других.

В противоположность такой литературе в 1844 году он в «Москвитянине» опубликует «Введение в историю русской словесности»; одновременно он выступает с чтением публичных лекций о древней русской литературе, воспринимающихся его современниками (И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, М.П. Погодиным, Н.М. Языковым) как акт национального самосознания.

Поддержку своим выводам о значении русской литературы Шевырев находил у своих знаменитых зарубежных современников: у философа и богослова Баадера, с которым встречался в 1840 году в Мюнхене, у Бальзака, которому в статье «Парижские эскизы. Визит к Бальзаку»

---

[29] *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII века // Ю.М. Лотман, В.М. Живов, С.С. Аверинцев, А.М. Панченко. Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 88–89.

[30] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 3. Кн. 1. С. 476.

[31] Там же. С. 477.

принадлежат такие слова о России: «Россия привыкла делать бескорыстное, христианское добро другим государствам… И в литературе подвиг учреждения взаимных прав между народами ожидает со временем сильного влияния России. К тому же, если есть страна, призванная на то, чтобы олицетворить у себя великую мысль, которую завещал Гете, о всемирной литературе, то это, конечно, будет Россия»[32].

Шевырев в «Москвитянине» впервые в филологической науке осмысляет понятие «литературная классика», когда обращается к созданию истории древней словесности, когда понимает присутствие ее пафоса в творчестве Пушкина и Гоголя. Напомню слова Д.С. Лихачева: «Мы понемногу начинаем осознавать, что решение многих проблем истории русской литературы ее классического периода невозможно без привлечения истории древней русской литературы»[33]. Шевырев-теоретик литературы и критик и в сороковые годы остается верен ориентации на «классические уровни». Такая позиция придает глубоко концептуальный характер его статье «Сочинения Александра Пушкина» (1841), посвященной анализу последних трех томов собрания сочинений. Статья содержит смысловые доминанты его русской идеи: Пушкин в ней осмыслен как национальный русский поэт, как национальная нравственная и эстетическая мера, как поэт, глубоко выразивший национальное бытие и имеющий мировое значение, как русский «классик». В.М. Маркович считал, что в этой статье у Шевырева «концепция творческой эволюции Пушкина была соотнесена с общим ходом развития русской литературы»[34].

В современной ему литературе Шевырев определяет главные явления: Пушкин, завершивший творчество и ставший классиком, Гоголь, автор первого тома поэмы «Мертвые души». «Черной стороной» для него станет промышленная литература, массовая французская литература («неистовые драмы Гюго», романы Сю, Сулье и других). Эти выводы критик положит в основу теории, которую, используя современные термины, можно назвать «теорией литературных рядов»: «классика, беллетристика, массовая литература. С точки зрения М.А. Черняк, эти феномены образуют триаду, или пирамиду, в основании которой на-

[32] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 3. Кн. 1. С. 78.

[33] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 357.

[34] *Маркович В.М.* Уроки Шевырева // С.П. Шевырев. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 273.

ходится массовая литература, а беллетристика является «срединным полем» литературы»[35].

О положении литературного языка он говорит в публикации «Москвитянина» «Статья вторая. Сторона светлая (Состояние русского языка и слога)», где делает обзор истории русского литературного языка от Ломоносова («теория трех штилей») и Карамзина («новый слог» и его значение в истории русской словесности и исторической науке) до современности, в которой ученый видит продуктивную тенденцию сближения литературного языка с народным, начавшуюся в пушкинском творчестве.

Шевырев считает, что в России необходим литературный язык, отражающий разные сферы жизни (политику, философию, науку и другие), видит зарождение его в современности.

В начале XX века Н.С. Трубецкой писал, что «литературный язык отражает культурную жизнь и цивилизацию (ход и результаты научной, философской и религиозной мысли, политической и социальной, юридической и административной деятельности)»[36].

Рассмотрев лишь один из многочисленных проектов Шевырева, можно увидеть широту и глубину его журналистской деятельности. Журналистика становится для него служением русской культуре, а журнал он понимает и позиционирует как «кафедру, но воздвигнутую на всю неизмеримую Россию, действующую во всех концах ее, на все сословия, на все возрасты, на всю массу читающего народа»[37], как «сборное место для всех ученых России, где бы они могли, каждый по своей части, сообщать мнения свои относительно замечательнейших явлений как на Западе, так и в нашем Отечестве»[38]. Таким образом, в 1840-х годах Шевырев в своих публикациях в «Москвитянине» создает модель русской культуры, подробно представляя и описывая то содержание, которое составило суть русского культурно-исторического типа, имеющего свой голос в масштабе всечеловеческом. Он предшествует теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

---

[35] *Черняк М.А.* Массовая литература XX века: учебное пособие. М., 2007. С. 18.

[36] *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 166.

[37] *Шевырев С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов. В 7 т. Т. 3. Кн. 2. С. 10.

[38] Там же. С. 12.

Юлия Зеленянская

МУЗЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ. К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТЕРГОФСКОГО ДВОРЦОВОГО УПРАВЛЕНИЯ (УПРАВЛЕНИЯ ПЕТЕРГОФСКИМИ ДВОРЦАМИ-МУЗЕЯМИ) В 1917—1924 ГОДАХ

Постоянная трансформация политических, социальных и ценностно-смысловых ориентиров, а также научно-технический прогресс и другие факторы развития цивилизации влияют на отношение общества к культурному наследию, что выражается в появлении разных коммуникативных систем, неразрывно связанных с идеологией своего времени.

Процесс образования дворцов-музеев — «культурной формы»[1], концептуальное определение и практическое выражение которой было обусловлено низложением в 1917–1918 годах царской России, национализацией материальных ценностей, первыми мероприятиями советского государства в их освоении, — неоднократно освещался в научных исследованиях. При этом сложность темы, наличие разночтений в современной интерпретации документальных первоисточников делают необходимым ее дальнейшее изучение.

В год 105-летия музеефикации пригородных дворцов важно осветить основные условия и обстоятельства, сопутствовавшие ее проведению на начальном этапе, конкретизировать имена и позицию людей, определивших путь сохранения для страны уникальных памятников архитектуры и искусства.

С опорой на планы, отчеты, акты и другие официальные документы, дополненные сведениями из личных писем и дневников музейных сотрудников, уточнены детали формирования в петергофской императорской резиденции историко-бытового музея и последующей его трансформации в учреждение, «ведущее на базе своих исследований просветительскую работу»[2], соответствующее политике музейного строительства, действовавшей до начала 1920-х годов.

---

[1] *Ананьев В.Г., Майоров А.В.* Историко-бытовые музеи как культурная форма (по архивным материалам) // Вопросы музеологии. 2010. № 1. С. 51.

[2] Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX века): сборник научных трудов. Ч. 1. М., 1991. С. 124.

Во внимание принята хронология послереволюционной деятельности Петергофского дворцового управления (ПДУ), переименованного в 1918 году в Управление петергофскими дворцами (УПД)[3], затем в Управление петергофскими дворцами-музеями (УПДМ), при участии первого хранителя дворцов-музеев, художника, архитектора, действительного члена Академии художеств, общественного деятеля Федора Густавовича Беренштама (1862–1937), находившегося в должности до 1924 года. Далее последовали смена руководства, переименование УПДМ, связанное с присоединением ближайших дворцовых комплексов и усадеб, кардинальные изменения в работе в соответствии с общими тенденциями — централизацией государственной политики в музейной отрасли. На документальной основе в исследовании оспариваются некоторые устоявшиеся сведения о системе управления и структуре указанной организации.

После Февральской революции для сохранения культурного наследия были созданы Художественно-исторические комиссии (ХИК), находившиеся в ведении бывшего Министерства Императорского двора и уделов (МИДв)[4]. Первое объявление комиссара Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головина, составленное 10 марта 1917 года, гласило: «Призываю всех лиц, состоящих на службе в отдельных управлениях ведомства, продолжать исполнять свои обязанности и занятия установленным порядком, памятуя, что отныне, когда судьба народа находится в его собственных руках, все они служат более не лицам, а всему русскому народу и родине»[5].

Все объекты Петергофа — дворцы, парки, фонтаны, улицы и строения — продолжали находиться под общим руководством ПДУ. 6 мая 1917 года начальник управления генерал-лейтенант М.А. Лермонтов объявил служащим, что в соответствии с распоряжением Ф.А. Головина должность уполномоченного комиссара Временного правительства над бывшим МИДв по ПДУ займет архитектор этого управления А.К. Миняев[6].

---

[3] Дело Управления петергофскими дворцами-музеями (УПДМ). Циркуляры Народного комиссариата имуществ Республики. 1918 // Архив государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Петергоф». ПДМП 5850-ар. Л. 14.

[4] С марта по декабрь 1917 года должность комиссара Временного правительства над бывшими учреждениями Министерства Императорского двора и уделов (МИДв) занимал Ф.А. Головин (1868–1937).

[5] Приказы по Петергофскому дворцовому управлению (ПДУ) 1916–1917 // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 115-ар. Л. 22.

[6] Там же. Л. 37, 37 об.

Приказом № 32 от 27 мая 1917 года объявлялось о создании комиссий «по приемке и охране имущества бывших дворцовых управлений Царского-Села, Петергофа и Гатчины под председательством уполномоченного или начальника соответственного дворцового управления» из восьми членов: три по назначению комиссара, один представитель государственного контроля, два делегата местных общественных организаций и два делегата Совета рабочих и солдатских депутатов[7]. Первыми членами Комиссии по приемке и охране имущества ПДУ становятся В.М. Лопатин, В.К. Макаров, М.М. Измайлов, Е.Г. Ушаков, А.В. Рютьев, М.Л. Блуменау, Е.Я. Захарьенко и А.А. Фейнзильбер[8].

Указом Временного правительства от 8 июля 1917 года генерал-лейтенант М.А. Лермонтов был уволен с должности начальника ПДУ «согласно собственного прошения»[9]. Приказом № 55 от 2 сентября 1917 года А.К. Миняев назначен помощником начальника управления «с оставлением при исполнении обязанностей Уполномоченного комиссара Временного правительства над б. МИДв»[10].

События этого времени получили следующие описания:

«…после Февральской революции 1917 года загородные дворцы со всем находящимся в них имуществом были объявлены государственной собственностью. Временное правительство назначило сначала военную охрану, от которой многое пострадало, т. к. считая государственное имущество достоянием народа, распоряжалось им, чтобы не сказать больше, довольно свободно»[11];

«При первых известиях из Петербурга о революции местные петергофские власти… бросились спасать дворцовое имущество с величайшею поспешностью… в течение нескольких дней были очищены от всей обстановки многочисленные дворцовые дома, старые дворцы Нижнего сада, нижний этаж Большого дворца, частично дворцы Александрии. Всё это имущество в беспорядке было свалено где попало,

---

[7] Приказы по Петергофскому дворцовому управлению (ПДУ) 1916–1917 // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 115-ар. Л. 44.

[8] Дело о деятельности комиссии по приему и охране имущества ПДУ. 1917 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5644-ар. Л. 5 об, 6 об.

[9] Приказы по ПДУ. 1916–1917 // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 115-ар. Л. 59 об.

[10] Там же. Л. 73.

[11] Дело о проверке деятельности УПДМ. 1920–1924 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5863-ар. Л. 2.

мебель вместе с фарфором и бронзой, мелкие вещи вперемешку с крупными… когда Временное правительство назначило для заведования Петергофскими дворцами художественно-историческую комиссию, последняя застала дворцы полуопустошенными и выяснить даже наличность доставшегося в ее ведение имущества стоило немалых трудов… Не успела Комиссия приступить к своей работе, как Временное правительство ввиду предполагаемого наступления немцев на… Петроград издало распоряжение эвакуировать все ценности из пригородных дворцов в Москву»[12].

Обстоятельства, сопутствовавшие этому решению, подробно описал директор Императорского Эрмитажа Д.И. Толстой: «В совещании, собранном Головиным, обсуждали вопрос о вывозке в Москву ценных предметов из музеев и дворцов… Музейному имуществу опасность грозила с двух сторон: с одной — нашествие немцев и вероятное реквизирование ими художественных сокровищ… с другой — народные беспорядки и грабежи… реквизирование представлялось мне, несмотря на мое острое недружелюбие к врагам, меньшим несчастьем, чем возможная гибель или серьезное повреждение в пути сокровищ, имеющих мировое значение»[13];

«Из Москвы приехал И. Грабарь в сопровождении других художественных деятелей, чтоб переговорить на совещании у Головина, где следует разместить в Москве вывозимые из Петрограда сокровища; остановились на Оружейной Палате, Большом Кремлевском Дворце, Историческом Музее и Музее Александра III»[14].

Петергофской комиссией были составлены ведомости по эвакуации имущества первой, второй и третей очередей[15]. Даты вывоза первых двух очередей не установлены. Отгрузка «третьей очереди» осуществлялась с 15 сентября по 6 октября 1917 года[16]. Из упакованных

---

[12] *Измайлов М.М.* Петергоф за первые 10 лет революции. Заметки сотрудника музея. 1928 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 16687-ар. Л. 3.

[13] Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже. Воспоминания графа Д.И. Толстого // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков. Выпуск II, III. М., 1992. С. 345.

[14] Там же. С. 346.

[15] Ведомость имущества ПДУ, эвакуированного во вторую и третью очередь. 1917 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5642-ар.

[16] Дело об эвакуации предметов из Петергофа в Москву. 1917–1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5848-ар. Л. 2.

115 ящиков смогли отправить только 84, остальные остались в Петергофе[17]. Позже М.М. Измайлов дал неоднозначную оценку этим действиям: «Петергофская Комиссия не в пример прочим отнеслась к распоряжению с добросовестностью, может быть, чрезмерною. Понятие «ценности» она толковала очень широко… Наряду с материальными… (золото, серебро, камни) и ценностями художественными шли часто такие вещи, как шелковые стенные обивки, фарфор и бронза эпохи Николая I… Были упакованы для отправки картины Монплезира, Марли и Эрмитажа, не отличая действительно ценных от незначительных… Только Октябрьская революция остановила этот разгром… Всё, что не успели отправить в Москву до Октября, осталось в Петергофе, но в сложенном и в полузапакованном виде, а всё остальное пробыло в Москве целых три года»[18].

Разбираться со сложившейся ситуацией пришлось членам Петергофской художественно-исторической комиссии (ПХИК), образованной в 1918 году. На заседании Совета председателей Художественно-исторических комиссий при петроградских и пригородных дворцах в сообщении С.Р. Эрнста отмечалось: «В настоящее время на управление и распоряжение Петергофскими дворцами, в составе всей городской территории, заявила свои претензии местная городская дума, что… не может не внушать известных опасений ввиду возможности попыток использовать дворцовые помещения, в которых еще находится значительное количество не эвакуированных предметов искусства, для надобностей города. Петергофские дворцы не находятся в настоящее время в заведовании особой Художественно-исторической комиссии, состоящей из специалистов с функциями и полномочиями, подобными тем, которые присвоены Комиссиям, образовавшимся в Петрограде, Царском Селе и Гатчине. Ввиду этого Соединенная комиссия… постановила общее заведование названными дворцами предложить Ф.Г. Беренштаму, ныне состоящему членом Царскосельской художественно-исторической комиссии, пригласив в качестве ближайшего помощника И.П. Якобия и возложив дворцовую хозяйственную часть на архитектора Миняева»[19].

---

[17] Дело об эвакуации предметов из Петергофа в Москву. 1917–1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5848-ар. Л. 102.

[18] *Измайлов М.М.* Петергоф за первые 10 лет революции. Заметки сотрудника музея. 1928 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 16687-ар. Л. 3, 3 об.

[19] Материалы о работе художественно-исторической комиссии. Ч. I. 1917–

Вступив в должность, Беренштам констатировал: «Нужно было формировать новую комиссию, и эту работу возложил на меня тогда еженедельно заседавший под председательством В.А. Верещагина совет председателей Художественно-исторических комиссий. Была зима. Работать в Петергофе зимою и теперь трудно, а в то время было абсолютно невозможно. К тому же рабочие «казенных» мастерских, младшие служащие в лице парковых сторожей, садовников, комнатных служащих были настроены очень агрессивно, и нужно было некоторое время для успокоения страстей. К весне была сформирована вновь комиссия, в которую вошли бывшие ее члены: В.К. Макаров, М.М. Измайлов и А.К. Миняев… Но увы. Скоро Миняев тяжело захворал и скончался, а Макаров ушел в Гатчину — его заменил архит. гражд. инженер Р.Р. Бекер. Работа предстояла… трудная, осложняемая большим количеством дворцов, павильонов, садов, парков, оранжерей, раскинутых на огромном пространстве… Прежде… существовал громадный штат служащих, в 1918 году он, казалось, был сокращен до минимума… При реформе… намечен был: 1 хранитель, 2 помощника и 8 постоянных сотрудников: библиотекарь, архивист, по скульптуре, по живописи, по фарфору, по гравюре и рисунку, по мебели, по монтировочно-ремонтным работам. Фактически это никогда осуществлено не было… максимум… 3–4 человека включая туда и меня самого»[20].

В рассматриваемый период в ведении Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), возглавляемого А.В. Луначарским, находились вопросы образования, культуры и искусства. В то же время Народному комиссариату имуществ республики (Наркомату) под руководством В.К. Карелина подчинялись художественные комиссии, учреждения бывшего МИДв: дворцы, имения, музеи, театры и т. д.[21] Приказ № 307 от 06.02.1918г. А.В. Луначарского отражает сложившуюся ситуацию: «…Художественные комиссии, плодотворно и непрерывно работавшие и остававшиеся на своем посту в самые тяжелые моменты, пережитые государством, и тем доказавшие любовь к своему делу и искусству вообще, ныне приступают к работе по переустрой-

1918 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 84–85.

[20] Протокол № 1 совещания Петергофской художественно-исторической комиссии. Июнь 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6368/68-ар. Л. 2–5.

[21] Музей и власть: сборник науч. трудов. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX века). Ч. 1. М., 1991. С. 102.

ству дворцов и музеев… подтверждая еще раз права художественных комиссий, являющихся АВТОНОМНЫМИ в своей художественно-охранительной деятельности, УКАЗЫВАЮ, что ныне… Комиссиям, помимо присвоенных им до сих пор… полномочий, предоставляется также делать и самостоятельные административные распоряжения, кои будут ими признаны необходимыми в связи с работами по переустройству дворцов и музеев, общее руководство охраны коих возлагается на означенные комиссии, в чем местные комиссары должны оказать им полное содействие»[22].

Приказом № 6 от 26.01.1918г. по Наркомату Дворцовые управления были переименованы в Управления дворцами[23]. При переезде правительства в марте 1918 года в Москву А.В. Луначарский и часть аппарата Наркомпроса остались в Петрограде. Произошло объединение шести северо-западных губерний России в Союз коммун Северной области, Петроград стал центром этого объединения[24].

На основании декрета Петроградской трудовой коммуны № 331 от 28.03.1918г. «в дворцовых городах: Царском Селе, Гатчине, Петергофе и Павловске Управления дворцами упразднялись, комиссары этих управлений должны были образовать особые Управления художественным имуществом Республики Северного Района[25]. В разъяснении к декрету перечислялись объекты и служащие, остающиеся за Комиссариатом и перешедшие Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (далее Совет)[26]. Петергофскому Совету перешло в управление водокачальное здание, электрическая станция, ферма, госпиталь, аптека, заразное отделение, пожарная команда[27]. Под контроль УПД поступили все основные дворцы и парки Петергофа, фонтаны и гидротехнические сооружения, при этом указывалось: «Всё остающееся за Комиссариатом подлежит строгому учету и описи; находящееся же в складах

---

[22] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 141.

[23] Дело УПДМ. Циркуляры Народного комиссариата имуществ Республики. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5850-ар. Л. 14.

[24] Музей и власть. Ч. 1. С. 109.

[25] Дело УПДМ. Циркуляры Народного комиссариата имуществ Республики. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5850- ар. Л. 83.

[26] Там же. Л. 90, 92, 93, 96.

[27] Дело УПД о передаче имущества в ведение Петергофского совета рабочих и солдатских депутатов. 1918, 1923 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5839-ар. Л. 6, 7.

художественное имущество хранить впредь до образования музеев при дворцах»[28].

Приказом по Наркомату № 44 от 08.06.1918г. был утвержден штат УПД в 348 человек, структура: Комиссар при Управлении, Контора Управления, Строительная часть, Гидротехническая часть, Хозяйственная часть, дворцы и здания, Парки, сады и оранжереи[29]. Параллельно продолжала работать ПХИК под председательством Беренштама. В настоящее время не установлена дата переименования УПД в УПДМ, но по протоколам совещаний комиссии можно установить, что образование дворцов-музеев произошло в период со 2 по 15 сентября 1918 года. Члены ПХИК стали именовать себя коллективом Петергофского дворца-музея (ПДМ)[30]. В большинстве современных исследований это название используется как самостоятельное, обособляется от УПДМ, за Беренштамом определяется руководящая роль в организации. Он указывается либо первым директором[31], либо хранителем Дворцов-музеев Петергофа (Петергофских дворцов-музеев)[32], что ошибочно, в первом случае, в отношении должности, во втором — в отношении официального названия организации.

Наркомат потерял управление музеями летом 1918 года и влился в Наркомпрос на правах отдела. По постановлению Коллегии «Отдела Имуществ Республики при Народном Комиссариате Просвещения» № 3 от 14.10.1918г. четко обозначаются полномочия комиссаров: «…учреждается следующий порядок управления дворцами-музеями в Детском Селе Урицкого, Павловске, Гатчине, Петергофе и Ораниенбауме: общее руководство и координирование деятельностью по дворцам-музеям… вверяется особому Комиссару-Инспектору.

[28] Приказы по Отделу имуществ республики при Народном комиссариате просвещения и по УПД. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5840-ар. Л. 37.

[29] Приказы по ПДУ. 1917-1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 117-ар. Л. 94–95.

[30] Протоколы № 2–19 совещаний Петергофской художественно-исторической комиссии. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5852-ар. Л. 19, 20.

[31] *Мельникова Н.В.* «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить…» Из истории становления экскурсионного дела в Петергофе. История Петербурга. 2010. № 1 (53). С. 56.

[32] *Белоусов А.С.* Мягко ли директорское кресло? Руководители петергофских дворцов-музеев и парков в XX веке: сборник научных статей XXIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2018. С. 69.

Во главе управления каждого дворца-музея стоит Комиссар, при котором образуется административно-хозяйственный совет в составе: Хранителя или его заместителя, заведующего хозяйственной частью дворца и представителя от служащих. При каждом дворце назначается особый хранитель для специального в научно-художественном отношении заведования, охранения и изучения его. В целях объединения научно-художественной деятельности, связанной с дворцами-музеями, учреждается Совет хранителей дворцов-музеев, который из своего состава избирает заведующего дворцами-музеями»[33]. В соответствии с этим порядком в Совет хранителей дворцов-музеев пригородов Петрограда вошел хранитель Петергофских дворцов-музеев Беренштам[34] — представитель от УПДМ.

В распорядительном документе о назначении в Петергоф первого комиссара его имя не указывается, но определены полномочия: «25.11.1917. Исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сообщено, что Советом Народных комиссаров назначен по заведованию б. Петерофским Дворцовым Управлением комиссар, который с того же числа и вступил в исполнение обязанностей по заведованию всей административно-хозяйственной частью Управления»[35]. Второго января 1918 года комиссаром УПД назначили В.В. Попова[36]. Ввиду его отъезда эти обязанности с 6 сентября 1918 года выполнял комиссар Мраморного дворца Веникас (без оставления основной должности)[37]. Приказом № 8 от 31.12.1918г. также утверждалось совмещение должностей для комиссара по Управлению загородными дворцами Н.В. Личкуса[38]. В списке служащих УПДМ от 16.01.1920г. числились: врио комиссара Управления И.И. Липянин, заведующий канцелярией А.М. Арбузов, хранитель

---

[33] Приказы по Отделу имуществ республики при Народном комиссариате просвещения и по УПД. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5840-ар. Л. 159, 159 об.

[34] Журнал заседаний Совета хранителей пригородных дворцов-музеев Петрограда. Копии протоколов № I–XX. 1918–1919 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5849-ар.

[35] Дело УПДМ. 1918–1928 // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2084-ар. Л. 17.

[36] Дело УПДМ. Циркуляры Народного комиссариата имуществ Республики. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5850-ар. Л. 130.

[37] Там же. Л. 180.

[38] Там же. Л. 256.

дворца-музея Ф.Г. Беренштам, помощник хранителя Р.Р. Бекер… Всего 222 человека[39].

В историографии Петергофа имена и обязанности комиссаров не озвучены. Возможно, это произошло от неверной трактовки их полномочий и подчинения. Так, в одном современном исследовании сделано заключение: «После октября 1917 года существенных изменений в структуре и деятельности Петергофского дворцового управления не произошло. Местный Совдеп назначил в Управление своего комиссара, но он не имел реальной власти. В январе 1918 года руководство организацией перешло Центральному исполнительному комитету служащих (ЦИКС)»[40]. Как видно из представленных выше сведений, эти заключения в отношении полномочий комиссара, а также структуры ПДУ, измененной при образовании УПД, не обоснованны.

Кроме того, взаимодействие комиссара и ЦИКС были четко определены, в том числе в приказе УПД № 199 от 16.10.1918г. указано: «Всеми делами заведует совместно Комиссар при Управлении и Центральной Исполнительной Комитет Служащих Управления. Две части: Хозяйственная, Канцелярия. Во главе хозяйственной части стоит заведующий, в ведении которого дворцы, здания, земельные участки и все кладовые, строительно-техническая часть, садовая часть, мастерские, ферма, рабочий обоз.… Все части Управления со всеми вопросами обращаются к заведующему, который или делает сам распоряжение или передает на рассмотрение и разрешение Управления.… Всю деятельность заведующего хозяйством контролируют корпорационные комитеты Служащих управления… Канцелярия Управления имеет три отделения: бухгалтерии, административное и хозяйственное отделение»[41].

Деятельность Беренштама широко освещена в историографии Петергофа, но представленные сведения не сопряжены с анализом ситуации, сложившейся в отечественной культуре в 1918–1924 годах. Рассмотрим несколько ключевых моментов в его работе, подчиненных

---

[39] Дело о проверке деятельности УПДМ. 1920–1924 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5863-ар. Л. 4.

[40] *Бондарев С.В.* Повседневный взгляд на создание музеев в Петергофе // Вестник СПб ГУ. История. Т. 63. Вып. 2. 2018. С. 416.

[41] Приказы по Отделу имуществ республики при Народном комиссариате просвещения и по Управлению петергофскими дворцами (УПД). 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5840-ар. Л. 114–115.

необходимости выполнения действующих в этот период государственных директив.

Декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находившихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», утвержденный 05.10.1918г., ставил под контроль проведение инвентаризации ценностей. В Петергофе под руководством Беренштама продолжали составление описей дворцовых коллекций. Однако, как указывалось выше, необходимость восстановления нарушенной в процессе подготовки к эвакуации в Москву обстановки дворцов и невозможность точного установления количества вывезенных раритетов осложнили и растянули на длительный срок эту работу. В июле 1918-го в связи с необходимостью отчета в Петербургское отделение Комиссариата имуществ Республики появились вопросы к участникам эвакуации[42]. Бывший председатель В.К. Макаров на запрос М.М. Измайлова отвечал: «Я хорошо помню, что уложены и отправлены при мне в Москву — портрет Станислава Понятовского… вместе с портретами [из] Английского дворца, т. е. во II очередь. Портрет Е II (в профиль?) помню меньше. Вероятно, он отправлен в I очередь.… Списки составлялись при большой спешке и возможны пропуски, но потеря, если ящики вернутся из Москвы — невозможна, я думаю»[43].

В летний период немногочисленному составу хранителей приходилось переключаться на экскурсионную деятельность. Примечательно, что в отчете, посвященном десятой годовщине Октябрьской революции, неверно указана дата проведения первой экскурсии в Петергофе: «18 мая… (1918. — **Авт.**) новый хозяин дворцов, трудящийся народ, впервые явился в свои новые владения: в день открытия Большого дворца масса рабочих количеством свыше 500 человек, организованных местным Исполкомом, с красным знаменем и революционными плакатами продефилировала по пышным царским покоям»[44]. Подобное показательное мероприятие, возможно, имело место быть, но его нельзя назвать первой экскурсией, и тому есть документальные подтверждения.

---

[42] Дело УПДМ об эвакуации предметов из Петергофа в Москву. 1917–1924 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5848-ар. Л. 2.

[43] Дело УПДМ. Входящие документы. 1919. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5861-ар. Л. 21.

[44] *Измайлов М.М.* Петергоф за первые 10 лет революции. Заметки сотрудника музея. 1928 // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 16687-ар. Л. 5 об.

В протоколе № 1 от июня 1918 года совещания ПХИК зафиксировано: «…работа, начатая членами Комиссии с 25-го минувшего мая настолько закончена, что возможно с воскресенья, 2-го сего Іюня означенные помещения (Большого дворца — **Авт.**) для обозрения открыть, согласно выработанным правилам осмотра и установленным особым входным карточкам»[45]. 2 июня 1918 года «состоялось открытие Большого дворца. Присутствовали: Беренштам, Измайлов, Бекер, Силин и Кондаков. Означенные лица, за исключением Кондакова, выдававшего входные билеты, показывали и давали объяснения посетителям, которых было свыше 400 человек»[46].

После открытия музеев главным делом Беренштама становится подготовка «Инструкторских курсов для руководителей экскурсиями», их открытие предполагалось в 1919 году, но было отложено до весны 1920-го[47]. Эти устремления соответствовали задачам развития музейного дела, озвученным на I Всероссийской музейной конференции, проведенной в Петрограде в феврале 1919 года. «В настоящее время идет лишь процесс передачи музеев народу и народ еще мало заинтересован в них… — указывал Луначарский. — Нет иного пути защитить музеи, как заинтересовать массы в их существовании»[48]. План популяризации петергофских дворцов-музеев Беренштам видел также в издательской деятельности и обосновывал следующим: «Для облегчения знакомства широкой публики с… памятниками Петергофа предположено издать ряд брошюр — кратких описаний дворцов, павильонов и пр. В качестве иллюстрационного материала могут служить имеющиеся в продаже открытые письма издания Общины Св. Евгении. Решено… устроить продажу брошюр и открыток во дворцах и павильонах»[49]. Составление путеводителей по Большому дворцу, «павильонам по Самсоновской дороге», павильонам Царицына и Ольгина островов, Озеркам

---

[45] Протокол № 1 совещания Петергофской художественно-исторической комиссии 1 июня 1918 года // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6368/28-ар. Л. 1.

[46] Дневник работ Петергофской художественно-исторической комиссии. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5853-ар. Л. 2 об.

[47] Дело о проверке деятельности УПДМ. 1920–1924 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5863-ар. Л. 2 об., 3.

[48] Музей и власть. Ч. 1. С. 117.

[49] Протокол № 1 совещания Петергофской художественно-исторической комиссии 1-го июня 1918 года // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6368/28-ар. Л. 1 об.

и Бельведеру поручили М.М. Измайлову. Уже в 1918 году прослеживается идеологический подход к представлению дворцов-музеев публике. Так, на совещании хранителей 28 сентября 1918 года постановили: «Что касается путеводителя М.И. (Михаила Измайлова. — **Авт.**), то ввиду особенностей содержания, не соответствующих духу времени… продажу его во дворце прекратить»[50].

12 ноября 1920 года был создан Главполитпросвет при Наркомпросе РСФСР. В феврале 1921 года при реорганизации Наркомпроса музейный отдел преобразовали в Главмузей в составе Академического центра Наркомпроса. В декабре 1921 года произошли очередные изменения: отдельные главки при Академическом центре Наркомпроса, куда относился и Главмузей, объединились в Главнауку[51]. Музей стал рассматриваться в качестве проводника культурной революции. Тезисы Луначарского: «Музеи — опорные пункты в великом деле народного образования», «Пусть в музеях не только смотрят, но и работают; создадим музеи-лаборатории, аудитории, мастерские»[52], — созвучны проектам Беренштама по организации во дворцах-музеях рисовальной школы, мастерских столярного, резного и слесарного искусства. «Почти целое столетие Петергофские мастерские «казенного двора» славились своим искусством, — записал он в проекте. — «Николаевская мебель», бронза, кованное железо… выходило из этих мастерских… Не то мы видим сейчас, мастерские… пустуют… Между тем пора после периода разрушения приступить к новой эпохе реставрации и строительства»[53].

Декрет от 16.09.1921г. «Об охране памятников природы, садов и парков» впервые распространил правовую защиту на садово-парковые комплексы и установил для них статус неприкосновенных памятников. Однако в период тяжелейшего экономического кризиса в стране остро встал вопрос финансирования музеев. Речь не шла о масштабной реставрации, возникли проблемы с охраной объектов. В музеях страны ввели входную плату, с 1923 года разрешили продажу имущества, «не имеющего историко-художественного значения», что соответствовало новой экономической политике советского государства. В связи с при-

[50] Протоколы № 2–19 совещаний Петергофской художественно-исторической комиссии. 1918 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5852-ар. Л. 22.

[51] Музей и власть. Ч. 1. С. 124.

[52] Там же. С. 118.

[53] Проект устройства рисовальной школы. 1919–1924 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6368/43-ар. Л. 1, 1 об.

знанием ряда предметов утилитарными, а также в связи с обменом или передачей в Главмузеи и Госфонд произошли невосполнимые потери культурных ценностей, размещавшихся в петергофских дворцах, кладовых и служебных помещениях до начала XX века. Можно констатировать, что в 1917–1920-е годы цельность дворцовых объектов с их исторической обстановкой была нарушена.

Восьмого марта 1922 года приказом № 31 по Отделу музеев и охране памятников искусства и старины должность комиссаров музеев, дворцов и дворцов-музеев была упразднена, взамен введена должность заведующего Управлениями дворцов и дворцов-музеев[54]. Заведующим УПДМ назначили И.И. Липянина, который на Пленуме петергофского исполкома 8 июня 1922 года в отчетном докладе объявил о наличии следующих дворцов-музеев: Большой дворец, Монплезир, Марли, Эрмитаж, Английский, на Собственной даче, там же церковный музей, Березовый, Бельведер, павильоны на Царицыном и Ольгином островах, Озерки, Царская мельница, Сельско-приказной и Никольский домики, на даче «Александрия: Фермерский, Коттедж, Нижний, церковь-музей, три княжеских домика»[55]. Также он отметил: «Дворцы, павильоны превращаются в музеи, в них по эпохам и стилям размещаются коллекции, чтобы помещения с мебелью и обстановкой давали картину архитектурных стилей и вкусов времени»[56]. Примечательно постановление по итогу этого доклада: «Предложить УДМ принять необходимые меры к превращению дворцов в свой прежний вид, чтобы помещения давали картину архитектурных стилей и вкусов времени»[57], — подобная концепция в середине 1920-х становится идеологически непродуктивной, контрреволюционной. В 1922 году о возврате эвакуированных вещей Липянин сообщил: «…Золото и ценности, вывезенные в Москву, возвращены. Только картинная галерея б. Английского дворца не возвращена Центром, хотя она вся сохранилась»[58]; также о кражах: «…За всё время похищено 6 картин из Монплезира»[59].

В январе 1920 года при проверке деятельности УПДМ зафиксировали: «Инвентарных описей не имеется, кроме картин… имеются старые

---

[54] Дело УПДМ. 1918-1928 // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2084-ар. Л. 17 об.

[55] Там же.

[56] Там же. Л. 16.

[57] Там же. Л. 16 об.

[58] Там же.

[59] Там же.

описи. Настоятельно необходимо произвести детальную проверку всего привезенного и в спешном порядке заинвентаризировать… Охрана дворцов и музеев утверждена была Главмузеем, производится по плану, выбранному комиссаром Липяниным, крайне неудовлетворительна, во-первых, по своему численному составу, во-вторых, качественному (большей частью старики и даже женщины)… у часовых нет валенок, некоторые без теплой одежды… вооружения также недостаточно… Архитектурный надзор за дворцами довольно слаб… в некоторых дворцах протечка»[60].

В 1924 году Петергоф посетила комиссия Ленинградского отделения Государственного музейного фонда: «…Ерыкалов[61], Макаров, Тимофеев, о недостаче в ящиках, возвращенных из Москвы. Пропало 14 миниатюр из Коттеджа и несколько золотых вещей. Обнаружено отсутствие точных данных о вскрытии. Петергоф, по выражению Ерыкалова, производит жуткое впечатление»[62].

Итогом проведенных проверок стало заключение: «Принимая во внимание доклад т. Ярыкалова и учитывая постоянную неисправность хранителя петергофских Дворцов-музеев при исполнении его служебных обязанностей и обнаружившиеся из доклада несоответствия… Ф.Г. Беренштама от занимаемой должности отстранить»[63].

Данные обстоятельства до настоящего времени не озвучивались. Представление безупречной трудовой биографии известных должностных лиц имело приоритет у советских исследователей. Указанный факт не обесценивает заслуг Беренштама, который в 1917–1924 годы вместе со своим немногочисленным коллективом пытался обеспечить сохранность петергофских дворцов и находящихся там предметов искусства, что осложнялось не только неспокойной внешней и внутриполитической обстановкой в стране, но и отсутствием единого руководства музейной отраслью, долгим процессом выработки законодательных и нормативно-методических документов, финансовыми проблемами,

---

[60] Дело о проверке деятельности УПДМ. 1920–1924 // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 5863-ар. Л. 1, 9.

[61] С 1918 по 1925 год возглавлял Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда В.И. Ерыкалов.

[62] *Балаева С.Н.* Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб., 2005. С. 24.

[63] Центральный государственный архив (ЦГА). Ф. 2555, Оп. 1, Д. 1193. Л. 24.

проведением перераспределения культурных ценностей между музеями, передачей части коллекций в Госфонд, последующей их распродажей, в том числе и за границей.

Отсутствие на начальном этапе единой позиции в вопросе музеефикации бывших царских резиденций при уже определенной за ними функции идеологической пропаганды новой системы ценностей советского государства приведет к необходимости выработки оптимальной формы их использования и представления новому социальному классу — пролетариату. С сентября 1924 года эта работа в Петергофе будет продолжена под руководством выпускника историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, члена РКП(б) Николая Ильича Архипова (1887–1967) в период действия уже других идеологических установок. Не случайно ряд современных историков определяет рубеж 1920–1930 годов как время «великого перелома» — пролетаризации культуры[64].

Впервые появляется классификация музеев «по значению»: центральные, областные и местные. Для систематизации музейной сети начинает применяться профильная классификация: историко-культурный, историко-бытовой, историко-революционный, этнографический, сельскохозяйственный, мемориальный и др. Со слов С.С. Гейченко, одного из основоположников разработки тематических экспозиций в Петергофе, «стал наиболее актуален вопрос о переводе дворцов в постройки утилитарного назначения… Надо было высказывать какие-то новые, оригинальные, а главное, убедительные аргументы, чтобы доказать существование таких поздних построек, как музеев историко-бытового типа»[65].

В соответствии с лозунгом заместителя наркома просвещения М.С. Эпштейна «Долой нейтральность, аполитичность и пресловутую лояльность, прикрывающие контрреволюционное вредительство!»[66], которым он открыл I Музейный съезд в декабре 1930 года в Москве,

---

[64] *Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России. Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26).

[65] *Агеева Л., Лавров В.* Хранитель. Документальное повествование о жизни, делах и днях директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко. Л., 1990. С. 67.

[66] *Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России. С. 195.

определилась цель — активизация борьбы против «буржуазных специалистов», «старой интеллигенции», «врагов народа». Концепция дальнейшего развития была созвучна высказыванию одного из делегатов: «Музеи — на службу социалистическому строительству, на службу культурному обслуживанию масс»[67]. Наступил новый период в истории дворцов-музеев, в современном изложении которого также имеются дискуссионные вопросы.

Объективизация оценки известных событий через сопоставление официальной информации с мнением непосредственных участников событий, изложенным в их личных и рабочих документах, должна быть продолжена. Подобный подход помогает восстановить общую историю через рассмотрение частных ситуаций. В данном случае выявлены особенности деятельности Управления Петергофскими дворцами-музеями в период становления музейного дела в советском государстве.

[67] *Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России. С. 198.

Петергоф. Демонстрация в первую годовщину Октябрьской революции 7 ноября 1918 года. Россия, Петроград. Ноябрь 1918 года. ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7164-фд

Протоколъ совѣщанія Петергофской Художественно-Исторической Комиссіи 5-го Іюня 1918 года.

№ 1-ый.

Присутствовали:

Предсѣдатель Комиссіи Э.Г.Веренштамъ; Члены-М.М.Измайловъ и В.К. Макаровъ; сотрудники-Р.Р.Бекеръ, Н.В.Силинъ и Е.П.Гребенщикова; секретарь С.Н.Кондаковъ.

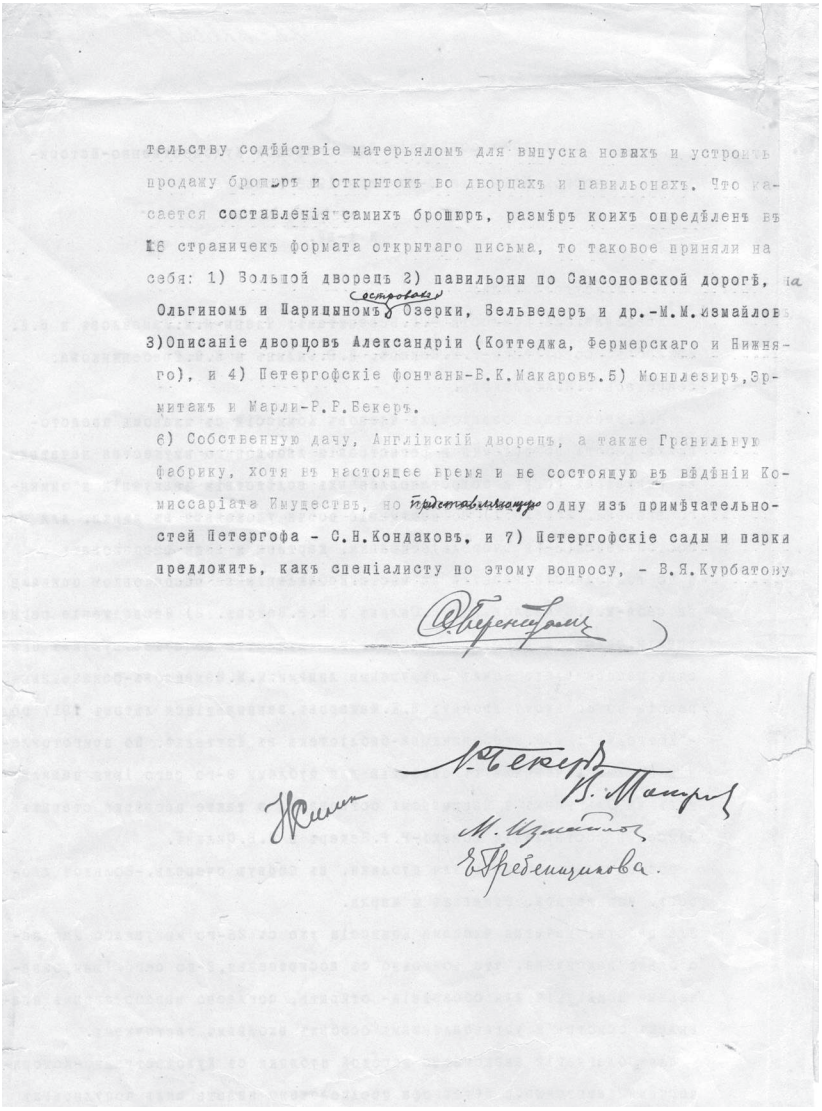
Э.Г.Веренштамъ ознакомилъ членовъ Комиссіи съ планомъ предстоящихъ работъ по пріемкѣ и регистраціи дворцоваго имущества начатыхъ въ минувшемъ году и пріостановленныхъ вслѣдствіи эвакуаціи и зимняго времени. Рѣшено:1) во избѣжаніе порчи уложенныя въ ящики, для несостоявшейся(3-ья очередь)отправки, картины и вещи распаковать и по возможности вернуть на мѣста.Наблюденіе за распаковкою приняли на себя-М.М.Измайловъ, Н.В.Силинъ и Р.Р.Бекеръ. 2) Продолженіе регистраціи,описанія и провѣрки дворцоваго имущества по существующимъ описямъ распредѣлено между слѣдующими лицами:М.М.Измайловъ-означенныя работы по Большому дворцу; В.К.Макаровъ,занимавшійся лѣтомъ 1917 года -"Коттеджъ"; Е.П.Гребенщикова-библіотека въ Коттеджѣ. По приготовленію предназначенныхъ къ открытію для публики 9-го сего Іюня павильоновъ на Ольгиномъ и Царицыномъ островахъ, а также провѣрки старыхъ описей и составленія новыхъ-Р.Р.Бекеръ и Н.В.Силинъ.

Постановлено открыть для публики, въ первую очередь,-Большой дворецъ, Монплезиръ, Эрмитажъ и Марли.

Эта работа, начатая членами Комиссіи уже съ 25-го минувшаго Мая настолько закончена, что возможно съ воскресенья,2-го сего Іюня,означенныя помѣщенія для обозрѣнія- открыть, согласно выработаннымъ правиламъ осмотра и установленнымъ особымъ входнымъ карточкамъ.

Для облегченія знакомства широкой публики съ Художественно-Историческими памятниками Петергофа предположено издать рядъ популярныхъ брошюръ-краткихъ описаній дворцовъ, павильоновъ и пр.Въ качествѣ иллюстраціоннаго матеріала могутъ служить имѣющіяся въ продажѣ открытыя письма изданія Общины Св. Евгеніи.Рѣшено предложить этому изда-

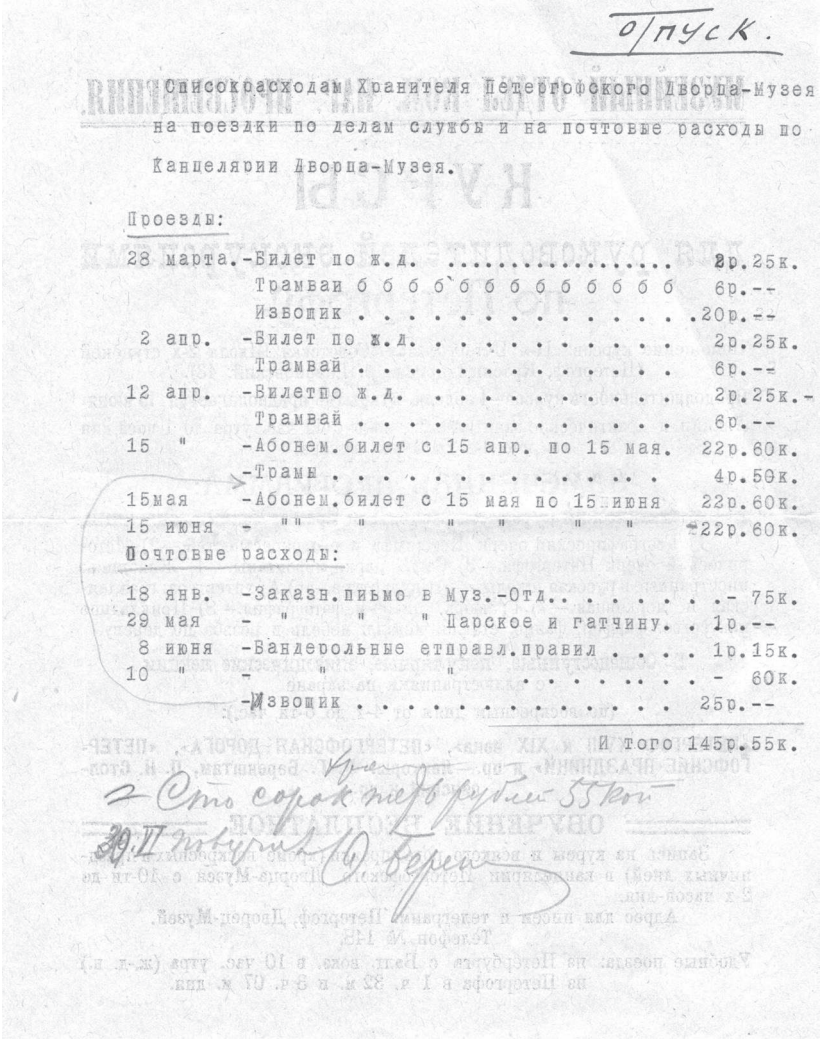
Протокол № 1 совещания Петергофской художественно-Р.Р. Бекера, Н.В. Силина, Е.П. Гребенщиковой. В.К. Макарова, Петроград, Петергоф.



тельству содѣйствіе матерьяломъ для выпуска новыхъ и устроить продажу брошюръ и открытокъ во дворцахъ и павильонахъ. Что касается составленія самихъ брошюръ, размѣръ коихъ опредѣленъ въ 16 страничекъ формата открытаго письма, то таковое приняли на себя: 1) Большой дворецъ 2) павильоны по Самсоновской дорогѣ, на Ольгиномъ и Царицыномъ островахъ Озерки, Бельведеръ и др.-М.М.Измайловъ 3)Описаніе дворцовъ Александріи (Коттеджа, Фермерскаго и Нижняго), и 4) Петергофскіе фонтаны-В.К.Макаровъ.5) Монплезиръ,Эрмитажъ и Марли-Р.Р.Бекеръ.

6) Собственную дачу, Англійскій дворецъ, а также Гранильную фабрику, хотя въ настоящее время и не состоящую въ вѣдѣніи Комиссаріата Имуществъ, но представляющую одну изъ примѣчательностей Петергофа - С.Н.Кондаковъ, и 7) Петергофскіе сады и парки предложить, какъ спеціалисту по этому вопросу, - В.Я.Курбатову

исторической комиссии с подписями Ф.Г. Беренштама, М.М. Измайлова, ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6368/28-ар РСФСР, Июнь 1918 года.



О/пуск.

Списокрасходам Хранителя Петергофского Дворца-Музея на поездки по делам службы и на почтовые расходы по Канцелярии Дворца-Музея.

Проезды:

28 марта.	-Билет по ж.д.	2р.25к.
	Трамваи б б б б б б б б б б б б б	6р.--
	Извощик	20р.--
2 апр.	-Билет по ж.д.	2р.25к.
	Трамвай	6р.--
12 апр.	-Билетпо ж.д.	2р.25к.-
	Трамвай	6р.--
15 "	-Абонем.билет с 15 апр. по 15 мая.	22р.60к.
	-Трамы	4р.50к.
15мая	-Абонем.билет с 15 мая по 15 июня	22р.60к.
15 июня	- " " " " " "	22р.60к.

Почтовые расходы:

18 янв.	-Заказн.пиьмо в Муз.-Отд..	- 75к.
29 мая	- " " " Царское и гатчину. .	1р.--
8 июня	-Бандерольные етправл.правил	1р.15к.
10 "	- " "	- 60к.
	-Извощик	25р.--
	И того	145р.55к.

Сто сорок пять рублей 55 коп

30.VI получил (Берен)

Список служебных расходов, составленный на листовке «Курсы для руководителей экскурсиями по Петергофу». ГМЗ «Петергоф»

МУЗЕЙНЫЙ ОТДЕЛ КОМ. НАР. ПРОСВЕЩЕНИЯ.

КУРСЫ

для руководителей экскурсиями по Петергофу.

Помещение курсов: II-я Петергофская Советская Школа 2-х ступеней (Петергоф, Красный просп., б. Романовский, 43).

Продолжительность курсов—4 недели. Открытие предполагается 15 июня.

Лекции и практические занятия ежедневно с 11 час. утра до 1 часа дня и с 4-х до 6 час. вечера.

НАМЕЧЕННАЯ ПРОГРАММА:

А. Систематический курс с обязательными практическими занятиями.

1) Географический очерк Петергофа и его окрестностей.—2) Исторический очерк Петергофа.—3) Сады, парки и фонтаны.—4) Живопись: иностранные и русская школы.—5) Скульптура.—6) Архитектура: гражданская и церковная.—7) Гравюра, лито- и фотография.—8) Прикладное искусство: фарфор, фаянс, стекло, металл; мебель и резьба по дереву.

Б. Общедоступные, популярные, эпизодические лекции с иллюстрациями на экране

(по воскресным дням от 4-х до 6-ти час.):

«ПЕТЕРГОФ XVIII и XIX века», «ПЕТЕРГОФСКАЯ ДОРОГА», «ПЕТЕРГОФСКИЕ ПРАЗДНИКИ» и пр.—Лекторы: Ф. Г. Беренштам, П. Н. Столпянский и др.

ОБУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЕ

Запись на курсы и всякого рода справки (кроме воскресных и праздничных дней) в канцелярии Петергофского Дворца-Музея с 10-ти до 2-х часов дня.

Адрес для писем и телеграмм: Петергоф, Дворец-Музей.
Телефон № 148.

Удобные поезда: из Петербурга с Балт. вокз. в 10 час. утра (ж.-д. в.)
из Петергофа в 1 ч. 32 м. и 3 ч. 07 м. дня.

хранителем Петергофских дворцов-музеев Ф.Г. Беренштамом
РСФСР, Петроград, Петергоф. 1920–1924 годы.
ПДМП 6368/67-ар

ПРАВИЛА ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Петергофских Дворцов и Павильонов.

Большой Дворец открыт для посетителей по воскресным и праздничным дням от 12 до 4 час. дня, а также по вторникам и пятницам от 1 до 3 час. дня. Вход со стороны Верхнего Сада.

Билеты для осмотра выдаются бесплатно, согласно письменным заявлениям, в означенные выше дни и часы при входе во Дворец и заблаговременно ежедневно (кроме воскресных и праздничных дней) от 9 до 3 час. дня в канцелярии Петергофского Дворца-Музея.

В Большой Дворец посетители допускаются группами не свыше 25 человек.

Дети дошкольного возраста, даже в сопровождении взрослых, к осмотру Дворца не допускаются.

Другие дворцы и павильоны: в Нижнем Саду: **Монплезир, Эрмитаж** и **Марли**; в Александрии: **Сосновый домик, Фермерский дворец, Коттедж, Нижний Дворец** и церковь **Св. Александра Невского**; **острова: Царицын** и **Ольгин**; по Самсониевской аллее: **Павильон Озерки, Царская Мельница** и близ нея у запасного пруда **Никольский домик**; на Бабигоне: **Бельведер** и **Сельский Приказный домик**; в Английском парке: **Березовый домик** и по Ораниенбаумской дороге: **Собственная дача** — открыты для посетителей ежедневно с 10 до 12 час. дня и с 2 до 6 час. веч.

К осмотру этих дворцов и павильонов допускаются одновременно группы не свыше 5-ти человек.

Палки, зонтики, пакеты и калоши оставляются при входе.

Листовка «Правила для посетителей Петергофских дворцов и павильонов». РСФСР, Петроград, Петергоф. 1919–1920 годы. ГМЗ «Петергоф» ПДМП 6368/40-ар

Сотрудники петергофских дворцов-музеев у Большого дворца в Петергофе. СССР, Ленинград, Петергоф. 1926–1927 годы. ГМЗ «Петергоф» ПДМП 6368/103-ар

Большой дворец. Тронный зал.
Выставка предметов петровского времени из дворца Монплезир. 1921 год.
Отпечаток с негатива. Лаборатория научно-прикладной фотографии
и кинематографии (ЛАФОКИ) АН СССР. СССР, Ленинград, 1957 год.
ГМЗ «Петергоф» ПДМП 1801-фд

Анатолий Филимонов

«СОСТАВ НАУЧНЫХ КАДРОВ ЗАПОВЕДНИКА НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЕН...»

За строкой постановления Псковского обкома ВКП(б). 1947 год

Осенью 1946 года работники Псковского обкома ВКП(б) были заняты подготовкой вопроса «О восстановлении Пушкинского Заповедника» для обсуждения на заседании бюро, которое планировалось провести в ноябре того же года. Комиссия работала в течение нескольких дней, в результате члены ее подготовили большое количество справок, отражающих различные вопросы деятельности Заповедника: ход восстановления важнейших объектов, благоустройство территорий, лесов и парков, экскурсионную и просветительскую работу, но особое место занимал анализ кадрового состава. 20 ноября 1946 года директор заповедника С.С. Гейченко поставил в известность об итогах проверки руководство Института русской литературы (ИРЛИ) (Пушкинского Дома): он направил докладную записку на имя заместителя директора Т.И. Шаргородского, сообщив, что «в ходе обсуждения итогов обследования деятельности Заповедника комиссией Псковского обкома ВКП(б) и проекта решения бюро» в адрес учреждения было «сделано немало замечаний и отмечены серьезные недостатки в работе». Поскольку в материалах комиссии фигурировала и фамилия С.С. Гейченко, то директор ИРЛИ П.Н. Лебедев-Полянский поручил помощнику директора Заповедника по хозяйственной части Н.И. Аксенову (он же секретарь партийной организации Заповедника и член Пушкиногорского райкома партии) «незамедлительно письменно» обобщить все эти замечания и направить записку непосредственно на его имя[1].

Н.И. Аксенов вскоре такую справку составил, и в декабре 1946 года направил ее в ИРЛИ, а копию — в Псковский обком ВКП(б).

«В настоящее время, — писал он, — проводятся работы по очистке и санитарно-оздоровительные мероприятия Михайловских рощ и парков: производится вырубка так называемого сухостоя, подрезка сучьев,

[1] Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 1219. Оп. 1. Д. 352. Л. 45.

окорка с «больных» мемориальных деревьев парка и другие «оздоровительные» работы.

Все указанные работы проводятся без соблюдения правил лесоохраны и специалистов лесного дела. Не было создано авторитетного плана и даже не был приглашен представитель областного управления лесоохраны, который своевременно мог бы дать указания, что можно вырубать и какие деревья можно оставить на корню. Уже вырублено свыше 300 деревьев.

Вся такая ответственная работа доверена так называемому «ученому лесоводу» Звагольской Н.Г., которая не является специалистом лесного дела. В 1945 году она окончила Новочеркасский мелиоративный институт по ведомству Министерства земледелия, не закончила государственного экзамена, и этот мелиоратор по государственному Заповеднику превращается в «ученого лесовода», которому доверена такая национальная ценность, как леса и парки Пушкинского Заповедника.

Оказывается, дело объясняется очень просто: Звагольская Н.Г. является родственницей Калаушина М.М., директора Музея института литературы. Обойдя все законы и несмотря на отказ Управления кадров Министерства земледелия об отпуске Звагольской Н.Г. в распоряжение Института литературы как незаменим[ой] специалистк[и] для работы в Заповеднике, всё же ее, мелиоратора, устроили «ученым лесоводом» Заповедника с выплатой подъемных. Можно ли доверять такую ответственную работу лицу, которое не знает лесного дела?

Кадры научных работников не удовлетворительны, качество не соответствует званию «научный сотрудник».

Звагольская Е.Г., мать «ученого лесовода», беспартийная, бывшая учительница, пенсионерка, а анкете личного дела пишет: окончила высшее учебное заведение, но ни документов, ни справок не имеет. Очень ограниченна в знании русского языка, не говоря об элементарном знании политической грамоты. Работает научным сотрудником Заповедника, зарплата 1 200 руб. в месяц. Это звание присвоено ей потому, что также имеет родственную связь с Институтом литературы, иначе расценивать нельзя. Конечно, такая «научная сотрудница» не может быть полноценным работником и дать какие-либо научные труды. Способность ее выражается в том, что избыток полученных продуктов и промтоваров по лимитным и литерным карточкам (получают мать и дочь) успешно перепродает на рынке.

Сулейманова Л.Д., беспартийная, по национальности лезгинка, жена директора Заповедника, элементарно владеет русским языком, с 20 августа 1945 года и до 8 мая 1946 года, т. е. до получения разницы в ставке, числилась «научным сотрудником». С 8 мая директором переведена зав[едующей] библиотекой так называемого «научного отдела». Директору, как мужу Сулеймановой, очевидно, стало неудобно числить ее «научным сотрудником», т. к. она не соответствует этому званию. Библиотека состоит из небольшого количества не систематизированных книг и отдельных брошюр (до 300 штук), читателей не имеется, вся работа зав[едующей] библиотекой выражается в занятиях домашними делами. Должность библиотекаря, да еще с припиской «научного отдела», совершенно лишняя — выдумана для того, чтобы получить высший оклад 800 руб. Эту работу может совмещать (как и было до этого) экскурсовод-библиотекарь.

Гордин А.М., зам[еститель директора по научной части, беспартийный, до Отечественной войны работал зав[едующим] музеем Заповедника (должности до войны зам[естителя] директора по научной части не было), зарабатывает 1 600 руб.

Может ли быть при данных условиях нормальная научно-исследовательская и организационная работа, и нужна ли она именно сейчас, когда на первом месте должны стоять первоочередные задачи — восстановить разрушенное хозяйство и исторические памятники Заповедника?! За девять месяцев «научной работы» не было сделано ни одного доклада в близ расположенных колхозах Заповедника, а об отдаленных колхозах не приходится и говорить. Много имеется написанных записок, именуемых «научной работой». Подходя к строгому их анализу, они завуалируют истинное положение научной работы в Заповеднике.

До войны Гордин А.М. был освобожден от работы зав[едующим] музеем Заповедника только лишь потому, что большую часть времени проводил в Ленинграде в командировках и очень мало уделял внимания своей непосредственной работе. В настоящее время также имеет место большое количество «командировок»: за 10 месяцев работы в Заповеднике было 54 дня командировок в Ленинград, не считая других командировок. Имеет место торгашеская тенденция: у председателя колхоза «Бакино» Соколова взял продукты, не рассчитался, дело передано в суд. Всё это характеризует его и компрометирует Заповедник.

Гейченко С.С., директор Заповедника, беспартийный, до Отечественной войны работал в Институте литературы, во время войны был

в армии. История пребывания в армии не ясна, ибо личного дела в Заповеднике не имеется. Сам он мотивирует это тем, что он директор, и личное дело его находится в Академии наук. Также он не состоит на учете в местном военкомате. За 20 месяцев его руководства Заповедником им не сделано ни одного доклада в ближайших колхозах, за 9 месяцев 1945 года был в командировках в Ленинграде 31 день, за 10 месяцев 1946 года, тоже в Ленинграде, — 99 дней. Целесообразность таких длительных командировок не может быть объяснена необходимостью. Директор Заповедника не несет никакой ответственности в строительно-восстановительных работах Заповедника и является только «наблюдающим» и «фиксирующим» факты лицом. Разумеется, такое положение благоприятствует ничего не делать и ни перед кем не быть обязательным. Даже такая деталь, но для нормальной работы Заповедника имеющая очень существенное значение: до сего времени не имеется «Положения о Заповеднике», которое определило бы профиль и стоящие задачи перед Заповедником. Имеющееся «Положение о Заповеднике», утвержденное зам[естителем] директора Института литературы Шаргородским Т.И., не признано финансовыми и другими органами правовым и юридическим документом. Всё вместе взятое определяет работу директора Заповедника.

По плану восстановительных работ проводится большое строительство новых домов (до 18 штук), да дополнительно капитально восстанавливается старый жилой фонд (3 дома), общей площадью до 1 600 кв. м. Сюда не входят обслуживающие и хозяйственные постройки. Кроме этого строительства будут строить гостиницу, дом отдыха для научных работников, туристическую базу со всеми обслуживающими и хозяйственными постройками, на всё строительство запрашиваются огромные капиталовложения.

Штат Заповедника до Отечественной войны был 21 чел[овек] при полном расцвете всех исторических мест Заповедника. Вряд ли в дальнейшем увеличение штата будет вызываться необходимостью, поэтому жилой площади для обслуживающего персонала вполне достаточно, ни в смете, ни в объяснительных записках о целесообразности использования всех строящихся отдельных домов объяснений не имеется.

Заповедник не имеет подсобного хозяйства, а возможности организации такового огромны: имеется пахотная земля, заливные луга, водоемы, пчеловодство, садоводство, но всё это считается диким. В 1946 году

с дикого хозяйства Заповедника вывезено в Институт литературы большое количество картофеля, в то же время часть рабочих и служащих Заповедника вынуждены картофель приобретать на рынке. Положение явно ненормальное. Некоторые лица утверждают, что если организовать подсобное хозяйство на хозрасчете, то Заповедник превратится в совхоз и будет искажение заповедного места. Толкование явно неправильное. В записях при А.С. Пушкине каждый клочок земли был использован под посевы различных культур. Организовать подсобное хозяйство необходимо с двух точек зрения: 1) уменьшится до минимума расход государственных средств (госбюджет), часть штата обслуживающего персонала может содержаться за счет средств подсобного хозяйства, 2) снабжение продуктами с подсобного хозяйства рабочих и служащих Заповедника даст возможность поднять их материальный уровень, пустующая, поросшая бурьяном земля превратится в культурный вид. Необходимо предусмотреть в смете на 1947 год расходную статью на организацию подсобного хозяйства.

За 1946 год по госбюджету утверждено заповеднику 283 тыс. руб., из них большая часть на научную работу, которая выражается в различных формах: фотосъемках, экспозициях, зарисовках научного содержания, популяризации и др. Значительная часть работ проводится своими людьми, приезжающими из Ленинград на отдых: Израилевич, сын главного бухгалтера Института литературы, Калаушин, сын директора музея Института литературы и др. Нужны ли такие научные работники для Заповедника или нет? Но факт тот, что на них расходуются значительные государственные средства.

На 1947 год запроектирован расход по госбюджету 430 тыс. руб. за счет увеличения штата научных работников, на содержание научных помещений и расширение научной работы, но не предусмотрена штатная единица, отвечающая за противопожарные мероприятия… «Научный отдел» вышестоящей инстанцией не утвержден, имеющийся же «семейный отдел» не жизненный и не может служить образцом научной работы…»[2]

В указанной «Справке» нашли отражение лишь некоторые, наиболее одиозные «недостатки» в работе Заповедника, зафиксированные членами комиссии обкома партии. Наряду с этим были отмечены и достигнутые положительные моменты, которые шли вразрез

[2] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 352. Л. 46–51.

со многими огульными обвинениями, например, в почти полном отсутствии научной работы, просветительской деятельности и т. п. Достаточно, например, вспомнить, что сотрудники заповедника (прежде всего С.С. Гейченко и А.М. Гордин) в течение 1945–1946 годов регулярно публиковали статьи и заметки по пушкинской теме в районной и областной газетах, выпустили ряд брошюр и путеводителей о заповедных местах, выступали с лекциями в трудовых коллективах. Разумеется, недостатки (и весьма существенные) место имели, но разрешение их не всегда зависело исключительно от руководства Заповедника. Наоборот, в труднейших условиях послевоенного возрождения небольшой коллектив Заповедника прилагал титанические усилия по восстановлению важнейших объектов и налаживанию нормальной работы. Ряд замечаний был записан в постановление бюро обкома ВКП(б), заседание которого неоднократно переносилось и состоялось, наконец, 20 января 1947 года, но оценки оказались по сравнению с выводами «подготовительных материалов» более взвешенными и мягкими: хотя и отмечались, например, недостатки в подборе и расстановке кадров, но резких выпадов в отношении конкретных лиц не было, как не было сделано пока что и «оргвыводов»[3]. Возможно, это стало результатом консультаций руководства обкома ВКП(б) с ИРЛИ, или всё же в партийном органе области возобладал более взвешенный подход к оценке работников Заповедника, и он не согласился с выводами членов проверочной комиссии.

На практике же оказалось, что ряд сотрудников Заповедника в течение 1947–1949 годов его покинул, и не всегда по доброй воле и собственному желанию. Сыграли, очевидно, свою роль выводы комиссии 1946 года, а главное, чувствовалось политическое и идеологическое ужесточение в политике руководства страны. В первые послевоенные годы, в отличие от «большого террора» 1937–1938 годов, всё большее значение придавалось идеологическим кампаниям, которые выполняли «профилактическую» функцию, прежде всего по отношению к интеллигенции, а затем вылились в «кадровую революцию», выразившуюся в «чистке» учреждений от «неблагонадежных» лиц. В апреле 1949 года инспектором отдела руководящих кадров по делами культпросветработы при Совете министров РСФСР была проведена проверка состояния кадров учреждений культуры Псковской

[3] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 382. Л. 308–313.

области, о чем составлен соответствующий акт. В нем приводились конкретные примеры «засорения» кадрового состава областного отдела культпросветработы, библиотек, клубов, областного краеведческого музея и других учреждений и организаций лицами, «не внушающими политического доверия»[4]. Фамилий сотрудников Пушкинского Заповедника в акте не называлось, но вскоре в области грянула масштабная «кадровая чистка», связанная с так называемым «Ленинградским делом», в процессе которого в оборот попал директор Заповедника С.С. Гейченко.

2 февраля 1950 года в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) ушла записка за подписью нового первого секретаря Псковского обкома партии Г.Н. Шубина, с именем которого как раз и были связаны массовые замены и освобождения от должностей кадров различных звеньев, учреждений и организаций.

«До последнего времени, — говорилось в записке, — директором Пушкинского Заповедника АН СССР в селе Михайловском Пушкиногорского района Псковской области работает Гейченко С.С., 1903 г. р., беспартийный, образование высшее.

До войны работал научным сотрудником Института литературы при АН СССР в Ленинграде. В 1941 году Гейченко был осужден Военным трибуналом войск НКВД Ленинградской области на 10 лет исправительно-трудовых лагерей за антисоветскую агитацию, направленную против законов советского правительства по вопросам введения платного обучения в школах и институтах, коллективизации сельского хозяйства, за клеветнические измышления на командный состав РККА, после начала Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков — за враждебное отношение к советской власти, распространение пораженческих слухов.

В 1943 году на основании директивы НКВД Гейченко был из лагеря освобожден и в этом же году призван в Советскую армию, где находился до 1945 года, т. е. до момента демобилизации в связи с получением тяжелого ранения…»

«Исходя из вышеизложенного, — заканчивает Шубин, — обком ВКП(б) считает невозможным дальнейшее оставление Гейченко в должности директора Пушкинского Заповедника и просит дать

[4] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 563. Л. 14–25.

указание Академии наук об отзыве его и направлении на эту работу другого товарища»[5].

Но данное письмо, к счастью для Пушкинского Заповедника и самого С.С. Гейченко, не имело последствий: он остался на своем посту и работал в должности директора еще долгие годы. Но «нездоровое» отношение к кадрам, несомненно, оставило незаживающий след в его душе и в памяти коллектива Заповедника.

[5] ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1048. Л. 127.

Галина Румянцева

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ, РАССКАЗАННЫЕ МУЗЕЙНЫМИ ПРЕДМЕТАМИ

Каждый отдельный человек —
целый мир, рождающийся и умирающий вместе с ним,
под каждым надгробным камнем — история целого мира.

Генрих Гейне

«Судьбы людей, рассказанные музейными предметами», — так можно было бы назвать целый цикл сообщений о предметах из музейной коллекции научно-вспомогательного фонда. Когда-то по разным причинам и обстоятельствам они были объединены в разнообразную пеструю мозаику разнохарактерных артефактов. Но, несмотря на эту «разность», все их объединяет одно общее — это информативно-художественный, особенный язык музейного предмета, который надо научиться услышать и понять. И экспонат раскрывается, обнажается и демонстрирует нам свою содержательность. Остается только не торопиться, а медленно, бережно и внимательно «слушать».

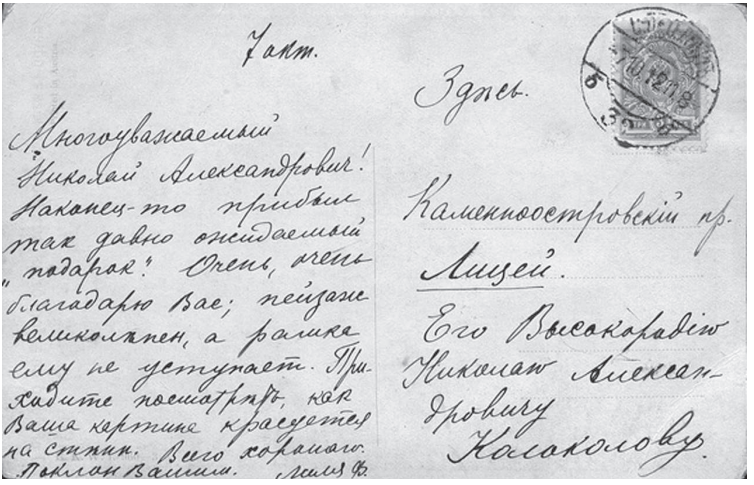
Сегодня хочется рассказать об одной почтовой открытке, которая поделилась с нами историями из своей «жизни». Это обычная на вид почтовая открытка с благодарственным текстом:

«Многоуважаемый Николай Александрович! Наконец-то прибыл так давно ожидаемый «подарок». Очень, очень благодарю Вас; пейзаж великолепен, а рамка ему не уступает. Приходите посмотреть, как Ваша картина красуется на стене. Всего хорошего. Поклон Вашим. Лиля Ф.»

Открытка-то обычная, но со значимым для пушкинистов адресом: «Каменноостровский пр. / Лицей — Его Высокородию Николаю Александровичу Колоколову». В правом верхнем углу на марке стоит круглый почтовый штемпель: СПб., 7.10.1912. Как известно, с 1 января 1844 года в здании на Каменноостровском проспекте разместился Императорский Александровский лицей.

А вот имя адресата не столь широко известно: Николай Александрович Колоколов (1870–1927) — курсовой воспитатель в Лицее с 1894 до 1917 года. Он родился в Петербурге в семье дворянина,

Открытое письмо на имя Н.А. Колоколова. Австрия, Вена. 1912 год. Бумага, тушь; печать, рукопись. Лицевая и оборотная стороны. Всероссийский музей А.С. Пушкина. КП-39052



(известного) педагога Александра Колоколова. О Николае Александровиче сохранилось не много воспоминаний лицеистов, но довольно теплых. Алла Ильинична Беленкова, директор уникального музея «А.С. Пушкин. Век XX» при Таллинском Линнамяэском русском лицее, сопредседатель Пушкинского общества в Эстонии, работая в архиве БКМА, нашла любопытные мемуары о Николае Александровиче. Так, внук Вильгельма Карловича Кюхельбекера, Виктор Михайлович Кюхельбекер, выпускник 53-го выпуска Александровского лицея, в своих записках вспоминал: «Лицеисты дали ему прозвище «Ананас» за его потешную наружность». Выпускник Императорского Александровского лицея в 1891 году, последний инспектор воспитанников Императорского Александровского лицея Александр Александрович Повержо записал: «Колоколов… был очень некрасив, но в нем была какая-то особая мягкость и обаяние. Я прозвал его «плюшевым». Это была чудная, отзывчивая и чистая душа… С каждым годом воспитанники ценили его всё больше и больше… Во время последних дней Лицея он был большой нравственной поддержкой». 71-й курс сочинил куплет любимому классному наставнику: «Все мы любим ананас, ананас же любит нас»[1].

Воспоминания лицеистов рисуют нам образ и характер этого человека, а из послания на открытке мы узнаем об увлечении Николая Александровича. Очевидно, он занимается творчеством, рисует и дарит свои работы близким. Кто же такая Лиля Ф., что так живо откликнулась на «подарок»?

Имя Колоколова мы встречаем в воспоминаниях Ильи Сергеевича Глазунова, народного художника СССР, в его книге «Россия распятая» (2008), там же находим и имя корреспондента. Для художника это «тетя Лиля», родная сестра его матери Ольги Константиновны Глазуновой, в девичестве Флуг, Елизавета Константиновна. В семье ее тепло называли «Лили». Жена Николая Александровича Колоколова, Ольга Константиновна, находилась в дальнем родстве с семьей Флугов. Семьи поддерживали близкие отношения, дружили. Из книги художника кратко узнаем о последних годах жизни воспитателя лицеистов: «…После обыска на его квартире (который проводила дамочка в кожаной куртке с чекистами) был арестован и просидел несколько

[1] Лицейская энциклопедия. Т. 2. Императорский Александровский Лицей (1844–1917). СПб., 2013. С. 314.

Н.А. Колоколов (1870–1927)

лет в заключении. Ольга Николаевна слышала много раз от отца такое признание: «Жизнь люблю, но смерти не боюсь»… Последний воспитатель лицея Николай Колоколов умер в октябре 1927 года. Ему стало плохо, и смерть настигла его у решетки лицея на Каменноостровском проспекте, когда он пошел в очередной раз взглянуть через решетку на родное здание, с которым была связана вся его жизнь»[2]. Судьба Лили трагична — Елизавета Константиновна погибла во время блокады Ленинграда в 1942 году.

Исследуя выходные данные открытки: B.K.W.I. — Postkartenverlag Brüder Kohn Wien I — Венское издательство почтовых карточек «Братья Кон», узнаем другую волнующую историю. Из статьи главного редактора одесского еврейского журнала для всех «Мигдаль Times» Инны Найдис мы выясняем, что «издательство было основано в 1898 году фотографом и издателем книг по искусству Соломоном Коном вместе с братьями Адольфом и Альфредом»[3]. О Соломоне Коне в своей автобиографии рассказывает его сын, Вальтер Кон, американский физик-теоретик австрийского происхождения. Лауреат Нобелевской премии по химии «за развитие теории функционала плотности» «…родился в еврейской семье. Родители были интеллигентными и образованными людьми: отец, Соломон Кон, был уроженцем Годонина в Моравии и управлял магазином и типографией художественных открыток Postkartenverlag Brueder Kohn; мать, Гитл Раппапорт, была родом из местечка Броды в Галиции (ныне Украина)… была высокообразованной женщиной с хорошим знанием немецкого, латинского, польского и французского языков и некоторым знакомством с греческим, ивритом и английским языком… Мои родители… были… частью светской художественной и интеллектуальной жизни Вены»[4]. Кон впервые стал выпускать новый тип художественных открыток с малоизвестными видами города, портретами знаменитостей, выполненными выдающимися художниками.

---

[2] *Глазунов И.С.* Мой дед Константин Флуг, действительный статский советник // И.С. Глазунов. Россия распятая // Библиотека фантастики: сайт [Электронный ресурс: http://rulibs.com/ru_zar/prose_classic/glazunov/0/j19.html].

[3] См.: *Найдис И.* Тайна B.K.W.I. | Мигдаль // Мигдаль Times. 25.04.2023 (№ 102) [Электронный ресурс: https://www.migdal.org.ua/times/102/18728/#:~:text=Postkartenverlag%20Brüder%20Kohn%20Wien%20I,в%20деятельности%20издательства%20наступил%20кризис].

[4] См.: Уолтер Кон // The Nobel Prize: website [Электронный ресурс: https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/1998/kohn/biographical/].

В области филокартии название его серии открыток «Венское искусство» стало нарицательным[5].

История издательства и его основателей печальна: «После гибели на войне Адольфа и послевоенного спада в экономике, в 1920–1930 годы в деятельности издательства наступил кризис. После аннексии Австрии в 1938 году издательство было конфисковано, но Соломону было позволено управлять им. В 1942 году Соломон и его жена были депортированы в концлагерь Терезин, а затем — в Аушвиц, где и погибли»[6]. В Архиве документации австрийского Сопротивления, в Центральной базе данных имен жертв Холокоста в Мемориале Яд Вашем обозначена точная дата гибели Соломона Кона — 28 октября 1944 года»[7].

Не случайно эпиграфом к сообщению на открытке была выбрана цитата из Генриха Гейне (1797–1856), немецкого поэта, прозаика, критика и публициста, современника Пушкина. На лицевой стороне под репродукцией картины с изображением пасторального пейзажа цитата из второго цикла «Книги песен», «Лирическое интермеццо»: «Мне снилось царское дитя / С больными, бледными щеками…»

Мне снилось царское дитя
С больными, бледными щеками
Под липой мы сидели с ней,
Полны любви, сплетясь руками.

— Не нужен мне отцовский трон,
Его держава золотая;
Я не хочу его венца —
Тебя хочу я, дорогая!

— Нет, — мне ответила она, —
Тому не быть: в гробу лежу я,
И только по ночам к тебе,
Любя так сильно, прихожу я.

[5] См.: Саломон Кон // Wien Geschichte Wiki: website [Электронный ресурс: https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/Salomon_Kohn].

[6] См.: *Найдис И.* Тайна B.K.W.I. | Мигдаль.

[7] См.: Соломон Кон // Центральная база данных имен жертв Шоа / The Central database of Shoah victims` names: website [Электронный ресурс: https://yvng.yadvashem.org/nameDetails.html?itemId=4924535].

Известно, что Пушкин интересовался произведениями Гейне. В его библиотеке было пять томов (со второго по шестой) сочинений иностранного писателя на французском языке и почти все листы в этих томах были разрезаны, то есть прочитаны. Так же, как и творческое наследие А.С. Пушкина, произведения Г. Гейне являются неотъемлемой частью золотого фонда мировой литературы.

Открытка, рассказавшая нам все эти истории, хранит тепло рук, державших ее. Через призму времен нам передается энергетика этих людей. Мы осознаем силу их характера и представляем себе заложенный, но до конца не реализованный творческий потенциал. Без сомнения, почтовая открытка, ее наполнение — это значимая часть, звено одной цепи, сплетенной из бурных, роковых, знаковых событий и человеческих судеб. Это наше культурное наследие, на которое мы опираемся, которое нас поддерживает и помогает сохранить историческую память.

Елена Старинкова

ЗНАКИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ПРЕДМЕТАХ ИЗ СОБРАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

Судьба одного из мемориальных предметов из нашего собрания может служить примером того, что пришлось претерпеть и музеям, и экспонатам, и сотрудникам, принявшим на себя великое бремя ответственности за национальное достояние в переломные годы истории Отечества.

Это швейцарские часы, которые были получены юным Пушкиным в 1816 году от вдовствующей императрицы Марии Федоровны (через поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого) в качестве награды за стихи, написанные им по случаю бракосочетания великой княжны Анны Павловны и принца Оранского. Часы были у А.С. Пушкина до самой смерти. Их остановил на минуте смерти поэта В.А. Жуковский и несколько лет владел этими часами. В 1840-х годах во Франкфурте-на-Майне Жуковский по просьбе Н.В. Гоголя подарил ему эту бесценную реликвию, зная, как велика была любовь Гоголя к Пушкину, как глубоко писатель был потрясен смертью поэта.

Вернувшись в Россию, в Васильевку, где прошли детство и юность Гоголя, он оставил часы на сохранение сестре Ольге Васильевне. После смерти Гоголя мемория перешла в семью другой его сестры — Елизаветы Васильевны, вышедшей замуж за Быкова. Ее сын, племянник Гоголя, Николай Владимирович Быков, женился на внучке Пушкина — Марии Александровне Пушкиной. В семье Быковых, где потомки родных Гоголя породнились с потомками Пушкина, часы находились как реликвия, связанная с именами двух великих писателей. Правнучка А.С. Пушкина (дочь М.А. Пушкиной и Н.В. Быкова), Софья Николаевна Данилевская, утверждала, что часы лежали под стеклянным колпаком на письменном столе отца (Н.В. Быкова). После Октябрьской революции и смерти Н.В. Быкова семья (по инициативе внучки Пушкина Марии Александровны) передала часы в Полтавский государственный краеведческий музей. Решение было своевременным, так как вскоре Быковы лишились дома и земли, четыре дочери эмигрировали.

На судьбе Полтавского краеведческого музея также отразились перемены, охватившие все отрасли и структуры страны. Музей работал

Часы карманные А.С. Пушкина. Швейцария, Женева. 1810-е годы.
Золото, металл; гравировка, гильоше.
Всероссийский музей А.С. Пушкина. КП-872/1

с 1920 года, но в начале Великой Отечественной войны в 1941 году здание музея было сожжено, и большая часть экспонатов была разграблена. Из 118 тысяч экспонатов осталось всего 37 тысяч.

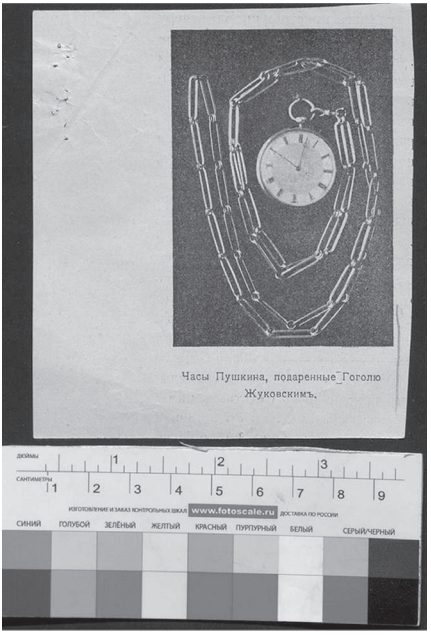
Трагическая участь могла постигнуть и часы А.С. Пушкина, но в 1920-е годы они были переданы на хранение в отделение Госбанка. Это была пора смут, потрясений и бедствий другого рода, которая затронула все стороны русской жизни. В стране началась индустриализация, денег не хватало, у населения изымалась серебряная монета. Спекулянтов и скупщиков серебра приговаривали к высшей мере наказания. В этой непростой ситуации с мая 1928 года правительством прорабатывался вопрос о возможном изъятии из музеев, церквей и прочих мест серебряных драгоценностей с целью их переплавки[1]. Вместе с тем государство старалось не допускать изъятие золотых и серебряных вещей домашнего обихода — золотых часов, обручальных колец, перстней, крестов с цепочками, серебряных предметов сервировки.

Распределением предметов в этот период занимался Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос), в ведении которого находились все культурно-гуманитарные сферы, в том числе и главные музеи страны. Наряду с важнейшей задачей Наркомпроса — сохранять и развивать национальный музейный фонд, была другая государственная директива, которая исходила от Народного комиссариата внешней и внутренней торговли (Наркомторга): наращивать «художественный» экспорт и выполнять валютный план за счет продажи ценностей за границу. Существовали обязательства музеев в определенные сроки «выделять для продажи предметы» по спискам, представленным Наркомпросом. Работа музейных сотрудников заключалась в том, что они, проводя инвентаризацию фондов, отбирали и оценивали стоимость предметов. Исполнителем и вместе с тем противником политики вывоза музейных ценностей за границу был народный комиссар А.В. Луначарский.

Часы А.С. Пушкина лишь песчинка в огромном потоке ценностей, попавших в водоворот событий послереволюционного времени. Реликвия оказалась в Полтавском отделении Госбанка. Кроме того, решение родных Гоголя в 1939 году всё же передать часы в московский Государственный литературный музей сохранило реликвию от исчезновения.

---

[1] См.: *Мозохин О.Б.* Участие ОГПУ в изъятии золота, серебра и валюты у населения // Живой Журнал: сайт [Электронный ресурс: https://kazagrandy.livejournal.com/1550066.html].



Часы Пушкина, подаренные Гоголю Жуковским. Лист из публикации В.А. Чаговца «На родине Гоголя». ВМП. НВ_п_127(5)

Коробка к часам А.С. Пушкина. 1810-е годы. Дерево, металл, картон, бархат, шелк, синель. ВМП. КП-872/2

В семье часы хранились в коробке и имели цепочку. О том, что Пушкину были «дарованы золотые с цепочкою часы при всемилостивейшем отзыве», упоминал лицеист С.Д. Комовский[2]. В момент передачи часов В.А. Жуковским Гоголю также говорится о золотой цепочке[3].

---

[2] См.: *Комовский С.Д.* Воспоминания о детстве Пушкина //Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. СПб., 1998. Сноски к с. 58 [Электронный ресурс: http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-056-.htm].

[3] См.: *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя: [I—XIX] // [П.А. Кулиш] Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1. С. 231 [Электронный ресурс: http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/ku/ku1/ku12001-.htm].

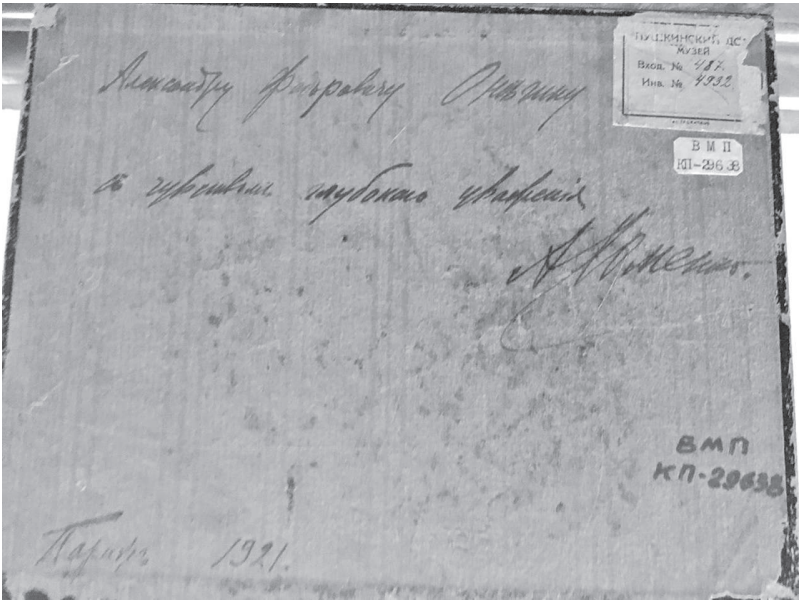
И в начале XX века при часах была цепочка, мы видим ее на фотографии, опубликованной киевским театроведом и театральным критиком В.А. Чаговцом[4]. Но след от цепочки, отпечатавшийся на внутренней части коробки, — своего рода «тайный знак» из прошлого — не совпадает с изображением на фотографии. Возможно, коробка с накладками из тульской стали была от других часов, как и отпечаток цепочки с мелкими звеньями. Так или иначе, цепочка была утрачена — или в Полтавском краеведческом музее, или в период ее хранения в Госбанке.

Разнообразные знаки на музейных предметах могут отражать переломные моменты как в судьбе самих предметов, так и в судьбе страны. В музейных собраниях есть множество вещей с наклейками, жетонами, табличками, по которым можно определить истории их бытования.

В послереволюционное время уделялось особое внимание частным коллекциям, как и имуществу, изъятому из дворянских домов и учреждений. Для решения сложнейшей задачи сохранения всех национализированных предметов в 1918 году была образована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В Народном комиссариате просвещения РСФСР (Наркомпросе) под руководством И.Э. Грабаря был создан музейный отдел и положено начало созданию Государственного музейного фонда. Спасение художественных произведений происходило путем перераспределения художественных ценностей по российским музеям. Частные собрания оставались во владении прежних хозяев, которые назначались хранителями собственных особняков; кроме того, коллегия при необходимости выделяла владельцу помощника и некоторую сумму для содержания коллекций.

Эта практика использовалась и в отношении зарубежных собраний. Одним из таких примеров является собрание А.Ф. Отто-Онегина, которое еще при жизни владельца было взято под опеку советского правительства, а после смерти коллекционера перевезено из Парижа в Институт русского языка и литературы (ИРЛИ АН). Собрание А.Ф. Отто-Онегина, часть предметов которого хранится во Всероссийском музее А.С. Пушкина, — это крупнейшее собрание материалов конца XIX — начала XX века, имеющее отношение к пушкинской теме.

[4] *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей: [По бумагам семейного арх.: Исслед. и материалы] / [Соч.] В.[А.] Чаговца. Киев, 1902.



Макет домика няни А.С. Пушкина с дарственной надписью. 1921 год. Дерево, опилки. ВМП. КП-29638

А.Ф. Отто-Онегин, живя в Париже, составил ценную коллекцию пушкинских книг, документов и реликвий[5].

На предметах собрания Онегина имеются особые пометы, обозначающие принадлежность произведений к коллекции. На некоторых — дарственные надписи, по которым можно проследить путь предмета от дарителя к адресату. Дарственные записки, дарительные надписи или другие пометы на предметах дают основание рассматривать их как тексты культуры, транслируемые с помощью особых знаков.

Особый интерес вызывает макет домика няни в Михайловском. Со дна на подклеенном листе бумаги надпись черными чернилами: «Александру Федоровичу Онѣгину / с чувствомъ глубокаго уваженія / АХоменко. / Парижъ. 1921». Макет был создан задолго до Великой Отечественной войны и, безусловно, мог послужить делу воссоздания Домика няни, разобранного на бревна для сооружения блиндажей.

Кроме дарственных на музейных предметах встречаются всевозможные ярлыки, бирки, наклейки, жетоны, сохранение которых добавляет к биографии предмета новые сведения. Часто на предмете присутствует несколько маркировок и обозначений — свидетелей пути, который прошел предмет, как до музея, так и в самом музее (а порой и в нескольких музейных собраниях).

Наиболее распространенными среди них являются бумажные инвентарные этикетки, которые свидетельствуют о бытовании предмета, о его принадлежности к музейному собранию или частной коллекции. Наклейки приклеивали под корпусом, на обороте предмета, тем самым скрывая их, чтобы не портить внешний вид, но со временем эти незаметные очевидцы жизни предметов становятся бесценными свидетелями в деле их атрибуции и выявления истинной истории существования вещей.

Особым статусом обладают наклейки дворцового ведомства. К ним относились как к вспомогательным отметкам местонахождения предметов, которое часто менялось, в зависимости от потребностей высочайших особ при обстановке дворцов и служебных помещений. На одном предмете часто встречается не по одной наклейке, что отражает историю передвижения предмета. К примеру, на ряде предметов мебели имеются наклейки московского Александринского дворца, иногда

[5] Рукописная часть коллекции составляет более двух с половиной тысяч единиц. Помимо рукописного в собрании было еще два отдела: музейный и книжный (3,5 тысячи томов и более 800 томов пушкинианы).

Стул. Красное дерево, сукно.
Конец 1830-х — начало
1840-х годов.
ВМП. КП-28625

заклеенные сверху этикеткой Петровского дворца. На одном из кресел из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина одна из печатных дворцовых наклеек наполовину сорвана — такое нарочитое укрывательство принадлежности предмета часто встречается, наклейки умышленно уничтожались или частично нарушался слой наклейки, чтобы скрыть информацию. Верхняя наклейка — меньшего размера, указывает, что предмет находился в Петровском дворце, в III части, в комнате 13.

В 1832 году Дворцовое ведомство приобрело московскую усадьбу, которая была подарена жене Николая I Александре Федоровне. По имени императрицы главный дом стали называть Александринским дворцом. С 1920 по 1926 год в этом здании размещался Музей мебели, который был сформирован из предметов частных собраний и дворцов. После ликвидации музея коллекцию распределили по другим музеям и учреждениям.

Название петербургского дворца на набережной реки Фонтанки фигурирует на бумажной прямоугольной наклейке, скрытой на нижней части царги стула. В волнистой рамке напечатано: «Собств. Его Имп. Величества / АНИЧКОВСКАГО ДВОРЦА / № [93, Стул — вписано чернилами] / № [88 — вписано чернилами], Ком. [дом. Дмитр… вписано чернилами]». Известно, что статус императорского Аничков дворец получил после 1825 года, когда императором стал Николай Павлович. Со следующего года дворец начали называть «собственным Его Императорского Величества».

Подобных сохранившихся знаков на предметах не так уж и много. Этикетки, владельческие гербы или жетоны срывали, замазывали олифой или краской неопытные реставраторы, которые не придавали им значения, — или же это делалось намеренно, по специальному указанию с целью скрыть принадлежность предмета, особенно в сложные времена, в период исторических перемен.

За долгие годы своего существования вещи накапливают информацию, содержание которой возможно раскрыть при внимательном и бережном отношении. Только так мы получаем ключ к расшифровке особого кода культуры, который заключен в музейных предметах.

Михаил Шкаровский

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ И СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Из нескольких действовавших в годы Великой Отечественной войны на Северо-Западе России монастырей самым значительным был древний Псково-Печерский монастырь в городе Печоры. В 1918–1940 годах он находился на территории независимой Эстонии и поэтому избежал закрытия. В то же время положение обители и в этот период было нелегким. Эстонское правительство и глава местной Православной Церкви митрополит Александр (Паулюс) пытались проводить политику эстонизации монастыря, что встречало сопротивление насельников. Из-за преследований властей настоятель обители епископ Печерский Иоанн (Булин) был вынужден на несколько лет покинуть Эстонию. Ко времени прихода советских войск летом 1940 года настоятелем монастыря являлся эстонец по национальности, архиепископ Печерский Николай (Лейсман). Сразу же после вхождения Эстонии в состав СССР насельники обители и прихожане монастырских храмов потребовали от архиепископа покинуть Печоры, выразив возмущение его прежней политикой эстонизации. В этих условиях архиепископ Николай ушел на покой и уехал на свой хутор в Перновском уезде[1].

В конце 1940 — начале 1941 года в Печорах была закрыта Духовная семинария, а у монастыря реквизированы почти все земельные угодья. Настоятелем обители с января 1941 года стал экзарх Прибалтики митрополит Сергий (Воскресенский), а наместником в 1940 — первой половине 1941 года был игумен Парфений (Шаталин). Однако с началом Великой Отечественной войны ситуация изменилась. Престарелому игумену Парфению было по состоянию здоровья нелегко справляться со своими хозяйственными обязанностями, сильно осложнившимися из-за установления в Печорах германского оккупационного режима. Митрополит же Сергий вскоре после прихода немцев был арестован, и его судьба некоторое время оставалась неясной. В этих условиях

[1] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области (АУФСБ Псковской области). Д. А-21132. Т. 2. Л. 424.

обязанности наместника с июля 1941 года стал исполнять иеромонах Павел (Горшков), осенью того же года избранный монастырской братией настоятелем. Это был известный своей общественной активностью и образованностью церковный деятель[2].

С приходом немцев именно на о. Павла легла тяжелая ноша вести от лица обители все переговоры с оккупационными властями, заступаться за братию, помогать голодным, больным местным жителям и советским военнопленным. Он использовал любую возможность, чтобы улучшить сложное положение обители. Позднее на судебном заседании 8 февраля 1945 года игумен сказал: «На оккупированной немцами территории я остался с целью сохранить монастырь»[3].

Хорошо охарактеризовал деятельность о. Павла в годы войны один из печерских иноков архимандрит Таврион (Балов): «В первый же год минувшей войны братия монастыря выбрала его своим наместником. И он, будучи уже в преклонном возрасте, принял на себя этот тяжелый крест. Благодаря избранной им деликатной, тонкой и умной линии поведения с оккупационным режимом сохранилась братия, сохранилась обитель, сохранились и все ее святыни и ценности…»[4]

8 июля германские войска захватили Печоры, а 9 июля — Псков. И уже через несколько дней о. Павел совершил молебен в псковском Троицком соборе и устроил в городе крестный ход. Провел он богослужение и в помещении бывшего подворья Псковского монастыря, переданного в советское время под больницу. О. Павел в свой первый приезд и позднее — вплоть до января 1942 года — вел переговоры с бургомистром Пскова В.М. Черепенкиным о возвращении обители ее Псковского подворья, но безрезультатно. Германская администрация вернула монастырю большую часть его земельных угодий в Печорском уезде, однако при этом установила довольно значительные налоги. Будучи в прошлом эмигрантом, участником Белого движения и монархистом в душе, наместник имел мало оснований любить советскую власть, и к приходу немцев, как и некоторые другие насельники, видимо, отнесся спокойно. Это отчасти объяснялось и тем, что с первых дней уста-

---

[2] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области (АУФСБ Псковской области). Д. А-21132. Т. 3. Л. 594.

[3] Там же. Т. 4. Л. 707.

[4] Вместо славы потерпел поношение // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. Вып. 28–29. С. 179.

новления советской власти в Печорском районе монахи почувствовали крайне негативное отношение к себе.

Один их жителей Печор — Г.А. Печников в 1950-е годы вспоминал: «О. Павел Горшков, как и другие верующие, любую власть воспринимал, как данную Богом. Поэтому они не хотели идти на ссоры с властью: например, когда в 1940 году в город пришла советская власть, то в монастыре был вывешен портрет Сталина, а когда город оккупировали немцы, то и их монастырь воспринял доброжелательно, тем более что город был сдан Красной армией без боя, то есть для них просто произошла смена власти»[5].

При этом наместник питал определенные иллюзии в отношении религиозной политики оккупационной администрации. Так, на судебном заседании 1945 года он заявил: «…считал, что немцы пришли с желанием водворить у нас религиозное чувство. Я только потом узнал, сколько немцы разрушили и разграбили церквей и имущества граждан». Подобным образом о. Павел говорил и на допросе 6 ноября 1944 года: «…когда мне стало известно, что немцы взрывают церкви и занимаются грабежом, я стал иначе смотреть на немцев — как на грабителей»[6].

С первых месяцев оккупации монастырь начал вести большую благотворительную работу и спас от голодной смерти сотни людей. Так, 19 августа 1941 года наместнику поступила записка из Псковской богадельни в Завеличье: «Отец Павел! Умоляю Вас, посетите богадельню, окажите милосердие несчастным, никому не нужным людям. Ведь подумайте, от голода один выбросился из окна, вчера умер, а другие просят отравить их». И вскоре из хранившихся в монастырских кладовых и собранных среди паломников и прихожан продуктов был составлен и отправлен в Псков обоз из четырех подвод. Оказывалась помощь и советским пленным военнослужащим. Так, 24 августа игумен Павел получил еще одну, на этот раз благодарственную записку: «Больные, раненые военнопленные и персонал госпиталя лагерного пункта 134 в городе Пскове выносят глубокую благодарность за присланные продукты — муку, хлеб, яйца и другие пожертвования»[7].

Оказываемая помощь была довольно значительной по объему. Так, 26 августа 1941 года для больных, престарелых и военнопленных

---

[5] Вместо славы потерпел поношение // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. Вып. 28–29. С. 184.

[6] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 1. Л. 27; Т. 4. Л. 707.

[7] *Дедюхин Б.В.* Сердца сокрушенные. Саратов, 1990. С. 193–194.

в Пскове было передано около 1 800 кг хлеба, муки, крупы и сухарей. Вскоре больница в здании бывшего монастырского подворья получила 203 кг овощей и сухарей, и в монастырь поступила записка: «Дорогой отец Павел, администрация больницы и больные преклоняются перед Вашей добротой и благодарят за оказанную нам помощь. Через Ваших посланцев примите наш поклон и передайте молящимся монастыря Печерского благодарность псковичей… Смотритель больницы Софийский». В дальнейшем больница получала продовольствие еще несколько раз — 15, 29 сентября, 6 октября 1941 года и т. д. При этом помочь удавалось не всегда, оккупационные власти неоднократно не пропускали монастырские подводы в город. На некоторых прошениях к коменданту Печор с просьбой разрешить поездку в Псков написано: «Не разрешено»[8].

Помощь оказывалась не только псковичам, но и советским военнопленным в других населенных пунктах. Об этом сохранилось много свидетельств жителей Печорского района, записанных в 1950-е годы. Так, Н.Б. Рауман вспоминала: «…дядя во второй половине 1941 года ездил по личным делам в Боровичи (это где-то за городом Псковом), а там был лагерь советских военнопленных. Дядя приехал и рассказал о. Павлу Горшкову, в каких нечеловеческих условиях живут военнопленные, и сказал ему, что пленным надо как-нибудь помочь. О. Павел сразу же поддержал дядю, заявив: «Ты, Николай, действуй, я тебе буду всячески помогать». Через жителей близлежащих деревень, самого города удалось собрать значительное количество продуктов (сало, хлеб, овощи) и отвезти в указанный лагерь. Большую помощь в сборе продуктов оказал сам о. Павел Горшков и другие работники монастыря, которые собирали продовольствие через прихожан. Были и другие факты оказания помощи со стороны монастыря пленным, престарелым и больным людям. Я слышала, что пленным, содержащимся в лагере около железнодорожного вокзала неоднократно доставлялось собранное с помощью монастыря продовольствие». О передаче продуктов в лагеря военнопленных, находившиеся в самих Печорах и вблизи города, свидетельствуют также Е.В. Ринусова и Г.А. Печников, который рассказал характерный случай: «В 1941 году по просьбе Горшкова в монастырь на Успенский праздник привели большую группу военнопленных. Сам о. Павел Горшков помолился за них, причастил их просфорой. Потом за монастырем эстонские

[8] *Галаева С.* Нести добро людям // Печорская правда. 2.09.1989.

полицейские, конвоировавшие пленных, стали избивать их прикладами винтовок. При этом они орали: «Мы вам покажем причащение». Потом я подошел к Горшкову и сказал ему: «Как же понимать, святой отец? Вы помолились за пленных, причастили их, и после этого пленных сразу же избили?» Отец Павел на это только развел руками»[9].

Весь период оккупации, несмотря на трудности и препятствия, насельники монастыря старались неукоснительно выполнять свой христианский долг и помогать страдающим и обездоленным. По благословению о. Павла в приходах Печор и самой обители постоянно собирались для этой цели продукты и деньги. В докладной записке свечника-кружечника послушника А. Шведова от 12 января 1944 года в частности говорилось о передаче игумену 117 с половиной рейхсмарок, собранных за богослужением в храме монастыря на детей беженцев. Сохранились свидетельства о том, что в начале 1944 года под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь, о. Павел добился освобождения из немецкого лагеря более десяти заключенных[10]. Оказывая значительную благотворительную помощь, сами насельники обители, которых в годы войны было около 40 человек, терпели нужду. Посетивший монастырь в августе 1943 года протоиерей Николай Миронович позднее говорил на допросе: «У монахов я узнал, что им живется скудно, ходят они в грязных рваных одеждах, стол у них очень скромный»[11].

Сложным в первые месяцы войны было юрисдикционное положение Псково-Печерского монастыря. Под давлением сформированной немцами эстонской администрации большая часть приходов Печорского благочиния и обитель в конце лета 1941 года перешли в подчинение митрополита Александра (Паулюса), вновь объявившего себя главой автономной Эстонской Православной Церкви в юрисдикции Константинопольской Патриархии. Протоиерей Николай Жунда 30 декабря 1944 года показал на допросе: «В связи с оккупацией немецкими властями Прибалтики некоторые приходы, епископы и священники порвали связь с Московской Патриархией, например, б. митрополит Рижский Августин (Петерсон) и митрополит Таллинский Александр (Паулюс), последний увлек за собой и часть духовенства, среди уклонившихся были и монахи Печерского монастыря, наместником которого был Павел Горшков… лишь благодаря настойчивости благочинного Эмилия Верхоустинского,

[9] Вместо славы потерпел поношение. С. 184–186.

[10] Там же. С. 177, 179.

[11] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 3. Л. 581.

получившего инструкции от экзарха в октябре 1941 года, Печорское благочиние, а впоследствии и монастырь были возвращены в ведение экзарха митрополита Сергия»[12].

Протоиерей Э. Верхоустинский действительно в октябре 1941 года ездил в Ригу, встречался там с митрополитом Сергием (Воскресенским) и после возвращения в Печоры вернул почти все приходы своего благочиния в юрисдикцию Московской Патриархии. При этом он действовал с полного согласия о. Павла (Горшкова), с которым дружил более 30 лет. Монастырь же перешел под управление митрополита Сергия в декабре 1941 года. В этом месяце экзарх издал указ, по которому игумена Парфения (Шаталина), возведенного в знак признания его заслуг в сан архимандрита, уже официально в качестве наместника сменил о. Павел, возведенный Владыкой в сан игумена. Настоятельство митрополит Сергий оставил за собой. Хотя в монастыре проживало несколько насельников эстонской национальности, лишь один из них — иеромонах Лазарь (Сарв) оказался сторонником митрополита Александра (Паулюса) и покинул обитель.

Эстонская администрация еще более полугода старалась различными способами заставить монастырь и приходы Печорского благочиния порвать связь с Московской Патриархией. Так, 9 июня 1942 года «фюрер» эстонского самоуправления Х. Мэе отправил указ наместнику монастыря: «Чтобы устранить всякое недопонимание, я сообщаю Вам, что Вы на основании существующих церковных законов подчиняетесь органам Эстонской Апостольской Православной Церкви. Эти законы определяют также Ваши права и обязанности. Вы не должны выполнять никаких распоряжений любой церковной власти, находящейся вне Эстонского генерал-комиссариата, или передавать свой доход каким-либо учреждениям вне границ Эстонского генерал-комиссариата. В случае если Вы нарушите существующие в законах правила, Вы будете привлечены к ответственности по всей строгости закона»[13]. Но этот указ не был выполнен. 19 июня 1942 года подавляющее большинство священников Печорского благочиния официально отреклись от митрополита Александра, который был назван схизматиком. Эту позицию полностью разделяли и насельники монастыря.

[12] Там же. Л. 630; Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 4. П. 11. Д. 2.

[13] Bundesarchiv Berlin. R 90/128. Bl. 7492.

Многие представители германской администрации не доверяли экзарху Сергию и различными путями пытались получить о нем компрометирующие факты. На судебном заседании 8 февраля 1945 года о. Павел говорил: «В немецкую полицию я вызывался по поводу Владыки Сергия о его политическом настроении. Я считал это несерьезным, немец кричал на меня, грозил мне, продержал на допросе меня несколько часов». Никаких «изобличающих» сведений об экзархе игумен не дал[14].

Контроль за деятельностью митрополита Сергия и его контактами с Псково-Печерским монастырем осуществлялся вплоть до убийства экзарха в апреле 1944 года (предположительно нацистами). В январе 1942 года в Печоры был командирован из Тарту для наблюдения за митрополитом начальник информационного отдела эстонской политической полиции Пяясуке, так как экзарх периодически как настоятель посещал обитель. В своих показаниях 16 декабря 1944 года Э. Грюнверк привела пример сообщенного ею эстонским властям указа митрополита Сергия: «…летом 1943 года экзарх Сергий прислал циркуляр в монастырь, где было указано, что Печерский монастырь не должен терять канонической связи с духовенством Москвы и придерживаться всех законов Русской православной церкви, и здесь же Сергий крепко ругал эстонских, литовских и латвийских священников, называя их раскольниками». В свою очередь игумен Павел на допросе говорил: «Немецкие власти подозревали Сергия, что он советский агент, и всегда, когда Сергий приезжал в монастырь, то немецкая полиция посылала в Печерский монастырь своих тайных агентов, которые наблюдали за Сергием»[15].

Экзарх приезжал в обитель на относительно длительный срок трижды — летом 1942 года, в мае и августе 1943-го. В первый свой приезд митрополит рукоположил двух монахов в сан иеродиакона, наградил казначея иеромонаха Серафима (Розенберга) золотым наперсным крестом. Второй приезд был отчасти связан с проблемой генерала А. Власова и его движения, а третий — с проведением архиерейского совещания в монастыре 29–30 августа 1943 года. Накануне совещания экзарх назначил наместником обители вместо игумена Павла члена Управления Псковской Миссии протоиерея Николая Мироновича, и тот

[14] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 2. Л. 426; Т. 4. Л. 708.

[15] Там же. Л. 426; Т. 1. Л. 49.

приехал в монастырь 26 августа. На следующий день прибыли митрополит Сергий, епископы Рижский Иоанн, Ковенский Даниил, Нарвский Павел и начальник канцелярии экзархата И. Гримм. После личной беседы с игуменом Павлом экзарх оставил его наместником, и о. Н. Миронович 31 августа покинул монастырь. 28 августа в праздник Успения состоялось торжественное богослужение, которое совершили прибывшие архиереи и священники. После богослужения в монастырской трапезной была общая трапеза.

Присутствовавшая на трапезе жительница Печор Н.Б. Рауман позднее вспоминала: «Во время обеда провозглашали тосты за гостей, выступил митрополит Сергий, но я не помню, чтобы о. Павел Горшков делал речь на этом обеде». По свидетельству же Г.А. Печникова «Игумен Павел (Горшков) был близок с митрополитом Сергием, прибалтийским экзархом, которого также обвиняли за связь с немцами. Я сам лично был однажды в церкви на его проповеди. И хочу сказать, что его проповедь была патриотичной. Он говорил, что для нашего народа настали трудные времена, что надо всё вытерпеть, что обязательно настанут лучшие дни и т. п.». Само архиерейское совещание с участием некоторых благочинных Эстонии и профессора И. Гримма было посвящено исключительно внутрицерковным делам экзархата[16].

28 апреля 1944 года митрополит Сергий (Воскресенский) был убит, но в его похоронах игумен не участвовал. Причину этого указала (возможно, в искаженной форме) на допросе 22 января 1945 года работница монастыря Т.А. Хитрова: «…немцы убили экзарха Сергия летом 1944 года, вместе с ним восемь человек советских граждан, которые могли бы уличить немцев в том, что это они сделали. Горшков хотел поехать на похороны экзарха Сергия, но Грюнверк Эльза его не пустила, и он не поехал. Так, летом 1944 года, когда я пришла к Грюнверк, ей сказала: «Просил отец Павел передать, чтобы вы приготовили ему еду на дорогу, он едет в Ригу на похороны экзарха Сергия». Грюнверк мне сказала: «Я не пущу Горшкова ехать в Ригу на похороны Сергия. Сергий — это московский коммунист, и незачем ехать его хоронить»[17].

С 29 апреля по июнь 1944 года настоятелем Псково-Печерского монастыря считался вступивший в должность заместителя экзарха

[16] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 3. Л. 581, 601; Вместо славы потерпел поношение. С. 185, 186.

[17] Там же. Т. 3. Л. 594; Т. 1. Л. 64.

архиепископ Ковенский Даниил (Юзвьюк), а в июне на своем собрании монахи выбрали настоятелем игумена Павла.

В период оккупации монастырь являлся религиозным, духовным центром не только Печорского края, но и соседних русских земель. В 1942 году была возобновлена древняя традиция крестного хода на Успение из Пскова в обитель. Протоиерей Константин Шаховской организовал многодневный крестный ход из Пскова в монастырь и обратно. При обители издавались духовные листки со статьями, поучениями для прихожан. Их редактором игумен Павел назначил своего духовного сына протоиерея Э. Верхоустинского, имевшего высшее богословское образование. В книжном киоске монастыря с осени 1941-го по лето 1944 года продавались журнал «Православный христианин» и церковные календари Псковской Миссии. О. Павел также раздавал их прихожанам бесплатно и возил в лагеря для людей, принудительно работавших на строительстве оборонительных сооружений. В мастерской обители изготавливали церковную утварь, переплетали духовную литературу. В период войны в Псково-Печерском монастыре постепенно собирались уцелевшие в 1930-е годы насельники других закрытых и частично уничтоженных северных обителей. Больше всего пришло бывших монахов Макариевской пустыни: схиепископ Макарий (Васильев), его келейник иеродиакон Вукол, архимандрит Феодосий, иеромонахи Агапий и Феодосий. 29 ноября 1943 года в братию обители приняли бывшего насельника Череменецкого монастыря иеромонаха Лина (Никифорова). Игумен Павел совершал монашеские постриги, в том числе тайные; так, в начале 1944 года он постриг в монахини бывшую псковскую помещицу С.В. Комстадиус[18].

Германская оккупационная администрация внешне лояльно относилась к Псково-Печерскому монастырю, но реального содействия ему не оказывала, а порой и проявляла скрытую враждебность. О. Павел на судебном заседании 8 февраля 1945 года отметил: «Немцы обещали помощь с ремонтом монастыря, но ничего не сделали». Обитель была вынуждена платить высокие налоги, и 31 декабря 1942 года игумен обратился к генерал-комиссару Эстонии с письменным ходатайством «аннулировать нормы и налоги на монастырь от города, волости и от податного инспектора», так как очень нужны

[18] В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников). М., 2001. С. 6, 11; *Попов В.* Памяти отца Константина Шаховского // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 9. С. 68.

деньги на ремонт. Однако в этой просьбе было отказано. Игумену лишь удалось добиться выделения с сентября 1942 года для работ в обители заключенных из Печорского лагеря, а с весны 1943 года и из местной тюрьмы (под таким предлогом был в конечном счете освобожден не один десяток человек)[19].

В качестве наместника монастыря о. Павлу приходилось постоянно общаться как с представителями местной германской администрации, так и с более высокими чинами. Осматривать монастырские древности приезжали даже фельдмаршал фон Лееб и министр финансов. Как правило, это общение не выходило за рамки вынужденных контактов. Согласно свидетельству Н.Б. Рауман, «о. П. Горшков был человек аполитичный и к любой власти относился уважительно. Каких-либо резких высказываний против советской власти с его стороны я не слышала. В годы войны в своих суждениях он также проявлял сдержанность. С представителями немецкого командования он, естественно, общался как представитель администрации монастыря, несколько раз он встречался с комиссаром города Бомбе, а потом Бекингом, существуют и фотографии, свидетельствующие об этом и на основании которых его потом обвинили в пособничестве оккупантам»[20].

При этом, желая улучшить тяжелое материальное положение обители, а возможно и скрыть тайную патриотическую деятельность в монастыре, игумен Павел совершил несколько демонстративных актов выражения лояльности германской администрации. 19 января 1942 года он пригласил коменданта города Печоры на елку в монастырь, 22 июня того же года по указанию экзарха совершил молебен о даровании «окончательной победы над богопротивным большевизмом», а в апреле 1942 года послал в Берлин в подарок альбом с видами монастыря, за что получил письменную благодарность от гебитскомиссара Пскова. Конечно, будучи в душе сторонником восстановления Великой России с монархом во главе (о чем писала в годы войны Э. Грюнверк митрополиту Александру), о. Павел не мог сочувствовать фашистскому нашествию. Несколько иначе он, видимо, относился к власовскому движению, считая его частью русской армии. Летом 1943 года А. Власов приехал со своим штабом осмотреть Псково-Печерский монастырь. Ге-

[19] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 3. Л. 707; Т. 2. Л. 356, 425; Т. 1. Л. 49.

[20] Вместо славы потерпел поношение. С. 186.

нерал зашел и в келью игумена, и тот приветствовал Власова, благословил его и дал иконку. На допросе 23 декабря 1944 года игумен показал: «Власов мне говорил, что хочет создать свободную Россию, без большевиков, и я, как враг большевиков, благословил его на этот поход»[21].

Какой-либо практической помощи оккупантам о. Павел не оказывал. Об этом позднее свидетельствовали все опрошенные жители Печор. Так, Г.А. Печников говорил: «Фактами антисоветской деятельности Горшкова я не располагаю. Не слышал я никогда и о том, что кто-либо из монастырских выдал немцам наших патриотов. Наоборот, мне известен случай в 1943 году, когда один из монахов прятал в монастыре партизана Ринусова». Е.В. Ринусова тогда же показала: «За что его [о. Павла] осудили, я не знаю, но могу однозначно сказать, что никаких дел с оккупантами или «Омакайсе» он не имел и полицейским не являлся. И вообще, никто из местных жителей русской национальности в полиции не работал». Более того, существуют свидетельства, что игумен лично некоторое время прятал трех красноармейцев, бежавших из лагерного пункта № 134[22].

Согласно другим источникам, о. Павел имел тайную связь с партизанами и через жительницу Пскова, горячую ревнительницу монастыря А.И. Рубцову, переправлял им продовольствие. Рубцова была арестована нацистами в 1943 году и расстреляна. На допросах она держалась с удивительной стойкостью и не выдала наместника. В литературе можно также встретить утверждения, что, по свидетельству жителей Печор, игумен прятал в помещении монастыря рацию, по которой передавались через линию фронта сведения о фашистах, собранные иеромонахами в приходах[23].

Однако в последнем утверждении реально существовавшие факты предстали в искаженном виде. В действительности речь шла о тайной операции советской разведки «Послушники», результаты которой докладывались лично Сталину. Один из бывших руководителей НКВД П.А. Судоплатов позднее воспоминал: «Операция «Послушники» проводилась под прикрытием как бы существовавшего в Куйбышеве антисоветского религиозного подполья, поддерживаемого русской православной церковью в Москве. По легенде возглавлял это подполье

[21] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 3. Л. 708.

[22] Вместо славы потерпел поношение. С. 182, 184, 185.

[23] *Дедюхин Б.В.* Сердца сокрушенные. С. 195; *Левитин А.* Защита веры в СССР. Париж, 1966. С. 53–54.

епископ Ратмиров… От его имени мы направили их [офицеров НКВД] из Куйбышева под видом послушников в Псковский монастырь… два наших офицера-«послушника» развернули в монастыре кипучую деятельность. Среди церковных служителей было не мало агентов НКВД, что облегчало их работу… По приказу Сталина епископ Ратмиров после войны был награжден золотыми часами и медалью. Непосредственно руководившие его работой и находившиеся вместе с ним в немецком тылу под видом священнослужителей наши офицеры Иванов и Михеев получили боевые ордена»[24]. Таким образом, видно, что «сведения о фашистах» из монастыря по рации передавали не монахи, а действовавшие под видом послушников разведчики. При этом они не были разоблачены нацистами и работали до прихода советских войск.

В целом свидетельств о патриотической деятельности насельников Псково-Печерского монастыря очень много. Например, иеродиакон Питирим (Олупков), когда немцы арестовали несколько местных молодых ребят как комсомольцев и хотели их расстрелять, поручился перед офицером за подростков и спас им жизнь. В обители в годы войны проживал протоиерей Николай Николаев (позднее принявший монашеский постриг с именем Никандр), по профессии врач-хирург. За ним много раз приезжали партизаны и, завязав ему глаза, привозили в свой лагерь, где о. Николай проводил операции. В 1989 году на праздничной встрече ветеранов войны жительница Печор Т.А. Фирсанова рассказала о том, что в «куполах Успенского собора монахи прятали советских солдат», а бывший фронтовой разведчик С.Я. Николаев свидетельствовал, что весной 1944 года его и четырех товарищей из возвращавшейся с задания разведгруппы несколько дней укрывал в пещерах иеросхимонах Симеон. Целый ряд насельников обители: иеродиакон Александр (Уйбо-Пуу), монах Анастасий, послушники И. Богданов, В. Соколов, М. Александров, Иванов открыто выражали в период оккупации свои симпатии к советской армии, и никто не донес на них нацистам. Игумен несколько раз ходатайствовал перед префектом немецкой полиции об освобождении арестованных жителей Печор, например, весной 1944 года — об освобождении мужа регента церковного хора М.А. Широковой Дмитрия. Работница монастыря Т. Хитрова на допросе 1 ноября 1944 года говорила, что когда священ-

[24] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 251–253.

ник Иоанн Иванов и псаломщик И.Т. Терентьев в июне 1944-го, как и многие жители Пскова, оказались в лагере за колючей проволокой, она по поручению о. Павла ходила к коменданту Печор ходатайствовать об их освобождении, но безрезультатно[25].

В начале 1944 года фронт приблизился к монастырю, перед насельниками встал вопрос о возможной эвакуации. 18 марта немцы вывезли бесценную монастырскую ризницу. Она была опечатана еще летом 1940 года представителями советской власти, и при быстром отступлении 1941 года про ризницу не вспомнили. Оккупировавшие Печоры немцы тут же ее вновь опечатали.

При вывозе ризницы из обители в 1944 году о. Павлу было сообщено, что ценности вывозят не в Германию, а лишь переправляют в другой православный монастырь — в Ригу (якобы для их безопасности, поскольку обитель к тому времени уже несколько раз подверглась советским бомбардировкам). Там сокровища ризницы действительно были приняты по акту представителями местной церковной власти, но в присутствии и под контролем оккупантов. А уже из Риги ценности были вывезены в Германию. Сам о. Павел при этом был, по существу, посторонним и бессильным что-либо предпринять свидетелем. О тяжелых переживаниях, связанных с этими событиями, ясно видно из его письма к главе печорской оккупационной администрации — гебитскомиссару Бекингу, которому игумен писал в те дни: «Не нахожу себе места и покоя ни днем, ни ночью. В ушах всё время одни и те же слова: пять столетий хранила братия сокровища, а ты, Павел Горшков, позволил увезти их из монастыря. Я надеюсь на ваше доброе сердце, что вы не обречете мое имя на злословия после смерти… Пожалуйста, дайте бумагу, в которой говорится, что все сокровища Печерский монастырь от германского командования получит по первому требованию. Такое удостоверение мне необходимо; ведь неизвестно, когда кончится война, а игумен Павел Горшков может умереть завтра. И я не хочу, чтобы после моей смерти монах-проводник по пещерам всем посетителям, показывая на мой гроб, говорил: «Здесь похоронен Павел Горшков, который отдал все сокровища монастыря, что хранила до него братия пятьсот лет»[26].

---

[25] В Псково-Печерском монастыре. С. 154; *Галаева С.* Нести добро людям; АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 1. Л. 49–50; Т. 2. Л. 271.

[26] У «пещер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М., 1999. С. 308.

Гебитскомиссар написал расписку, что после окончания войны все ценности ризницы, которые о. Павел оценил в пять млн рублей, вернут в монастырь, и игумен вынужденно дал свое согласие на вывоз. Н.Б. Рауман об этом далее вспоминала так: «Из разговоров, происходящих в нашем доме, мне известно, что о. Павел (Горшков) сколько мог, оттягивал с передачей немцам ценностей ризницы. Но однажды (точную дату я не помню) на город был большой налет советской авиации. Вначале несколько самолетов дымовыми бомбами обозначили район бомбометания, в который вошел и монастырь, а затем сбросили очень много бомб. Несколько штук их упало на территории монастыря, в городе погибло несколько человек мирных жителей. После этого под предлогом сохранения ценностей немцы вывезли их, и предотвратить вывоз не было возможности». Г.А. Печников также говорил, что ценности были бы вывезены в любом случае, и если бы о. Павел не подчинился требованиям немцев, они бы сделали это силой. На суде игумен признал себя виновным в том, «что не сумел задержать отправку в Германию сокровищ ризницы», но реально он вряд ли смог бы это сделать[27].

Осенью 1944 года сокровища ризницы вывезли на корабле из Риги в город Киль, и затем на несколько десятилетий их следы затерялись. Только в 1973 году, благодаря активным поискам, предпринятым наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Алипием (Вороновым), ценности обители были найдены в запасниках музея икон западногерманского города Реклингхаузена. В мае 1973 года 12 ящиков с 620 предметами 1500–1910 годов были перевезены в Ленинград и затем возвращены монастырю[28].

Вскоре после вывоза ризницы — 30–31 марта — была проведена самая жестокая бомбардировка Печор советской авиацией. Пострадали и монастырские здания, особенно Михайловский храм, Братский корпус и трапезная. При этом проживавший в здании трапезной схиепископ Макарий был убит осколком бомбы, а его келейник иеродиакон Вукол — тяжело контужен. Позднее снарядами оказалась разбита Никольская колокольня. В этих условиях игумен Павел стал предпринимать попытки эвакуировать монастырь к архиепископу Николаю (Лейсману) в Килинш Нымме Перновского уезда. По этому поводу с июня до начала августа 1944 года состоялось три совещания монахов, на которых

[27] Вместо славы потерпел поношение. С. 185, 186.

[28] *Агафангел, иеромонах.* Возвращенные ценности // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 1. С. 13–14.

подавляющее большинство братии, несмотря на бомбежки и артиллерийские обстрелы, категорически отказалось уезжать. В конце концов, было получено разрешение остаться желающим этого монахам и в виде исключения трем их родственницам и двум работницам. Всех остальных работников немцы принудительно угнали в тыл. К этому времени в обители проживали 54 насельника, в том числе один архимандрит, один игумен, восемь иеромонахов, один архидиакон, три иеродиакона, четыре монаха и семь послушников[29].

4 августа, когда фронт подошел вплотную к монастырю, в обитель прибыли грузовики для эвакуации имущества, церковных святынь и братии. Однако эта эвакуация не состоялась, ей помешало сопротивление насельников[30]. Представители германской администрации Печор предлагали игумену персональную эвакуацию на автомобиле, но он решил остаться вместе с братией.

11 августа 1944 года советские войска освободили Печоры. Отступая, нацисты заложили под Успенский храм, трапезную, ризницу и некоторые другие монастырские здания взрывчатку. Ее вовремя обезвредили солдаты-саперы. Насельники обители радостно встретили освободителей. В красноармейской газете «Вперед за Родину!» от 12 августа сообщалось: «В Псково-Печерском монастыре звонят колокола в честь Красной армии. Духовенство служит молебен. Настоятель монастыря дарит нашим бойцам цветы». Вскоре после освобождения города о. Павла даже избрали членом местной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков[31].

Эти события и последовавший за тем арест некоторых насельников обители описаны в так называемом «Свидетельствовании» Т.А. Хитровой от 4 апреля 1968 года: «…при отступлении в 1944 году немцы нас погнали в эстонский лагерь за Петсери. Здесь я, как и многие, однажды увидела о. Павла Горшкова, который ходатайствовал о нашем возвращении под предлогом, что ему нужны рабочие в монастырь. Нас было более десяти человек, которым посчастливилось вырваться из кровавых рук фашистов. Мы с любовью вспоминаем о. Павла. Я и еще трое из нашей группы остались в монастыре и трудились на разных послушаниях… Вскоре за этой радостью пришла другая радость: Печоры были

[29] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 75.

[30] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 3. Л. 755–756.

[31] Вперед за Родину! 12.08.1944.

освобождены нашей Красной армией. На третий день о. Павел выступал на митинге перед печорской общественностью. По окончании речи ему бурно аплодировали и выразили благодарность местные советы и, конечно, народ, и вдруг в конце недели монастырь посетил следователь, который потребовал от о. Павла список, кто с ним работал. Он всех переписал и ушел. Через несколько дней я была вызвана и посажена в Печорскую тюрьму, а оттуда этапом нас отправили в Ленинград»[32].

Т.А. Хитрова была арестована 26 октября 1944 года, хотя, согласно ее заявлению Генеральному прокурору СССР от 29 января 1957 года, она помогала партизанам и советской армии (о чем имела соответствующий документ), и отчасти поэтому сами Печоры были взяты без боя и разрушений. Кроме Хитровой из насельников и работников обители арестовали еще четырех человек: 23 октября игумена Павла, 25 октября иеромонаха Лина (Никифорова) и монастырского кучера Е.П. Петрова, а 8 декабря заведующую художественной мастерской Э.А. Грюнверк. В связи с кампанией репрессий священников, служивших в период оккупации, арест игумена Павла был неизбежен. Тем более, что раздражение властей вызывали некоторые его действия уже после освобождения Печор. О. Павел продолжал распространять напечатанные во время оккупации духовные листки, посылал в деревни иеромонахов с иконой для богослужений, пытался противодействовать произошедшей в сентябре 1944 года отмене преподавания Закона Божия в школах Печорского района[33].

Судебное заседание Военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа состоялось 7–8 февраля 1945 года. Оно было закрытым, без участия защиты и без вызова свидетелей. На суде о. Павел заявил: «Я всю жизнь любил свою родину и служил ей верой и правдой». Он отказался от многих своих предыдущих показаний на допросах, отрицал, что произносил антисоветские проповеди, остался шпионить в пользу немцев и т. п. Хотя сфабрикованность следствия была очевидной, приговор Военного трибунала оказался суров: о. Павел, иеромонах Лин и Е. Петров получили по 15 лет лишения свободы, а Т. Хитрова и Э. Грюнверк — по 10[34].

В устном рассказе архимандриту Алипию в 1960-е годы Т. Хитрова так говорила о допросах и суде: «Следователь… на допросах кричал,

[32] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 4. Л. 71.

[33] Там же. Т. 2. Л. 302; Т. 3. Л. 755, 768.

[34] Там же. Т. 3. Л. 706–714.

пугал и угрожал, что пустит пулю в рот, колотил и отца Павла, и меня. Как хватит в грудь, так изо рта и из носа кровь идет, и весь пол был кровью залит. Один раз, когда он меня ударил, я рассердилась, схватила стул, который не был привинчен, и ударила его стулом, а чернилами залила ему морду. На шум прибежали, и я потребовала прокурора. Пришел прокурор, без ноги, бывший командир партизанского отряда. Стал добиваться от Жуля слова, а тот и говорить не может, так он напугался. Потом пришел в себя. Ему прокурор и говорит: «Ты вот 25 человек почти убил, а вот нашелся человек и на тебя»… Допросы шли месяцев шесть до суда. Суд был три дня, а свидетелей и защитников не было. С обвинительным листом не знакомили, а заставили силой подписать… Отца Павла допрашивали одного, но я знаю, что тот следователь, который бил меня, бил и о. Павла». Лагерный срок пережили только Грюнверк и Хитрова. Последняя в своих заявлениях Генеральному прокурору и министру юстиции в 1950–1957 годах писала, что следователь заставил ее подписать протокол, угрожая расстрелом. Сестра, сын и дочь Хитровой являлись комсомольцами и за участие в партизанском движении были замучены фашистами, саму ее «немцы таскали по тюрьмам за связь с партизанами»[35].

Из дела игумена Павла были выделены в отдельное производство материалы еще на 56 человек, в том числе на многих насельников Псково-Печерского монастыря. Но никто из них больше арестован не был. Сыграло свою роль изменение советской церковной политики и нежелание в связи с этим органов госбезопасности излишне обострять отношения с Московской Патриархией, руководство которой в 1945 году уже знало, что обвинения монахов в «предательстве Родины» полностью голословны. Сам о. Павел скончался 6 июля 1950 года в Братском лагере близ станции Тайшет Иркутской области. Все осужденные по его делу были реабилитированы 12 марта 1997 года[36].

* * *

Помимо Псково-Печерского, на оккупированной территории Северо-Запада России имелось еще несколько монастырей. Однако возродить удалось далеко не все. К Троице 1942 года был восстановлен Успенский

[35] *Пузанов А.И.* Жертвы произвола // Новости Пскова. 4.02.1995.

[36] АУФСБ Псковской области. Д. А-21132. Т. 3. Л. 736–761; Т. 4. Л. 8–9.

собор Святогорского мужского монастыря, временно ставший приходским храмом. Торжественным освящением на Троицу главного придела, где находился корень дерева, на котором блаженный Тимофей нашел некогда Святогорскую икону Божией Матери, руководил протоиерей Владимир Толстоухов. Ему сослужили священники Новоржевского района. Позже на складе утильсырья была найдена сама Святогорская икона. Освящение всего собора вылилось 27 августа 1942 года в огромное торжество — крестный ход растянулся на пять километров. Возобновилось паломничество к могиле А.С. Пушкина. Особенно многолюдной была торжественная панихида в 1943 году в 106-ю годовщину гибели поэта. Однако Святогорский монастырь в качестве действующей обители не успел возродиться. В 1944 году немцы, отступая, взорвали Успенский собор[37].

[37] Воспоминания о. Георгия Тайлова о его работе в Псковской Православной Миссии // Православная жизнь. 2001. № 1. С. 13; За Родину (Псков). 7.04.1943.

Александра Пукова

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

…Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!

А.С. Пушкин. Андрей Шенье. 1825

Тема Великой Отечественной войны является отдельным направлением в научно-исследовательской и экспозиционной деятельности Всероссийского музея А.С. Пушкина (ВМП). На протяжении последних десятилетий проводились персональные выставки произведений художников-фронтовиков, памятные вечера, посвященные сотрудникам архивов, библиотек, писателям, литературоведам, работавшим в военное время. При этом один из важнейших эпизодов военной истории, связанный с эвакуацией предметов из музейного собрания, оставался вне поля научных изысканий. Целью настоящего исследования стало получение более полной информации о героическом сохранении коллекции в один из самых трагичных периодов мировой истории.

К сожалению, сотрудников, принимавших непосредственное участие в эвакуации, уже нет в живых, некоторые из них оставили мемуары, и они опубликованы[1]. Для прояснения некоторых эпизодов не менее важным было получить документальные подтверждения — эта работа еще далеко не закончена и будет обязательно продолжена. В музейных путеводителях и отдельных статьях из научных сборников собраны отрывочные и очень краткие сведения о судьбе музейной коллекции во время Великой Отечественной войны[2].

---

[1] *Мануйлов В.А.* Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиография. СПб., 1999; *Глинка В.М.* Воспоминания о блокаде. СПб. ; М., 2010; *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004.

[2] Музей-квартира А.С. Пушкина: путеводитель / сост. Е.В. Фрейдель, под ред. М.М. Калаушина. Л., б.г. С. 6. Экземпляр путеводителя, хранящийся в справочном отделе фонда печатной графики, принадлежал А.Ю. Вейсу, о чем

Сложность поставленной задачи усугублялась почти полным отсутствием в музее какой-либо документации о передвижении музейных предметов в этот период. Ни одного акта приема — передачи за период 1941–1945 годов в отделе учета не нашлось. Некоторые материалы сохранились в делопроизводственном архиве, они и стали предметом настоящего исследования. Все документы, находящиеся в нашем распоряжении, имеют отношение к тем предметам, которые в 1941 году находились в Москве. В архивах Санкт-Петербурга (Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) и Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (СПб филиал архива РАН) находятся документы, связанные с эвакуацией музейных ценностей из Ленинграда, в том числе тех предметов музейной коллекции, которые находились в Институте литературы АН СССР (Институт русской литературы (ИРЛИ), или Пушкинский Дом), а теперь составляют значительную часть музейного собрания ВМП.

Здесь следует прояснить довольно запутанную историю формирования коллекции нашего музея, что привело к ее разрозненности. 12 февраля 1937 года в Москве была открыта Всесоюзная Пушкинская выставка. В 17 залах второго этажа Исторического музея (Государственный Исторический музей (ГИМ) разместились пушкинские материалы, переданные из Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, музеев Москвы, Ленинграда и других областей необъятной страны. 4 марта 1938 года вышло постановление Совета народных комиссаров СССР № 256 «Об организации Государственного музея А.С. Пушкина» (далее ГМП, ныне ВМП), согласно которому Всесоюзная Пушкинская выставка реорганизовалась в Государственный музей А.С. Пушкина, переданный в ведение Института мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ). В справке, составленной В.Д. Бонч-Бруевичем[3] для Каталога пушкинских материалов, сообщается, что только из Государственного

свидетельствует автограф и дата, проставленные чернилами на оборотной стороне последней страницы: «А. Вейс / 1952 г. Лето. Лнгр.»; *Седова Г.М.* Мемориальный музей-квартира А.С. Пушкина в доме на Мойке,12: [путеводитель] / Всероссийский музей А.С. Пушкина; ред. О.В. Фокина. СПб., 2008; *Седова Г.М.* От Пушкинского Дома к дому Пушкина: 90 лет Мемориальному музею-квартире А.С. Пушкина на Мойке, 12: [каталог выставки]. СПб., 2015.

[3] Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) — с 1933 по 1945 год первый директор Государственного литературного музея в Москве.

литературного музея во вновь организованный музей была передана 1 071 единица хранения[4]. Большей частью это были рукописные материалы, но и некоторые памятные предметы: гусиное перо, с запиской Н.И. Отрешкова: «Перо, взятое с письменного стола А.С. Пушкина 20 марта 1837 г.», прижизненный акварельный портрет Пушкина работы П.Ф. Соколова[5]. Общее количество музейных предметов, согласно сообщению К.П. Богаевской[6], не считая рукописного фонда, составляло 13 245 единиц хранения (из них 6 000 в экспозиции). Стоит при этом помнить, что еще в 1936 году часть мемориев была передана в Ленинград к открытию музея «Последняя квартира Пушкина. Мойка, 12», которое состоялось 10 февраля 1937 года. 15 декабря 1953 года музей-квартира А.С. Пушкина, музей-квартира Н.А. Некрасова, музей-Лицей и литературная экспозиция (одновременно с Пушкинским Заповедником) вошли в состав Всесоюзного (ныне Всероссийского) музея А.С. Пушкина, вышедшего из ведения Академии наук. Таким образом, рукописные материалы остались в Пушкинском Доме, а мемориальные предметы и многие шедевры изобразительного искусства окончательно вошли в состав нашего музея.

Получается, что на момент начала Великой Отечественной войны предметы, которые в настоящее время входят в состав коллекции Всероссийского музея А.С. Пушкина, находились одновременно в двух городах — Москве и Ленинграде: в экспозиционных залах ГИМ, мемориальных комнатах музея-квартиры А.С. Пушкина, в экспозиции и фондохранилище Литературного музея Пушкинского Дома. Таким образом, и путь, который проделали музейные предметы в тыл, был совершенно разным, да и города, в которые они попали, тоже были разные. Отсюда возникает еще одна сложность исследования, значительно увеличивающая область работы, затрагивающая архивные материалы других музеев и организаций.

Первоисточниками для настоящего исследования послужили книги поступлений[7] ГМП (ныне ВМП), которые были начаты в декабре

---

[4] Каталоги фондов Государственного литературного музея. А.С. Пушкин. Вып. 7. М., 1948. С. 19.

[5] Всероссийский музей А.С. Пушкина (ВМП). КП-531/1-2, ВМП КП-361.

[6] Ксения Петровна Богаевская (1911–2002) — сотрудник Государственного литературного музея, активно участвовала в организации Всесоюзной Пушкинской выставки.

[7] Далее ГИК.

1938 года, сразу после постановления об организации музея. Из-за отсутствия документации в отделе учета определить, что именно было эвакуировано летом 1941 года, в настоящее время возможно только по карандашным пометам, оставленным напротив каждого эвакуированного предмета в первых четырех книгах. Дата последней довоенной записи — 13 июня 1941 года, в тот день были заведены три предмета изобразительного характера: рисунок, фототипия и ксилография[8]. В июле 1941 года из столицы наиболее важные ценности первой очереди, находившиеся в ведении Академии наук СССР, были эвакуированы в Томск, а в октябре того же года в Ташкент были вывезены ценности второй очереди[9].

Записи о месте эвакуации предмета сделаны карандашом в последней графе «Примечание» и зашифрованы. Большинство рукописных материалов, и прежде всего рукописи А.С. Пушкина, имеют помету: «Томск» и далее номер ящика и описи. Например: «Томск, ящ. 3, оп. 3 / АТ п. 12» или «Томск, ящ. 3, оп. 3 / АТ п. 127 а». Наряду с записными книгами Пушкина, содержащими автографы «Кавказского пленника», «Братьев-разбойников», отрывки из «Евгения Онегина», мелкие стихотворения, эвакуированы были наброски, долговые расписки, записки: расчет долгов, составленный Пушкиным в 1834 году, разорванный черновик письма барону Геккерну 1836 года[10]. Часть книжных изданий также была увезена: издание «Истории Пугачевского бунта» (часть I, СПб., 1834) с пушкинской дарственной надписью «И.И. Дмитриеву» имела карандашный эвакуационный шифр: «Томск, ящ. 2, оп. 2/6»[11]. Интересно отметить, что не имеют отметок об эвакуации документы по секретному надзору за Пушкиным, анонимный пасквиль 1836 года[12]. Большая часть предметов мебели также не была вывезена. Благодаря этим записям мы можем с уверенностью заявлять, что большая часть пушкинского рукописного наследия, хранившего в Москве, была эвакуирована в Томск.

---

[8] ВМП. КП-7897-7899 (КП-7898 исключен по Приказу Министерства культуры РСФСР № 3673 от 16.05.1980г.)

[9] В память о Великой войне: Пушкинское наследие в Томске (1941–1945) // Центр документации новейшей истории Томской области: сайт [Электронный ресурс: https://cdnito.tomsk.ru/2020/06/08/в-память-о-великой-войне-пушкинское-на/].

[10] ВМП. КП-476; ВМП. КП-468 (ныне в собрании ИРЛИ РАН).

[11] ВМП. КП-6536 (ныне в ИРЛИ РАН).

[12] ВМП. КП-6416; ВМП. КП-6404 (ныне в ИРЛИ РАН).

Подробная информация об эвакуации в Томске опубликована на сайте Томского областного архива[13]. Согласно документам, в одной из комнат Научной библиотеки Томского государственного университета до самого потолка стояли друг на друге 132 ящика, где хранились рукописное наследие и личные вещи А.М. Горького и А.С. Пушкина[14]. Главным ответственным лицом по хранению музейно-архивных ценностей АН СССР в Томске была Е.Ф. Розмирович[15]. В своем отчете директору ИМЛИ она писала, что «ящики с рукописями Пушкина не подвергались вскрытию из-за отсутствия описей и сведений о номерах ящиков, в которых они находятся»[16]. Во время регулярных контрольных мероприятий и приездов эксперта, как правило, вскрывали какой-либо один из «пушкинских» ящиков, убеждались в том, что всё наследие в надлежащем состоянии и тут же ящик закрывали. Отсутствие ответственного лица и описей содержимого ящиков стали одними из причин, почему рукописи оставались нетронутыми.

Некоторые шифры удалось распознать, исходя из важности и ценности музейного предмета, а значит и очередности его вывоза. В данном случае присутствует определенная доля вероятности, пока не будут найдены новые документальные подтверждения. Уникальные предметы, имеющие высокое художественное и историческое значение, имеют карандашный шифр: «Т.-оп.» и далее №, иногда дробный. Такую запись в графе «Примечания» имеют реликвии, например, вышеупомянутое перо Пушкина (шифр «Т.-оп. 34/15»), пресс «Грифон», подаренный А.С. Пушкиным А.А. Дельвигу (шифр «Т.-оп. 19/53»)[17]. Подобные же шифры имеют наиболее значимые живописные работы — такие как прижизненный портрет поэта 1827 года кисти В.А. Тропинина или картина И.Е. Репина «Дуэль Онегина и Ленского»[18]. Материалы из фонда оригинальной графики, являющиеся наряду с мемориальными предметами жемчужинами нашего собрания, представляют собой графические работы К.П. и А.П. Брюлловых, П.Ф. Соколова, Т. Райта;

---

[13] Центр документации новейшей истории Томской области.

[14] В память о Великой войне: пушкинское наследие в Томске (1941–1945).

[15] Елена Федоровна Розмирович (1886–1953) — в 1935–1939 годах директор Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, затем сотрудница ИМЛИ АН СССР.

[16] В память о Великой войне: пушкинское наследие в Томске (1941–1945).

[17] ВМП. КП-531/1-2; ВМП. КП-533.

[18] ВМП. КП-6563; ВМП. КП-6607.

они зашифрованы аналогично, но с указанием номера папки (например: «Т.-оп. 317. Пап. 3/6»)[19]. Высокая ценность этих предметов определяла порядок их эвакуации: очевидно, что они должны были быть вывезены в первую очередь.

Оставшаяся часть изобразительных материалов была эвакуирована в Ташкент. Это были предметы так называемой второй очереди. Об истории этого этапа эвакуации в архиве музея сохранилось несколько документов. Прежде всего, это черновик/копия Акта без номера от 31.10.1941г., составленный карандашом[20]. На обеих страницах изложена информация об эвакуации музейных предметов в Ташкент и о передаче остающегося имущества в Москве ответственным лицам. Акт составлен исполняющим обязанности директора Государственного музея А.С. Пушкина [фамилия неразборчиво], заведующим сектором фондов музея Е.Н. Сперанским, научным сотрудником К.И. Старовойтовым, заведующей складом музея А.В. Лопухиной. В акте указана ссылка на распоряжение и.о. директора Государственного института мировой литературы имени А.М. Горького А.З. Кравченко «об эвакуации в г. Ташкент музейных материалов 2-й очереди и документов по учету этих материалов»[21].

Там же есть указание на то, что были проведены мероприятия по «подготовке к хранению в помещениях Государственного музея А.С. Пушкина [остающихся в Москве — зачеркнуто] музейных материалов и предметов хоз. инвентаря, которые [дальше чернильной ручкой] в силу транспортных ограничений, с одной стороны, большого объема, веса или [материала — зачеркнуто] не могут быть эвакуированы из Москвы»[22]. В акте указано, что эти предметы были переданы на хранение личному составу музея, предварительно были произведены «укладка, опломбировка», очевидно, в подвальные помещения, но какого именно здания — вопрос пока не ясный, т. к. Государственный музей А.С. Пушкина не имел собственной территории. Предметы, оставленные в Москве, описаны обобщенно: архивы Щеголева и Всесоюзного Пушкинского комитета, фото и негативы с автографов А.С. Пушкина и архивных материалов.

---

[19] ВМП. КП-361.

[20] Архив ВМП. Д. 70. Оп. 3. 52 л.

[21] Архив ВМП. Д. 70. Оп. 3. Л. 1.

[22] Там же.

На оборотной стороне того же акта завизировавшие его сотрудники сообщают, что ими была «произведена укладка названных материалов и документов в ящики количеством 30 (тридцать)». Ящики сопровождались описями за номерами 1/37-30/66, были отправлены на станцию железной дороги имени Дзержинского для последующей погрузки в вагон. Название станции, к сожалению, не удается прочитать, т. к. документы неаккуратно прошиты и в этом месте листы склеены между собой.

Остальная часть архивных документов представляет собой поящичные описи на 51 листе. В основном они оформлены в виде таблицы со следующими названиями столбцов: №№ п/п, Инв. номер, Название и автор, Техника, Примечание. Каждая опись завизирована фамилией и подписью ответственного лица, которое производило укладку в ящики; можно сделать вывод, что описи составлялись одновременно с упаковкой.

В описи «Ящик 6, папка № 8, опись (Э)» перечислены материалы печатной графики: портреты Пушкина начала XX века, его современников, иностранных деятелей истории и культуры, всего 759 единиц[23]. В фонде печатной графики на одном из предметов проставлен шифр карандашом на оборотной стороне. Это фототипия с портретом А.И. Герцена, отпечатанная в типографской фирме «Шерер, Набгольц и Ко», на обороте среди прочих инвентарных обозначений сохранилась карандашная надпись: «Ташк. ящик 29/65 п. 3 от 3/26»[24]. Другие описи содержат разнохарактерные материалы: рисунки, печатную графику, фотографии. Много было вывезено театральных материалов: фотографии Шаляпина в ролях из спектаклей на пушкинские сюжеты, в отдельную опись вошли театральные эскизы И.Я. Билибина, М.А. Врубеля, Н.С. Гончаровой[25].

Среди описей сохранился список предметов фонда декоративно-прикладного искусства: «Список произведений палехских художников, имеющихся в Государственном музее А.С. Пушкина», в котором на двух листах перечислено 109 предметов[26]. В него вошли пластины «Сказка о царе Салтане» мастера Голикова (Мстера), шкатулка

[23] Архив ВМП. Д. 70. Оп. 3. Л. 2–11.

[24] ВМП. КП-1197.

[25] Архив ВМП. Д. 70. Оп. 3. Л. 44; ВМП. НВ-Ф51068; ВМП. НВ-Ф51092; ВМП. КП-5003-5006; ВМП. КП-5014-5016; ВМП. КП-2834-2836.

[26] Архив ВМП. Д. 70. Оп. 3. Л. 47–48.

«Евгений Онегин. Сон Татьяны» работы Солонина[27]. Он оформлен в несколько ином варианте таблицы, написан перьевой ручкой, аккуратным почерком, из чего можно предположить, что документ был составлен заранее.

Куда более сложной задачей для сотрудников музея оказалось упаковка и транспортировка предметов скульптуры, что можно заметить даже по характеру составления сопроводительных документов. На трех страницах нумерованный список, сделанный простым карандашом, в котором красным карандашом отдельные номера вычеркнуты и исправлена сквозная нумерация[28]. Например, из списка были вычеркнуты бюст А.С. Пушкина работы П.П. Трубецкого, бронзовая модель памятника Пушкину работы А.М. Опекушина, мраморный бюст К.Н. Батюшкова работы П.П. Забелло. Очевидно, вес, хрупкость, размер помешали осуществить первоначально задуманную эвакуацию этих произведений искусства, их вынужденно оставили в Москве и вычеркнули из списков. При этом далее в материалах дела встречается «Поящичная опись 24/60 материалов Государственного музея А.С. Пушкина, отправляемых в порядке эвакуации в г. Ташкент», которая содержит только один экспонат — бронзовую модель памятника Пушкину работы А.М. Опекушина, которая была вычеркнута из первоначального списка[29]. Можно предположить, что, на счастье, нашелся ящик, куда бюст благополучно поместили и смогли безопасно вывезти.

Постраничное изучение первых четырех томов ГИК, а также изучение сохранившихся документов дало возможность проследить эвакуационный путь некоторых предметов из Москвы в два города: Томск и Ташкент. Это подтверждается и в отчете заместителя директора ИМЛИ Л.И. Пономарева[30] о работе музея за 1946 год, в котором упоминаются оба города[31]. Более подробную информацию об эвакуационных мероприятиях стоит искать уже в архивах Москвы и в тех музеях, где предметы из ГМП (ныне ВМП) находились на экспозиции или в хранилище.

---

[27] ВМП. КП-3625; ВМП. КП-3640.

[28] Архив ВМП. Д. 70. Оп. 3. Л. 49, 49 об., л. 50.

[29] ВМП. КП-3499.

[30] Леонид Ипполитович Пономарев (1885–1963) — директор ИМЛИ в 1940–1944 годах, под его руководством музейные фонды и сотрудники института были эвакуированы в Ташкент.

[31] Архив ВМП. Д. 71. Оп. 3. Л. 1.

В эвакуации музейные предметы находились до 1945 года: в середине года музейное собрание было привезено обратно в Москву[32]. В отчете о работе Государственного музея А.С. Пушкина за 1946 год, составленном директором ИМЛИ профессором Л.И. Пономаревым, открывается весьма печальное положение фондовых материалов[33]. В 1945 году музею была предоставлена одна комната в здании музея А.М. Горького на улице Воровского, 25а (ныне Поварская улица), куда были привезены 64 ящика с музейными предметами. А в 1946 году там же была выделена дополнительная комната, в которой в более свободном формате сотрудникам музея удалось распределить ящики с рукописными материалами. Работники сектора рукописей во главе со старшим научным сотрудником В. Нечаевой[34] приняли на хранение и проверили по описям инвентарю 1 628 единиц хранения, содержавшиеся в семи ящиках. При этом были «составлены 380 примечаний, касающиеся сохранности предметов»[35].

В следующем, 1947 году, условия хранения не менялись: музею никак не могли подыскать помещения, рукописи продолжали находиться в законсервированном состоянии. Они хранились в тех же ящиках, в которых были увезены, хранились в эвакуации и привезены обратно[36]. Шесть лет! Сотрудники музея регулярно производили регулярные вскрытия ящиков с целью осмотра сохранности, которые показали, что «фонды музея продолжают оставаться в хорошем состоянии[37].

В Ленинграде тем временем полным ходом шли восстановительные работы в доме на набережной Мойки, 12: готовилась к открытию мемориальная квартира Пушкина. По распоряжению Президиума АН СССР для новой экспозиции из Москвы были вывезены 22 мемориальных предмета[38]. По акту № 9 от 31.10.1947г. такие реликвии, как портрет Жуковского с дарственной надписью «Победителю-ученику от побежденного учителя…», портрет Н.Н. Пушкиной работы

---

[32] Архив ВМП. Д. 71. Оп. 3. Л. 1.

[33] Там же. Л. 1–4.

[34] Вера Степановна Нечаева (1895–1979) — в 1931–1941 годах в Библиотеке имени В.И. Ленина главный библиотекарь отдела рукописей; заведующая музеем Ф.М. Достоевского.

[35] Архив ВМП. Д. 71. Оп. 3. Л. 4.

[36] Архив ВМП. Д. 73. Оп. 3. Л. 1–8.

[37] Там же. Л. 3.

[38] Там же. Л. 3 об.

А.П. Брюллова перешли в постоянное хранение Института литературы АН СССР[39]. В годовщину смерти поэта, 10 февраля 1947 года, музей вновь открыл свои двери после войны. В Книге отзывов и предложений посетителей музея сохранилась памятная надпись: «10 февраля 1947 года / 110 лет со дня смерти / А.С. Пушкина», где подписались многие ленинградские подвижники музейного дела, приложившие много сил для сохранения пушкинского наследия: М.М. Калаушин, Е.В. Фрейдель, О.В. Ломан.

Об эвакуационных мероприятиях, проводимых в Ленинграде, сохранились противоречивые сведения в мемуарной литературе и рассредоточенные по разным архивам Санкт-Петербурга документы. В ЦГАЛИ сохранилась личная переписка М.М. Калаушина[40] и Л.М. Добровольского[41] с В.А. Мануйловым[42] — все они имели непосредственное отношение к хранению и перевозке музейных ценностей. Большое количество вновь найденных архивных документов еще предстоит прочесть и проанализировать, это, безусловно, поможет продолжить исследования и раскрыть некоторые подробности эвакуации.

---

[39] ВМП. КП-576; ВМП. КП-6011.

[40] Матвей Матвеевич Калаушин (1904–1968) — научный сотрудник ИРЛИ, с 1953 года — директор Всесоюзного музея А.С. Пушкина.

[41] Лев Михайлович Добровольский (1900–1963) — ученый хранитель Рукописного отдела. В первые дни войны был командирован в Новосибирск. Сопровождал в эвакуацию рукописные материалы.

[42] Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987) — ученый секретарь Пушкинского общества, в 1942–1944 годах уполномоченный Президиума АН СССР по Институту русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, ответственный хранитель неэвакуированной части фондов института.

Елена Семенищева

ДОБЛЕСТЬ РОДИТЕЛЕЙ — НАСЛЕДИЕ ДЕТЕЙ: ДИРЕКТОР БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОЖУХОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Среди трех ратных полей России Бородинское поле стоит выделить особо. Только оно становилось местом боевых действий дважды. В Отечественной войне 1812 года 26 августа здесь состоялось генеральное сражение между русской армией, возглавляемой М.И. Кутузовым, и многоязыкой армией французского императора Наполеона. В октябре 1941 года войска 5-й Армии из состава Западного фронта противостояли здесь натиску отборных частей Вермахта. Целью захватчиков была Москва.

С 1839 года на поле сражения по волеизъявлению императора Николая I существовал музей. Здание, в котором размещалась музейная экспозиция, находилось в центре русской позиции у подножия батареи Раевского, где в том же 1839-м был воздвигнут главный монумент. Этот 27-метровый памятник местные власти, посчитав «не имеющим исторического и культурного значения», целенаправленно разрушили в 1932 году. Сами собой постепенно разрушались и украшавшие поле с юбилейного 1912 года памятники воинским частям и соединениям, участвовавшим в Бородинской битве. В музейном здании экспозиции как таковой не существовало. Экскурсии не проводились.

Таким музей на поле Бородинского сражения принял в 1937 году назначенный директором Сергей Иванович Кожухов. Спустя почти полстолетия его супруга Анна Федоровна Кожухова передала музею свои воспоминания[1] о жизни на Бородинском поле и некоторые личные документы Сергея Ивановича. Таким образом в музее сложился комплекс документов Кожуховых. Главным образом на основе материалов из этой коллекции, а также документов из научно-ведомственного архива Бородинского музея подготовлен текст статьи.

Из записей в трудовой книжке С.И. Кожухова следует, что ее владелец был по профессии художником, что его общий стаж до прибытия

[1] Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник (ГБВИМЗ). Инв. №№ НВФ-3099, 3100, 4317.

в Можайский район составлял восемь лет и что директором Бородинского музея он был назначен 5 ноября 1937 года[2].

Молодой 23-летний директор активно приступил к возрождению Бородинского музея. Сразу же Сергею Ивановичу удалось перевести музей на областной бюджет из ведения районного отдела народного образования. Из многочисленных преобразований необходимо отметить приведение в порядок памятников на поле сражения и подготовку новой экспозиции. Несмотря на то, что при музее не было экскурсионной базы, его стали посещать в среднем три — четыре тысячи экскурсантов в месяц.

В 1939 году у Бородинского музея стараниями его директора появился филиал «Кутузовская изба» в Москве, а в 1940 году открыт второй филиал в городе Малоярославце.

В самый разгар его хозяйственной и научной деятельности началась Великая Отечественная война. Из воспоминаний А.Ф. Кожуховой: «Сообщение о войне мы узнали в памятный для нас день. 13 июня 1941 года у нас родился сын Иван, а 22 июня в 11 часов мы вернулись из роддома, и сотрудница музея вбежала к нам в комнату и громко закричала, просто закричала: «Война, война!»

В соответствии с приказом по Наркомпросу РСФСР № 675 от 13 сентября 1941 года о работе музеев в военное время Бородинский музей ни на минуту не прекращал своей работы. Сергей Иванович организовал большую передвижную выставку по истории Отечественной войны 1812 года и Можайским райвоенкоматом был отправлен с ней в прифронтовую зону в район города Гжатска Смоленской области. Там он выступал перед бойцами Красной армии, рассказывая о мужестве и патриотизме наших предков.

Немецко-фашистские войска, продолжая продвигаться с запада по кратчайшему пути к Москве, по Минской автостраде, приблизились к Гжатску. До Бородина им оставалось 70 километров.

Сергей Иванович, понимая необходимость эвакуации ценностей, вернулся в свой музей в ночь на 11 октября 1941 года. Весь следующий день шла упаковка музейных предметов. К отправке в тыл были подготовлены экипаж М.И. Кутузова, сани Наполеона, знамена, оружие, мундиры, головные уборы, картины, бюсты, археологические находки и многое другое. Всё, кроме экспозиционного оборудования и учетной документации.

---

[2] ГБВИМЗ. Инв. № ГБМ-3626 Д-2134.

В ночь на 12 октября Кожухов пешком пошел в Можайск к военному коменданту и, что называется, на коленях выпросил у него машину с прицепом. Упаковка и погрузка экспонатов музея проходила в то время, когда враг находился уже на подступах к Бородинскому полю. 12 октября вечером первые фашистские танки были остановлены на 125-м километре Минского шоссе. Большую помощь в погрузке оказали прибывшие защищать Бородинское поле красноармейцы из 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковника Виктора Ивановича Полосухина.

Выехать удалось лишь во второй половине дня 13 октября. Кузов полуторки и прицеп были плотно забиты музейными предметами. Из личных вещей молодая семья Кожуховых смогла взять лишь то, что уместилось в кабину. Их сыну Ванечке в тот день исполнилось четыре месяца.

Так как мост на Можайском шоссе был взорван накануне, отправились по проселочной дороге через деревню Псарево. Почти сразу же попали под налет фашистской авиации. Машина осталась цела, но увязла в овраге. Вытолкать ее на дорогу вновь помогли красноармейцы. Когда въехали в Можайск, город был объят пламенем пожаров. После бомбардировки горели вокзал, нефтебаза, огнем охватило жилые дома.

До Москвы добрались на вторые сутки, экспонаты были сданы в Исторический музей. Из столицы в глубокий тыл началась эвакуация учреждений и предприятий, вывоз ценностей.

Отдельного рассказа заслуживают действия С.И. Кожухова и его сестры Евгении Ивановны Кожуховой, инспектора Московского отдела народного образования, по спасению реликвий Московского областного краеведческого музея в городе Истре. Бесценные коллекции этого музея, уже упакованные в ящики, находились на территории Ново-Иерусалимского монастыря. Вечером 4 ноября Кожуховы отправились в Истру, чтобы организовать отправку экспонатов в Москву. В Истринском райкоме партии им выделили две автомашины для погрузки ящиков на железнодорожные платформы. Но с неожиданным препятствием Кожуховым пришлось столкнуться в самом монастыре. Музейный сторож, которому доверили охранять ящики, отказался отдать ключи от собора. Тогда Кожухов призвал слесарей, которые распилили массивные замки, и в ночь на 5 ноября более тридцати ящиков с экспонатами были погружены на проходящий поезд в Москву.

В Москве музейные предметы Бородинского и Истринского музеев погрузили в вагон, прицепленный к составу, на станции «Сортировочная», и 14 ноября отправили в тыл. Полтора месяца эшелон находился в пути и в конечный пункт, в город Алма-Ату, прибыл в конце декабря 1941 года.

Бородинскому музею предоставили помещение в Доме обороны на втором этаже. Сергей Иванович не просто разместил экспонаты, но организовал выставку, которая стала очень популярна и привлекала многих посетителей, среди которых были военные, студенты, школьники, рабочие заводов, просто жители города. И здесь Кожухов выезжал с докладами и лекциями на заводы, в школы, в гарнизоны, продолжал заниматься научной работой. Торжественным вечером с участием артистов «Мосфильма» М.И. Жарова и Б.П. Чиркова 7 сентября 1942 года была отмечена 130-я годовщина Бородинского сражения[3]. Директор Бородинского музея выступил на вечере с речью, в которой сказал: «130 лет отделяют нас от исторического дня Бородинской битвы. Но славная дата близка и дорога советскому народу. Она не только напоминает нам о героическом прошлом наших предков, достойной наследницей которого стала Красная армия. История Бородинского сражения учит нас искусству, овладеть которым обязан каждый, кто участвует сейчас в Великой Отечественной войне против фашизма. Какие бы суровые испытания ни ожидали нас еще впереди, как бы ни был яростен и неистов напор врага — победа будет за нами».

Мысль о родном Бородине не оставляла ни на секунду. Узнав об успешном наступлении советских войск под Москвой, Кожуховы жили мечтой о возвращении на Бородинское поле. В начале 1943 года Сергей Иванович был вызван в Москву, стоял вопрос о восстановлении Бородинского музея.

Три месяца историческая земля находилась в оккупации. 21 января 1942 года Бородино было освобождено. Через три недели после этого из представителей районной и областной администраций была создана комиссия, составившая акт о состоянии Бородинского музея и памятников поля. В первых его строках читаем следующее: «Одноэтажное здание, в котором была развернута экспозиция музея, состояло из 7 комнат; в настоящее время сохранились лишь стены, железная кровля провалилась внутрь здания, перекрытия и полы уничтожены… Внутри здания

[3] ГБВИМЗ. Инв. № ГБМ-1067 Д-376.

всё выжжено… В здании имеется снежный покров… немецкие оккупанты… уходя, дожгли его 20/1 — 1942 года ночью…»[4]

К разрушенному зданию музея и памятникам Бородинского поля вернулись Кожуховы и приступили к их восстановлению. Следом были возвращены экспонаты музея.

В акте ущерба и убытков, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Бородинскому военно-историческому музею, подписанном С.И. Кожуховым 3 июля 1943 года, говорится: «…при отступлении из района Бородинского поля немецко-фашистские войска разграбили и сожгли Бородинский военно-исторический музей и его филиалы на Бородинском поле: 1) домик М. Тучковой и 2) часовню-усыпальницу М. Тучковой, где уничтожили внутреннее оформление (иконостас, надгробие и т. д.) В период оккупации немецко-фашистские войска открыли в здании музея бойню скота и — колбасную мастерскую»[5].

О том, какие трудности пришлось преодолеть, восстанавливая музей в условиях военного времени, вспоминала А.Ф. Кожухова: «Работа была напряженной, требовала нечеловеческих усилий. Работали днем, утром и вечером. Восстанавливали, трудились не жалея себя, потому что знали, это всё делаем для народа, для своей любимой Родины».

В это же самое время Сергей Иванович не прекращал и научную деятельность. В фондах Бородинского музея хранится письмо заведующего исторической редакцией Госполитиздата Сенекиной о включении работы Кожухова «История Отечественной войны 1812 года» в план изданий 1944 года и Издательский договор № 477 от 27 марта 1944 года[6].

Для маленького коллектива численностью шесть человек, включая технический персонал, было настоящим счастьем увидеть первых посетителей восстановленного Бородинского музея. Открытие его состоялось 15 октября 1944 года. Сообщение об этом было дано в центральной прессе и передано по радио. В этот день из Москвы до станции Бородино был пущен специальный пассажирский поезд. Программа открытия включала в себя митинг, доклад о Бородинском сражении, осмотр музея и поля сражения, концерт и наконец, кино[7].

---

[4] ГБВИМЗ. Научно-ведомственный архив (НВА). Оп. 2. Д. 2. Л. 14.

[5] ГБВИМЗ. НВА. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.

[6] ГБВИМЗ. Инв. № ГБМ-3632 Д-2136.

[7] ГБВИМЗ. Инв. № ГБМ-1068 Д-518.

«9-го мая 1945 года, как я помню, — пишет Анна Федоровна, — пошли за хлебом в Можайск. Возвращались, а нам навстречу Сергей Иванович бежит: «Победа! — кричит, — Победа! Мы смеялись, плакали и обнимались».

В сентябре 1945 года музей торжественно отметил 200-летие со дня рождения М.И. Кутузова. В сфере научно-исследовательской работы директор Бородинского музея многие годы посвятил изучению роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Еще в июне 1940 года в газете «Московский комсомолец» была опубликована его большая статья о великом русском полководце. Кожуховым на эту тему было прочитано огромное количество лекций в самых разных аудиториях, в том числе и на заседании Военно-исторического сектора Института истории Академии наук СССР.

К сожалению, сохранились лишь единичные фотографии Сергея Ивановича. Одна из них — это фотоотпечаток в сентябрьском номере журнала «Огонек» за 1951 год[8]. Но наибольший интерес представляет сделанное в 1940 году фото, на котором мы видим двадцатишестилетнего директора Бородинского музея С.И. Кожухова[9].

Сергей Иванович возглавлял Бородинский музей до 1953 года. Его подвижническая деятельность за эти годы была отмечена двумя правительственными наградами, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «В память 800-летия Москвы. 1147–1947».

Но наградой выше всяких человеческих похвал и отличий, как нам кажется, можно считать следующий факт. Сергей Иванович умер 18 мая 1978 года, в день, когда музейщики всего мира впервые отмечали свой профессиональный праздник. Как известно, он появился в календаре в 1977 году. Тогда на очередном заседании Международного совета музеев было принято предложение российской организации об учреждении этого культурного праздника, и с 1978 года более чем в 150 странах 18 мая стало Международным днем музеев.

---

[8] *Барыкин В.* Поле русской славы // Огонек. 23.09.1951 (№ 39). С. 6–7.

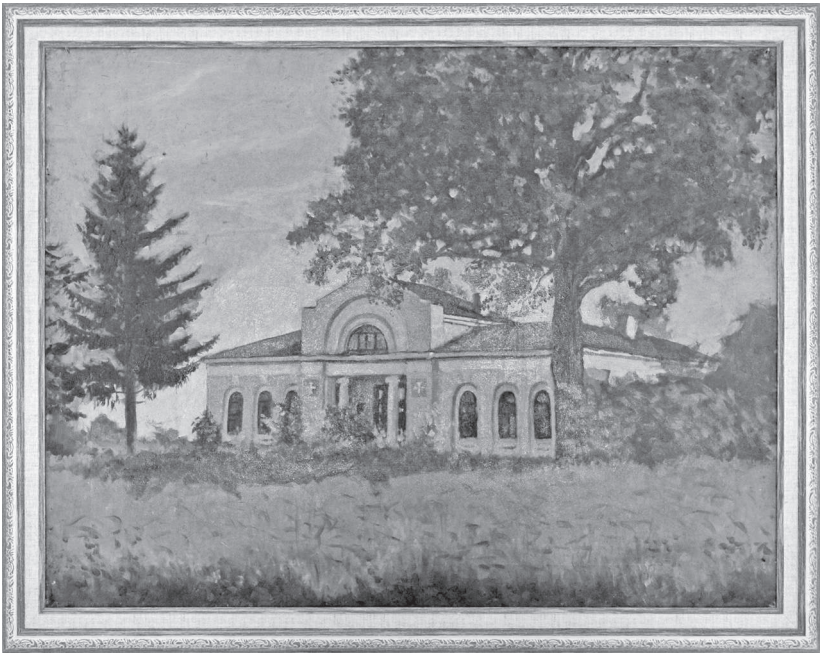
[9] ГБВИМЗ. Инв. № НВФ-3217.

Директор Бородинского музея Сергей Иванович Кожухов.
Фото неизвестного автора. Журнал «Огонек», 23 сентября 1951 (№ 39)

Здание Бородинского музея, сожженное немецко-фашистскими оккупантами.
Январь 1942 года. Фото неизвестного автора.
Фотобумага, черно-белая печать.
ГБВИМЗ. Инв. № НВФ-1117

Афиша об открытии Бородинского музея. Бумага, типографская печать. Типография издательства «Московский большевик». ГБВИМЗ. Инв. № ГБМ-1068 Д-518

Открытие Бородинского музея. 15 октября 1944 года.
Фото Н.С. Ильина. Фотобумага, черно-белая печать.
ГБВИМЗ. Инв. № НВФ-2749



С.И. Кожухов. Здание Бородинского музея. Лето 1944 года.
Холст, масло. Бородино. 1944 год.
ГБВИМЗ. Инв. № ГБМ-3637 Ж-252

Сергей Иванович Кожухов. Фото неизвестного автора.
Фотобумага, черно-белая печать. 1940 год.
ГБВИМЗ. Инв. № НВФ-3217

Резеда Сибагатова

СПАСЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОРАНИЕНБАУМСКИХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К моменту объявления войны в организациях системы Управления культурно-просветительными предприятиями Ленгорисполкома (УКППЛ) действовал вариант «плана разгрузки музейных ценностей», разработанный в 1936 году. В это же время работала специальная комиссия для определения предметов, подлежащих в порядке разгрузки к вывозу из дворцов-музеев в глубь страны. В результате работы этой комиссии был составлен список предметов, предназначенных к вывозу из дворцов-музеев Петергофа, Пушкина, Слуцка (Павловска) и Красногвардейска (Гатчины), состоящий из 4 871 экспоната. В этот список «совершенно не вошел Ораниенбаумский дворец-музей»[1]. Позже план разгрузки был пересмотрен и существенно расширен пригородными дворцами, но действующий план мог реализовать лишь незначительную часть потребностей музеев в количестве подлежащих к вывозу музейных экспонатов, эвакуационных баз, транспорта, упаковочных мест и тары.

К 1940 году здания ораниенбаумских дворцов и построек были заняты различными организациями: арендатором дворца Петра III был Комитет по делам физкультуры и спорта при Ораниенбаумской РККА[2], соседствуя в дворцовых помещениях «без согласования РИКа[3] и Дирекцией Петергофских дворцов» с Детской библиотекой и водоканализацией Горсовета[4]; павильон Катальной горки занимали организации

---

[1] Обзор мероприятий по консервации музейных зданий, парков и экспонатов, по вывозу музейных ценностей и живых экспонатов из дворцов-музеев, музеев и Зоосада системы Управления культурно- просветительными предприятиями Исполкома Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся. 25.10.1941 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

[2] Ораниенбаумская Рабоче-крестьянская Красная армия.

[3] Районный исполнительный комитет.

[4] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7179. Оп. 11. Ч. I. Д. 96. Л. 49.

«Заготзерно», «Мебельторг» и склад «Рыбкооп»[5]; здание Кирхи (Каменное зало) было приспособлено под общежитие служащих и эксплуатировалось 39-м строительным участком Краснознаменного Балтийского флота (КБФ); Кавалерский корпус — парком механизации КБФ и 39-м строительным участком, не имея «…документов, подтверждающих право на занятие здания»[6]; Нижние дома — особым отделом НКВД[7], военторгом, транспортным отделом и клубом КБФ[8]. И только Китайский дворец использовался как музей: на первом этаже размещалась экспозиция, второй этаж являлся «кладовой музейных предметов»[9].

Введенный в действие в конце 1939 года приказ о «выделении в самостоятельную хозрасчетную единицу Ораниенбаумских дворца и парка»[10] положил начало освобождению зданий от сторонних организаций, но уже с июля 1941 года Ораниенбаумские дворцы-музеи были закрыты «для общего пользования»[11].

В Китайском дворце началась работа по консервации здания: оконные и дверные проемы укреплялись дощатыми щитами, стропильные конструкции покрывались суперфосфатом. Коллективом музея была организована оборонная работа: назначались дежурства по объектам, велась работа по борьбе с зажигательными бомбами. Чердак дворца был снабжен ящиками с песком, бочками с водой и щипцами для зажигательных бомб. В залах дворца ставили ящики с песком, большие вазы наполняли водой[12].

Одновременно с консервацией здания проводилась работа по разгрузке Китайского дворца. 28 июня и 20 августа во дворец Петра III были перемещены предметы мебели, картины, рамы, гравюры[13], кото-

[5] ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 11. Ч. I. Д. 96. Л. 54–55.

[6] Там же. Л. 52.

[7] Народный комиссариат внутренних дел СССР.

[8] ЦГА СПб. Ф. Р-7179. Оп. 11. Ч. I. Д. 96. Л. 52.

[9] Там же. Л. 50.

[10] Приказ № 175 по Управлению культурно-просветительными предприятиями Ленсовета. 26.11.1939г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

[11] Решение Ленгорисполкома «О работе садов, парков и музеев г. Ленинграда». 24.07.1941г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1420. Л. 47.

[12] *Эльзенгр З.Л.* Китайский дворец после Великой Октябрьской Социалистической революции. 1952–1953 // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 2. Д. 89. Л. 29.

[13] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 50. Л. 65–66.

рые впоследствии находились на хранении проживающего во дворце сторожа О.И. Молодежниковой. В Китайском дворце также оставались экспонаты: «В залах все зеркала в рамах в большинстве снятых со стен заклеенных марлей или полотном. Гарнитур мебели Круглого зала. Китайские вазы, фарфоровые… и глиняные в количестве около 70 шт. Портретов в рамах около 15 шт. Икон старинных 7 шт. и разная мебель в незначительном количестве находящаяся в служебных помещениях 2-го этажа»[14]. В годы войны эти ценности оставались в Китайском дворце под надзором Н.М. Михайлова, который выполнял функции коменданта и сторожа.

Перед сотрудниками встала задача подготовки музейных ценностей к эвакуации. Ввиду отсутствия плана вывоза приходилось на месте решать первоочередность отправки наиболее ценных экспонатов. Работу осложняло отсутствие ящиков по размерам музейных предметов. Список тары, ящиков и упаковочного материала был составлен незадолго до начала эвакуационных работ. Из-за срочности ящики изготавливались стандартными, без учета габаритов экспонатов[15]. Под руководством хранителя М.В. Цветковой и научного сотрудника З.Л. Эльзенгр коллектив музея приступил к упаковке музейных ценностей, предназначенных к эвакуации.

С 29 июня 1941 года Ораниенбаумские дворцы-музеи и парки «включили в число Петергофской дирекции»[16]. Упакованные ящики направлялись в Петергоф, из которого, совместно с музейными предметами Петергофского дворца, — в тыл, в Новосибирск, а позднее часть — в город Сарапул, где была образована вторая база для хранения музейных ценностей.

В июле была подготовлена партия музейных предметов, в которую вошли китайские и японские вазы XVII–XVIII веков, изделия мейсенского фарфора, книги описей, альбомы гравированных чертежей А. Ринальди и П. А. де Сент-Илера, негативы на стекле с видами Большого дворца, Катальной горки, Китайского дворца, Петерштадта, инвентарные карточки музейных предметов, альбомы с фотографиями, панно расписного китайского шелка из Спальни

[14] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 62. Л. 1.

[15] Там же. Д. 56.

[16] Приказ Управления культурно-просветительных предприятий Ленгорсовета от 29.06.41г. № 99 // Объединенный межведомственный архив культуры (ОМАК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.

Екатерины II, лаковые шкатулки и иконы. Партия из 531 предмета была направлена через Петергоф в Горький (Нижний Новгород)[17]. Позже, ввиду стратегического значения города и наличия в нем оборонных предприятий, эвакуированные ценности были переправлены оттуда в Новосибирск.

Несмотря на то, что работа проводилась в спешке, все упакованные ящики были снабжены сопроводительными документами: актами и паспортами ящиков с подробным перечислением экспонатов, инвентарных номеров и сохранности музейных предметов. Копии поящичных паспортов передавались в Спецчасть УКППЛ.

Проводилась работа по консервации и эвакуации парковой скульптуры. Скульптура «Амур и Психея», статуи «Омфала» и «Амур»[18] были перемещены для хранения в цокольный этаж павильона Катальной горки. Скульптуры из бронзы «Три грации» с пьедесталом, «Сын Ниобы — Илионей», «Аполлино», «Венера Медицейская», две подставки для фонарей и две шпиатровые фигуры «Собак» были эвакуированы в Ленинград в хранилище Исаакиевского собора[19].

Проводились работы по укрытию скульптуры и на территории парка. Музейные сотрудники с подсобными рабочими снимали мраморную скульптуру с постаментов, укутывали ее ветошью, укладывали в ямы, засыпали песком и закапывали в парке. Сопроводительные документы — акты и описи укрытых скульптур — не сохранились[20], но в архиве ГМЗ «Петергоф» сохранился план захоронения скульптуры в Верхнем парке Ораниенбаума. На миллиметровой бумаге графитным карандашом указывалось место захоронения — восточный партерный сад у Китайского дворца[21].

В это же время была подготовлена и отправлена еще одна часть коллекции, включающая люстры из Зала Муз, плафоны и картины. Эта отправка оказалась последней: в конце сентября 1941 года немецкие войска, захватив Красное Село, Пушкин, Лигово и Новый Петергоф, продвинулись к Ленинграду. Ораниенбаум оказался отрезанным

---

[17] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 49. Л. 2–6.

[18] «Эрот, натягивающий тетиву лука». Здесь и далее сделаны поправки в названиях скульптур согласно Каталогу коллекции «Скульптура Ораниенбаума» (В.Я. Юмангулов, Н.Ю. Хадеева. СПб., ГМЗ «Петергоф». 2019).

[19] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 58. Л. 2–4.

[20] Там же. Д. 64. Л. 2.

[21] Там же. Л. 10.

от города с суши и поддерживал связь с блокированным Ленинградом только водным путем, через Финский залив.

Снимались плафоны, картины и рамы, готовилась к отправке мебель Китайского дворца. 19 октября 1941 года водным путем восьмой очередью баржей были эвакуированы в Исаакиевский собор более пятидесяти предметов декоративного убранства Китайского дворца: стулья из Большого Китайского кабинета, гарнитур мебели из Камер-юнгферской, столик работы Бастье, столик для игры в трик-трак, кресла, биллиард с набором киев и подставкой и стеклярусные панно[22]. Опасность такого перемещения заключалась в том, что баржи находились под постоянным обстрелом.

С 24 августа 1941 года, согласно решению исполнительных комитетов Ленинградского областного и городского советов депутатов трудящихся № 50-37 «о дальнейшем укреплении революционного порядка в г. Ленинграде и пригородах», город Ораниенбаум и Ораниенбаумский район перешли на военное положение[23]. В Верхнем парке располагался 323-й (10-й) Краснознаменный артиллерийский полк[24] 48-й стрелковой дивизии имени М.И. Калинина Приморской оперативной группы Ленфронта, в павильоне Катальной горки — наблюдательный пункт дивизии.

Летом 1942 года в расположении артиллерийского полка бойцами стрелковой дивизии по инициативе капитана медицинской службы[25], на южном берегу реки Карости, между Красным прудом и водонапорной башней, была зарыта мраморная скульптура. Закапывали в «воронки от немецких авиабомб», выше уровня течения реки. Для сноса скульптуры была выделена «команда бойцов во главе со старшиной батареи Овчинниковым в количестве 6–10 человек вместе с конной повозкой»[26]. По воспоминаниям участника событий А.П. Бахвалова, среди скульптур наряду с целыми были и разбитые. Скульптуру снимали с пьедесталов и свозили к месту захоронения. Предварительно ее заворачивали в солдатские одеяла, обертывали пропарафиненной бумагой и обвязывали телефонным шнуром. Фрагменты скульптуры укладывали в ящики от медикаментов и артиллерийских снарядов. Закапывали на глубине

[22] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 52.

[23] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1424. Л. 133.

[24] До 23 октября 1941 года назывался 323-м артиллерийским полком.

[25] Фамилия не известна.

[26] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 194. Л. 4.

60–70 см, в шахматном порядке. Траншеи обкладывали дерном. Место захоронения помечали гранитными валунами. План захоронения был отослан Верховному командованию вместе с боевыми сводками.

С началом войны музейные ценности свозились в Исаакиевский собор, превращенный в Центральное хранилище (ЦХ) музейных фондов пригородных дворцов, оставшихся в Ленинграде. При хранилище был закреплен штат научных работников и хранителей, призванный осуществлять работу по научному хранению ценнейших фондов. Выбор здания под хранилище музейных фондов был неслучаен: он был музеем системы УКППЛ и единственным зданием, способным разместить научных сотрудников, обслуживающий персонал и экспонаты пригородных дворцов. Учитывалась также надежность здания «в условиях частых бомбардировок», «но явилась другая опасность для вещей — чрезмерная влажность и полное отсутствие вентиляции (заложенные окна)»[27].

С августа 1942 года происходила распаковка валов с плафонами и десюдепортами Китайского дворца в соборе, и было обнаружено, что «живописные холсты отсырели и покрылись налетом плесени, живописный слой поврежден, частично осыпается»[28]. Были предприняты срочные меры, проведена просушка, проветривание плафонов и десюдепортов с последующим размещением в горизонтальном положении на фанерных щитах в юго-восточной части собора. Производились работы по удалению плесени с наружной и тыльной сторон холстов.

За первое полугодие 1943 года трижды проверялось состояние «неупакованной живописи и мебели Китайского дворца» в соборе[29]. При контрольном осмотре в январе и марте, когда влажность в соборе не превышала 65%, существенные изменения в состоянии предметов не были обнаружены. С повышением влажности в летнее время возникла угроза гибели экспонатов. Было принято решение о срочном перебазировании предметов живописи, мебели и тканей в Эрмитаж, на них были составлены списки. К этому моменту холсты плафонов находились в плачевном состоянии, отмечались многочисленные осыпания и деформации живописного слоя. В августе 1943 года произведена переда-

[27] *Кучумов А.М.* Планы и отчеты о работе ЦХ музейных фондов в 1945 году // ЦГАЛИ. Ф. 468. Оп.1. Д. 85. Л. 2.

[28] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 59. Л. 2.

[29] Дело по эвакуации, консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов. 1941 // ЦГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 50.

ча семи плафонов Китайского дворца и двух ящиков «с накатанными на валы стеклярусными панно» в Эрмитаж. Мебель было решено переправить в филиалы хранилищ — в Дом занимательной науки и техники и Музей истории и развития Ленинграда.

В октябре 1943 года ответственным хранителем эвакуированного имущества Ораниенбаумских дворцов-музеев назначается научный сотрудник Е.Н. Элькин[30]. При передаче насчитывается «упакованных заколоченных ящиков в количестве 27 единиц», «один вал с накатанными живописными панно на белом атласе», «неупакованная живопись — 16 предметов», «неупакованная мебель — 16 предметов», «пять тюков — резные рамы из стеклярусного кабинета Китайского дворца, упакованные в циновки», «пять бронзовых стенников», «гальванопластические фигуры (скульптура) в неупакованном виде — 7 предметов» в Исаакиевском соборе; в Эрмитаже — 11 стеклярусных панно и 7 живописных плафонов Китайского дворца; в Доме занимательной науки — 103 предмета мебели и в Музее истории и развитии Ленинграда — 112 предметов мебели[31].

С прорывом блокады встал вопрос о подготовке здания, в котором могли быть сосредоточены музейные фонды, реэвакуированные из тыла и из временных хранилищ Ленинграда. Наиболее подходящим требованиям музейного хранения оказался Александровский дворец в Пушкине с необходимым количеством полезной площади 5 600 м², наличием технического оборудования: центрального отопления, приточно-вытяжной вентиляции, пожарного водопровода, с удобной системой входных зон и запасных лестниц. Вопрос о пригодности Александровского дворца обсуждался на Музейном совете при Управлении по делам искусств в июне 1944 года и был решен положительно. Перевоз музейных фондов в Александровский дворец был запланирован лишь на 1945 год — в связи с отсутствием подрядной организации для ремонта кровли.

5 мая 1944 года на территории Ораниенбаумского парка было вскрыто захоронение скульптуры и «изъято из земли пять бюстов и одна группа»[32]: бюст Петра I, голова Вакха, бюст Омфалы, «бюст мужской

---

[30] Приказ по отделу музеев и памятников от 2.10.1943г. // ЦГАЛИ. Ф. 387. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

[31] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 51. Л. 13–15.

[32] Там же. Д. 64. Л. 4–4 об.

с лавровым венком»[33], «бюст женский в венке и покрывале»[34], группа «Мальчик на дельфине»[35]. Работа по изъятию осуществлялась парковыми рабочими под руководством научного сотрудника З.М. Скобликовой. Вся скульптура была извлечена, обмыта и расставлена на пьедесталах в парке и в интерьере Зала Муз Китайского дворца.

8 июня 1944 года в Эрмитаж из хранилища Исаакиевского собора были перемещены «19 плафонов и наддверников из Китайского дворца в Ораниенбауме» и «1 рулон с плафонами того же дворца»[36]. Профессором-реставратором М.Н. Рябовым проведена первичная реставрация плафонов, включающая «удаление плесени, отпрессовку мятин, заклейку бумагой в местах осыпи с частичным укреплением живописного слоя и разрывов холста»[37].

В августе 1944 года старший научный сотрудник А.П. Чубова и Н.М Михайлов осуществили контрольное вскрытие захоронения «с целью проверки состояния захоронения и установили след[ующее]: почва оказалась совершенно сухой, скульптура засыпана толстым слоем сухого мелкого песка»[38]. Эти благоприятные условия позволили оставить скульптуру в захоронении до лета 1946 года.

23 января 1945 года на основании распоряжения заведующего музейным отделом Управления по делам искусства А.М. Кучумова 242 предмета мебели Ораниенбаумской коллекции, находившиеся в помещении Академии художеств, возвратились в Ораниенбаум[39]. К акту передачи прилагалась опись сохранности с перечислением сложности и очередности реставрации. Практически каждый предмет пострадал: отсутствовали фрагменты, наблюдались разрушения, следы плесени. Из общего числа двадцать четыре предмета нуждались в реставрации в первую очередь, и восемнадцать — с пометками «сложная реставрация».

С мая 1945 года, согласно приказу Управления по делам искусств исполкома Ленгорсовета, в связи с упорядочением системы хранения музейных ценностей эвакуированных из пригородных дворцов, были организованы два основных хранилища: в Академии художеств, где раз-

---

[33] «Римский цезарь».

[34] «Римлянка».

[35] «Мертвый мальчик на дельфине».

[36] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 59. Л. 9.

[37] Там же. Л. 1.

[38] Там же. Д. 64. Л. 3.

[39] Там же. Д. 74.

мещалось хранение фондов живописи, ткани и дерева, и в Исаакиевском соборе — с размещением фондов керамики, фарфора и бронзы[40]. Хранители приступили к перемещению и распределению музейных фондов в эти хранилища, филиалы хранилищ были ликвидированы. Старший научный сотрудник Гатчинского дворца-музея С.Н. Балаева была назначена по совместительству ответственным хранителем фондов в Академии художеств и Государственном Эрмитаже, помощником хранителя — И.А. Соколова, А.В. Победоносцев — ответственным хранителем фондов в Исаакиевском соборе, его помощником — Б.С. Волкинд.

В хранилищах Ленинграда за весь период эвакуации находилось около 1 000 ящиков музейных ценностей дворцов-музеев Пушкина, Петродворца, Гатчины, Ораниенбаума, ленинградских музеев — Музея города, Дворца и Домика Петра, Исаакиевского собора, музеев Нарвы, а также ленсоветовских баз отдыха. Ценности Новосибирского филиала, возвращенные в Ленинград в декабре 1944 года, временно размещались в Исаакиевском соборе (фонды фарфора и бронзы) и в Музее города (фонды живописи, графики, мебели и ткани). Фонды Сарапульского филиала были размещены в Александровском дворце Пушкина. В Новосибирске и Сарапуле находились за весь период эвакуации 1 296 ящиков (866 в Сарапуле и 430 в Новосибирске) с ценностями пригородных дворцов.

За период эвакуации в хранилищах Ленинграда проводилась кропотливая работа по хранению музейных предметов, периодически вскрывались ящики, содержащие живопись, ткани, изделия из дерева (лаки). Выборочно проводилась проверка ящиков с изделиями из бронзы, фарфора и стекла. При обнаружении изменений сохранности предметов, проводились срочные профилактические меры: проветривание, просушка, облучение.

Аналогичная работа производилась в хранилищах городов Новосибирска и Сарапула. За весь период эвакуации на предмет сохранности были освидетельствованы 85–90% музейных предметов, о чем известно из отчетов этих хранилищ.

В июле 1945 года была «принята реэвакуированная из Ленинграда скульптура, оксидированной бронзы, и гальванопластика», занявшая прежние места в парке у Китайского дворца[41].

---

[40] ЦГАЛИ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

[41] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 64. Л. 5.

В ноябре — декабре 1945 года сотрудниками хранилища фонда № 2 (Исаакиевский собор) Е.А. Бодровой, В.И. Капрановой, М.М. Мышковской были сданы З.М. Скобликовой более сорока ящиков с музейными ценностями «из партии, привезен[ной] в Исаакиев[ский] собор осенью 1941 года», и три ящика, реэвакуированные из Новосибирска[42]. Перед отправкой в хранилище производилось вскрытие ящиков, сверка с сопроводительными документами, переупаковка и составление актов вскрытия.

В отчете о работе Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков за первое полугодие 1946 года указывается о продолжении работ по приему ящиков с музейными ценностями из хранилищ. Возвращены 20 ящиков с музейными предметами и 17 отдельных экспонатов: фарфоровые вазы, бочонок, столик, бюст Генриха IV, доски черного мрамора, живописные фигуры «Калмык», «Калмычка», шелковое панно с росписью из Спальни Екатерины II, 10 единиц научно-вспомогательного материала: имущественные описи дворцов и садовой скульптуры 1928 года, альбомы чертежей XVIII века, фотоальбомы Ораниенбаумских дворцов и парков. Из графического кабинета Исаакиевского собора (фонд № 1) переданы девятнадцать документов — списки и паспорта ящиков эвакуированного имущества Китайского дворца. На этом завершилась передача «всего музейного имущества, находившегося на хранении в Исаакиевском соборе»[43].

В мае — июне были возвращены предметы новосибирской партии из ЦХ Пушкина — пять ящиков с ценностями, отправленными через Петергоф: 12 стеклярусных панно[44], «2 иконы и крест серебряный»[45], план города Ораниенбаума 1854 года и две рукописи А.С. Дахновича[46]. За второе полугодие 1946 года возвращено 16 ящиков с музейными ценностями, валы с картинами и 86 отдельных предметов. Музейные предметы раскладывались в ящики и вывозились на машинах. За полугодие было совершено двенадцать рейсов.

В Китайском дворце осуществлялась работа по подготовке помещений к размещению реэвакуированных экспонатов — изготовление и установка стеллажей, исправление опломбированных дверей.

---

[42] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 73. Л. 34–40.

[43] Отчет о работе Ораниенбаумских дворцов-музеев и парков за I и II кварталы 1946 года // ЦГАЛИ. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 1–13.

[44] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 73. Л. 51–51 об.

[45] Там же. Л. 54.

[46] Там же. Л. 55.

Наряду с работами по перевозке и размещению музейной коллекции З.М. Скобликовой проводилось тщательное изучение документов по эвакуации музейных ценностей: проработка актов, книг описей и паспортов 1941 года, актов вскрытий, осмотров, переупаковки и перемещения музейных предметов в хранилищах. Эта работа проводилась для выявления местонахождения эвакуированных музейных ценностей, не вернувшихся к этому моменту.

26 мая 1946 года было произведено вскрытие второго захоронения скульптуры. Изъяты бюсты «Клеопатра», «Лукреция» и статуи «Аполлон» и «Венера» белого мрамора[47].

Третье захоронение скульптуры, осуществленное бойцами стрелковой дивизии в 1942 году, не было найдено. В 1960–1970-е годы сотрудниками дворцов-музеев и парков города Ломоносова была предпринята попытка поиска утраченного захоронения скульптуры: были направлены обращения в Архив Министерства обороты СССР (Подольск), в редакцию газеты «Смена» с призывом откликнуться участникам событий[48]. Собранный материал — воспоминания свидетелей событий, схема боевого порядка полка с октября 1941 по август 1943 года — не указывали на конкретное место захоронения.

В 1946 году был осуществлен переезд фондов ЦХ в Екатерининский дворец из Александровского дворца (в связи с передачей последнего Институту литературы Академии наук). На базе ЦХ существовали реставрационные мастерские, в состав которых входили секции по реставрации живописи, металла, бумаги и скульптуры. В 1947 году была осуществлена работа по реставрации тяжело поврежденных плафонов Китайского дворца. Всего было отреставрировано 16 плафонов общей площадью свыше 1 000 м^2 [49].

Ленинградской городской комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была произведена оценка стоимости ущерба, нанесенного Ораниенбаумским дворцам-музеям и паркам[50]. Она составила 262 383 610 рублей,

---

[47] Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 68. Л. 4.

[48] Там же. Оп. 1. Д. 194.

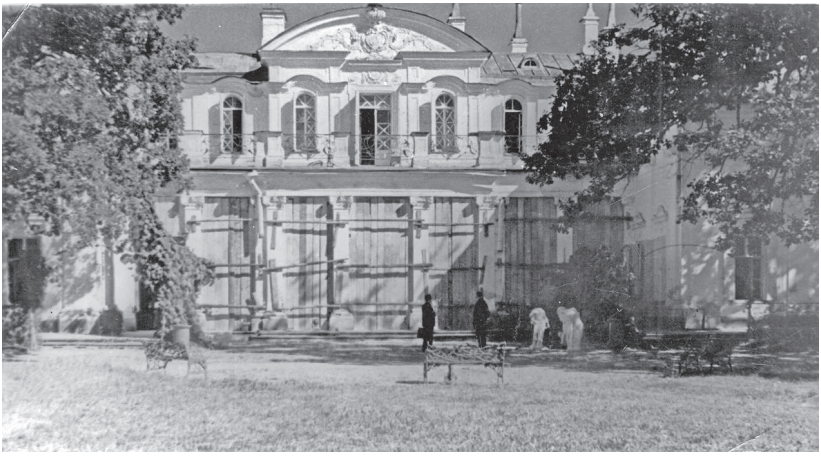
[49] Планы и отчеты о работе ЦХ музейных фондов в 1947 году // ЦГАЛИ. Ф. 468. Оп. 1. Д. 86. Л. 21.

[50] Ораниенбаумский дворец-музей и парки. Акт об ущербе, причиненном за время войны и блокады. 1944 // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 5. Д. 66.

расходы на эвакуацию и реэвакуацию составили 376 800 рублей, причем реэвакуация должна была превысить расходы в три раза по сравнению с эвакуацией, так как требовала значительных затрат по подготовке ценностей к новой перевозке, научно-исследовательской работе перед реставрационными работами, реставрации и монтажу экспонатов на месте.

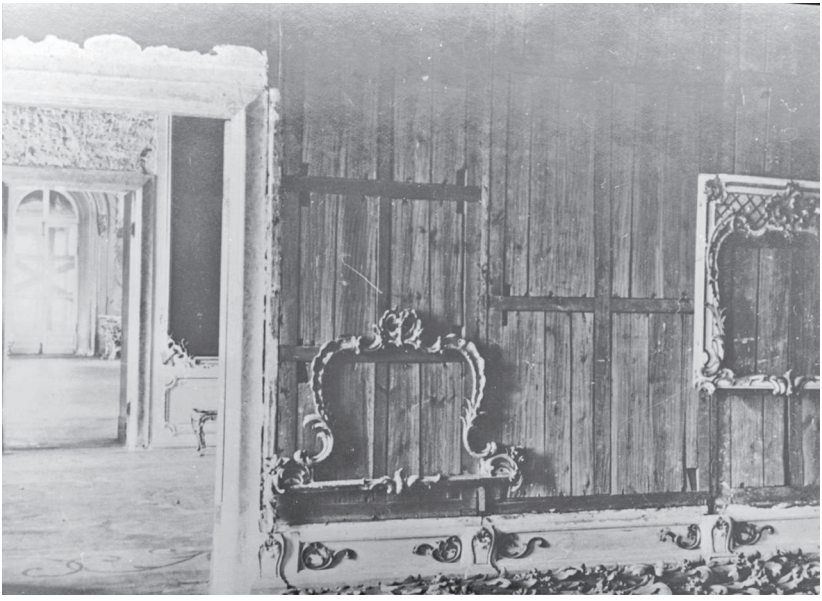
В обширной историографии, посвященной Великой Отечественной войне, теме защиты культурных ценностей отводится особое место. Возвращаясь вновь и вновь к исследуемой теме, современники дополняют летопись военных событий и плеяду имен музейных сотрудников, внесших большой вклад в дело спасения культурного наследия, отдавая дань памяти самоотверженному труду, стойкости духа и несгибаемой воле.

Северный фасад Китайского дворца. 1930-е годы.
Архив ГМЗ «Петергоф»



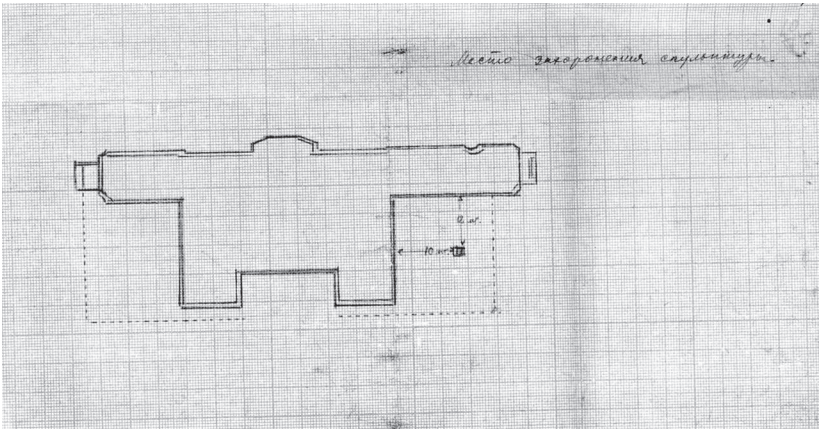
Южный фасад Китайского дворца. 1945 год.
Архив ГМЗ «Петергоф»

Стеклярусный кабинет Китайского дворца. 1946 год.
Архив ГМЗ «Петергоф»



Большой зал Китайского дворца. 1946 год.
Архив ГМЗ «Петергоф»

Упаковка фарфора к эвакуации старшим научным сотрудником З.Л. Эльзенгр и комендантом Н.М. Михайловым. Август — сентябрь 1941 года. Архив ГМЗ «Петергоф»



План захоронения скульптуры. [1941] год.
Архив ГМЗ «Петергоф»

Западный ризалит Китайского дворца. Разрушения. 1946 год.
Архив ГМЗ «Петергоф»

Н.М. Михайлов и работницы извлекают из захоронения скульптуру «Лукреция».
Июнь 1946 года. Архив ГМЗ «Петергоф»

Главный хранитель З.М. Скобликова (справа)
и подсобная рабочая Смирнова (слева)
за промывкой мраморной скульптуры на террасе Китайского дворца.
1947 год. Архив ГМЗ «Петергоф»

Сотрудники музея осматривают реэвакуированные экспонаты: фрагмент атласного панно Китайской опочивальни Китайского дворца и мундир Петра III (справа — главный хранитель З. М. Скобликова). 1945–1946 годы. Архив ГМЗ «Петергоф»

З.Л. Эльзенгр и Н.М. Михайлов за распаковкой музейных предметов. Июнь 1946 года. Архив ГМЗ «Петергоф»

Юлия Ифтодий

СОХРАНЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

По материалам дневника В.А. Ермолова

Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг
перед самими собой и перед потомками.
Д.С. Лихачев[1]

Музеи играют важную роль в сохранении исторической памяти: они занимаются «собиранием, изучением, хранением и экспонированием предметов — памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью»[2].

Среди множества музеев Москвы важное место занимает Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ; ныне Бахрушинский музей). Он находится на улице, носящей имя его создателя. Здесь хранятся уникальные театральные реликвии, собранные Алексеем Александровичем Бахрушиным. Датой основания музея считается 29 октября 1894 года, когда собрание было представлено на обозрение театральной общественности Москвы. С течением времени у Бахрушина возник замысел принести свою коллекцию «в дар будущему музею или общественному учреждению»[3]. В прошении президенту Академии наук в 1909 году Алексей Александрович писал: «…такое собрание, какое представляет… мой Литературно-театральный музей, должно служить научным пособием для лиц, занимающихся историей литературы вообще и историей театра в частности, а также оно должно быть доступным всему русскому образованному обществу…»[4]

---

[1] *Лихачев Д.С.* Письма о добром. СПб., 2007. С. 211.

[2] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 361.

[3] *Нащокина М.В.* А.А. Бахрушин — коллекционер и владелец особняка // Алексей Бахрушин. Великое дело созидания. К истории «Версаля на Зацепе». М., 2013. С. 12.

[4] *Филиппов В.А., Медведев Б.Л.* Театральный музей имени А.А. Бахрушина. М., 1955. С. 12.

25 ноября 1913 года состоялась торжественная передача музея в ведение Императорской Санкт-Петербургской Академии наук[5]. В составе коллекции хранились «…рукописи, редкие издания пьес А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, сочинения по истории театра, театральные альманахи, журналы, сборники, а также письма, записные книжки и дневники известных деятелей отечественной культуры… эскизы декораций, в том числе работы К.А. Коровина и А.Я. Головина… афиши и программы, рисунки, гравюры, литографии, портреты и скульптурные изображения актеров и драматургов, большая коллекция фотографий и… уникальное собрание зрительских трубочек и театральных биноклей»[6]. В музее также были представлены личные вещи В.Н. Асенковой, А.П. Ленского, К.А. Варламова, М.С. Щепкина, В.Ф. Комиссаржевской, коллекция балетных туфелек, юбилейные венки, поздравительные ленты, адреса, музыкальные инструменты разных стран и народов. По мнению Алексея Александровича, наиболее интересные и ценные — «22 портрета актеров Шереметевского театра работы французской художницы Марианны Кирцингер; портрет П.С. Мочалова кисти И. Крамского; грамота на дворянство, жалованная Екатериной Великой первому русскому актеру Федору Волкову; экземпляр пьесы «Гамлет» А.П. Сумарокова с автографом Ф. Волкова; портрет А.С. Пушкина работы К. Мозера, висевший в его кабинете; Архив опеки над детьми и имуществом А.С. Пушкина; афиша театрализованного маскарада в день коронации Екатерины Великой; портрет с обезьянкой юного Мариуса Петипа; статуэтка Сары Бернар; бюст Томмазо Сальвини, отлив руки Яна Кубелика»[7].

В жизни Бахрушинского музея было немало ярких, светлых страниц, а также страниц трагических, связанных с различными историческими процессами, происходившими в стране и мире. Один из тяжелых периодов — годы Великой Отечественной войны, когда музей мог потерять и здание, и коллекции, и сотрудников.

22 июня 1941 года у музея, как и у всей страны, началась новая жизнь: на сотрудников легла ответственность за спасение и сохранение коллекций музея. Заведующий отделом учета и хранения Вениа-

[5] *Сочинская Н.И.* На пользу России // Алексей Бахрушин. Великое дело созидания. К истории «Версаля на Зацепе». С. 94.

[6] *Нащокина М.В.* А.А. Бахрушин — коллекционер и владелец особняка. С. 28.

[7] *Сочинская Н.И.* На пользу России. С. 110.

мин Алексеевич Ермолов в «Дневнике работ»[8] писал: «Нормальная работа, предусмотренная годовым планом, прекратилась. Часы занятий нарушены, т. к. введено круглосуточное дежурство всех сотрудников, несущих к тому же обязанности пожарных, для чего были проведены специальные занятия». Музей находится в непосредственной близости к стратегическому объекту — Павелецкому железнодорожному вокзалу. Как упоминала в своем отчетном докладе 1946 года директор музея Евгения Михайловна Колосова: «Первые же налеты вражеских самолетов подвергли Музей большой опасности: горел Зацепский рынок, а вместе с ним начался пожар Музея. Силами сотрудников Музей был спасен»[9].

В связи с быстрым продвижением вражеских войск в глубь страны в музее возникла необходимость свертывания экспозиции и подготовки экспонатов к упаковке в ящики для сохранения и эвакуации. «С 12-го июля приступили 2мя бригадами к постройке ящиков и укладки в них особо-ценных материалов, главным образом декорационную живопись с установкой, в законченном 15/VII, бомбо-убежище… Начиная с 15 июля по 14 августа было уложено и упаковано 67 ящиков с составлением поящичных описей в 2-х экземплярах…» — писал в дневнике В.А. Ермолов[10].

С 20 июля ГЦТМ закрывается для посетителей и «переводится в состояние консервации»[11] в соответствии с распоряжением по музею. По приказу Главного управления театров с 20 июля «штат сотрудников, за исключением охраны, сокращается». Остаются работать в музее семь человек (главный бухгалтер, двое пожарных, заведующий отделом учета, заведующий библиотекой, дворник, плотник) и директор.

В связи с обострившейся обстановкой на фронте в первой половине августа по приказу Совета Наркомпроса РСФСР все музеи, в том числе и Театральный музей имени А.А. Бахрушина, начали подготовку к эвакуации. 15 и 16 августа «на основании постановления Совнаркома СССР

---

[8] Дневник работ В.А. Ермолова (2 января 1941 — 15 июня 1943) // Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Архивно-рукописный отдел (АРО). Ф. 715. Оп. 2. Ед. хр. 408. КП 333749/24. Орфография и пунктуация автора сохранены.

[9] *Колосова Е.М.* Отчетный доклад о работе ГЦТМ имени А.А. Бахрушина в 1940–1946 годах // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 1. КП 334745/30. Л. 3.

[10] Дневник работ В.А. Ермолова (2 января 1941 — 15 июня 1943).

[11] Книга распоряжений по ГЦТМ имени А.А. Бахрушина (с января 1940 года по 24 июня 1946 года) // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 1. КП 324778.

и словесного распоряжения Комитета п/д искусств… из числа уложенных были эвакуированы»[12] в г. Соликамск 44 ящика. Из отчета В.А. Ермолова от 28 мая 1946 года известно, что были эвакуированы 540 экспонатов декорационной живописи, 288 — иконографической живописи и скульптуры, 19 предметов мемориально-вещевого фонда, 753 папки рукописных материалов, 117 папок с фотоматериалами[13]. Среди вывозимых ценностей — портреты В.А. Каратыгина, М.Н. Ермоловой, П. Жемчуговой, П.А. Стрепетовой, А.П. Ленского, В.Ф. Комиссаржевской и других; декорационная живопись А.А. Головина, К.А. Коровина, Н.К. Рериха, Н.А. Бенуа, К.Ф. Юона, Ф.Ф. Федоровского и других; архивы М.В. Лентовского, М.И. Петипа, П.С. Мочалова, М.П. Садовского, Ф.А. Кони, М.Н. Ермоловой и других.

Поскольку подготовка к эвакуации происходила в сжатые сроки, не было выделено необходимых материалов (теса, гвоздей, бруса) и средств для изготовления ящиков. Приходилось «упаковываться в подручный материал, т. е. в… фанеру, оставшуюся от разборки подмакетников при свертывании экспозиции верхнего этажа»[14]. Также необходимо было в минимальное количество ящиков упаковать как можно больше экспонатов. Размеры самодельных ящиков не соответствовали стандартам, и приходилось кроме оклейки стекла бумажными и матерчатыми полосками перекладывать предметы «частично листами бумаги, а в большей своей части бумажными валиками, с заполнением бумажными комьями всех пустот»[15]. В ящики складывались экспонаты разного формата, для обеспечения неподвижности которых не были предусмотрены крепления. Это и стало одной из причин повреждений предметов при перевозке. Кроме того, фанера, как непрочный материал для транспортировки тяжелых грузов, могла дать перекос и привести к бою стекла и повреждению ценностей.

Из Москвы экспонаты была отправлены в эшелоне с военной охраной. «Пути следования были засекречены, детали транспортировки известны только ограниченному числу ответственных лиц. Прибыли по железной дороге в Горький, а затем на барже № 3805

[12] Дневник работ В.А. Ермолова (2 января 1941 — 15 июня 1943).

[13] *Ермолов В.А.* Отчет о хранении музейных предметов с 1941 по 1945 год // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 2. Ед. хр. 415. КП 333257/87.

[14] *Ермолов В.А.* Докладная записка в дирекцию музея об эвакуации фондов музея из Москвы // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 2. Ед. хр. 406. КП 333749/64.

[15] Там же.

перебазировались в Пермь»[16], где часть художественных ценностей в ящиках выгрузили, а другую часть отправили в Соликамск. Это были коллекции Государственного музея восточных культур, Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Загорского музея-заповедника, Государственного Русского музея, Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина, Государственного музея керамики «Усадьба Кусково XVIII века», музея-мастерской скульптора А.С. Голубкиной, Государственного литературного музея Наркомпроса и других.

Предвидя возможность повреждений предметов при транспортировке, 4 июля 1942 года заместитель директора ГЦТМ Юрий Иванович Прибыльский обратился в письме к и. о. директора Государственного Русского музея Петру Казимировичу Балтуну, находящемуся в тот момент в Соликамске, с просьбой вскрыть эвакуированные ящики для освидетельствования «сохранности находящихся в них экспонатов»[17] и при необходимости отреставрировать их за определенную плату.

В докладной записке В.А. Ермолова от 4 января 1943 года сообщается о том, что «из числа эвакуированных ящиков на месте эвакуации было вскрыто 12 ящиков, дававших звон стекла, и 3 ящика с поврежденной тарой (2 с пробоинами и 1 разбит при выгрузке на месте эвакуации)»[18], подтверждением чего являются акты[19], составленные в Соликамске. При осмотре обнаружилось, что частичные повреждения от разбитых стекол получили семь предметов живописи.

Как говорилось выше, эвакуировано было только 44 ящика из 122-х упакованных в 1941 году. Всё остальное предстояло на месте уберечь от пожаров, бомбежек, разграбления и порчи.

Работа музея и подготовка экспонатов к эвакуации и спасению в первые месяцы войны осложнялась тем, что здание ГЦТМ, как

---

[16] *Пономаренко В.П.* Эвакуация музеев в Соликамск / Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий: сборник. Екатеринбург, 2016. С. 195.

[17] *Прибыльский Ю.И.* Письмо к Балтуну П.К. в Соликамский музей с просьбой проверить сохранность экспонатов, принадлежащих ГЦТМ // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 2. Ед. хр. 395. КП 333257/85.

[18] *Ермолов В.А.* Докладная записка в дирекцию музея об эвакуации фондов музея из Москвы // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 2. Ед. хр. 406. КП 333749/64.

[19] Акты эвакуации экспонатов музея 1942–1944 годов // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 3. КП 334975.

и многие другие учреждения, было отдано на нужды города: в верхних этажах здания разместились милиция и пожарные, что нанесло музею немалый ущерб. Об этом с горечью писал Ермолов: «При освобождении помещения в течении 6 дней… материал переносился кое как, часть макетов спускалась милицией через окна, всё оборудование верхних зал… являвшееся в тоже время и хранилищами, поломано и выброшено во двор (большая часть этого материала пошла на ящики). Кроме того НКВД — сломаны и выброшены во двор антресоли кабинета [А.А. Бахрушина] работы худ.-архит. Султанова. Многие экспонаты за это время сильно пострадали, особенно макеты»[20].

В связи с начавшимся в конце сентября наступлением вражеской армии на московском направлении участились налеты и бомбежки, в результате которых не избежал повреждений и дом Бахрушина. Так, «28/X в 18[50] и в 20 ч. 30 м. вновь упали 2 фугасные бомбы — одна в соседнем доме по Лужнецкой, другая около вокзала. Зашитые щитами окна второго и перваго этажа открылись (часть со стороны сада, часть во дворе и выходящие на Лужнецкую). В 7-м зале поломаны 2 дубовые оконные рамы, в 10м зале обвалился потолок (частично), в Зимнем саду обвалилась вся штукатурка потолка, вылетели окна. В бомбоубежище отошел засыпанный землей и притертый бревном щит и разбито 2 зеркальных стекла, то же и в вестибюле. Побиты все стекла библиотеки. Последующие дни 29, 30, 31/X и 1/XI опять весь коллектив работал по уборке аварии и засыпке землей окон 1-го этажа»[21].

В сложное военное время сотрудники ГЦТМ продолжали, невзирая на опасность, на помехи в работе, на свою малочисленность (хотя вернулись на договорной основе несколько научных сотрудников-женщин), служить делу сохранения самого музея и его уникальной коллекции: несли круглосуточное дежурство, упаковывали экспонаты для перенесения в убежище и для последующей возможной эвакуации. В зимне-весенний период 1941–1942 годов сотрудникам музея приходилось работать в условиях отсутствия электричества и тепла. Вот несколько дневниковых записей: «С отоплением в феврале так же отвратительно весь месяц нет угля. Сожгли 2 дерева со двора, настил пола на чердаке и часть старого оборудования (подставки под витрины, тумбы и др.). Надежды на получение угля почти ник[а]кой… t° музея maximum + 10 ºС. Мы накануне спуска воды из отопительной системы». В мае же «из за

[20] Дневник работ В.А. Ермолова (2 января 1941 — 15 июня 1943).

[21] Там же.

прекращения топки и невозможности держать всё время открытые окна (кстати большие частью разбитые и забитые) холод и сырость в музее таковы, что сотрудники работают в шубах и выходят греться на двор». И только в июле «t° и влажность в залах музея… приблизилась к норме, но из за сырого лета окончательной просушки здания до сих пор осуществить не удалось»[22]. Экспонаты приходилось сберегать, несмотря на невозможность соблюдения температурно-влажностного режима.

Сотрудники музея понимали, что нельзя ограничиваться спасением имеющихся музейных ценностей, необходимо сохранить информацию о деятельности театральной общественности в настоящие дни, в дни Великой Отечественной войны. Накануне 1943 года в «Новогоднем пожелании ГЦТМ»[23] научный сотрудник рукописного отдела Елена Владимировна Филиппова обратилась к своим коллегам: «Будем подлинными, неутомимыми энтузиастами в деле собирания материалов, освещающих деятельность театров и бригад в военное время… От нас зависит, чтобы документы, освещающие эпоху Великой Отечественной войны, не распылились, как это случилось с большинством материалов периода гражданской войны. Не лишим же музей из-за нашей беспечности того золотого запаса, который будет необходим как нам, так и нашим потомкам».

В дневнике В.А. Ермолова есть запись: «За период с 1-го по 15ое [января 1942]… Колосова привлекла сотрудников моего отдела к работе по сбору материала театральных бригад работающих на фронте»[24]. Именно в эти дни было положено начало архивному фонду «Собрание материалов фронтовых театров и фронтовых бригад в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)», ныне хранящемуся в архивно-рукописном отделе ГЦТМ и состоящему уже из более 1 300 единиц хранения. Это и списки составов бригад, репертуары, программы и афиши спектаклей и концертов, отчеты о поездках на фронт, отзывы и благодарности фронтовым бригадам, письма бойцов и командиров артистам, печатные издания. Особое место в фонде занимают дневники и записи бесед сотрудников музея с деятелями культуры, дающие наиболее полное представление о работе фронтовых бригад и театров различных городов и союзных республик.

---

[22] Дневник работ В.А. Ермолова (2 января 1941 — 15 июня 1943).

[23] *Филиппова Е.В.* Мое новогоднее пожелание ГЦТМ. Текст [выступления на новогоднем вечере в музее]. Черновик // ГЦТМ. АРО. Ф. 792. Оп. 1. Ед. хр. 14. КП 335617/1.

[24] Дневник работ В.А. Ермолова (2 января 1941 — 15 июня 1943).

С середины 1943 года, когда угроза захвата Москвы миновала, работа музея и его сотрудников постепенно начала входить в привычный ритм. Распоряжением от 17 июня 1943 года была создана комиссия из сотрудников музея «с правом привлекать необходимых экспертов и свидетелей для определения ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Госуд. Центральному Театр. Музею им. А. Бахрушина»[25]. Сотрудники ГЦТМ приступили к проверке сохранности предметов из вскрытых ящиков, остававшихся в Москве, к проведению сверки, восстановлению экспозиции. Оказалось, что «всё уложенное имущество, как по наличию, так и в части физической сохранности — находилось в вполне удовлетворительном состоянии»[26].

Все эвакуированные ящики с экспонатами были возвращены в Москву к ноябрю 1944 года. И только «3 марта 1945 года музей приступил к постепенному вскрытию реэвакуированных ящиков с детальной проверкой наличия и физической сохранности экспонатов»[27]. «На 5 декабря 1945 года было вскрыто, проверено и разложено по основным местам хранения имущество 28 ящиков — декорационной живописи, иконографии и фото материала… По сличению же всех ведомостей поящичной укладки оказалось, что всё эвакуированное имущество в части декорационной и иконографической живописи и фото вернулось полностью»[28].

В июле 1945 года начался ремонт здания музея, пострадавшего от бомбежек 1941 года. К декабрю был восстановлен верхний этаж.

И уже в январе 1946 года музей вновь открыл свои двери для посетителей и исследователей.

Такие люди, как Е.М. Колосова, В.А. Ермолов, Ю.И. Прибыльский, Е.В. Филиппова и другие немногочисленные сотрудники музея военного времени, понимали важность сохранения для будущих поколений страниц летописи музея, неразрывно связанной с историей нашего города и нашей страны. Благодаря их самоотверженному труду были спасены многие культурные и исторические памятники.

---

[25] Книга распоряжений по ГЦТМ имени А.А. Бахрушина (с января 1940 года по 24 июня 1946 года) // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 1. КП 324778.

[26] *Ермолов В.А.* Отчет о хранении музейных предметов с 1941 по 1945 год // ГЦТМ. АРО. Ф. 715. Оп. 2. Ед. хр. 415. КП 333257/87.

[27] Там же.

[28] Там же.

Александр Кондратеня

НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИВАНОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАРОДНО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ГОРОДА ОПОЧКИ, УЧАСТНИК СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

К 120-летию со дня рождения

Николай Георгиевич Иванов родился 4 декабря 1903 года в семье крестьянина-середняка деревни Пурышево Опочецкого уезда Псковской губернии[1]. Отец Николая вместе с одним из братьев занимались отходничеством. Получили специальности печника, каменщика, маляра, штукатура. Весь строительный сезон, с ранней весны и до поздней осени, они работали в имениях Яновичей: Петровское, Гребени, Наумово. Отец Николая подбирал работников для строительной артели и руководил их работами. В 1913–1914 годах ремонтировали они главный дом XVIII века постройки Яновичей в Петровском, рядом с Опочкой. Дом начал давать осадку. Образовались трещины, которые шли через все этажи. Ремонт произведен был успешно[2].

С 1910 по 1914 год Николай Георгиевич обучался в Емельянцевской школе Опочецкого уезда. В 1914 году поступил в Опочецкое высшее начальное училище. В 1918 году оно было реорганизовано в школу второй ступени, которую Николай Иванов окончил в 1921 году.

Летом 1921 года служил добровольцем в 6-м Военно-спортивном отряде, откуда по окончании строительного сезона был командирован в путейский институт, но из-за отсутствия средств для жизни через два месяца был вынужден покинуть его.

---

[1] «98 м. п. Родился 4, а крестили 7 декабря 1903 года Николая. Родители: Опочецкого уезда Петровской волости деревни Пурышева запасной рядовой Георгий Иоаннов и законная его жена по 1 браку Наталья Сергеева, оба православные. Восприемники: той же деревни крестьянин Никита Феодоров и деревни Серова крестьянина Михаила Феодорова жена Дарья Иоаннова. Таинство крещения совершал протоиерей Яков Беллавин с псаломщиком Николаем Великотным» // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 22. Д. 1474. Метрическая книга Спасо-Преображенского собора за 1903 год. Л. 53 об., 54.

[2] *Русаков В.М.* И путешествие в Опочку… Псков ; Опочка, 2000.

По возвращении в Опочку с 1921 по 1923 год экстерном окончил Опочецкий электромеханический техникум. В качестве техника работал при общем отделе Опочецкого уездного исполкома одно только лето. В 1923 году женился и вместе с женою получил двухкомплектную школу[3]. Жена Николая Георгиевича — Мария Петровна, урожденная Лепешкина, была родом из деревни Балаши Опочецкого уезда. Ее отец, Петр Николаевич Лепешкин, помимо земледелия до 1917 года занимался извозом: возил на своем жеребце в Псков, Санкт-Петербург пеньку, льняное полотно, мед и воск. С 1912 по 1925 год был смотрителем моста через реку Великую в Опочке, в последующие годы дворником в школах, где работала его дочь Мария[4].

В 1924 году Н.Г. Иванову дали заведование уже четырехкомплектной Веснебологской райшколой, которую позднее преобразовали в неполную среднюю школу. Летом 1930 года при Псковском окроно он оканчивает курсы по подготовке учителей для школ колхозной молодежи (ШКМ). Как успешно окончивший физико-математическое отделение курсов был направлен на работу с 1 августа 1930 года в Опочку.

В Опочке при вновь сформированном педтехникуме Н.Г. Иванова как имеющего специальное техническое образование загрузили уроками по труду. Кроме того, выдвинули на работу в качестве помощника директора по хозяйственной части (от которой он впоследствии был по собственному желанию освобожден). В 1932 году Н.Г. Иванову дали дополнительно к труду физику в подгруппах на младших курсах. С ликвидацией подгрупп дали, как хорошо знакомому с начальной школой, руководить педпрактикой. С 1934 по 1939 год работал помощником директора педучилища по заочному обучению и преподавателем математики и методики.

Эта работа не давала возможности использовать большинство выходных дней и большую часть летних каникул. Чтобы окончательно не подорвать здоровье (язва желудка), с этой работы в педучилище Н.Г. Иванов вынужден был уйти. С 1 сентября 1939 года окроно назначил его завучем в среднюю школу № 4, а с 10 января 1940 года — директором средней школы № 3.

---

[3] Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. Р-5975. Оп. 2. Д. 612. Личное дело Иванова Н.Г. 1940 год.

[4] *Иванов А.Н.* О родине, о близких, о себе // Красный маяк. № 60 (11765). 26.07.2006.

В 1932 году Н.Г. Иванов поступил на заочное обучение в Герценовский, а в 1936 году в Калининский пединститут, но вследствие болезни выезжать не мог и механически из заочников выбыл[5].

В начале Великой Отечественной войны в 1941 году был призван в армию и занимался проведением мобилизации военнообязанных возрастов. 5 июля 1941 года с семьей отправился на восток, в пути присоединился к колхозникам опочецких хозяйств «Марат» и «Вперед» — помогал им гнать скот до Осташкова. Вот как об этом вспоминал его сын Аркадий Николаевич Иванов: «В первый же день войны фашисты бомбили Опочецкий железнодорожный вокзал и железную дорогу Ленинград — Одесса. Мы, мальчишки, бегали днем к месту бомбежки и собирали осколки от разорвавшихся бомб. Уже 4 июля мы слышали приближение фронта. Все дороги были забиты беженцами, двигавшимися на восток, и войсками, идущими на запад. Колхозы гнали скот, чтобы не достался врагу. Наша семья покинула город 5 июля. Отходили мы вместе с колхозом «Марат». На переправе через реку Кудку попали под бомбежку. Несколько фашистских самолетов сделали четыре или пять заходов на переправлявшихся мирных жителей и большое стадо коров, превратив их в сплошное месиво. У отца была подробная карта местности, и после той бомбежки, ставшей нашим крещением, он выбирал дороги в стороне от главной, идущей на Новоржев и Холм. По основной дороге немцы нас иногда опережали в движении на восток. Мы же обходными путями отходили от них»[6].

Потом Николай Георгиевич вместе с семьей добрался до Калинина, оттуда на пароходе — до Уфы. В министерстве по народному образованию Башкирской АССР получил назначение на работу в Белебеевский район, село Шаровка. Жена стала работать директором школы, а Николай Георгиевич — преподавать математику.

Так как Н.Г. Иванов был признан нестроевым, то его назначили сначала в местный батальон по охране армейского склада. В мае 1942 года там формировалась 124-я особая группа, которая входила в 62-ю армию под командованием В.И. Чуйкова. Как коммунист из нестроевых Н.Г. Иванов попал в строевые и был зачислен в 4-й отдельный батальон. В звании замполита он отвечал за связь в батальоне.

---

[5] ОДНИЛС ГАПО. Ф. Р-5975. Оп. 2. Д. 612. Личное дело Иванова Н.Г. 1940 год.

[6] *Иванов А.Н.* О родине, о близких, о себе // Красный маяк. № 62 (11767). 2.08.2006.

Снаряжалась, вооружалась и обучалась бригада основательно. Она готовилась для обороны Москвы на дальних подступах. 16 августа 1942 года бригада начала погрузку на поезда и выехала на фронт. В то время врагу удалось прорвать наш фронт на узком участке в районе Харькова.

Н.Г. Иванову довелось принимать участие и в Сталинградской битве. Вот как он это вспоминал:

«Тогда мы не знали стратегического плана фашистов — выйти к Волге, перерезать магистраль, подняться вверх, отрезать Урал и через Горьковскую область зайти с тыла к Москве. План врага был разгадан нашим Верховным командованием, был отдан приказ: «Ни шагу назад, стоять насмерть». Да сколько же можно отступать, говорили все воины, когда враг подошел уже вплотную к Волге.

Ехали больше в ночное время, часто дневали в лесах. 24 августа мы вышли на левый берег Волги — напротив Сталинграда. Город горел после массированной бомбежки. Через Волгу мы видели танковый подступ к Сталинграду в районе тракторного завода, который уже выпускал танки. Как я позднее узнал, наша часть первой на рассвете 26 августа переправилась на баржах в Сталинград. Еще дымились пожарища, не были убраны убитые мирные жители.

До этого сдерживали рвавшегося к Волге врага рабочие Сталинградского танкового завода, которые сели на ими же выпущенные танки. Наша часть сменила рабочих. Враг уже подходил к тракторному заводу, 26 августа сходу наша часть вышибла противника из соседнего села Спартановка, перешла железную дорогу, которая вела к паромной переправе, и укрепилась за ней на высоте.

В центре Сталинграда есть возвышенность — холм высотою в 102 метра, который называется Мамаевым курганом. Кто этой высотой владел, тот вел прицельный огонь по любому району города. Тогда Сталинград имел протяженность вдоль Волги около 30 километров (теперь город вырос до 70 километров). Около двух месяцев мне довелось воевать в Сталинграде. На всем протяжении этого времени велись бои за овладение Мамаевым курганом. В битву за курган собирали от батальонов по роте. В атаку шло много рот, а живых оставалось мало. Так, вскоре мы потеряли полностью 3-ю роту.

В 1975 году, когда отмечалось 30-летие Победы над фашистской Германией, я был приглашен на встречу с однополчанами в Волгоград. Из бригады собралось нас около 350 человек. Из нашего батальона

из 1 500 человек собралось на встречу 18 человек, в том числе комиссар батальона Н.Л. Волошин, начальник штаба батальона Ф.Д. Сумин. Ознакомились с восстановленным Волгоградом и новым городом Волжский. С учащимися школ побывали на местах боев, делились воспоминаниями, ознакомились с комплексом, увековечившим память о Сталинградской битве, на Мамаевом кургане. Там много интересного; характерной является стена из бетона метров 25 длиной, на которой золотом написано: «Железный ветер бил им в лицо, а они всё шли, внушая ужас фашистским суеверам…» До 13 тысяч воинов погибло за Мамаев курган, и все они похоронены вокруг величайшей скульптуры — женщины с мечом высотой свыше 80 метров, олицетворяющей карающую Родину-мать.

Я остался живым свидетелем того, как целиком погибли в течение одного дня две другие роты (1-я и 2-я) нашего батальона в сентябре 1942 года. Они сражались до конца, враг понес тяжелые потери в технике и живой силе. Ценою больших потерь наши войска перемололи отборные фашистские армии, оснащенные передовой техникой и рвавшиеся к Волге для выполнения своего стратегического плана. Вместо погибшей 3-й роты на Мамаевом кургане оборону на высоте, которую заняли 26 августа за Спартановкой в районе тракторного завода, держал взвод, сформированный из остатков, численностью до 20 человек. В их числе был и я. К 8 октября противнику удалось узнать, сколько нас против него, и он попытался нас раздавить. Мы были готовы к этой встрече. В этом бою мы подбили два танка, уничтожили свыше двух взводов живой силы, дали столько огня, что противник убедился в нашем превосходстве. 21 октября я был ранен и выбыл из части в армейский госпиталь. Находясь в госпитале, узнал, что к началу февраля 1943 года была разгромлена 330-тысячная армия противника во главе с фельдмаршалом Паулюсом»[7].

После лечения Н.Г. Иванов был комиссован и как нестроевой работал в АПЧ 4184 замполитом отдела легкораненых (до 1 500 человек). Летом 1943 года госпиталь передислоцировался вслед за фронтом — вначале к Харькову, а потом в Ворошиловградскую область. Раненых не поступало, политработников и других младших командиров направили молотить хлеб урожая 1944 года для армии.

Н.Г. Иванов был старшим группы в Ровеньковском районе Ворошиловградской области. Зерно отвозили на мельницу, муку — в ар-

[7] Воспоминания Н.Г. Иванова. Волгоградский музей обороны.

мию. Там Николай Георгиевич заболел. Его отправили в город Россошь во фронтовой госпиталь, из которого затем демобилизовали.

За Сталинградскую битву Н.Г. Иванов получил медали: «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». Был представлен к награждению орденом Красной Звезды, но комбат оказался «самострелом» — его судили, и представление порвали.

После демобилизации Николай Георгиевич работал учителем математики в Шаровской средней школе Башкирской АССР, где жила его эвакуированная семья.

В 1944 году Опочка была освобождена от фашистской оккупации, и Н.Г. Иванова и его жену Калининский областной отдел народного образования вызвал для работы в Опочке. В начале сентября 1944 года Ивановы вернулись в родной город. Жена получила назначение директором средней школы № 4, а Н.Г. Иванов — заведующим Опочецким роно. С 1944 по 1947 год восстанавливалась школьная сеть в районе: строились новые школы, ремонтировались разрушенные, образовательные учреждения оборудовались инвентарем, учебниками, наглядными пособиями, укомплектовывался штат. Впоследствии Н.Г. Иванов решением бюро райкома КПСС был переведен в аппарат райкома КПСС как член бюро райкома КПСС и заведующий отделом пропаганды и агитации.

С 1949 года он вернулся на педагогическую работу — учителем математики 5–8 классов в среднюю школу № 4. В 1952 году его перевели в среднюю школу № 5. А в 1957-м, после сокращения школы № 5, — в среднюю школу № 2. Там Николай Георгиевич преподавал труд и был завучем по производственному обучению[8].

В 1961 году, работая в школе № 2, Н.Г. Иванов активно участвовал в организации в Опочке народно-краеведческого музея, вошел в состав Совета музея в 1961 году, а с 1968 по 1982 год работал в музее директором на общественных началах. В 1976 году был составлен план переоборудования музея по типу Псковского исторического. Для переоборудования были приглашены специалисты из Пскова, художники-оформители И.Н. Герасимов и Н.И. Родихин. Музей переоборудовался на научной основе, по-современному. В январе 1977 года обновленный музей был открыт на прежнем месте — в помещении Дома культуры. В середине 1978 года был закончен Всероссийский смотр памятников истории и культуры советского общества. Оргкомитет

[8] *Кондратеня А.В.* Опочецкий краеведческий музей. 50 лет. Опочка, 2011 (самиздат).

Заседание актива музея. Н.Г. Иванов в центре. 1970-е годы.
Из фондов Опочецкого музея

Министерства культуры РСФСР и Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры подвели итоги. Среди активных участников большой памятной медалью и дипломом был награжден и Опочецкий народный музей. Приказом Министерства культуры РСФСР № 758 от 23.12.1980г. Опочецкому районному краеведческому музею было выдано свидетельство о присвоении ему почетного звания «Народный музей»[9].

На протяжении 1970-х годов в местной газете «Красный маяк» печатались статьи Н.Г. Иванова, например, «Урок истории» (17.04.1970, об уничтожении еврейского населения города Опочки в 1942 году), ряд статей о краеведческом музее: «Десять лет на общественных началах» (25.02.1971), «Наш народно-краеведческий музей» (10.02.1979), «По залам народно-краеведческого музея» (13.02.1979), «На общественных началах» (12.02.1981), а также статьи об Опочецком педагогическом училище (5.04, 10.04, 24.04, 13.05.1980, об истории и судьбах преподавателей), об истории города Опочки и уезда: «Живая история» (28.11.1974, о трех городищах района — горе Коновалихе, Удрихе и городище рядом с деревней Зуйково); «Развитие капитализма в Опочке и уезде» (3.03.1979); «Революционное движение в Опочецком уезде»

[9] *Кондратеня А.В.* Опочецкий краеведческий музей. 50 лет.

Н.Г. Иванов — экскурсовод. 1970-е годы.
Из фондов Опочецкого музея

(3.04.1979); «Ростовщичество и кулачество» (7.04.1979); «Становление советской власти в Опочке и уезде» (8.05.1979); «Пушкин и Опочка» (16.06.1979); «Опочка — губернский центр» (17.02.1979); «Хранилище ценностей» (30.01.1979, о газетах, выходящих в Опочке с 1918 по 1941 год).

Н.Г. Иванов награжден также орденом Отечественной войны I степени (1985), ленинской юбилейной медалью, знаком «50 лет пребывания в КПСС»[10].

Умер в 1993 году, похоронен на Покровском кладбище города Опочки Псковской области.

Старший сын Николая Георгиевича Иванова — Аркадий родился 26 декабря 1926 года в Опочке. В 1951 году окончил Псковский

[10] Архивный отдел администрации Опочецкого района. Ф. 100. Оп. 1. Д. 187. Пенсионное дело Иванова Н.Г.

В музее. Артистка Вера Николаевна Кудрявцева-Лемешева посетила родной город. 1980 год. Из фондов Опочецкого музея

педагогический институт. Обучался на историческом факультете. С 1952 по 1982 год нес службу на Военно-морском флоте. В 1954 году — заместитель командира гидрографического судна «Ульяна Громова». С 1955-го — 173-я бригада эскадренных миноносцев, которая работала у Командорских островов, задерживала японские шхуны, нарушавшие границу. Попутно были подняты со дна пушки со шлюпа «Петр», которым командовал Витус Беринг. С 1952 по 1964 год — на Понтийской военно-морской базе в Черном море. В 1970 году на эскадренном миноносце «Бесследный» в рамках учений «Океан» совершил переход в северную часть Индийского океана в район Персидского залива. Далее руководил строительством военных укреплений в Бербере (Сомали). В 1979 году в Ханое (Вьетнам) во время войны между Китаем и Вьетнамом был заместителем старшего военного советника по политической

части. По окончании войны занял пост начальника Тихоокеанского направления Воздушного командования пунктов ВМФ. После увольнения из рядов Военно-морского флота работал в правлении Всесоюзного общества «Знание» на должности старшего референта по пропаганде военных знаний и военно-патриотического воспитания. После развала Советского Союза А.Н. Иванов работал в Центральном конструкторском бюро, а потом на московском предприятии «Чистый воздух». Награжден орденом «Красной Звезды» за достигнутые успехи в боевой и политической подготовке и освоении новой сложной техники (17.02.1075), медалями: «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (9.05.1945); «За Дружбу» Демократической Республики Вьетнам (01.06.1979); «За безупречную службу» I степени (13.01.2001) и II степени (22.01.2004) и многими юбилейными медалями[11].

Младший сын — Олег Николаевич Иванов (23.10.1933, Опочка) окончил в Опочке школу № 4 в 1951 году с серебряной медалью. Учился в МГУ на химическом факультете. Проработал 37 лет в НИИ-125 (позднее Научно-исследовательский химико-технологический институт (НИХТИ), Люберецкое научно-производственное объединение (ЛНПО). Прошел путь от инженера до начальника отделения и главного конструктора в Московском институте тепломеханики. Олег Николаевич является соавтором ряда рецептур топлива, применяемого в ракетных комплексах стратегического назначения «Темп-2 С», «Пионер», «Тополь», «Тополь-М». В 1993 году назначен был директором Центрального научно-конструкторского бюро (ЦНКБ). Под его руководством и при его непосредственном участии созданы конверсионные программы производства по выпуску лекарств и пищевых добавок, ряд промышленных технологических комплексов, выпускающих полимербетонные трубы для канализационных систем, а также базальтовые трубы для горячего водоснабжения. В 1976 году награжден орденом Ленина за участие в создании и пуске уникального производства на заводе «Заря Востока» (поселок Табошар под Ленинабадом в Таджикистане). Доктор физико-математических наук (19.06.1998); действительный член Академии инженерных наук РФ (20.04.2000); действительный член Академии проблем национальной безопасности. Награжден премиями разных ведомств, имеет ряд других званий[12].

---

[11] *Николаева Е.М.* Четвертая школа моя… Псков, 2014.

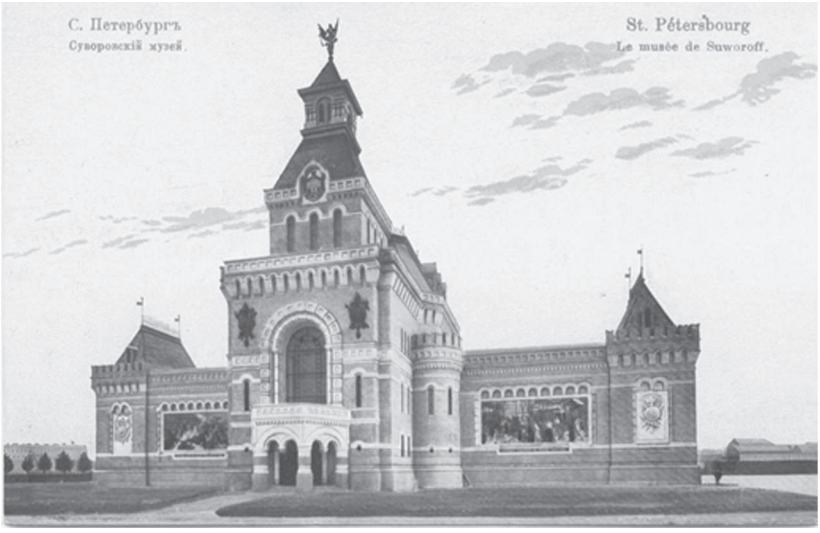
[12] Там же.

Александр Кузьмин

МУЗЕЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ

Первоначально может возникнуть вопрос о том, что собой представляет послевоенный период, каковы его временные рамки. Мне думается, что этот период продолжается и по сей день. Еще много проблем, пока не решенных. Продолжают восстанавливаться пригороды Санкт-Петербурга Царское Село, Павловск, Гатчина, Петергоф, Ораниенбаум, масса утрачиваемых дворцов, многие музеи требуют возрождения, ремонта. Поэтому раны войны продолжают залечиваться во всех регионах, которые посетила война 1941–1945 годов. За время блокады нанесен ущерб 187 историческим зданиям города: в здание Сената и Синода попало восемь снарядов, была почти полностью уничтожена Синодальная церковь. Серьезно пострадали помещения Гостиного Двора, Кунсткамера, церковь Святой Екатерины, Юсуповский и Шуваловский дворцы, Русский музей, Никольский Морской собор, Инженерный замок и многие другие. Бомба попала и в Мариинский театр. Был поврежден внутри и снаружи Эрмитаж.

Не обошла война стороной и Государственный мемориальный музей А.В. Суворова. Он берет свое начало с конца позапрошлого века, когда при Генеральном штабе Российской армии была создана Суворовская комиссия, целью которой было увековечивание имени и дел четвертого российского генералиссимуса. В результате многочисленных предложений было принято решение, одобренное Николаем II, о строительстве в Петербурге памятехранилища имени и дел великого полководца России. Как-никак генералиссимус российских войск, генерал-фельдмаршал князь Александр Васильевич Италийский граф Суворов-Рымникский, граф Священной Римской империи, цесарской службы генерал-фельдмаршал, гранд королевства Сардинии и Пьемонта с титулом принца и кузена королевского, великий маршал войск Пьемонтских, Кавалер всех российских и многих иностранных орденов. Но и это еще не всё: помимо этого, Суворов — создатель науки побеждать, полководец, не знавший поражений, и первый военный и политический деятель России, которому в стране был возведен мемориал.



Эскиз проекта музея А.В. Суворова

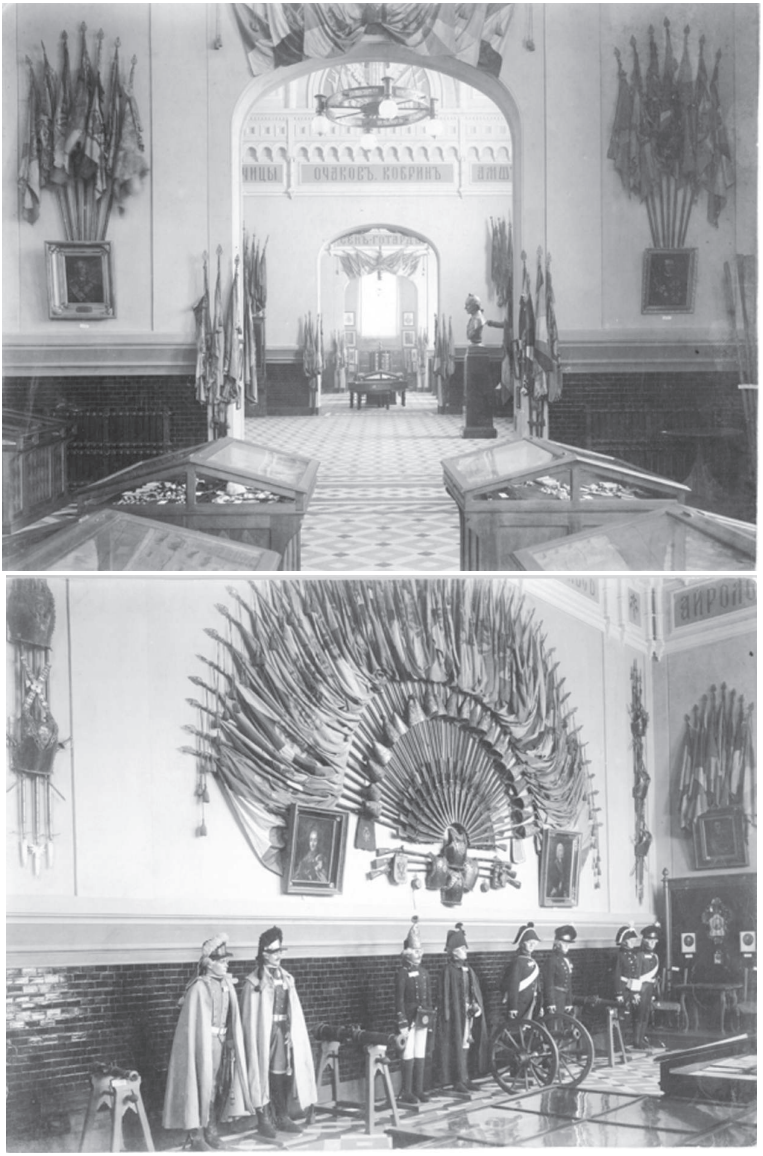
Народ в краткий срок собрал необходимую сумму в 350 тысяч рублей серебром. Особая роль в этом принадлежала армии. Музей был открыт в ноябре 1904 года и в следующем году будет отмечать свое 120-летие.

Над проектом и его реализацией трудились академики Александр Иванович Гоген и Герман Давидович Гримм.

Что же собой представляло это строение?

Центральная часть здания выделена трехъярусной башней с пирамидальной шатровой крышей, увенчанной двуглавым орлом. К основному объему с двух сторон примыкают боковые крылья, завершающиеся прямоугольными башнями с высокой крышей. Крылья здания украшены мозаиками.

С момента открытия и до закрытия в 1918 году в связи с наступлением германских войск на Петроград и эвакуацией фондов, музей пользовался большой популярностью. В 1920-е, 1930-е и 1940-е годы музей не функционировал. Его фонды, отбитые красными частями у белых при погрузке их на пароход во Владивостоке, были возвращены в Петроград, но волевым порядком их передали другому музею, а в помещениях располагались различные организации.



Первая экспозиция музея А.В. Суворова. 1904 год

Музей после Великой Отечественной войны. Субботник по ремонту

Современная экспозиция

В годы Великой Отечественной войны левое крыло здания было почти полностью разрушено прямым попаданием снаряда.

Но уже в июне 1950 года ремонт музея был включен в план восстановления народного хозяйства. Более того, распоряжением Правительства СССР музею был определен статус музея республиканского значения. Финансирование ремонта шло без задержек, но в недостаточном объеме. Это привело к тому, что частично утраченные мозаики были восстановлены, но, как показало время, с нарушением первоначальной технологии. Со временем они местами вспухли. На долгое время были утрачены и бывшие в здании интерьеры. Не были восстановлены надписи о победах Суворова, расположенные по верхнему фризу стен. Также не были воссозданы керамические панели. Впрочем, это объяснимо и нехваткой средств, и невозможностью в кратчайшие сроки провести необходимые изыскательские работы. Тем не менее, в мае 1951 года музей был открыт. Как казус следует отметить тот факт, что первая экспозиция музея не была принята, так как в ней было мало сносок на Сталина. Вторая экспозиция это исправила, но тут Сталин

Современная экспозиция

умер. Разумеется, что после 1956 года Иосиф Виссарионович был удален даже из хранилищ.

Шли годы, музей ветшал. Послевоенный ремонт здания «на скорую руку» и сложный рельеф крыши дали о себе знать и привели к тому, что участились протечки, штукатурка обваливалась. В помещения стала проникать сырость, тем более, что в осенне-весенний период здание плохо отапливалось. Нужен был ремонт, но чтобы его начать, необходимо было выделить музею другие помещения. Это озаботило не только сотрудников музея, но и Ленсовет, который выделил для нужд музея еще одно здание (сейчас в нем расположено фондохранилище).

Можно сегодня с уверенностью сказать, что это было продолжение первоначального послевоенного ремонта.

В результате проведенных в 1990-х годах ремонтных работ внутренним интерьерам возвращен их первоначальный вид и декор, экспозиция музея выполнена на высоком художественном и научном уровне и полностью посвящена делам и имени Суворова. С небольшими локальными изменениями эта экспозиция и сегодня представлена вниманию посетителей.

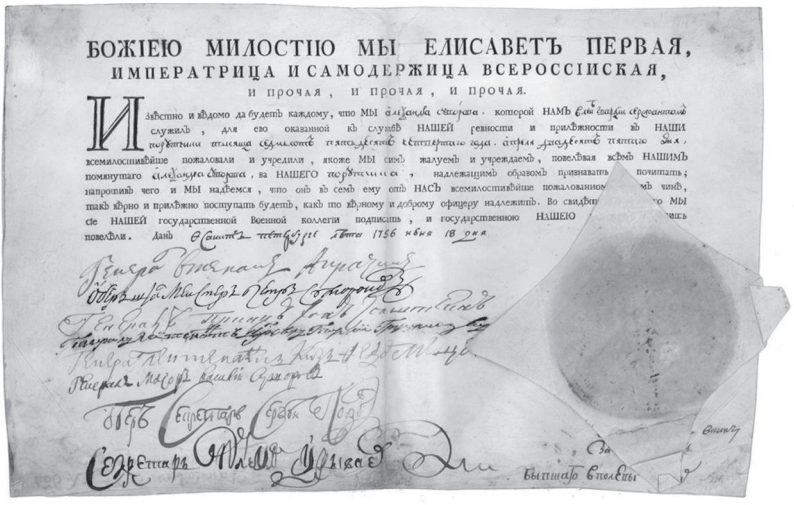
Но музей не бывает без экспонатов, поэтому параллельно со сбором средств и строительством музея собиралась и фондовая коллекция музея. Достаточно сказать, что в основе музейных фондов лежат три главных дара.

В первую очередь это дар императора Николая II. Самое ценное, что получил музей, — подлинные документы полководца, патенты на чины, грамоты о награждениях и дарственные.

Другая крупная и ценная коллекция была подарена музею Василием Павловичем Энгельгардтом, известным русским путешественником. На рубеже XIX и XX веков он совершил ряд путешествий по Европе с целью сбора всего, что касалось А.В. Суворова. Коллекция Василия Павловича и по сей день носит название «Суворовский сборник Энгельгардта».

Третья коллекция — бесценный дар одного из потомков Александра Васильевича, В.В. Молоствова, последнего владельца села Кончанского. Он передал музею сельскую Суворовскую церковь со всем ее убранством и много других реликвий.

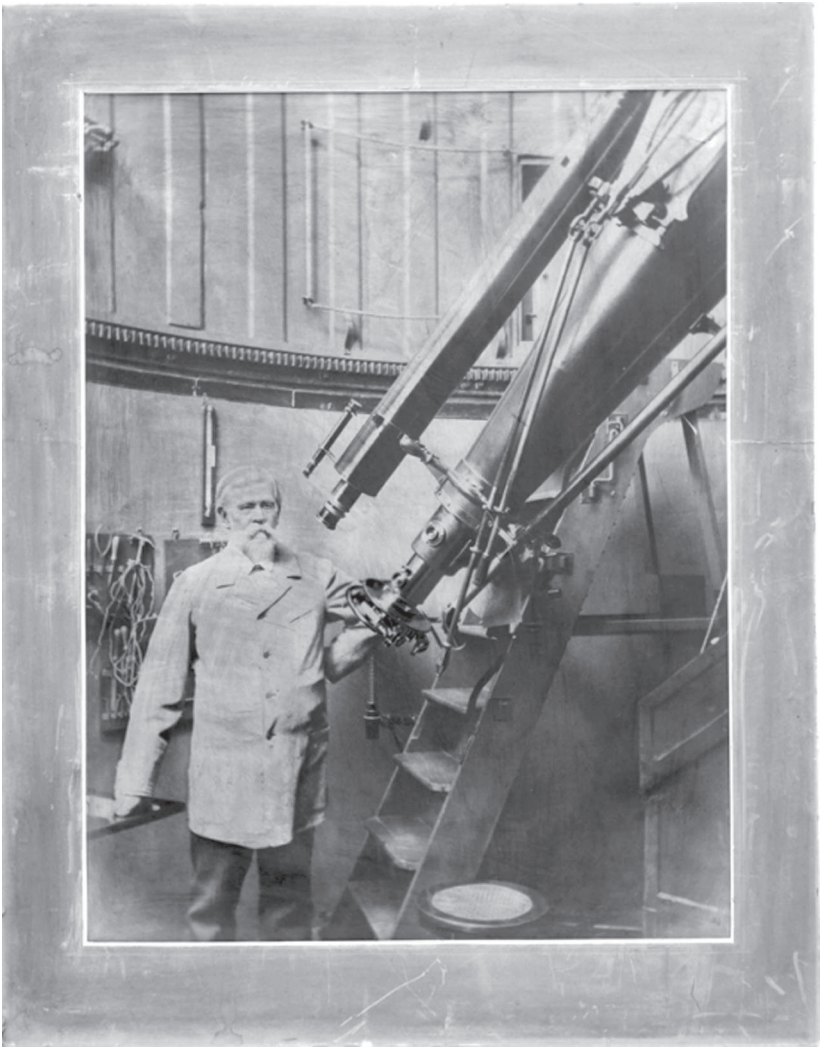
Экспонаты в музей поступали постоянно. В основном их дарили. Тем не менее, если в первоначальные и сразу же в послевоенные годы в музее насчитывалось чуть более тысячи экспонатов, то начиная с 1960-х



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ.
и прочая, и прочая, и прочая.

Грамота императрицы Елизаветы
о производстве А.В. Суворова из сержантов лейб-гвардии в поручики
и Грамота-патент императрицы Екатерины II
о производстве А.В. Суворова в премьер-майоры



В.П. Энгельгардт

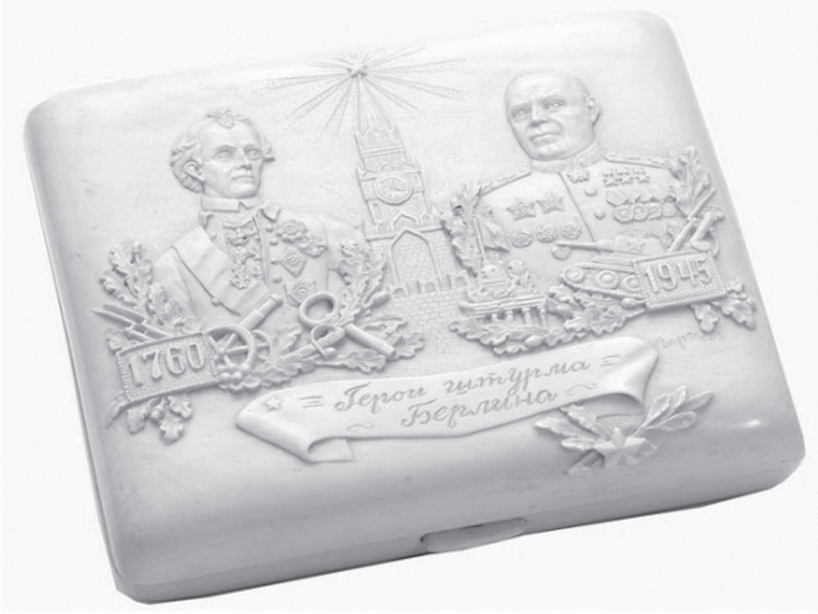
Суворовская церковь из Кончанского

годов фонды увеличились более чем в 50 раз. И здесь возникла коллизия. Создатели музея об этом не подумали, тем более что Генеральный штаб как куратор музея хранил фонды на своей территории. Но одно дело тысяча экспонатов, большая часть которых в экспозиции, другое дело — когда экспозиционный материал превышает порог в 50 000 единиц. Надо сказать, что в период, когда музей был закрыт (1918–1951), экспонаты первоначально были эвакуированы в глубь страны и могли быть отправлены в Америку. Их уже собирались грузить на пароход, но наступление Красной армии помешало этому. Фонды были возвращены в Петроград и волевым решением переданы на хранение Артиллерийскому музею, где они и хранились до начала 1950-х годов. К сожалению, фонд музея не был полностью сохранен, часть предметов была заменена на другие.

Значительный количественный рост хранимого был вызван рядом причин. Во-первых, еще можно было с легкостью приобрести печатную продукцию военных лет (книги, плакаты, листовки).

Во-вторых, многие участники войны, в их числе Жуков, Лященко, Рокоссовский, Говоров и многие другие кавалеры ордена Суворова,

Плакат с А.В. Суворовым времен Великой Отечественной войны



Портсигар — подарок солдат Г.К. Жукову

считали необходимым передать музею некоторые свои личные вещи (оружие, документы, форму, знаки различия, предметы быта и другие).

В-третьих, музей получил большую коллекцию обмундирования и оружия XVIII–XIX веков из Театра оперы и балета имени С.М. Кирова, а также ряд предметов с киностудии «Ленфильм».

В-четвертых, постоянно велась активная закупочная политика. В самостоятельных приобретениях в то время музей был ограничен только суммой разовой закупки, но не лимитом средств. Предметы сверх разрешенной суммы закупал Главк. Что-то музеям перепадало из закупок художественных произведений, которые осуществляли Государственные фонды. Сегодня об этом можно только с горечью вспоминать.

Многие тысячи участников Великой Отечественной войны, их семьи дарили музею фронтовые реликвии. Был музей в 1970–1980-е годы засыпан присылаемыми в музей биографиями участников Великой Отечественной войны, воспоминаниями, которые мы храним, но не в фондах.

Мундиры из хранилища музея А.В. Суворова

Чайник из сервиза «Награды Великой Отечественной…»

Оловянная миниатюра, экспонируемая в музее оловянных солдатиков — филиале Суворовского музея

В настоящее время основной фонд музея насчитывает 55 тысяч единиц хранения, в том числе личные вещи полководца, награды Суворова, шесть его личных клинков, книги, иконы, мебель, посуду, бытовые предметы,150 автографов. Помимо этого, в коллекции музея большая подборка живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, документов, нумизматики, обмундирования, снаряжения, оружия и другие экспонаты.

Также музей хранит 50 тысяч оловянных солдатиков. На базе этого фонда создан небольшой музей.

Дмитрий Медвинский

ЕВДОКИЯ ИГНАТЬЕВНА ЛЕДИНКИНА: НЕИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Соприкасаясь с наследием выдающихся личностей, осознаешь, что к его созданию и сохранению причастно великое множество самых разных людей: известных и не очень, а то и вовсе безвестных или забытых. В том, чтобы вспомнить и установить имена всех, состоит важнейшая задача историка, тем более что степень известности того или иного человека отнюдь не прямо пропорциональна его масштабности и заслугам, часто наоборот.

Наследием Семена Степановича Гейченко можно считать не только Пушкинский музей-заповедник, что само собой разумеется, но и жемчужину русской архитектуры Петергоф. В этом городе 120 лет назад будущий директор Заповедника родился, здесь же окончил гимназию.

Но в Петергофе С.С. Гейченко не только появился на свет — здесь он родился и как выдающийся подвижник русской культуры, много сделавший для становления и развития молодого Петергофского музея, основанного в 1918 году.

Сам Семен Степанович говорил: «Петергоф воспитал меня, вдохнул в мою душу любовь к красоте и гармонии, дал ощущение неразрывности минувшего и настоящего, научил, наконец, таинствам музейного дела».

Еще в 1924 году, через шесть лет после основания в Петергофе музея, там начал служить студент Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Семен Гейченко.

В 1924–1938 годах С.С. Гейченко работал методистом, хранителем, научным сотрудником, ученым секретарем.

В 1926 году он был назначен хранителем Дворца-музея Николая II в Александрии. В соавторстве с Анатолием Шеманским, заместителем заведующего Петергофским музеем, им была написана серия путеводителей по Большому дворцу, Коттеджу, Нижней даче, другим достопримечательностям, а также создана экспозиция Нижней дачи Николая II.

Понятно, что любовь к Петергофу — своей «малой родине», где С.С. Гейченко родился, где определилась его жизненная стезя, — легендарный директор Пушкинского Заповедника пронес через всю свою

жизнь. Поэтому представляется не только уместным, но даже необходимым вспомнить коллег Семена Степановича по музейному цеху, сохранивших до наших дней дорогие его сердцу петергофские шедевры. Особого внимания заслуживают музейщики, самоотверженно спасавшие бесценные произведения искусства в блокадном Ленинграде.

Объединенное хозяйство музеев

С самого начала войны в Петергофе началась консервация и подготовка к эвакуации музейных ценностей. С 29 июня 1941 года упакованные экспонаты, архивная и научная документация отправлялись в Горький и Сарапул (Удмуртия), а в первые дни блокады Ленинграда — в осажденный город. 22 сентября 1941 года Петергоф был занят немецкими войсками[1].

По распоряжению Ленгорсовета от 15 июля 1941 года создается «Объединенное хозяйство музеев» (ОХМ) в составе Государственного антирелигиозного музея (бывший Исаакиевский собор)[2], Музея истории и развития Ленинграда, Летнего дворца и Домика Петра I. Позднее к ним присоединились дворцы-музеи Пушкина, Павловска, Петергофа, Гатчины, Ораниенбаума (в то время Павловск назывался Слуцком, Гатчина — Красногвардейском).

Главным хранилищем музейных фондов стал Исаакиевский собор.

Помимо надежных стен и перекрытий толщиною в пять и шесть метров соответственно, храм к тому времени уже имел окрашенный купол. Группа альпинистов к 9 июля 1941 года выкрасила большой (площадью 2 600 м^2) и малые купола в серый цвет.

Были предприняты и другие меры по защите здания: рядом установлены зенитные орудия, окна заложены деревянными щитами и мешками с песком, подготовлено противопожарное оборудование. Исаакиевский собор с самого начала войны был подготовлен к вражеским бомбардировкам и обстрелам; они начнутся в начале сентября 1941 года и, по замыслу Гитлера, они должны были «стереть Ленинград с лица земли».

---

[1] *Кантор Ю.З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 годах. М., 2017. С. 43; *Третьяков Н.С.* Пригородные дворцы-музеи Ленинграда. Война и победа. СПб., 2008. С. 61–64.

[2] Так музей, открытый в Исаакиевском соборе в апреле 1931 года, назывался официально, сокращенно — ГАМ.

Всю блокаду Исаакиевский собор, включая подвал, был заставлен десятками ящиков, зачастую поставленных друг на друга в несколько ярусов. На ящиках указывалось место, откуда они прибыли: «Музей города», «Гатчина», «Павловск», «Петергоф», «Пушкин». В них хранились ценнейшие живописные картины, изделия из бронзы, фарфор и стекло, ткани и вышивки, медали, монеты, акварели, гравюры, фотографии, книги, чертежи, техническая и иная документация. Всего, ни много ни мало, порядка 120 тысяч единиц хранения.

Из коллекции и имущества Петергофских дворцов-музеев здесь находились около 4 400 предметов, размещенных в 121 ящике. За их хранение отвечали научные сотрудники Анна Петровна Чубова (до лета 1942 года), затем — Софья Аполлоновна Попова. В марте 1943 года хранителем стала Марина Александровна Тихомирова, оставившая интереснейшие, ценные воспоминания о пребывании и деятельности сотрудников ОХМ в Исаакиевском соборе во время блокады[3].

«Мы назывались тогда «Объединенным хозяйством музеев», — пишет М.А. Тихомирова, — и действительно были крепко объединены и любовью к своим музеям, и общей работой, и всем тем, что приходилось нам вместе переживать в то нелегкое время»[4].

Вспоминая своих коллег по ОХМ, М.А. Тихомирова упоминает Евдокию Игнатьевну Лединкину «из Антирелигиозного музея, который до войны помещался в самом Исаакии». Это редкое, едва ли не единственное в послевоенной советской литературе упоминание о Е.И. Лединкиной. Именно упоминание, и не более. А ведь она была не просто старшим научным сотрудником музея: Евдокия Игнатьевна всю войну и блокаду возглавляла Объединенное хозяйство музеев[5].

Между тем, сегодня ее имя малоизвестно, а говоря откровенно, практически забыто. И забыто абсолютно незаслуженно.

Наверно, Евдокия Игнатьевна Лединкина меньше других сотрудников занималась собственно музейной — учетно-фондовой, исследовательской — работой, но ведь обеспечение самой возможности такой

---

[3] Петергоф в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 1. СПб., 2019. С. 147.

[4] *Тихомирова М.А.* Памятники, люди, события. Из записок музейного работника. Л., 1970. С. 9.

[5] В 2000-е годы имя Е.И. Лединкиной встречается в книгах Н.С. Третьякова и Ю.З. Кантор. В первой она упоминается как музейный сотрудник, во второй — как директор ГАМ и ОХМ.

деятельности в драматических условиях войны и блокады было связано с колоссальным напряжением сил, безусловно заслуживающим искренней памяти и глубокого уважения.

К тому же, именно на директоре лежала ответственность за всё происходящее в вверенном ей хозяйстве. И то, что Е.И. Лединкина оставалась на своем посту все суровые годы войны, с присущей им железной дисциплиной, говорит о многом. И уж точно — о надлежащем исполнении своих обязанностей, что было отмечено правительственными наградами.

Евдокия Игнатьевна, в отличие от некоторых своих коллег по ОХМ, в тени которых она оказалась, не занимала после войны руководящих постов, как Анна Ивановна Зеленова или Евгения Леонидовна Турова[6], не оставила после себя мемуаров, как та же М.А. Тихомирова. Напротив, ее «карьера» шла по нисходящей. И такое положение вещей, конечно, способствовало ее забвению.

Сотрудники Государственного музея-памятника (ГМП) «Исаакиевский собор» считают своим долгом заполнить этот явно несправедливый пробел и, исследуя архивные материалы, осветить, по возможности, некоторые страницы биографии Е.И. Лединкиной.

Детство и юность

Е.И. Лединкина родилась 24 декабря 1905 года в деревне Покровские горки (Горы-Покровские) Мологского уезда Ярославской губернии (ныне Угличского района Ярославской области)[7]. Родители — Игнатий Иосифович (Осипович) и Варвара Ивановна — происходили из крестьян. В семье насчитывалось пятеро детей: у Евдокии было два брата (Николай и Александр) и две сестры (Мария и Екатерина)[8].

В раннем детстве девочка жила у тетки в Санкт-Петербурге, но в школу пошла в родных краях. В 1915 (или 1916) году она окончила

---

[6] А.И. Зеленова и Е.Л. Турова возглавили после войны соответственно Павловский и Пушкинский дворцы-музеи.

[7] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 663417/2. Л. 3–4; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 663417/1. Л. 4; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 627013. Л. 2; Объединенный межведомственный архив культуры. Ф. 77. Оп. 1а. Д. 12. Л. 66.

[8] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 627013. Л. 2–3.

трехгодичную сельскую школу в селе Покровское-Раменье (Покровское в Раменье) Мологского уезда Ярославской губернии (сейчас село Покров-Раменье Некоузского района Ярославской области), в 1923-м — образцовую школу-семилетку в городе Мологе[9].

В том же году Е.И. Лединкина вышла замуж за односельчанина и переехала с мужем в Рыбинск, где вела домашнее хозяйство[10].

Начало трудовой деятельности

В 1930 году супруги переезжают в Ленинград. Е.И. Лединкина поступила на фабрику «Слюда № 1» в качестве щипальщицы слюды[11]. Здесь она помимо производственной деятельности активно занимается общественной работой: избирается казначеем и секретарем фабкома, председателем производственно-товарищеского суда и председателем ячейки Союза воинствующих безбожников (СВБ)[12].

В 1931 году Е.И. Лединкина отправлена от фабрики на учебу в Антирелигиозный рабочий университет по специальности «антирелигиозный пропагандист»[13]. Окончив учебное заведение, она 15 августа 1932 года получила направление на работу экскурсоводом в Государственный антирелигиозный музей (ГАМ)[14].

Сотрудник Государственного антирелигиозного музея

В музее Е.И. Лединкина постоянно повышает свой профессиональный уровень: посещает экскурсоводческие курсы при Управлении культурно-просветительных предприятий Ленсовета (УКППЛ), экскурсоводческие семинары при ГАМ[15], занятия на факультете всеобщей истории Университета марксизма — ленинизма[16].

---

[9] Город Молога был затоплен в 1930–1940-е годы при создании Рыбинского водохранилища.

[10] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 663417/2. Л. 3–4.

[11] Там же. Л. 3–4.

[12] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 627013. Л. 5.

[13] Там же. Л. 1.

[14] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 663417/2. Л. 3–4.

[15] Там же. Л. 4.

[16] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 663417/1. Л. 7.

Е.И. Лединкина, как и ранее на производстве, уделяет большое внимание общественной работе, являясь в музее председателем школьной комиссии, секретарем ячейки Союза воинствующих безбожников, председателем кассы взаимопомощи.

Хотя она не состояла в ВЛКСМ и так называемой группе сочувствующих, парторганизация ГАМ в августе 1939 года принимает экскурсовода I категории Е.И. Лединкину в кандидаты в члены ВКП(б)[17].

В своей рекомендации директор ГАМ Иосиф Максимович Штрейхер отмечал: «Товарищ Лединкина является одним из способных, работающих над собою, экскурсоводов музея и пользуется заслуженным вниманием у посетителей музея. Являясь одним из старейших работников музея… товарищ Лединкина стремится не только совершенствоваться самой, но и активно помогает молодым работникам-экскурсоводам…»

В конце 1940 года Е.И. Лединкина подала заявление на прием уже в члены партии.

6 декабря 1940 года общее собрание первичной парторганизации ГАМ решает перевести Е.И. Лединкину из кандидатов в члены ВКП(б)[18]. В ходе прений выступающие указали не только на ее достоинства, но и на слабые стороны.

Директор ГАМ И.М. Штрейхер: «…Недостаток ее — слишком робко товарищ Лединкина участвует в антирелигиозной печати, эту сторону необходимо ей учесть…»

Парторг А.Д. Романовская: «…Считаю недостатком товарища Лединкиной излишнюю поспешность и горячность в решении отдельных вопросов. Будучи членом ВКП(б), товарищ Лединкина оправдает доверие и исправит имеющиеся недостатки…»

Заместитель директора по научной части Е.И. Востоков: «…Товарищу Лединкиной надо больше работать над повышением своей общей культуры и расширением кругозора…»[19]

---

[17] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 663417/1. Л. 1, 4.

[18] Там же. Л. 6.

[19] Там же. Л. 11.

Директор Объединенного хозяйства музеев

С января по июнь 1941 года Е.И. Лединкина работает в должности младшего, с началом Великой Отечественной войны — старшего научного сотрудника[20].

В июле 1941 года Исаакиевский собор был закрыт. С первых дней войны ГАМ начинает подготовку к эвакуации музейных ценностей Исаакиевского собора.

Приказом № 90 по Объединенному хозяйству музеев исполнение обязанностей директора Государственного антирелигиозного музея было возложено на старшего научного сотрудника Евдокию Игнатьевну Лединкину[21].

23 ноября 1942 года в запрашиваемой партийными органами автобиографии она указывала: «В 1941 г. в августе месяце УКПП при Ленсовете назначило меня на должность директора ОХМ; Государственного антирелигиозного музея, Музея истории и развития Ленинграда, Летнего Дворца Петра I и Летнего сада, Домика Петра I и Сада МОПР[22], где я работаю по настоящее время»[23].

8 сентября 1941 года начинается трагическая 900-дневная блокада Ленинграда. Евдокия Игнатьевна Лединкина в тяжелейших условиях голода и холода, варварских бомбардировок и обстрелов осажденного города прилагала максимум усилий для того, чтобы создать коллегам приемлемые условия для работы и проживания в таком необычном, вовсе не предназначенном для этого месте, ставшем домом для нескольких десятков человек, включая детей. Ведь не все сотрудники пригородных дворцов-музеев имели свое жилье в городе, да и те, у кого оно было, не всегда могли, как и работники ленинградских музеев, совершать пешие переходы в силу катастрофического истощения.

В подвале были сооружены нары, обеспечены, пусть и скудные, бытовые условия: отопление и освещение, налажено водоснабжение. Всё это позволило в короткие сроки наладить музейную

---

[20] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4506. Оп. 3. Д. 141. Л. 6.

[21] *Мишура О.О.* Исаакиевский собор в годы блокады: научная справка. ГМП «Исаакиевский собор». СКФ. СН-386. 2004. Л. 5.

[22] В 1922 году Михайловский сад был переименован в Сад Международной организации помощи борцам революции, или Сад МОПРа.

[23] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 627013. Л. 4.

деятельность: прежде всего хранение вверенных ОХМ музейных экспонатов, а также учет музейных ценностей, научно-исследовательскую работу.

Находясь на директорской должности, требующей полной отдачи сил, Е.И. Лединкина всё равно не оставалась в стороне от активной партийной работы, которая тогда являлась важнейшим фактором в организации жизни страны и блокадного города. В ноябре 1941 года она становится заместителем парторга ГАМ, в октябре 1942-го — секретарем парторганизации УКППЛ[24].

В должности директора ОХМ Е.И. Лединкина проработала всю войну, была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»[25].

После войны

После войны Е.И. Лединкина по октябрь 1945 года возглавляла ГАМ. Далее она переводится в научные, с января 1946-го — в старшие научные сотрудники.

С декабря 1946-го по май 1947 года Е.И. Лединкина – экскурсовод Ленинградского экскурсионного бюро, после, по март 1948-го — экскурсовод музея в Исаакиевском соборе. И вновь — до июля 1950 года — работа в должности научного сотрудника.

С июля 1950 года Е.И. Лединкина работает в должности заведующей научно-вспомогательным сектором (библиотекарем)[26].

В этот период — в октябре 1951 года — директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» С.К. Кузнецов говорил на одном из партсобраний: «…Товарищ Лединкина за это время, как я принял музей, то есть с 5-го июня сего года, работает как производственник неплохо и оказывает мне большую помощь в отношении ознакомления меня со структурой работы музея. Хорошо знает музей и его фонды…»[27]

21 февраля 1952 года она освобождается от занимаемой должности и меняет вид деятельности, перейдя в кинофикацию.

---

[24] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 627013. Л. 5.

[25] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4506. Оп. 3. Д. 141. Л. 5, 10.

[26] Там же. Л. 10; Объединенный межведомственный архив культуры. Ф. 77. О. 1а. Д. 7. Л. 4.

[27] Там же. Л. 7.

С марта 1952 года Е.И. Лединкина работает в кинотеатре «Радуга»[28]. С 1 ноября администратором[29], позже — заместителем директора[30]. Также удалось выяснить, что на 18 мая 1956 года она занимала должность заместителя директора кинотеатра «Север»[31].

* * *

К сожалению, на сегодняшний день о дальнейшей судьбе Евдокии Игнатьевны ничего не известно, что обязывает сотрудников музея продолжить поиск.

Впрочем, активно изучаются жизнь и музейная деятельность и других наших предшественников, особенно имеющих отношение к Великой Отечественной войне и ленинградской блокаде, память о которых в ГМП «Исаакиевский собор» непререкаема.

Еще 27 января 2004 года — в 60-ю годовщину полного освобождения города от вражеской блокады — в подвале Исаакиевского собора была открыта выставка «Чтобы помнили», посвященная подвигу музейных работников во время войны. Этот подвиг также регулярно освещается в музейном сборнике «Кафедра».

В этом наши искренние признательность и благодарность всем музейным сотрудникам той поры: как тем, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны, так и тем, кто сохранил в блокаду культурное достояние страны.

---

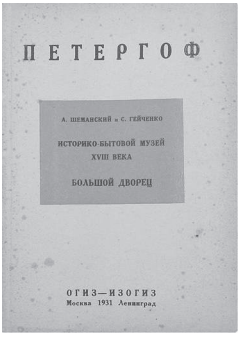
[28] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4506. Оп. 5. Д. 459. Л. 8. Кинотеатр «Радуга» располагался по адресу: Полтавская ул., 12.

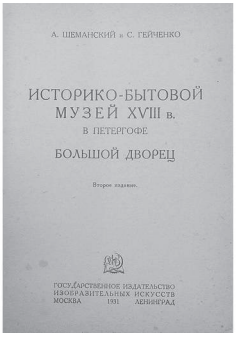
[29] Там же. Л. 14.

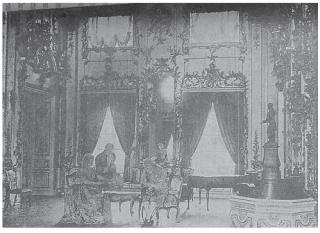
[30] Там же. Л. 13.

[31] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7965. О. 136. Д. 1048.

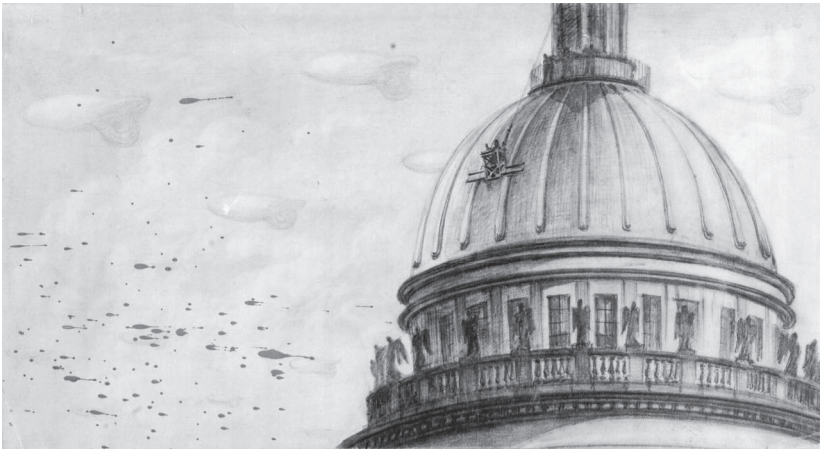
Конногвардейская улица в Петергофе, где родился С.С. Гейченко.
Фото: https://tamara.shemyak.com/SaintPetersburg/Peterhof/ptrdv_st_grenad.html







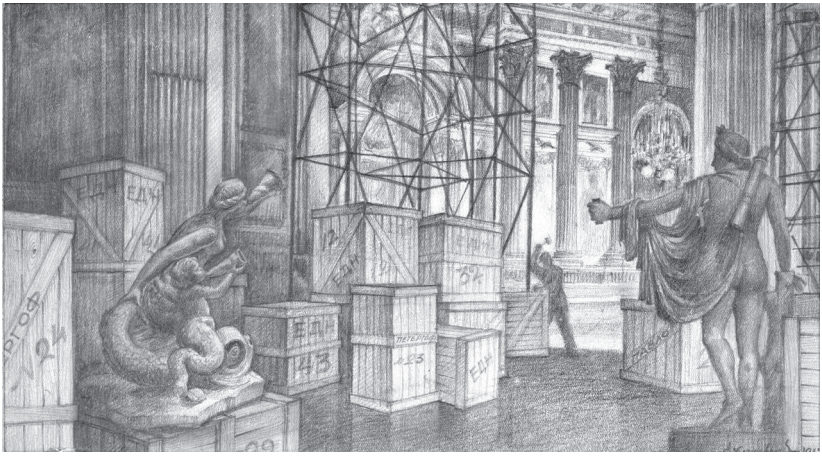
Путеводитель.
Фото: http://www.auction-imperia.ru/i/booklot/_DSC2869-62.jpg



Маскировочные работы на куполе Исаакиевского собора. 1941 год (?).
Рисунок В. Кожевникова. ГМП «Исаакиевский собор»

Зенитная батарея в Александровском саду. 1942 год.
ГМП «Исаакиевский собор»

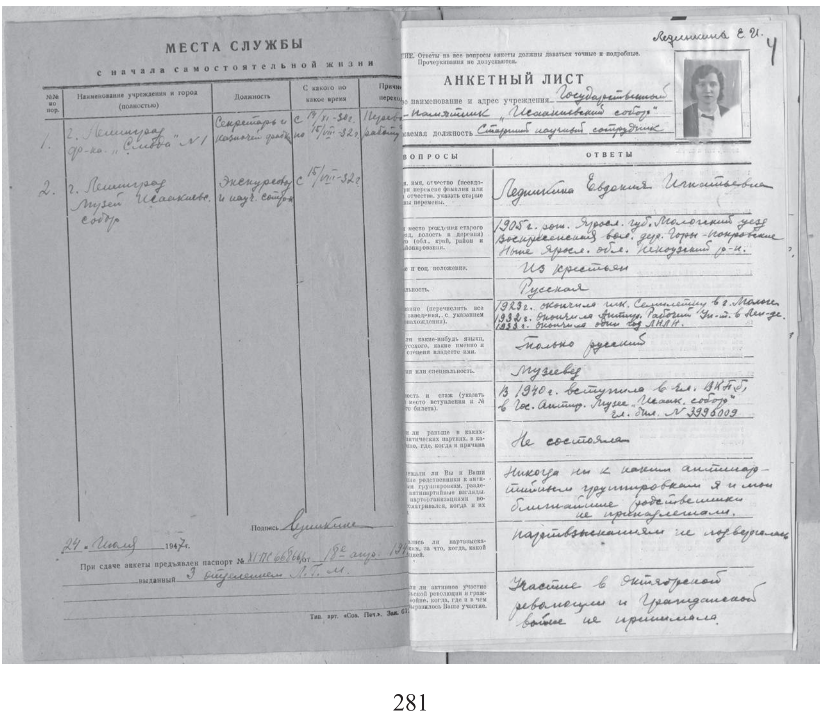
Бойцы частей ПВО с газгольдерами. Июнь 1942 года.
ГМП «Исаакиевский собор»



Исаакиевский собор во время войны. 1940-е годы.
Рисунок. ГМП «Исаакиевский собор»

Евдокия Игнатьевна Лединкина.
1940-е годы.
ГМП «Исаакиевский собор»

Личное дело Е.И. Лединкиной.
1940-е годы.
ГМП «Исаакиевский собор»



МЕСТА СЛУЖБЫ

с начала самостоятельной жизни

№№ по пор.	Наименование учреждения и город (полностью)	Должность	С какого по какое время	Причи… перехо…
1.	г. Ленинград ф-ка „Слава" № 1	Секретарь и казначей фабк.	с 14/XI-30 г. по 15/VIII-32 г.	Перев… работу
2.	г. Ленинград Музей Исаакиевс. собор	Экскурсовод и науч. сотр.	с 15/VIII-32 г.	

Подпись Лединкина

24 июля 1947 г.

При сдаче анкеты предъявлен паспорт № XI-ПС 668666 от 18 авг. 194…

выданный 3 отделением Л.Г.М.

Тип. арт. «Сов. Печ.». Зак. 61…

Лединкина Е.И. 4

…НИЕ. Ответы на все вопросы анкеты должны даваться точные и подробные. Прочеркивания не допускаются.

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

…е наименование и адрес учреждения Государственный …-памятник „Исаакиевский собор"

…маемая должность Старший научный сотрудник

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
…я, имя, отчество (псевдо… при перемене фамилии или … отчества, указать старые … ны перемены.	Лединкина Евдокия Игнатьевна
… место рождения старого … езд, волость и деревня) … го (обл., край, район и … айонирования.	1905 г. рож. Яросл. губ. Мологский уезд Воскресенская вол. дер. Горы-Покровские Ныне Яросл. обл. Некоузский р-н.
…е и соц. положение.	Из крестьян
…льность.	Русская
…зание (перечислить все … заведения, с указанием … нахождения).	1923 г. окончила шк. Семилетку в г. Мологе. 1932 г. Окончила Антирел. Рабочий Ун-т. в Лен-де. 1933 г. окончила один год ЛИЛИ.
…ли какие-нибудь языки, … русского, какие именно и … степени владеете ими.	Только русский
…ия или специальность.	Музеевед
…ность и стаж (указать … место вступления и № … го билета).	В 1940 г. вступила в чл. ВКП(б), в Гос. Антир. Музее „Исаак. собор" чл. бил. № 3996009
…и ли раньше в каких… …литических партиях, в ка… …нно, где, когда и причина	Не состояла
…лежали ли Вы и Ваши …ние родственники к анти… …ым группировкам, разде… … антипартийные взгляды. … парторганизациями во… …сматривался, когда и их	Никогда ни к каким антипартийным группировкам я и мои ближайшие родственники не принадлежали.
…ались ли партвзыска… …ям, за что, когда, какой …цией.	Партвзысканиям не подвергалась
…ли ли активное участие …ьской революции и граж… …войне, когда, где и в чем выразилось Ваше участие.	Участие в Октябрьской революции и Гражданской войне не принимала.

Праздничное собрание сотрудников Объединенного хозяйства музеев. 7 ноября 1941 года. ГМП «Исаакиевский собор»

Мемориальная выставка «Чтобы помнили» в подвале Исаакиевского собора. 2000-е годы. ГМП «Исаакиевский собор»

Наталья Поленова

ПОЛЕНОВО: ПУТЬ ОТ МУНИЦИПАЛЬНОГО МУЗЕЯ К ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАПОВЕДНИКУ. МУЗЕЙНЫЙ ПУТЬ ФЕДОРА ПОЛЕНОВА И НАТАЛИИ ГРАМОЛИНОЙ

Говорят, что имя — это судьба[1]. Наталия Николаевна Грамолина часто повторяла: «Усадьба — это судьба. Судьба человека, с именем которого связана усадьба. Как правило, оставшиеся усадьбы — это рассказ о жизни и творчестве людей, внесших свой вклад в русскую историю, русскую культуру, русское искусство. И это судьба людей, сохранивших усадьбу. Людей, для которых служение самой усадьбе и личности ее владельца стало смыслом жизни».

До Поленова Грамолина работала в Муранове под Москвой: музее Евгения Баратынского и Федора Тютчева, которым руководил правнук Тютчева К.В. Пигарев. Она вспоминала: «Однажды… поехала с семьей Пигаревых в совместную командировку в Пушкинские Горы, к Семену Степановичу Гейченко… Я общалась с музейщиками… Именно этот семинар свел меня с Федором Дмитриевичем. И уже надолго»[2]. В 1970 году она вышла замуж за Федора Дмитриевича Поленова и перебралась к мужу. В ее лице он обрел умного и деятельного сподвижника.

Сам Федор Дмитриевич Поленов — потомок древнего русского рода, в его родословной и военные, и деятели культуры, и врачи — одним словом, те, кто составлял и составляет культурно-историческое ядро Отечества.

Он родился 21 июня 1929 года в Москве. Мать — Анна Павловна Султанова (1894–1958) — медицинская сестра по образованию, стала

[1] Федор Дмитриевич Поленов (1929–2000) — заслуженный работник культуры, писатель, морской офицер, капитан 1-го ранга; директор (1960–1990), главный хранитель (1993–2000) Государственного мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова; депутат Верховного совета РФ, председатель Комиссии по культуре (1990–1993). Наталия Николаевна Грамолина (1940–2020) в музее-заповеднике В.Д. Поленова работала с 1970 года, с 1990 года — в должности директора. Заслуженный работник культуры, почетный гражданин Тульской области, член Общественной палаты РФ по культуре и сохранению историко-культурного наследия, член Общественного совета при Министерстве культуры и туризма Тульской области.

[2] Воспоминания Н.Н. Грамолиной. 2013 год. Архив семьи Поленовых.

хозяйкой поленовского дома, а после Революции — сотрудником учрежденного здесь музея. Отец — Дмитрий Васильевич Поленов (1886–1967) — по образованию биолог, выпускник Московского университета, но судьба распорядилась так, что он и стал первым директором музея своего прославленного отца. Художник, будучи уже в преклонном возрасте, постарался сделать всё, чтобы музей не попал в чужие руки… В 1960 году его внук Федор Дмитриевич увольняется с флота и возвращается в родовое гнездо в качестве уже второго директора музея-усадьбы.

Юность его сложилась непросто. В 1937 году родители были репрессированы. Осиротевший на восемь лет, он жил по очереди у своих теток, сестер отца. У него, восьмилетнего, жизненный опыт был уже достаточно богатым, хотя и не слишком радостным. А в 1947 году поступил в Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе в Ленинграде. Дослужился до капитана 3-го ранга и в составе Восточной Балтийской флотилии командовал кораблями на Тихом океане и на Балтике. Федор Дмитриевич всю жизнь писал стихи…

Повторил ты многих славных удел:
Офицерские погоны надел,
Сотни раз видел шторм ты и штиль,
За кормой оставил тысячи миль.

Когда Федор Дмитриевич демобилизовался и вернулся домой, ему было чуть более тридцати.

…Где анилиновые зори
Горят в полнеба по утрам,
Есть дом на окском косогоре,
Открытом четырем ветрам.

Там ничего не изменилось,
Туда свой путь и держишь ты,
Там детство в травах прокатилось
Упругим мячиком лапты…

В это время бóльшая часть усадьбы была в запустении, а директор соседнего дома отдыха писал бесконечные кляузы, жалуясь на то, что посетители музея очень мешают отдыхающим.

Федору Дмитриевичу предстояло бороться за возрождение музея-усадьбы. С этого времени вся жизнь его стала подчинена этой благородной задаче. В 1964 году удалось из областного подчинения перейти в республиканское. Это был действительно переломный момент в истории и судьбе музея. Так появилась возможность постепенно, последовательно создавать то, чего желалось больше всего — заповедник. Статус заповедника музей получил в 1983 году. Трудно переоценить значение этой победы Федора Дмитриевича: из учреждения культуры местного значения музей превратился в известный всей России Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, границы которого связаны с географией живописных произведений художника. В 1965 году был получен Акт на право пользования землей, который закрепил за музеем 14,73 га земли. А в 1968 году были установлены границы охранной зоны и зоны регулирования застройки в пределах Калужской и Тульской областей и утверждены границы охранной зоны Государственного музея-усадьбы В.Д. Поленова — 97 га. В 1965–1975 годах велись работы по восстановлению и реставрации хозяйственных построек, церкви в селе Бехово, реставрации мемориального парка, мемориализации территории музея-усадьбы.

Неуклонно, шаг за шагом, Федор Дмитриевич — сначала один, а потом и с супругой Наталией Николаевной — работали над возрождением усадьбы и прилегающих к ней окрестных ландшафтов. В 1983 году постановлением Совета министров РСФСР музей-усадьба был преобразован в Государственный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, в его границы включены территории усадьбы и прилегающих к ней земельных участков до Беховского кладбища, где находится поленовский семейный некрополь. Трудно переоценить их вклад в это мемориальное место.

В том же 1983 году решением исполкома Тульского областного совета народных депутатов «Об охранных зонах Государственного историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова» была определена следующая система зон охраны музея-заповедника, различающаяся режимами их использования: территория памятника (97,07 га), охранная зона (1 902 га, в том числе в Тульской области 1 370 га), зона регулирования застройки и охраняемого ландшафта (8 453 га, в том числе в Тульской области 5 670 га).

В 1990 году в связи с подготовкой к 100-летнему юбилею создания музея В.Д. Поленова было принято постановление

Совета министров РСФСР от 18.05.90г. № 161 «О преобразовании Государственного историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова в Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В. Поленова». Музей получил мемориальный статус и расширил территорию в пределах охранной зоны. Сегодня площадь заповедника составляет 890 га.

Думается, что только профессиональные музейщики могут вполне оценить культурный подвиг Поленовых.

С непередаваемой интонацией, как свои собственные мысли, цитировал Федор Дмитриевич слова: «Хочешь жить завтрашним днем — сей рис; загадываешь на 10 лет вперед — сажай дерево; думаешь о вечности — просвещай людей».

Дали голубые,
Реки да поля…
Родина, Россия,
Русская земля!

Древних колоколен
Тусклые кресты…
Я тобою болен:
В сердце ты.

Любовь Федора Дмитриевича к России — несуетливая, но действенная — стала неотъемлемой частью его отношения к жизни. В 1990 году, став депутатом Верховного совета РСФСР, он возглавил там Комиссию по культуре, председателем которой оставался вплоть до переворота 1993 года. По его инициативе был подготовлен и принят закон об основах культурного законодательства. Заслугой Поленова был закон о музеях — именно он отстаивал права культуры, то есть финансирование культуры не по остаточному принципу, а долей в бюджете. В одном из интервью, отвечая на вопрос, с чего же он собирается начать свою работу государственного человека, Федор Дмитриевич ответил: «Возрождение российской просветительской традиции представляется мне одним из главнейших условий возвращения к нам былой культуры, ее высот. В основе наших стремлений должна лежать высочайшая нравственность».

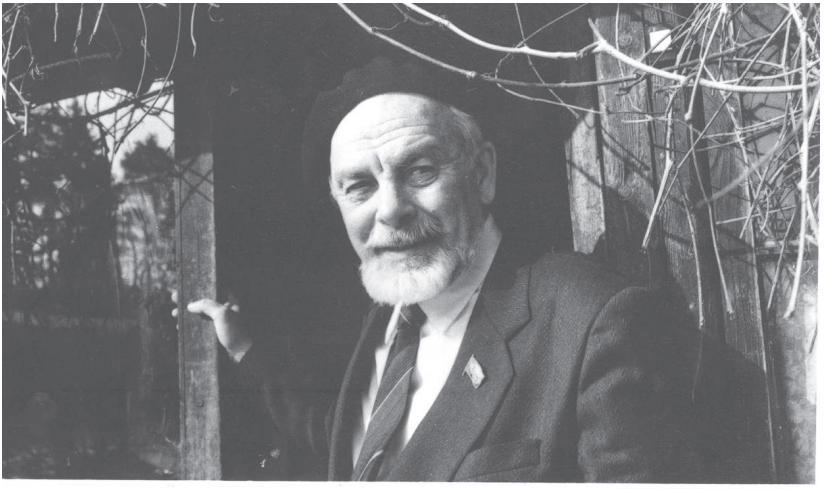
Но центром всех забот продолжала оставаться усадьба. Настойчивыми усилиями Федора Дмитриевича были восстановлены или отреставрированы в усадьбе многие, считай, утраченные объекты. К примеру, мастерская художника, так называемое Аббатство, построенное еще в 1904 году. Новой жизнью зажили лодочный сарай, так называемое Адмиралтейство, где когда-то зимовали шлюпки Поленовской лодочной флотилии, и, что самое важное — Свято-Троицкая церковь в селе Бехово, выстроенная по оригинальному проекту художника, сочетавшему русские (новгородские и псковские) традиции с европейскими. Сегодня церковь является полноценным приходом Тульской епархии, а ее настоятель совмещает функции священнослужителя и музейного сотрудника.

Наталия Грамолина приняла директорскую эстафету в 1990 году. И последующие годы ознаменованы новым подъемом в жизни музея — подъемом как хозяйственной жизнедеятельности, так и реставрационной. Не будет преувеличением сказать, что нынешнее состояние Поленовского заповедника в значительной степени именно ее заслуга. В труднейшие 1990-е годы она не только не позволила растерять бесценное наследие, но и приумножила его. В то время был полностью восстановлен и благоустроен концертно-выставочный комплекс «Город мастеров», Центр экскурсионного обслуживания по оригинальному проекту архитектора Е.В. Перченкова, открыла свои двери новая мемориальная школа села Страхово, основанная еще самим художником.

История музея при Федоре Поленове и Наталии Грамолиной — это история не просто сохранения, а возвращения усадьбе ее первоначального вида, защита окской природы, развитие поленовских традиций и воплощение планов художника. Их трудами поленовская усадьба получила свое второе рождение: стала чем-то большим, чем просто музей, стала связующим звеном между прошлым и будущим.

В одном из давних интервью Наталия Николаевна сказала: «Наш мемориальный музей, пожалуй, единственный в своем роде, который сохранился в России. Сто двадцать лет кряду семья Поленовых только и делает, что сохраняет и музей, и усадьбу, и окружающий музей ландшафт».

В 2022 году усадебному Большому дому исполнилось уже 130 лет. Но удивительным образом он не только не выглядит раритетом давно ушедших времен, но современен всем, кто сюда приходит.



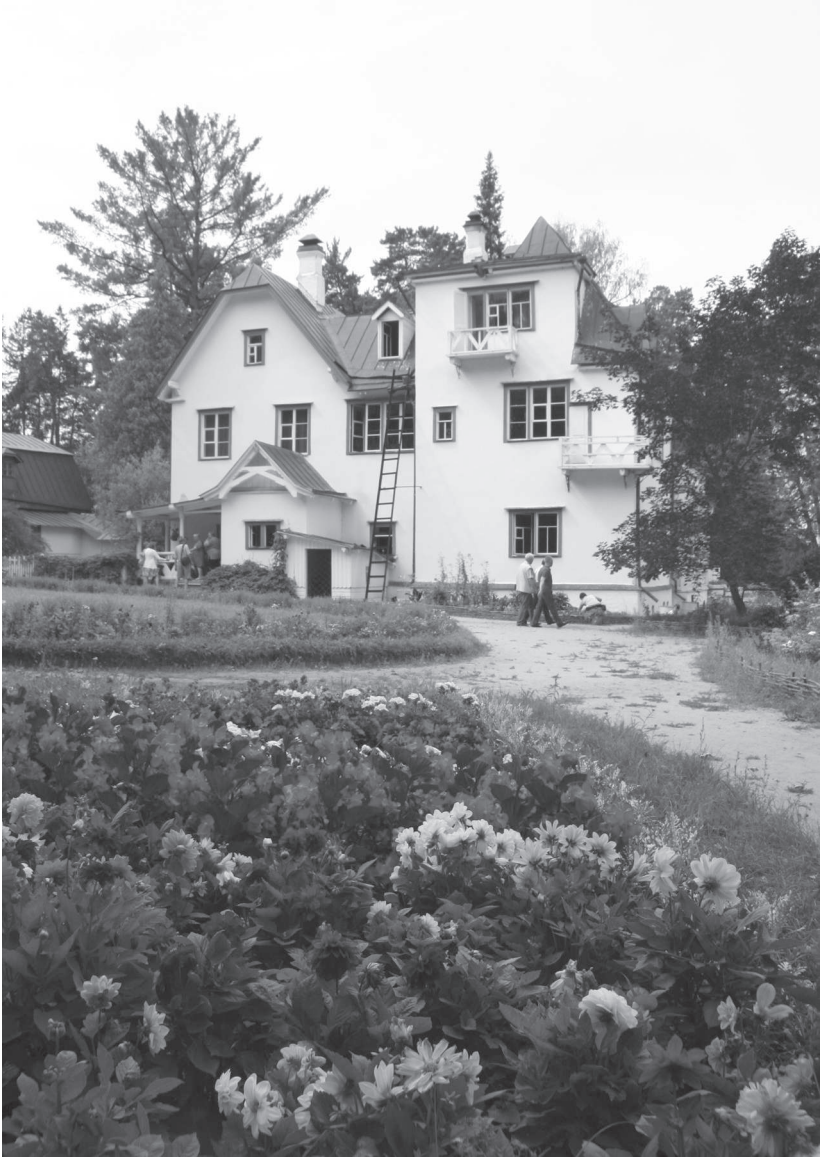
Ф.Д. Поленов. 1990 год

Н.Н. Грамолина. 2019 год

Н.Н. Грамолина и Ф.Д. Поленов. 1970-е годы

Д.В. и Ф.Д. Поленовы. 1960 год

Усадьба



Большой дом

Аббатство

Адмиралтейство

Фахверк

Центр экскурсионного обслуживания

Город мастеров

Н.Н. Грамолина и Ф.Д. Поленов

Михаил Иванов, протоиерей

ПРАВИЛА СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ 1857 ГОДА

Святогорский монастырь долгое время руководствовался в своей деятельности церковным законодательством Российской империи, которое на протяжении столетий изменялось и дополнялось, а также Правилами Церкви. Оперативное управление монастырем находилось в руках игумена под контролем правящего епископа. Так было до 1857 года, когда новый настоятель, получив ряд взысканий начальства, составил «Правила Святогорского третьеклассного Успенского Штатного Монастыря, что в Опочецком уезде Псковской Епархии»[1] (далее Правила). Важность события для истории обители требует остановиться на содержании данного документа подробнее.

Иеромонах Гавриил получил указание епархиального начальства[2] руководствоваться Уставом Юрьева монастыря[3] (далее Устав) при исполнении своих обязанностей, однако иеромонах составил более краткие и конкретные Правила[4] для своей обители. Следует отметить, что уже в 1869 году вышли в свет написанные современным языком более лаконичные правила для монашеских братств, составленные митрополитом Филаретом (Дроздовым)[5], но в конце шестого десятилетия XIX века святогорский настоятель был вынужден заниматься адаптированием существующего монастырского устава новгородской обители. Впрочем, правила монашеских братств митрополита Филарета носили более общий для всех обителей характер и были рекомендованы и для

[1] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 328. Оп. 1. Д. 195.

[2] Указания правящего архиерея были получены по результатам посещений обители благочинным над монастырями 14 и 21 декабря 1855 года. См.: Указы Псковской духовной консистории за 1856 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 193. Л. 24–27.

[3] Устав Новгородскаго Первокласнаго Юрьева Общежительнаго Монастыря. М., 1830. Издание содержит 86 страниц на церковнославянском языке с буквенной нумерацией согласно тексту рукописи. Постраничная нумерация отсутствует. Кожаный переплет с золотым тиснением. В издании присутствует одна гравюра Юрьева монастыря И. Ческого.

[4] Правила представлены рукописью на 21 листе, без оглавления.

[5] *Филарет (Дроздов), митрополит.* Правила благоустройства монашеских братств в Москве. М., 1868.

мужских, и для женских монастырей. Несомненно, применяя данные правила к Святогорской обители, пришлось бы сделать корректировки и уточнения.

Рассмотрим, что использовал из рекомендованного епархиальным начальством монастырского Устава в своих Правилах настоятель монастыря у Святой горы.

Оба документа начинаются цитатой Первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Вся же благообразно и по чину да бывают» (1 Кор. 14:40). При этом более пространный Устав предваряется двумя цитатами Священного Писания[6].

Устав снабжен оглавлением, делится на три части. Часть первая состоит из 15 глав, посвященных общим правилам монашеского общежития, общего богослужения, чтения, взаимодействия с внешним миром и наказания нарушителей порядка. Часть вторая имеет 20 глав с описанием конкретных монастырских должностей и непосредственных обязанностей каждого уполномоченного брата. Таким образом, раздел дает представление о структуре и внутреннем распорядке Юрьева монастыря, замышленных создателем этого свода правил. Третья часть, имеющая 20 коротких главок, представляет собой краткие правила монашеской жизни — своеобразная памятка братии, регламентирующая дисциплину и помогающая проводить духовную жизнь иноку.

В отличие от Устава, Правила имеют более краткую структуру. Как и Устав, Правила разделены на части, в рамках которых главы имеют независимую нумерацию. Так как Святогорский монастырь не был общежительным, настоятель обители сократил Часть 1 Устава до трех глав. Первая посвящена церковному общественному богослужению, а вторая описывает порядок совершения общей трапезы в обители. Третья глава «О жизни монастырской» внушает братии неисходно находиться в обители, занимаясь духовным деланием, послушаниями, чтением. Посещение келлии мирскими людьми и посторонними дозволялось лишь с благословения настоятеля или духовника обители[7].

Вторая часть Правил аналогично соответствующей части Устава описывает обязанности различных монастырских должностей. Из структуры главы видно различие во внутреннем устройстве третьеклассной необщежительной и первоклассной общежительной обители.

---

[6] 1 Кор. 14:40 и Притч. 23:28.

[7] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 6 об.

Правила не содержат описания обязанностей наместника, екклисиарха, книгохранителя, келлиарха, гостеприимца, рухлядного, кружечного, просфороделателя, хлебенного и служащего больным за неимением таких должностей в Святогорском монастыре. Вместе с тем иеромонах Гавриил выделил отдельно должности свечника и синодика, в то время как создатель Устава архимандрит Фотий (Спасский) поручает нести данные послушания одному человеку.

Третья часть в Правилах трансформировалась в «Общие приложения», где святогорский настоятель кратко излагает монастырские обязанности братии и дает наставления в духовной жизни. Кроме вышеперечисленного, текст рукописи имеет отдельное примечание «О Святом Артосе», где приводится последование артоса, совершаемое по обычаю в обителях.

Первые указания текста Правил отсылают нас к вышеупомянутым нареканиям в адрес настоятеля, касающимся внешнего вида братии. Начальные положения содержат указания о посещении церкви служащими монахами в мантиях, камилавках и клобуках. Не служащие могут приходить в рясах, камилавках и клобуках. Послушники «должны быть со своими скуфьями и непременно споясавшись»[8].

Вдовые иереи и диаконы должны были стараться иметь одежды черного цвета. Братия обязана была воздерживаться от плетения волос, «ныне употребляемого многими духовными лицами при Богослужении» «как показывающего не скромность и неуважение к святыне». Все насельники были обязаны приходить к началу богослужений и без благословения настоятеля не покидать церковь до окончания служб[9].

На службах повечерия, всенощного бдения и утрени, по окончании богослужения полагались так называемые сходки хоров перед чудотворными явленными иконами Одигитрии и Умиления. На сходке в конце повечерия пелось «Под Твою милость прибегаем Богородице Дево и пр., а в заключение: Пресвятая Богородице спаси нас». В конце первого часа — сходка с пением: «Всё упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Также сходки рекомендовались на всенощном для пения богородичнов и великого славословия, а на литургии для пения: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и пр.…»[10]

[8] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. а.

[9] Там же. Л. а об.

[10] Там же. Л. 3.

Правила подчеркивали важность поучений, которые должны читаться как можно чаще, а на всенощном обязательно регламентировалось чтение Синаксаря. В субботу перед литургией совершался акафист Богородице, к которому следовало приходить всем и в приличной сану одежде. Последование совершал полностью, без сокращений вступающий в богослужебную чреду на следующей неделе клирик[11].

Братии, а особенно иереям, до литургии предписывалось воздержание от пищи и пития для принятия антидора или для возможной подмены заболевшего служащего клирика.

Длительные крестные ходы, совершаемые часто в обители, являлись для монашествующих выходом за спасительные стены монастыря, а значит, могли привести к различным соблазнам и происшествиям. Для удержания дисциплины братии во время таких благословных отлучек в Правила было включено примечание: «Всем братствующим, назначенным в путешествие, поставляется в непременную обязанность вести себя всегда чинно и благопристойно. Службы отправлять всегда чинно и в присутствии святыни, когда, например Чудотворная Икона будет в каком доме, тем паче в церкви, не делать ни словом, ни делом никаких неприличных действий, особенно не упиваться вином, в немже, по словам Св. Апостола, есть блуд Ефс. 12:18 и от котораго происходят всякого рода безпорядки. Притч. XXIII — 29.30»[12].

В главе об общей трапезе описан известный порядок, соблюдаемого и ныне в монастырях чина «О Панагии». Особое примечание вводит безалкогольный характер всех трапез в обители «для усовершенствования в доброй жизни». Вино или «траву с медом» в келлии мог держать лишь настоятель и казначей, понемногу в качестве лекарства давая больным и «при исполнении трудных послушаний»[13]. Примечания и наставления, касающиеся злоупотребления спиртным, свидетельствуют о борьбе настоятелей Святогорской обители с данным пороком — впрочем, как и о том, что порок присутствовал.

Глава 3, посвященная монастырской жизни, помимо покаянного и молитвенного делания предписывала монашествующим оставаться в обители: «Все в монастыре, а особенно монахи, должны всячески остерегаться частого исхождения из монастыря к мирским людям, ибо

[11] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 3.

[12] Там же. Л. 3 об.

[13] Там же. Л. 5 об.

как рыбы на суше медля умирают, так и иноки вне монастыря и келлии». Исихастские мотивы наставлений Правил предлагают совершенный путь спасения насельнику обители, направляя его к безмолвию: «Сидя в безмолвии инок от трех браней бывает свободен: от слышания, видения и глаголания»[14]. Приведенная цитата есть перифраз из 27 слова «Крин сельных…» святого преподобного Паисия (Величковского)[15]. Автор Правил монастыря, иеромонах, а в будущем архимандрит Гавриил заимствовал в свой монастырский устав учение прп. Паисия Нямецкого из Устава архимандрита Фотия. Следует отметить, что далеко не все положения Устава вошли в Правила, следовательно, Гавриил разделял идею этого фрагмента и считал необходимым включить его в свой текст. Человек, для которого не были бы дороги слова духовного старца, не стал бы вводить их в правила обители, а значит и архимандрит Фотий, и архимандрит Гавриил жили этими словами, помнили и исполняли их сами.

В подразделе нашей работы о происшествиях в обители описано странное поведение новоназначенного иеромонаха Гавриила при визите благочинного. Можно объяснить его поведение как поведение молитвенника, столкнувшегося с разладом в монастыре, который начал с себя и предварил свою деятельность молитвой и удалением в келлию. Внешне безучастное поведение молодого настоятеля вызвало критику начальства, и он, следуя монашескому послушанию, приступил к успешному переустройству монастырской жизни.

Также в правилах процитирован Алфавитный патерик, правила св. Василия Великого, запрещающие выход монаха из келлии. Увольнение монашествующего из обители на короткое расстояние и время разрешалось с ведома настоятеля, духовника и казначея. Увольнение на долгий срок или большое расстояние могло быть лишь с санкции епархиального начальства[16]. Правила ограничивали общение между братией, прием друг друга в келлиях, разговоры с женщинами. Со светскими людьми братия должна была всегда говорить душеполезное, поддерживать честь обители, защищать братию от клеветы и наветов «на основании любви, покрывающей множество грехов».

[14] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 6.

[15] *Величковский Паисий, архимандрит.* Крины сельные, или Цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания. О заповедях Божьих и о святых добродетелях. Одесса, 1910. С. 32.

[16] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 6.

Особенные рукоделия в келлиях не предписаны, впрочем, указано, что они должны присутствовать, а, кроме того, указано в келлиях заниматься чтением Слова Божиего и других православных душеспасительных книг[17]. Правило о защите чести обители и братии было необходимо для прекращения распространения греха. Проступки и нарекания, поступавшие постоянно от местных и дальних жителей, в случае их обсуждения, не способствовали разрыву порочного круга. Необходимо было предоставить суд начальству, а пересуды устранить совсем. Установление чтения в келлиях является ответом на указания начальства, сетовавшего на безграмотность братии в указах 1856 года, описанных выше. Конечно, для исполнения данных требований была необходима материальная база. «Должное чтение угашает похоти телесныя, отгоняет всякий грех, сдружит союз любви, душу величит, уста очищает, сердце веселит и чувство отверзает. По этому книгохранилище монастырское должно быть достаточно снабжено всем…»[18] — отмечается в тексте документа.

Глава Правил, посвященная монастырскому собору (часть 2), почти полностью соответствует тексту Устава. Святогорский настоятель внес минимальные правки в ее содержание. В частности, в связи с отсутствием наместника в третьеклассной обители, в части, касающейся властных полномочий, фигурирует казначей. Кроме того, Святогорская обитель оказывала помощь приходам, и этот факт отражен в главе Правил, в отличие от Устава. Предохранение от беспорядков в обители регламентируют оба свода правил. Оба текста глав «О соборе монастырском» предписывают в случае, если беспорядки не прекращены властями монастыря, докладывать о происшествиях напрямую благочинному монастырей и правящему архиерею епархии[19].

Глава «О должности Настоятеля» написана иеромонахом Гавриилом самостоятельно, из Устава он заимствовал лишь несколько мест. По мысли святогорского подвижника, настоятель должен «иметь всегдашнее попечение о спасении братии и о благосостоянии обители», наставлять братий «советом и примером своим, направляя каждого ко благочинному отправлению Церковнаго Богослужения, **к стяжанию**

---

[17] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 6 об.

[18] Там же. Л. 6 об.–7.

[19] Там же. Л. 9; Устав Новгородскаго Первокласнаго Юрьева Общежительнаго Монастыря. Л. 10.

непрестанной умной молитвы[20]**,** к послушанию, ко взаимной любви, смирению, терпению, воздержанию и ко всякой добродетели…»[21] Аналогичное место о непрестанной молитве имеется и в Уставе, однако архимандрит Фотий более строго замечает, ссылаясь на 18 пункт Духовного регламента и известное положение христианской антропологии о духовно-телесном устройстве человека: «Праздно жить никому не попускать, даже под предлогом безмолвного духовного подвижничества, понеже сугуб есть человек, сугубо убо быть должно и добродетелей тщание»[22]. Ничего подобного не имеется в тексте иеромонаха Гавриила, что позволяет сделать вывод о более мягком режиме в Святогорской обители, установленном игуменом. Замечательные слова о служении настоятеля, приведенные в Правилах, позволяют судить о высокой духовной жизни иеромонаха Гавриила, применявшего прежде всего к самому себе высокие духовно-нравственные требования: «Настоятель — должен быть в деле душевнаго спасения всем опорою, светильником света[23] и примером подражания всех добродетелей»[24]. Интересно сравнить с текстом архимандрита Фотия о настоятеле: «Будучи первым, быть в делах спасения всем слугою, светильником света, и солию благоразумия, слово животно в себе имуще…»[25] Сравнение текстов позволяет говорить, что иеромонах Гавриил переработал текст Устава в соответствии с местными потребностями, существенно сократив его, а некоторые части написал сам почти полностью. «Сам настоятель должен руководствоваться Правилами, чтобы не подать повода другим к «самовольству», ропоту и жалобам на него начальству», — завершает главу иеромонах Гавриил[26]. Указанный пункт имеется в Уставе, однако в нем не упомянуты ропот и жалобы начальству на настоятеля, бывшие обычным делом в Святогорском монастыре. Уместно напомнить, что сам архимандрит Фотий мог исполнить

---

[20] Выделено автором.

[21] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 9 об.

[22] Устав Новгородскаго Первокласнаго Юрьева Общежительнаго Монастыря. Л. 10.

[23] Светильник Света — выражение ирмоса 6 песни канона Богоявления на утрене, говорит о проповеднике покаяния Иоанне Предтече.

[24] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 9 об.

[25] Устав Новгородскаго Первокласнаго Юрьева Общежительнаго Монастыря. Л. 10.

[26] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 10 об.

и исполнял требования Устава, а вот братия его не всегда были способны к такой строгой жизни и разбегались из обители[27].

Ряд конкретных указаний главы позволяет сделать вывод об общей духовно-созерцательной направленности Правил. Настоятель обязан в отношении братии:

- тщательно наблюдать, чтобы братия, особенно монашествующие, ни под каким предлогом не были отвлечены от церковнаго богослужения никакими хозяйственными работами, кроме неизбежных случаев;
- посещать братию в келлиях не реже раза в неделю, а больных посещать ежедневно и за всеми наблюдать, чтобы имели здравое понятие о главных спасительных догматах веры;
- умеющим читать давать различные книги нравственного содержания, а особенно Краткий и Пространный катехизисы;
- наблюдать, чтобы никто не жил в праздности, но работы давать по силам каждого;
- развращенных умом и сердцем исправлять отеческой любовью и духовной мудростью, обличая, запрещая, умоляя со всяким долготерпением.

В целом глава, посвященная настоятелю, в святогорской редакции относительно Устава является новым текстом, адаптированным под местные потребности, менее строгим в дисциплинарных требованиях к братии.

Глава «О должности Казначея» указывает, что казначей «есть ближайший споспешник Настоятеля, более всех долженствующий с ним иметь попечение о благоустройстве братии и монастыря». Исходя из данного посыла, второй после настоятеля инок был «должен помогать Настоятелю в попечении о спасении братии, насаждая в сердцах их Богоугодныя добродетели и искореняя душевредные пороки полезными советами, наставлениями, увещаниями и примером Богоугодного своего жития»[28]. Приведенные цитаты почти полностью совпадают с началом главы «О должности Наместника» Устава[29]. В Святогорской обители не имелось должности наместника, который был бы ближайшим помощником настоятеля, поэтому иеромонах Гавриил

[27] *Кондаков Ю.Е.* Архимандрит Фотий (Спасский). Сочинения и общественная деятельность. М., 2022. С. 447–449.

[28] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 11.

[29] Устав Новгородскаго Первокласнаго Юрьева Общежительнаго Монастыря. Л. 11.

возложил эти обязанности на второе лицо обители — монастырского казначея.

Нередко в Святогорском монастыре существовал антагонизм между настоятелем и казначеем, происходивший по разным причинам. Трудно было найти подходящего кандидата на высокую и ответственную должность. Проблема состояла и в нечестности, и в нарушениях дисциплины казначеями, что приводило даже к заимствованиям кандидатов на должность из других монастырей по прямому указанию епархиального начальства. В такой ситуации речь о помощи второго лица в монастыре настоятелю в деле духовного воспитания братии, конечно, не шла. Рассматриваемые Правила дают качественно новый взгляд на функции казначея. Теперь, по мысли составителя Правил, это не монастырский бухгалтер, а единомышленник и сотрудник настоятеля, сам являющийся примером высокой духовной жизни для братии, который берет на себя тяжесть учета монастырских финансов. Из данной идеи следуют и аналогичные игуменским обязанности казначея: как можно чаще посещать и наставлять братию в келлиях, наблюдать за занятиями насельников, иметь «ревностное попечение» о богослужении, контролировать правильности исполнения всех должностных обязанностей младшими должностными лицами обители, помогать добрыми советами[30]. Кроме указанных функций, Правила подробно регламентируют правильный и прозрачный для остальных братий и настоятеля учет монастырских доходов и другого монастырского имущества казначеем[31].

Интересное замечание Правил касается широкого распространения в обители курения, «столь не приличного священному сану и от которого по неосторожности может случиться пожар». Казначей был обязан «всячески заботится об искоренении сей господствующей страсти»[32]. Следует отметить, что по ходатайству предшественника иеромонаха Гавриила, игумена Варлаама, в 1852 году был издан епархиальный указ по монастырям о запрете курения. Как видно, в 1857 году, на момент написания Правил, курение не уменьшилось в Святогорском монастыре, но табак употреблялся даже священством так, что потребовалось ввести отдельным пунктом обязанность казначея о его искоренении.

Духовник обители — третье лицо после настоятеля, должен был более всех «помогать настоятелю во спасении братии», утверждая

[30] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 11.

[31] Там же. Л. 11–12 об.

[32] Там же. Л. 12 об.

каждого в вере и благочестии примером своей жизни, наставлениями, увещеваниями, молитвами к Богу. Духовный отец братии призывается Правилами насаждать в каждом страх Божий, любовь к Богу и друг ко другу, воздержание во всём, послушание, смирение, терпение, прилежание к чтению Слова Божия, святоотеческой литературы, к непрестанной молитве и трудам[33]. Исповедь полагалась пять раз в год, Великим постом дважды. Кроме того, духовник должен был исповедовать священнослужителей перед седьмичным служением. Вход братии к духовнику был открыт круглосуточно: «Во всякое время Духовный отец с любовью приемлет своего Духовного сына, грядущего к нему и врачует его»[34]. Насаждение непрестанной молитвы в среде братии, подлинно старческий характер взаимоотношений духовника обители и братии, отраженные в Правилах, свидетельствуют о влиянии учения старца Паисия Величковского на составителя Правил иеромонаха Гавриила.

Также Правила описывают обязанности ризничего (сохранение предметов ризницы)[35], уставщика, благочинного (порядок и благоговение при богослужении)[36], эконома (ведение монастырского хозяйства; закрытие ворот летом в 10 вечера, зимой в 6)[37]. Пономарь был обязан, помимо помощи на богослужении, будить братию утром. Правила регламентировали начало вечерни в день Св. Пасхи в три часа пополудни, в другие дни Светлой седмицы вечерня начиналась в четыре часа дня, утреня в четыре утра, литургия в семь часов утра. В период от Недели Антипасхи до 14 сентября вечерни начинались в четыре дня, всенощные в пять или шесть часов вечера. Литургии начинались в 9 утра. В более темный период года с 14 сентября до Пасхи богослужения немного сдвигались по времени. Вечерни бывали в четыре или в три часа дня, всенощные в четыре вечера, утрени в пять утра. В Навечерие Рождества Христова и Богоявления часы совершались в 9 утра, а литургия в 12 дня. В Рождество и Богоявление всенощная начиналась в два ночи, литургия в семь утра. В период Великого поста повечерия начинались в четыре вечера, утрени на первой седмице в шесть утра, в остальные недели в пять утра. Часы начинали в 10 утра, а в дни служения литургии Преждеосвященных Даров — в 9 утра. Утреня Благовещения бывала

[33] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 13.
[34] Там же. Л. 13 об.
[35] Там же. Л. 14–14 об.
[36] Там же. Л. 15.
[37] Там же. Л. 15 об.–16.

в два ночи, утреня Великого канона и Субботы акафиста в три ночи. Утрени первых трех дней Страстной начинались в четыре утра, часы с Четвероевангелием в 7 утра. Утреня Великого четвертка была в четыре утра, литургия в 10. Утреня Великого пятка с Чином погребения Спасителя начиналась рано утром, в три часа, часы в 9, а вечерня с выносом Плащаницы Спасителя в два часа дня. Утреня Великой Субботы была в два ночи, литургия в час дня, затем в семь вечера служилось повечерие и читались Деяния святых апостолов. Во все непраздничные субботы года служился акафист Божией Матери, к которому пономарь был обязан благовестить в большой колокол в 8 утра. Благовест в малый колокол полагался к началу проскомидии, за 30 минут до литургии, во всё время года. Благовест бывал в праздники к малому водоосвящению. По окончании литургии бывал звон в Господские, Богородичные праздники, в дни памяти великих святых. В будние дни звоном занимался «чередной послушник», а в праздники монастырские служители. Уборка алтаря, церкви и паперти входила в круг обязанностей пономаря[38].

В обители была также небольшая, но ответственная должность свечника. Свечник собирал деньги за свечи, которые «не должен давать ни Казначею без Настоятеля, ни Настоятелю без Казначея, для избежания могущих случиться злоупотреблений»[39]. Интересный момент обнаружен в описании оборота свечей в обители. Выясняется, что часть свечей, поставленных к иконам богомольцами, в определенный момент снималась братией и пускалась повторно в продажу. Одна из обязанностей казначея по учету имущества состояла в том, чтобы «отборныя от Икон свечи, буде годныя для обратной продажи, по счете и с ведома об этом Настоятеля, отдавать свечнику»[40]. Устав Юрьева монастыря не имеет указаний на повторное использование свечей в церкви[41].

Отдельная должность «синодика» (синодичный брат) была введена для записи имен на поминовение и отдельного, независимого учета денежных пожертвований за молитвы[42]. Как видно, Правила использовали разграничение ответственности братии для направления монастырской жизни в спасительное русло.

---

[38] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 16 об.–17 об.

[39] Там же. Л. 18.

[40] Там же.

[41] Устав Новгородскаго Первокласнаго Юрьева Общежительнаго Монастыря. Л. 15.

[42] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 18 об.

Трапезный был ответственен за приготовление пищи братии. Интересной особенностью его деятельности является обязанность «притти в церковь к началу утрени для получения из горящей пред Образом Божией Матери лампады неугасимого огня, которым и разводят огонь в поварне, с молитвою: Господи благослови!» Приготовление пищи предварялось благословением у чудотворной иконы Богородицы на Святой Горе и продолжалось «всегда с молитвою, со вниманием и прилежанием, без крика, шума, брани и вообще худых дел, дабы всё приготовляемое было вкусно и полезно». Входить в трапезу посторонним строго запрещалось, в противном случае следовало немедленно доносить настоятелю или казначею[43].

В Правилах, помимо вышеописанных обязанностей должностных лиц, присутствует примечание, посвященное чинопоследованию со Св. Артосом в Светлую седмицу, а также общее наставление всем братиям, направляющее их к благочестию, благоговейному совершению своего служения по правилам Церкви[44]. Как и весь текст Правил, наставление насыщено цитатами Священного Писания и святых отцов.

В целом, рассматривая Правила, можно отметить, что их автор — иеромонах Гавриил — стремился наладить духовную жизнь в Святогорской обители. В работе над Правилами иеромонах опирался на Устав Юрьева монастыря. Ряд цитат из Священного Писания, церковных правил, творений преподобного Паисия Величковского, неоднократных наставлений о непрестанной молитве, приведенных в тексте Устава и Правил, позволяют говорить о том, что авторы этих текстов стремились ввести в обителях внутреннее духовное подвижничество — подобно другим русским монастырям, начинающим этот путь в XIX столетии. Можно считать иеромонаха Гавриила и архимандрита Фотия последователями преподобного Паисия Нямецкого. Сложно отследить результаты введения новых правил, но некоторые косвенные данные позволяют утверждать, что иеромонах добился успеха во внутреннем переустройстве монастыря, при нем были проведены и различные строительные работы. Через шесть лет, в 1860 году, Гавриил получил игуменство, а в 1870-м стал архимандритом и вскоре был переведен в Троицкий Небин, а затем в городской Псковский Мирожский монастырь. Можно считать, что награждение высоким саном и перевод в Мирожский

[43] ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195. Л. 19.

[44] Там же. Л. 19 об.–20 об.

монастырь свидетельствовали об удовлетворении церковного начальства положением Святогорской обители при данном настоятеле. Исходя из данных фактов, можно предположить, что реформы иеромонаха Гавриила имели положительный результат для монастыря. Архивные данные начала XX столетия говорят о том, что хоть Правила, составленные иеромонахом Гавриилом, и были в ходу, дисциплина насельников оставляла желать лучшего, что, по нашему мнению, связано с личностью настоятелей, возглавлявших монастырь. Следует отметить значение текста Правил для современной Святогорской обители, которая может почерпнуть полезное из исторического документа, а также для дальнейших исследований истории Святогорской обители и псковского монашества. Несомненно, описанные Правила помогут исследователям глубже понять среду, в которую погружался А.С. Пушкин во время михайловской ссылки, ведь за 30 прошедших с его визита лет уклад монастырской жизни изменился мало.

Правила Святогорского мужского монастыря

Правила Святогорского третьяклассного Успенскаго Штатного Монастыря, что в Опочецком уезде Псковской Епархии. 1857 года[45].

Л. 1.

Вся же благообразно и по чину да бывают. I Коринф. Гл. XIV. ст. 40./

Правила Святогорского третьяклассного Успенскаго Штатного Монастыря, что в Опочецком уезде Псковской Епархии.

Часть первая
Глава 1. О Церкви и Церковном Богослужении

Святая Церковь есть Дом молитвы, селение Вышняго и земное небо, где Сам Бог Господь Вседержитель по особенному Своему благоволению к людям, Своею Благодатью преимущественно присутствует и преподает в Евхаристии Тело и Кровь Свою всем верным; по этому составляющие братию Св. Обители: монахи и мирские должны приходить в оную — Церковь:

с достодолжным благоговением, с сердечным сокрушением о грехах как собственных, так и всех людей, с глубоким смирением, а особенно в мире т. е. безвсякой малейшей вражды и злобы на ближняго своего.

все — от Настоятеля до последняго послушника в приличном своему званию одеянии. Монахи почтенные саном священства, когда служат, должны из келлии выходить в Церковь в мантиях и камилавках с клобуками; а когда не служат, то как рясофорные — в рясе, камилавке и клобуке. Послушники должны быть в своем одеянии и непременно опоясавшись. Если в числе братии будут

[45] Правила монастыря за 1857 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 195.

вдовые иереи и дьяконы; то и они в приличных им одеяниях. Одежды же все до одного должны стараться иметь чернаго цвета. Плетение волос, как показывающее не скромность и неуважение к святыне, ныне употребляемое многими духовными лицами при Богослужении, всеми братствующими строго воспрещается.

Всем должно приходить к началу всякой службы както: вечерни, утрени и литургии и никому без благословения Настоятеля, не дождавшись конца службы, не выходить из Церкви: В 9м правиле Св. Апостолов в кормчей книге сказано: «да отлучени будут не пребывающии в Церкви до последния молитвы, но еще святой службе поемой и совершаемой исходят из Церкви, таковии, яко безчиние творяще в Святой Церкви, — даотлучатся».

Во время службы никому не озираться, не празднословить, не смеяться и с места на место без нужды не переходить; но всем стоять со страхом Божиим, усердно молиться и внимать чтению и пению с чувством Христианского смирения и любви ко всевидящему Богу, — и особенно когда совершается Божественная Литургия, ибо в ней приносится Богу достойная Его величия, страшная, безкровная, словесная, за грехи всего мира закланная Жертва, перед Которой и сами Архангелы и все Силы Небесныя предстоят со страхом и трепетом. Если сверх всякаго чаяния произойдет в Церкви между братиею какой-либо безпорядок, то Настоятель, или Казначей обязаны заметить таковый со всякой скромностию и вежливостью, опасаясь, чтобы своим замечанием не оскорбить Святыни:

Чтецам читать на определенном месте не спешно, но раздельно, ясно, внятно и с благоговением, не отпуская ничего нужнаго. Паремии, шестопсалмие, / равно как и Апостол, читать на среди Церкви. За амвоном. Певцам же петь где установлено и кротко, не понуждая своего естества на вопль, со умилением и неспешно, также не опуская ничего достойнаго.

Примечание: По окончании повечерия на последней эктении Господи помилуй 12ть раз; далее — под Твою милость прибегаем Богородица Дево и пр.…, а в заключение: Пресвятая Богородице спаси нас. — петь всегда посреди Церкви, делая сходку с обоих клиросов пред явленными Чудотворными Иконами Одигитрии и Умиления Божией Матери. Туже сходку нужно делать после Всенощных и Утрень на первом часе, когда поется Взбранной воеводе победительная и пр.… , прибавляя на конец:

всё упование на Тя возлагаем, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим. Не лишне также делать сходки в Церкви на Всенощных для пения Богородичнов и великаго славословия; а на литургиях для пения: Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и пр.…

Поучения должны быть читаемы определенными на то лицами если не каждый день, то как можно чаще, а в Воскресные и Праздничные дни непременно всегда. На Всенощных и утренях синаксарии также не должны быть опускаемы.

Когда по Субботам перед Литургиею бывает Акафистово возследование Божией Матери: тогда как и к каждой службе должно всем приходить к началу и в приличном своему сану одеянии. Править же оный Акафист должен вступающий в следующую на служение неделю и сполна, как показано в Акафистнике.

Не отклонять никого от Церковной службы без важной на то причины. Правило 5е в кормчей книге говорит: аще кто учит дом Божий, рекше Церковь

Л. 3.

преобидети и не радети о ней ни собиратися в ней во время молитвы на пение, да будет проклят».

Примечание 1е) Вечернее правило, т. е. каноны на седмичные и праздничные дни должны быть читаемы с вечера каждым братом Обители про себя в своей кельи, отнюдь не оставляя ничего по самовольству и лености, разве по слабости здоровья, или другой какой благословной вины, препятствующей выполнить всё правило. На другой же день, каждому нужно до обедни воздерживаться от пищи и пития, разве благословной вины. Это нужно как для причастия Антидором, так особенно для иереев. Если бы, на пример: чередной служащий заболел пред служением какою-либо небылою болезнью так, что не может священнодействовать, в таком случае другой (какой) иерей, вычитав утреннее правило, т. е. последование ко Св. Причащению, может без сумнения литургисать.

Примечание 2е) Так как из Святогорскаго монастыря бывает в году два крестных хода в некоторые города и веси Псковской Епархии, то всем братствующим, назначенным в путешествие, поставляется в непременную обязанность вести себя везде чинно и благопристойно: службы отправлять везде чинно и в присутствии святыни, когда,

на пример: Чудотворная Икона будет в каком доме, тем паче в Церкви, не делать ни словом, ни делом никаких неприличных действий, особенно не упиваться вином, в немже, по словам Св. Апостола, есть блуд. Еф.V–18. И от котораго происходят всякаго рода безпорядки. Притч. XXIII –29,30. Оказавшийся же приступившим сие правило подвергается суду по законам. Настоятель и Казначей обязаны смотреть за порядком и здесь, как и в монастыре.

Глава 2. О общей трапезе

Так как трапеза занимает важное место после Церкви, то в ней со стороны трапезующих и всех… Должны быть соблюдаемы правила вежливости и благопристойности, именно:

Когда братия, в определенное Уставом время по звону колокола придут в трапезу, то пред вкушением должно совершать обычное молитвословие. Перед обедом, если праздник, нужно прежде петь тропарь Праздника, потом Отче наш…; а если нет Праздника, то вдруг же Отче наш и пр.… Слава и ныне… Господи помилуй 3жды, благослови. Чередной служащий, а если сам Настоятель, или в отсутствии его, Казначей служащие, благословляя трапезу, говорит: Христе Боже! Благослови ястие и питие рабом Твоим, яко Свят еси всегда, ныне и присно и во веки веков. Певцы: Аминь. А пред ужином петь: ядят убозии и насытятся и восхвалят Господа взыскающии Его, жива будут сердца их в век века. Слава и ныне… Господи помилуй 3жды, благослови. Чередной служащий, благословляя, произносит туже молитву, какую и перед обедом, а предстоящие: Аминь. По совершении молитвы, садятся чинно и по старшинству, всюду честию друг друга больше творяще.

Когда сядит каждый на своем месте, первенствующий звоном колокольчика дает знать, что время обеда пришло. Чередной чтец, стоя на своем месте, говорит: Житие или Слово такого-то благослови Честный Отче, прочести. Чередной служащий, восставая и обратясь к Иконе, произносит: молитвами такаго-то, или: молитвами Св. Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Чтец. Аминь.

Л. 4.

Первенствующий бьет в колокольчик, и после этого чтец читает, а Братия трапезует. Когда сменяется пища, опять первенствующий бьет в

колокольчик и чтец произносит: молитвами такого-то или Святых Отец и пр…. Служащий — Аминь и чтец продолжает читать. Трапезный же и на краю сидящая младшая братия переменяют кушенье и когда подадут другую пищу, то произносит в полголоса: молитвами такого-то, или: молитвами Св. Отец и пр…. служащий — аминь и кушают. Такой порядок должно наблюдать при перемене пищи во 2й раз и далее…

Когда же кончится последняя перемена пищи, тогда первенствующий еще бьет в колокольчик и чтец говорит Богу нашему слава. Служащий: Тому честь и держава всегда, ныне и присно и во веки веков. Чтец… Аминь, и подходит с трапезным на благословение к Настоятелю, а когда его нет, то к Казначею, или же другому, кто случится первенствующим. Принявши благословение, отходят и первенствующий последний раз бьет в колокольчик, показывая этим, что: время сотворити Господеви; братия вставши поют после обеда: благодарим Тя Христе наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ и т. дал…. Потом если Праздник, прибавляют за то в Празника и 9й ирмос; а если нет Праздника, то вдруг же: Долстойно есть и пр…. По окончании служащий:… Слава Тебе Христе Боже Упование наше, — слава Тебе. Предстоящие: — Слава и ныне…, Господи помилуй 3жды — благослови, и чередной: — Благословен Бог, милуяй и питаяй нас от Своих богатых даров Своею благодатию и человеколюбием всегда ныне и присно и во веки веков. — Аминь. А после вечерней трапезы поется: Бысть чрево Твое Святая трапеза, имущая / небесного хлеба — Христа Бога нашего, от негоже всяк ядый не умирает, яко же рече всех, Богородительнице, Питатель. Посем — Честнейшую Херувим… Слава и ныне… Господи помилуй 3жды благослови и чередной… С нами Бог, Своею Благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков. Певцы — Аминь.

Примечание. Со дня Св. Пасхи и во Вознесения Господня, вместо молитвами такого-то, или молитвами Св. Отец, одним произносится: Христос воскресе! А другой ответствуется: Воистину воскресе!

Во время трапезы братии не разговаривать между собой, не озираться, не смеяться и никакого не творить беззакония, чтобы отнюдь не было помешательства к слушанию производимого чтения. По нужде может проговорить токмо один Настоятель, а не в бытность его, Казначей или другой первенствуяй, или же служащий трапезы и то со скромностию.

При вкушении брашна и пития нужно изображать на себе знамение Креста, с молитвою втай: Господи благослови!

Вкушать пищу до пресыщения нужно остерегаться, ибо это душе и телу вредно, но вкушая, как говорит преподобный Кассиан в своем сочинении о воздержании: «Оставь оную прежде, нежели желание исчезнет».

Охуждения яств нужно блюстись, воспоминая желчь и оцет Распятаго за нас Господа.

Братии, равно и Настоятелю, кроме общей трапезы, особенной пищи по келлиям, кроме немощи, или какой благословной вины, отнюдь не иметь, и по своеволию не отлучать себя от оной. По этому, если кто вместе с прочими мог притти и не пришел, таковому по разсмотрению вины, не давать пищи до следующей трапезы.

Если кто, послан быв по какой

Л. 5.

нужде замедлит притти с братиею в трапезу, илиже за болезнию (кто) не может быть на оной, или же за преклонных лет, таковому всегда оставлять и посылать по определенной части.

Если кто по немощи своей не может употреблять общей братской пищи, тот предварительно да объявит по совести Настоятелю, или Казначею, и тогда, по их благорассмотрению, приличную своему недугу да вкушает пищу.

Пища должна быть приготовлена по важности каждого дня и сообразно с Уставом Св. Церкви. Дни постные и обыкновенные отличать от дней праздничных и Высокоторжественных. А в Св. Четыредесятницу равно как в среду и пяток всего лета, кроме Праздников и ??? немощных, непременно хранить пост. В 69м правиле Св. Апостолов сказано: аще кто Епископ, или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец Святыя Великия Четыредесятницы не постится и среды и пятка всего лета, кроме немощи и празднеств, да извержется, людин же да отлучится.

Примеч. Хотя Уставом Церковным и позволено употребление вина в трапезе в известные праздничные дни, но како в том же Уставе содержится совет к совершенному воздержанию от вина в сих словах «яко похвала монаху, еже не пити вина» Гл. 35., то в Святогорском монастыре, для усовершенствования в доброй жизни, не вводить употребления вина в трапезе, а в келье Настоятеля и Казначея не возбраняется держать, или вместо вина траву иметь с медом и в пристойное время по малу —

на подобие лекарства, давать тым из братии, для коих то нужно — по особенному состоянию их здоровья, или при исполнении трудных послушаний.

Глава 3. О жизни Монастырской

Так как удаление от мира и безмолвие, совершаемое телом и духом, по мнению Богомудрых мужей (Вас. Вел. подлин. Уст. Гл. 22 и 26. Ефр. Сир. 101. Иоан Леств. ст. 11) есть ума устроение, сердечный к Богу восход, чисто видимый свет, разумений Божиих бездна, покаянию матерь, кротости родитель, смиренномудрия сожитель, страху Божия сочетание, а напротив обращение с миром и многоглаголание, есть лжи слуга, умилению разорение, смысла разсыпание, оклеветания дверь и молитвы омрачение: ____ тся___ все составляющие братии в монастыре, а особенно монахи, должны всячески остерегаться частаго исхождения из монастыря к мирским людям. Ибо как рыбы на суше медля умирают, так и иноки вне монастыря и келлии. Сидя в безмолвии инок от трех браней бывает свободен: от слышания, видения и глаголания. Патер. Св. Анд. Св. Моисей говорил: шед сядь в келлии и та научит тебя всему. А Св. Василий Великий явно запрещает в своих правилах иметь частые исхождения, так говоря: исходити вне обители всячески остерегайся, убегая разсеяния твоих мыслей от пиршеств же и пьянства и житейских попечений воздерживайся.

Если кому из братий нужно отлучиться куда из монастыря, то таковый должен получить дозволение от собора монастырского, или по крайней мере хоть испроситься у Настоятеля одного — непременно, который с билетом может уволить, смотря по надобности, на некоторое малое время и на небольшое от монастыря разстояние. На несколько часов или минут может кого уволить и Казначей, или Духовник, но на долгое время и на значительное разстояние может только уволить Епархиальное

Л. 6.

Начальство к коему должно и обращаться.

Не нужно делать частых посещений друг ко другу без вины благословной, разве только кто хочет посещать какого-либо брата, который засвидетельствовал непорочность своего жития, для снискания от него духовного назидания в свое подкрепление. Но и в сём случае

Настоятель и Казначей должны наблюдать, чтобы исхождение было не частое и не зазорное.

В келью свою без благословения Настоятеля или Казначея, никому из братии никого из посторонних мирских людей не приглашать и не принимать.

Остерегаться подвижников непостоянных, то к тем, то к другим братиям приходящих с безпокойными и безпрестанными смущениями, и, под видом духовной любви и подвижничества, исполняющих свои плотския прихоти.

Тщательно удаляться разговоров с женами и обхождения с ними, а когда необходимо нужда к общению с ними приведет, то весьма остерегаться их должно и немедленно отходить от них, с сохранением впрочем всегда должного приличия.

В разговорах светскими людьми всегда и везде должно говорить полезное во славу Божию, защищая достоинство Св. Обители, а братию в случае нужды от клеветы и наветов, на основании любви, покрывающей множество грехов.

Что же касается до келейных занятий братии, то, кроме рукоделий, кто что знает и может и, кроме исполнения Уставом положенных на каждый день канонов и молитв, должен укореняться в чтении Слова Божия и других душеспасительных книг, Православною Церковию принятых. Ибо данное чтение угашает похоти телесныя, отгоняет всякий грех, сдружает союз любви, душу величит, уста очищает, сердце веселит и чувство отверзает. По этому книгохранилище монастырское должно быть достаточно снабжено всем, по крайней мере, наиболее нужными догматическими, нравственными и историческими, до духовной жизни относящимися книгами: А Настоятель и Казначей чаще должны навещать братию и смотреть: всели понимают прочитанное. Непонятное объяснять и всячески стараться, чтобы чтение было не без пользы.

Л. 7.

Часть вторая
Глава 1. О Соборе монастырском

Собор монастырский суть как бы некая Священная дума, в которой, по предложению Настоятеля, обще с ним рассматриваются и

решаются все главнообщие дела управления монастырского. Собор состоит из Настоятеля, Казначея, Духовника, Ризничного и Эконома, а в случае нужды, других, по опытности, благочестию и благоразумию достойных братий, назначенных по усмотрению Настоятеля, Казначея и Духовника.

Собор имеет свои заседания по назначению Настоятеля и каждому из членов онаго представляется право объяснять свое мнение при общем суждении о предложенном деле, которое и решается по большинству голосов, на основании слова Божия церковных и Государственных постановлений и согласно с правилами здесь изложенными.

Дела подлежащие суждению собора, двух родов. Одне те, по коим должно представлять на утверждение Епархиальному начальству, а другия те, покоим собор имеет право приводить во исполнение свои решения сам по себе.

Перваго рода дела суть:

Новые учреждения в монастыре признаваемыя для пользы онаго по нравственной части.

Перемена, или избрание вновь должностных лиц монастырских: Казначея и Духовника.

Избрание к пострижению в монашество достойных и желающих сего сана братий.

Избрание из числа монашествующих братий достойных к руко положению в чин священства.

Определение в число братства жела-

Л. 8.

ющих поступить в оное послушников, с надеждою постричься монашество и увольнение из монастыря недостойных быть во оном, или по их прошению.

Покупка вновь и переделка старых церковных и ризничных вещей драгоценных.

Построение новых значительных значительной цены — необходимо нужных по благосостоянию монастыря зданий.

Истребления употребление монастырских значительных сумм не определяемых ежегодною потребностию.

Требование из казенных мест по билетам капитальный суммы, в случае чрезвычайных расходов.

Донесение Епархиальному Начальству о поступающих в Обитель значительных пожертвованиях и о всех чрезвычайных происшествиях по Церкви и Монастырю.

Втораго рода дела суть:

Избрание и определение должностных братий, как-то: эконома, ризничаго, уставщика, пономаря и проч.

Назначение денежных сумм, определяемых ежегодною потребностию на общественное монастырское содержание.

Суждение о неисправляющихся братиях и определение им явного пред всеми братьями наказания по праву монастырям предоставленному.

Решение просящимся на временное пребывание в монастыре из других монастырей, или из мира, о принятии их, или о не приятии и об увольнении их из оного.

В уреченное время свидетельствование все всего Церковного и монастырского имущества по описям и отом донесение Епархиальному Начальству. За общим со старшиею братию подписанием.

Возможное вспомоществование из монастырского достояния требующим онаго бедным и нищим, а паче монастырям и Церквам приходским.

Производство торгов для отдачи в оброк земель и других угодий.

Примеч. 1е) В случае несогласия Настоятеля с Собором вас в решительных мнениях по делам, Настоятель имеет относиться о том Высшему Епархиальному Начальству.

Примеч. 2е) Если бы от чего да сохранит Бог, случились в монастыре беспорядки, или соблазны, к прекращению коих Настоятель и Собор не принял бы деятельных мер, в таком случае, не только каждый член Собора, но и каждый брат обязан, по совести и по общей присяге объявить о таковых беспорядках и соблазнах Благочинному Монастырей и если нужда потребует и самому Епархиальному Преосвященному Архиерею.

Глава 2. О должностях Настоятеля

Главныя и существенныя обязанности Настоятеля состоят в том, чтобы иметь всегдашнее попечение о спасении братии и попечение о благосостоянии Обители: По этому он должен:

Наставлять вверенную ему братию на путь истинный по званию

и обязанности каждаго и наипаче старших и высшия должности проходящих, дабы они, с рачением исполняя свои обязанности, содействовали ему в общем спасительном деле, — наставлять их советом и примером своим, направляя каждого к благочинному отправлению Церковного богослужения, к стяжанию непрестанной и умной молитвы, к послушанию, ко взаимной любви, смирению, терпению воздержанию и ко всякой добродетели, словом: будучи первым, он Настоятель — должен быть в деле душевного спасения всем слугою, светильником света и примером подражания всех добродетелей.

Тщательно наблюдать, чтобы братья, особенно монашествующие ни под каким предлогом не были отвлекаемы от Церковнаго богослужения ни какими хозяйственными работами, кроме неизбежных случаев.

Обозревать братию по кельям, если не каждый день, то по крайней мере чаще и непременно однажды в неделю, а больных посещать каждодневно и за всеми наблюдать, чтобы имели здравое понятие о главных спасительных догматах Веры и, по слову святого апостола Павла, ведали, емуже веруют. Знающим читать — давать книги разныя — нравственныя, а особенно краткий и пространный Катехизисы. Ибо знание Катехизиса есть ключ к основательным сведениям всех Христианских Истин.

Наблюдать чтобы никто не жил в праздности, ибо она есть мать всех пороков. Назначать же работы, смотря по обстоятельствам и по силам каждого.

Развращенных умом и сердцем Настоятель со старшею братиею должен исправлять отеческою любовью и духовною мудростию, обличая, запрещая, умоляя со всяким долготерпением, а именно:

а.) с кротостию и благоразумием увещевать, чтобы заблудший оставил не правый путь свой и скорее обратился на путь спасения.

б.) Если виновный не послушает сего кроткого зова ко благочестию, то сделать ему выговор на едине, или при духовнике.

в.) Сделать обличение и выговор при братие.

г.) Повелеть класть поклоны во время трапезы, или в келье, или в Церкви.

д.) Устранить от общей трапезы и лишить братския пищи до вечера.

е.) Затворить в смиренную комнату на время.

ж.) Употреблять в нижния послушания, т. е. в черную работу, а после взять расписку в исправлении.

з.) О не покоряющихся, по многократном увещевании и наказании, Настоятель со старшею братиею доносят Епархиальному Начальству и просят об исключении из монастыря да не мал квас всё смешение квасит.

6.) Пещись о собрании и приведении в лучшее состояние как Церковного и Монастырского Имущества, так и всех онаго принадлежностей. Вообще зданий Монастырских отнюдь не допускать до дальнейших ветхостей, непременно испрашивая, в случае нужды, употребления значительной суммы на то разрешения у Высшаго Начальства.

7.) Производить расходы посредством

Л. 10.

Казначея, выдавая ему из казнохранилища небольшие суммы и наблюдая: обстоятельно ли им ведутся Записи всякого прихода и расхода денежнаго.

8.) В назначенныя времена года представлять Епархиальному Начальству ведомости и списки о братии и о всех ему подведомственных лицах, требовать по актам суммы из казенной Палаты, сохранной казны и проч., ответствовать на получаемые указы, предписания и сообщения куда следует по принадлежности, репортавать о смерти умершего брата и штатного служителя в Духовную Консисторию.

Примечание: Настоятель непременно должен руководствоваться сими правилами, дабы не подавать повода и другим к самовольству, а паче к ропоту и жалобам на него Высшему Начальству со стороны братии вообще, или кого-либо в частности: В необыкновенных же случаях, на которыя здесь не найдется решение, Настоятель должен обращаться к Слову Божию, Правилам и учению Св. Церкви, к Духовному Регламенту, к Указам и к Епархиальному Начальству.

Глава 3. О должностях Казначея

Казначей в третьеклассном монастыре есть ближайший споспешник Настоятеля, более всех долженствующий с ним иметь попечение о благоустройстве братии и Монастыря и в потребных случаях, заменять его своим лицем. А по сему:

он — Казначей должен помогать Настоятелю в попечении о спасении братии, насаждая в сердцах их Богоугодные добродетели и искореняя душевредные пороки полезными советами, наставлениями, увещаниями и примером Богоугодного своего жития. В этом отношении он обязан навещать братию по кельям как можно чаще, надзирая: кто чем и как занимается.

Должен иметь ревностное попечение как о Церковном Богослужении так равно и о наблюдении за исправностию всех должностных братий и споспешествовать им своим надзором и советом. В случае болезни чередnаго служащего, или другой благословной вины, препятствующей ему кончить свою седмицу служения, Казначей должен позаботиться о служащем. А когда служит сам Настоятель, тогда назначение с ним имеющих служить зависит от Настоятеля.

О всём что у смотрит в Церкви, или в монастыре служащим к пользе общей, или частной коего-либо брата, равно как, что признает важным, доносит Настоятелю, если того потребует нужда, немедленно и обстоятельно.

Получать всякую монастырскую казну в свое время и вписав с Настоятелем в приходнорасходные книги с точностью и исправностию, вносит в мона-

Л. 11.

стырское хранилище и хранит в сундуке за замком, котораго ключ должен Казначей держать у себя и монастырскую печатию, которая должна храниться у Настоятеля: Дух. Регл. пунк. 28.

В казнохранилище иметь особую шнуровую, за печатью монастырскою, книгу, в которую вносить как приход, так и расход суммы в то самое время, когда что-либо приносится к казне Монастырской, или от ней отделяется на издержки для Обители, означая год, месяц и число. Всякая же таковая в книгу запись прихода и расхода должна быть подписана и теми лицами при коих она была сделана.

В начале каждого месяца составляет с Настоятелем отчет о приходе и расходе прошедшаго месяца, который сличать с приходорасходными книгами, поверять с наличную суммою и по поверке утверждать собственную подписью. При чем должны находиться еще два, или три свидетеля, а в крайности непременно хотя один, который тоже должен утвердить своим подписом.

В казнохранилище соблюдать со всякой бережливостию от порчи планы на земли, разные билеты денежных сумм, контракты, документы, планы и фасады строений монастырских.

Иметь исправныя описи монастырского имущества: главную и дополнительную, равно реэстр прибылых вещей.

Для хозяйственных вещей иметь особую кладовую, в которой за ключем своим и хранить оныя, поверяя по часту их целость и не вредимость.

Иметь ближайшее наблюдение за распоряжениями эконома и по-своему разсмотрению выдавать на мелочные расходы ему деньги, в которых требовать от него отчет и записывать в надлежащем порядке.

Знать сколько чего в год потребно для Монастыря купить, и о том заблаговременно предоставлять собору и с общаго решения и согласия покупать с разсмотрением. А мелочные — временные расходы, могущие случиться, не принадлежат сему правилу и ограничиваются благоразумием одного Казначея.

Высыпать деньги из Церковных кружек, считать и записывать при двух или трех свидетелях из старшей братии, по назначению Настоятеля, и иметь от сих кружек ключи у себя, а печать от них должна быть у Настоятеля.

Иметь большое наблюдение за свечною продажею и разн[ого] рода свечи держать в особой кладовой за ключом своим и печатью монастырскою, которая должна быть у Настоятеля.

Выдавать свечи для продажи вместе с Настоятелем, или, по его назначению, с каким-либо другим и, записать выданныя на известную сумму свечи в шнурозапечатанную за печатию монастырскую книгу, за росписью свечника в принятии, держать оную книгу в свечной палатке до определеннаго времени, для поверки свечной продажи.

Вырученныя за свечи деньги получать от свечника при Настоятеле и старшей братии ежемесячно, и, вписав в приходорасходную книгу, немедленно относить оныя в казнохранилище.

Получать от нарочитого приставника огар свечной и вообще всякий воск и хранить оный в своей кладовой. А отборные от Икон свечи, буде годные для обратной продажи, по счете и с ведома об этом Настоятеля, отдавать свечнику. Негодныя же, именно: черныя, принесенныя простолюдинами, в нескольких местах изломанныя, также довольно пожжен

ныя, перетапливать на чистый воск, для переделки свечей, или же просто променивать на готовыя свечи, но отнюдь не пускать таких свечей в продажу, как делается в некоторых местах. За то такие навлекают на себя и на Обитель безславие и производят ущерб в свечной продаже, заставляя Богомольцев со скорбию получать в другом месте и с купленными приходить в Обитель к Богослужению.

Поелику в нынешнее время между братствующими, даже монахами, вошло в большое употребление курение табаку, столь не приличное сему священному сану и от котораго по неосторожности может случиться пожар: то он — Казначей всячески обязан заботиться об искоренении сей господствующей страсти. В случае же непослушания доносить кому следует.

Глава 4. О должностях духовника

Духовник, ревностно проходя возложенную на него обязанность, должен более всех помогать Настоятелю во спасении братии, утверждая каждого благочестивой вере и добрых делах то примерным и Богоугодном житием своим, то полезными наставлениями и отеческими увещаниями, то молитвою своею о них к Богу. Он в каждом должен насаждать страх Божий, любовь к Богу и друг ко другу, во всем воздержание, смирение, послушание, терпение, прилежание к чтению Слова Божьего и отеческих книг, к непрестанной молитве, трудам, словом: должен насаждать всякую добродетель. А, зная каждого совесть, искоренять от сердец их заблуждения зазорные помыслы, злые страсти, пороки и всякий вид греха. В сем спасительным деле Духовник должен руководствоваться словом Божиим, Писаниями Св. Отец и правилами Св. Церкви.

Всех братствующих духовник должен исповедовать в год, если не чаще, то непременно 5ть раз — в 4 поста. В Рождественский, Богородицкий и Петров по единожды, а в Великий — Святую Четыредесятницу дважды и в тоже время приготовить их к принятию Св. Таин Христовых. Случающих же кроме сего, исповедовать еще каждаго перед вступлением в седьмичное служение.

О бывших и не бывших уреченныя времена года на исповеди и Св. Таин причастии, представлять Настоятелю списки.

Л. 13.

Так как с каждым братом Обители нечаянно могут возникнуть со стороны дьявола разного рода брани и родиться душевные болезни, требующие без отлагательства пособий опытнаго Наставника и врача, а Духовник и есть Наставник и врач, то — вход к нему никогда не должен быть воспрещен: рано и поздно, днем и ночью — во всякое время Духовный отец с любовию приемлет своего Духовного сына, грядущаго к нему, и врачует его.

Глава 5. О должностях ризничаго

Ризничий должен иметь верныя описи Церковного Имущества и всех Ризничных вещей, и все вещи Церковныя и ризничныя, принятыя по описи, как-то: Евангелия, Священныя сосуды, кресты напрестольные, Дарохранительницы, Святые Иконы и, если есть, золотыя и серебряныя вещи, кадила, подсвечники и пр., также Священныя облачения, одежды напрестольныя, покровы и пелены, самыя Церкви и всё, что имеется в Церкви, хранить в целости и исправности.

Ризы на священнослужение выдавать по приличию дней Воскресных, Праздничных, Высокоторжественных полиелейных и седьмичных, в недоумениях же спрашивают Настоятеля и по его рассуждению исполнять.

Иметь всегдашнее наблюдение, дабы в Ризнице, в Церкви, в Олтаре, а паче, на Святой трапезе Божией было всё чисто, благообразно на и уметено. Ризничий должен смотреть за пономарем, наставляя его пономарской должности всё исполнять по Церковному Уставу и по правилам Святых Отец.

Книги потребныя для Церкви должен выдавать пономарю и в свое время переменять, не нужныя и обратно отбирая в ризницу.

Выдавая какую-либо книгу брату, для чтения в келье, должен в то самое время записать у себя в реэстре, а получивший своеручно расписаться; по прочтении же, или при переводе в другое место, получивший должен всё возвратить в сохранности.

Что нужно прибавлять к Ризничным вещам, с тем предлагать

Л. 14.

Собору, а что требует починки, то исправлять посредством Казначея. Сие разумеется о вещах малоценных и подверженных скорому повреждению. Всякая перемена, или убыль в вещах важнейших, по главной описи состоящих, должна быть представлена на разрешение Епархиального Начальства.

Ключь от Ризницы всегда должен иметь у себя и входить в оную никому не дозволять без себя.

Глава 6. О должностях Уставщика и благочинного по Церкви

Имеющий сии две должности должен наблюдать в Церкви, чтобы служба Божия совершалось по Уставу Церковному, дабы тайновидцу Богу пение и чтение было приносимого со умилением, не спешно, со всяким вниманием, без клика и побуждения естества на вопль.

В чтении псалмов, часов, канонов и прочего наблюдать установленную череду. Мало же знающих — чтению и пению нотному обучать.

Должен смотреть в Церкви за поведением братии. По сему заметить ли в поющих, или читающих и прочей братии небрежность и безстрашие, Благочинный должен напомнить и внушить каждому сие Псаломическое слово: работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом. Пс. 11 ст. 11. и оное страшное прещение Божие: проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением. Иер. Гл. XLVIII ст. 10. О не покаряющихся доносить Настоятелю.

Л. 15.

Глава 7. О должностях Эконома

Эконом должен иметь в своем смотрении сады, огороды, сенокосы, поля и прочее, к монастырскому хозяйству относящаяся.

Мелочныя заготовления по хозяйственной части он должен делать с согласия Казначея в свое время, а более значительныя, а паче годовыя, как-то запас хлеба рыбы дров и прочих припасов чинить с дозволения Собора Монастырского и наблюдать, дабы не было ни в чем ущерба.

Во всякой вечер должен приходить к Настоятелю и к Казначею донося: какия работы произведены в тот день и испрашивая каким в следующий день заниматься; и всех, кому что делать будет назначено, на те дела с утра посылать.

Наблюдать, чтобы в рабочее время все служители и наемные занимались рукоделиями и работами примерно, прилежно, начиная каждое дело с молитвою. А не радение, празднословие и всякое безчиние пресекать, вразумляя каждого иметь Страх Божий и трудиться по доброй совести и своим силам. О не покоряющихся доносить Казначею, а если нужно и Настоятелю.

Посев и уборку хлеба, сена и огородных овощей производить в надлежащее время с хозяйственной бережливостью.

Должен вести верную записку прихода и расхода братской провизии, также сена и овса, и ежемесячно по ним давать отчет Казначею; равно и в полученных на расходы деньгах ежемесячно, или вдруг по исполнении поручения, представлять Казначею надлежащий письменный, или словесный, отчет.

Смотреть, чтобы все монастырские ворота запирались к ночи — летом не позже 10ти часов, а зимою в 6ть часов и раньше, смотря по времени, и ключи от ворот держать у себя.

Эконом должен смотреть за приставниками скотного и конюшенного дворов и заботиться при продовольствии скота (и коней) изобильным кормом, молоко и масло держать у себя и без ведома Казначея, и, если нужно Настоятеля не расходовать.

Л. 16.

Глава 8. О должностях пономаря

Пономарь должен за полчаса утрени приходить к Настоятелю, а в отсутствии его к Казначею за благословением к начатию благовеста и взять ключи от Церкви: Потом возбудить звонаря к благовесту, после — … и наконец каждаго из братии и будить в таком порядке: подходя к кельи каждаго, произносить вслух молитву: Молитвами Св. Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас и не отходить, доколе не ответится: Аминь. В противном случае немедленно доносить Настоятелю, или Казначею. Благовестие нужно производить во всё время года, сообразуясь с Уставом Св. Церкви и местности монастыря в следующем порядке:

а.) Во Святую и Великую неделю Пасхи к утрени в 12ть часов ночи и по окончании в утре к Литургии. К вечерни в 3и часа по полудни.

б.) В прочие дни Св. Пасхи. К вечерням в 4ре часа по полудни. К утреням в 4ре часа по полунощи. К Литургиям в 7мь часа по по полунощи.

в.) От недели Антипасхи до 14го сентября к вечерням 4ре часа по полудни. Ко Всенощным бдениям в 6ть часов а иногда в 5ть по полудни, смотря по краткости и долготе дня. К Литургиям в 9ть часов по полунощи.

г.) От 14го Сентября до недели Св. Пасхи К вечерням в 4ре, или в 3ри часа по полудни. Ко Всенощным в 4ре часа по полуночи. К утреням в 5ть часов по полуночи.

д.) В навечерие Рождества Христова и Богоявления Господня:

К часам в 9ть часов по полуночи, а когда литургии не бывает, то в 10ть. К литургии в 12ть часов дня.

е.) В самый День Рождества Христова и Богоявления:

Ко Всенощным в 2ва часа по полуночи. К Литургиям в 7мь часов по полуночи.

ж.) Во Святую и Великую Четыредесятицу до недели Св. Пасхи. К повечериям в 4ре часа по полудни. К утреням: в понедельник 1й недели в 6ть часов, а в прочие дни в 5ть часов по полуночи. К часам в 10ть, а когда бывает Преждеосвященная литургия, — в 9ть часов.

з.) В день Благовещения Пресвятыя Богородицы: К утрени в 2ва часа по полуночи, а на Великий Канон и в субботу Акафиста в 3ри часа по полуночи.

и.) На страстной седмице: К утрени в 4ре часа по полуночи. К часам и чтению Четвероевангелия в понедельник, вторник и среду в 7мь часов по полуночи.

і.) В Великий Четверток:

Ко утрени в 4ре часа по полуночи. К литургии в 10ть часов по полуночи.

к.) В Великий Пяток:

К утрени в 3ри часа по полуночи. К часам в 9ть часов. К вечерни в 2ва часа по полудни.

л.) В Великую Субботу.

К утрени в 2ва часа по полуночи. К литургии в 1 час по полудни. К повечерию и чтению Деяний Апостольских в 7м часов по полудни.

м.) К Акафистову возследованию Божией Матери, когда оное во всё время года, кроме больших праздников совершается по субботам до литургии, давать в 8мь часов по полуночи благовест в большой колокол.

Л. 17.

н.) К начатию проскомидии во все время года за полчаса Литургии давать благовест в небольшой колокол.

о.) К малому освящению воды, когда оно должно быть в храмовые праздники, давать благовест по приличию за полчаса Литургии.

п.) Также делать звон, когда бывают молебны в Господские, Богородичные праздники и в праздники Великих Угодников Божиих по окончании Литургии.

Примечания 1.) В простые дни звоном занимается чередной недельный послушник, а в праздники штатные служители.

Пономарь должен возжигать свечи в олтаре и в церкви, приготовлять просфоры, воду, огонь, теплоту, кадильницу и иныя меньшия священныя вещи.

Олтарь, Церковь, паперть, Образа и прочее очищать от всякого праха и паутины и сию нечистоту изметать в непопираемые ногами место, а воздух освежать посредством открытия окон.

Пономарь должен смотреть, чтобы все крушки: молебныя, свечныя, кошельковыя и проч. были запечатаны и замкнуты до времени высыпки; деньгиже в замкнутые крушки были опускаемы верно и без промедления, по записании влагаемых денег в заведенные для сего реэстры. За печатью монастырской и подписью Настоятеля со старшию братиею по колику будет возможно.

Ключи от Церкви на ночь должен приносить к Настоятелю или к Казначею в случае его отсутствия.

Глава 9. О должностях свечника

Свечник должен иметь книгу для записки прихода, расхода и остатка свечей и по ней ежемесячно давать отчет, сдавая в то же время вырученныя деньги кому следует.

Оныя деньги свечник не должен давать ни Казначею без Настоятеля, ни Настоятелю без Казначея, для избежания могущих случиться злоупотреблений.

Л. 18.

Глава 10. О должностях синодичнаго

Синодичный брат должен записывать в синодик Монастырский имена просителей по порядку: — род и звание их и неопустительно. Получаемые за то деньги не менее 30ти копеек серебром от души, записав в свою тетрадь, опускать в кружку, которая при нем находится за печатью монастырскою, хранящеюся у Настоятеля и замком, котораго ключь у Казначея.

Эти деньги, по прошествии месяца Синодичный должен сдавать кому следует, имея при сем и реэстр записываемых имен и денег.

Должен неупустительно чинить поминовение имен внесенных в синодик как за здравие так и за упокой — на Вечерне, Утрене и Литургии.

Примечание. Впрочим должность синодичнаго имеет в монастыре и свечник, кроме праздников и особенно Крестных ходов.

Глава 11. О должностях трапезнаго

Трапезный должен с вечера спрашивать Настоятеля, или с его воли Казначея: какую пищу и сколько чего приготовлять для трапезы в следующий день и исполнять по их распоряжению.

Утром должен притти в Церковь к началу утрени для получения из горящей пред Образом Божией Матери лампады неугасимого огня, которым и разводит огонь в поварне, с молитвою: Господи благослови! И готовить пищу всегда с молитвою, со вниманием и прилежанием, без крика, шума, брани и вообще худых дел, дабы всё приготовляемое было вкусно и полезно.

Как в трапезе разделять пищу на все столы по равной мере, так и в кельи престарелым, немощным и посетителям Обители отпускать в довольном количестве всего приготовленного.

Наблюдать за чистотою посуды, белья и вообще всей трапезы и поварни.

В трапезу никому без нужды и безвременно не дозволять входить и наблюдать, чтобы безпорядков никаких не было. В противном случае, если нужно, немедленно доносить обо всем Настоятелю или Казначею.

Примечание: Трапезному для печения хлебов и приготовления пищи всегда помогает другой брат, который должен быть в зависимости от сего трапезного и ему повиноваться.

Л. 19.

О Святом Артосе

Так как, во дни всей седьмицы Святыя Пасхи в обителях бывает после Литургии хождение из Церкви в трапезу с Артосом и Образом Воскресения Христова: то и здесь наблюдается порядок, который должен быть следующий:

от служащаго чередного, облачившагося в епитрахилий, несется при персях Образ Воскресения Христова, сопровождаемый возженным свещником; за ним в облачении идет диакон с Артосом при персях, тоже сопровождаемый возженным свещником; потом идет младшая братия по два рядом; далее старшая — точно по два рядами; на конец идет и сам Настоятель.

Во время шествия Братия вся поет тропарь Праздника: Христос воскресе и проч.… и при этом совершается трезвон. Таким же порядком, по окончании трапезы, обратно идут в Церковь и Артос, равно и Икона поставляются на определенном месте.

Общия примечания:

Каждый из вышеприведенных должностных лиц, при исполнении возложенной на него обязанности должен иметь в виду цель не какую-либо своекорыстную и тщеславную, а по сему Законопреступную, но цель истинную — Святую, чтобы верно и нелицемерно с любовию потрудиться в Святой Обители во славу Божию, для общаго блага и спасения своей души; по словам Апостола: не пред очима токмо работая, подобно человекоугодникам; но в простоте сердца, яко боящиеся Господа (Кол. III–22.) Непререкаема истина, что от человека часто и многое можно утаить; но от Бога решительно ничего и никогда. Который знает все наши мысли, тайныя желания и помышления и Который каждому непременно воздаст по делам его если не в сей, то в будущей жизни. Вообще — так как каждая Обитель есть как бы светильник, поставленный на свещнике, да светит всем, которые жительствуют в мире, то по сему

все братствующие в Святогорской Обители должны наполняться делами света и благодати, — быть ревностными исполнителями Заповедей Христовых и Уставов Св. Церкви, а именно: быть милостивыми, кроткими, почтительными, миролюбивыми, не воздающе злом за зло, но побеждая благим злое (Рим. XII–21.) не сребролюбивыми, послушными Господа ради, не горделивыми, терпеливыми, странноприимными, приветливыми и проч. Словом всем вся, дабы и в мире живущие, видя нас, как мирных Ангелов, день и ночь в простоте и союзе веры и любви

Л. 20.

воспевающих Триипостасного Бога, сами научались прославлять Его достопокланяемое Божество и жили благочестиво. Тако да просветится свет ваш пред человеки, говорит Спаситель наш Иисус Христос, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех. Матф. V–16. Но горе братствующим Обители, которые не прославляют, а безчестят Имя Божие своею законопреступною жизнию! Скорбь и теснота на всяку душу человека, творящаго злое. Римл. II–9.

Двойное им горе: потому что, служа соблазном по развратной своей жизни, губят с своей душею и их души. Спаситель в Евангелии говорит: иже аще соблазнит единаго малых сих верующих в Мя, уне (т. е. лучше) есть ему да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей. Матф. V–6. Напротив, блажени творящии Заповеди Господни. Апокалипсис XXII–14. Слава, честь и мир всякому делающему благое. Рим. II–10. Да благословит же и да поможет нам Господь и Владыко наш Иисус Христос Своею благодатию каждому ревностно проходить почести своего звания во славу Его Пресвятого Имени, во спасение наше и всех!

Михаил Иванов, протоиерей

НЕКОТОРЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИГУМЕНАХ И НАСЕЛЬНИКАХ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVIII—XIX ВЕКАХ

Важную роль в системе управления Русской Церковью в XVIII–XIX веках играла отчетность. Ведомости с описанием состава монашествующих и других насельников обителей служили Синоду для принятия управленческих и кадровых решений, для борьбы с переходами монашествующих из одного монастыря в другой, для борьбы с незаконными постригами. Кадровый голод, наступивший вследствие преследований настоятелей, совершавших тайные постриги, также требовал наличия информации о кандидатах для замещения пустующих вакансий. С момента введения в 20-е годы XVIII века и на протяжении всего синодального периода формы предоставления данных о настоятелях и братии менялись, однако их содержимое во многом аналогично. К сожалению, в архиве Синода, куда должны были поступать сведения, данные ведомости отсутствуют. В региональных архивах монастырей находятся черновики ведомостей[1]. Преемственность их структуры «позволяет положить именно этот вид источника в основу «просопографического изучения монашества синодального периода»[2]. Необходимо подчеркнуть особую ценность черновиков различных ведомостей о монашествующих, их послужных списков в архивах монастырей в связи с тем, что данный вид источников зачастую является единственным, где можно почерпнуть сведения о братии. В августе 1879 года настоятель Святогорского монастыря архимандрит Вонифатий получил указ об отправке документов иеромонаха Христофора в Псковскую духовную консисторию для уничтожения в связи со смертью насельника[3]. С таким подходом консисторий к сохранению пакетов личных документов становится очевидной ценность сохранившихся черновиков ведомостей о монашествующих.

[1] *Нечаева М.Ю.* Ведомости о монашествующих синодального периода как исторический источник (на материале уральских епархий) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 231–265.

[2] Там же. С. 260.

[3] Указы Псковской духовной консистории за 1879 год // Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 328. Оп. 1. Д. 227. Л. 18.

Собрание документов Святогорского монастыря, хранящееся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), содержит ряд черновых ведомостей синодального периода о братии обители, что позволяет проследить динамику в количестве братии, получить некоторые сведения о социальном составе, возрасте насельников, а также в некоторых случаях проследить их жизненный путь. К сожалению, документация о смерти монашествующих и насельников не всегда имеется в составе архивного собрания документов обители, поэтому время смерти и место погребения зачастую определить не удается. Необходимо отметить, что документация обители зачастую содержит формальные отчетные сведения о братии и хозяйстве, а также о проступках и происшествиях в обители.

Настоящая статья представляет подборку биографических сведений некоторых игуменов и насельников Святогорской обители. Поиск исчерпывающих сведений об игуменах и братии обители есть дело будущего. Ниже изложены сведения, которые нам удалось почерпнуть в ходе работы над исследованием истории Святогорской обители в XVIII–XIX столетиях.

Игумены обители

Краткую биографию игумена Вениамина III (1762–1780) приводит Иоанн (Мазя) в своей работе. Вениамин был из малороссиян и был пострижен в монашество в Троицком Черниговском монастыре в 1749 году. Затем он служит ризничим четыре года при Псковском архиерейском доме. После службы на различных руководящих должностях Псковской епархии 3 апреля 1762 года он переводится в Святогорский монастырь на послушание игумена до 1780 года, когда начальство удовлетворит его прошение об увольнении от должности на родину в Черниговскую епархию[4].

Особенное место в ряду игуменов XIX века занимает Моисей как выдающийся строитель обители и подвижник, сохранявший монашескую общину и заботившийся об игуменской преемственности. Будущий игумен родился в 1741 году в семье священника погоста Велье, расположенного в 25 км к западу от Святых (ныне Пушкинских) Гор.

[4] *Иоанн, игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 106.

Поселение Велье некогда было крепостью, и детство будущего игумена проходило в окружении живописных озер и древнего городища. К сожалению, из архивных документов пока не удалось выяснить мирское имя настоятеля Святогорского монастыря, как и многих других монашествующих. Образование будущий настоятель получил в Псковской духовной семинарии[5]. Поступали в семинарию ученики семи лет от роду и старше после испытаний, которые проводила Псковская духовная консистория. Обучение могло продолжиться до двадцатидвухлетнего возраста[6]. Игумен отмечает о себе следующие сведения в «Ведомости, учиненной Псковской епархии в третьеклассном Святогорском монастыре, кто ныне имеется во оном монастыре Настоятель и каких качеств за прошлый 1800-й год»: «…Провождал учение до шестнадцати лет во Псковской Семинарии, в том числе три года слушал Богословию, говорил в Псковоградцком кафедральном Троицком соборе по очереди проповеди»[7]. Таким образом, будущий игумен Моисей завершил полный курс обучения быстрее обычного срока. Тот факт, что он изучал богословие, свидетельствует о его способностях. В 1760 году по окончании курса духовной семинарии он был определен пономарем Псковского Петропавловского собора, затем в 1767 году стал здесь дьячком. 3 апреля 1768 года рукоположен во диакона, а через восемь месяцев, 14 декабря, был рукоположен во священника. Прослужив в соборе девять лет, 11 декабря 1777 года возведен в сан протоиерея[8]. Протоиерейство было получено несколько быстрее обычного периода служения, необходимого для данной награды. По мнению автора, так могли быть отмечены большие способности будущего игумена.

30 января 1786 года во Псковском Троицком соборе Псково-Печерским архимандритом Варлаамом он был пострижен в монашество с именем Моисей. Поскольку постриг происходит после 40-летнего возраста, можно предположить, что ему предшествовала

---

[5] *Иоанн, игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря… С. 108

[6] *Князев А.С.* Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ея по проекту 1814 года. СПб., 1865. С. 70.

[7] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 11 об.–12.

[8] Там же; *Иоанн, игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря… С. 108.

смерть супруги протоиерея. Сразу по пострижении Моисей был взят в Санкт-Петербург духовником к архиепископу Псковскому и Рижскому Иннокентию и нес это послушание три с половиной года. Видимо, архиепископ, внимательно следивший за деятельностью Псковской семинарии, давно знал и ценил Моисея и, благословив постриг, поручает ему послушание своего духовника. Вспоминая время, проведенное в столице, игумен пишет о себе: «…обучал грамматике латинской в Его Высокопреосвященства Иннокентия архиепископа Псковского и Рижскаго будучи у него духовником в Санктпитербурге на подворье малых певчих»[9].

13 мая 1789 года в домовой Крестовой церкви духовник преосвященного Иннокентия, архиепископа Псковского и Рижского, Моисей был поставлен во игумена Святогорского монастыря[10].

Что касается игумена Петра (Лаврова), кандидата богословия, то в дополнение к приведенным игуменом Иоанном сведениям можно отметить следующее. В Псковской духовной семинарии Петр обучался дополнительным наукам: немецкому языку, также географии, арифметике и истории до риторического класса, откуда по требованию медицинской коллегии был удален в Санкт-Петербургскую хирургическую академию[11].

Вернулся по просьбе своей из академии в Псковскую семинарию и учился в философском классе. Уже из семинарии был отправлен для продолжения образования в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую академию для образования к учительской должности, где учился философии, экспериментальной физике, математике в частных ее частях, богословию, священной герменевтике, российскому и латинскому красноречию, российской церковной и всеобщей историям, еврейскому, греческому, немецкому и французскому языкам и медицинским наукам. Иоанн отмечает, что Петр Лавров изучал лишь языки в академии. Не указано также время выпуска из академии кандидатом богословия. В ведомости же Петром указан 1804 год[12].

---

[9] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 11 об.–12.

[10] Там же. Л. 6 об.

[11] Там же. Л. 39.

[12] Там же.

Деятельность Петра Лаврова в семинарии у игумена Иоанна не описана вообще, между тем, он стал префектом[13].

Биографические сведения об игумене Ионе и его взаимоотношениях с великим русским поэтом представил исследователь С.Н. Новиков в ряде публикаций. В 37-летнем возрасте купеческий сын отправляется в отдаленный псковский монастырь, расположенный среди болот, Никандрову пустынь, чтобы посвятить свою жизнь Богу. Примерное поведение послушника обращает внимание церковного начальства, и в том же году он переводится в Псковский архиерейский дом в Снетогорском монастыре, где в 1797 году состоялся его монашеский постриг с именем Иона. В 1801 году переведен по прошению в Псково-Печерский монастырь[14]. В этой обители будущий игумен получает иерархические степени священства. 12 января 1802 года рукоположен во иеродиакона, 10 июля 1804-го становится иеромонахом и в том же году переводится в великолукский Троицкий Сергиев монастырь. Через год, 20 июля 1805 года, Иона занимает вторую по значимости должность в монастыре — становится казначеем, награжден набедренником. Успехи в деятельности на ответственных постах приводят иеромонаха Иону к повышению в должности. В 1809 году переведен казначеем Псково-Печерского монастыря. 30 марта 1812 года Иринеем, архиепископом Псковским, Лифляндским и Курляндским, поставлен игуменом великолукского Троицкого Сергиева монастыря. В память Отечественной войны 1812 года игумен, как и все священники того времени, был отмечен высокомонаршим благоволением и награжден бронзовым крестом на владимирской ленте в 1818 году. В том же году, 21 октября, игумен становится настоятелем Святогорского монастыря[15].

---

[13] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 39.

[14] *Новиков Н.С.* Иона, игумен. // Пушкинская энциклопедия «Михайловское». В 3 т. Т. 1. Михайловское; Тригорское; Святогорский монастырь. Святые Горы; Заповедник — Персоналии (1992–2002. Ч. 1). М., 2003. С. 255.

[15] Рапорты игумена Святогорского монастыря в Псковскую духовную консисторию за 1821 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 96. Л. 32 об.–33; *Ступина Е.А.* Знакомый Пушкина игумен Иона — невольный соавтор архиепископа Евгения в создании «Описания Святогорского Успенского монастыря» // Вестник Псковского государственного университета. Вып. 12. Псков, 2021. С. 70.

Следующий игумен, Геннадий II (1827–1848), принял монастырь в 63-летнем возрасте. Он происходил из малороссиян, не имел семинарского образования[16]. В период 1772–1817 годов Геннадий служил диаконом в Пушкарской Покровской церкви Подгородской слободы уездного города Корочи Белгородской губернии. Овдовев в 1818 году, поступил для прохождения искуса в Белгородский архиерейский дом. 16 декабря 1819 года пострижен в монашество. 16 декабря 1821 года рукоположен во иеромонаха. 21 ноября 1825 года стал казначеем и ризничим архиерейского дома, а в 1826 году ему было поручено исполнять обязанности духовника. 5 марта 1827 года уволен из Курской и Белгородской епархии и принят в число братства Псковского архиерейского дома духовником. 21 мая 1827 года архиепископом Псковским, Лифляндским и Курляндским Евгением (Казанцевым) поставлен во игумена Святогорского монастыря[17]. Имел ряд благодарностей от церковного начальства за труды на благо и заботу об обители (от 22.01.1831, 15.01.1832, 30.12.1832, 25.10.1835[18]).

Краткие сведения об игумене Анатолии (1849–08.1850) приводит Иоанн (Мазя)[19]. Кроме этого, удалось выяснить, что Анатолий был настоятелем Свято-Благовещенской Никандровой пустыни, происходил из купеческой семьи города Ярославля. Будущий игумен родился в 1800 году и в светском звании носил имя Алексий. В 1826 году стал послушником Кирилло-Новоезерского монастыря Новгородской губернии. В 1830 году «вытребован» в Александро-Невскую лавру, где посвящен в стихарь. В 1832 году был уволен по прошению в Златоустовский монастырь Московской епархии, где пострижен в монашество и рукоположен во иеродиаконы. В 1834 году по отношению Томского епископа Агапита был перемещен в Томский архиерейский дом, где служил ризничим и казначеем. В 1838 году оказывается уже в Псковском архиерейском доме. 2 февраля 1843 года был рукоположен во иеромонаха и определен экономом Псковского архиерейского дома. В 1845 году участвовал в работе временного строительного комитета по перестройке

[16] Рапорты игумена в Псковскую духовную консисторию за 1829 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 110. Л. 22 об.–23.

[17] Там же.

[18] Сведения о монастырском хозяйстве и рапорты в Псковскую духовную консисторию за 1835 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 144. Л. 32 об.–33.

[19] *Иоанн, игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря… С. 112.

и починке Псковского архиерейского дома, где служил смотрителем и казначеем. «За понесенные труды… и сбережение для казны пользы» иеромонах Анатолий получил архипастырскую благодарность.

Дополнительным послушанием иеромонаха, помимо службы в комитете по перестройке, с 29 января 1848 года становится должность строителя Никандровой пустыни, где он 17 марта возведен в сан игумена. При передаче имущества Псковского архиерейского дома преемнику в ноябре 1846 года «за аккуратное и полезное прохождение экономской должности» игумен получил благодарность с занесением в послужной список. 12 января 1849 года был перемещен в Святогорский монастырь[20].

Сведения об архимандрите Михаиле (Цвиневе) у игумена Иоанна представлены очень кратко. Здесь мы приводим данные его формулярного списка. В миру носил имя Матфей Цвинев. По окончании курса Псковской духовной семинарии 24 июня 1841 года со степенью студента поступил певчим в Рижский архиерейский дом. 11 сентября этого же года стал письмоводителем Лифляндского духовного правления. 19 сентября 1842 года стал столоначальником Псковской духовной консистории. 21 ноября был рукоположен в священники псковского Петропавловского собора. Далее служил учителем в Псковском духовном училище. В 1848 году был награжден набедренником за ревностное служение больным, зараженным холерой. В 1849 году служил присутствующим в духовной консистории и был членом временного комитета для ревизии отчетности Псковского попечительства о бедных духовного звания с 1848–1885 годов. После кончины преосвященного Псковского Нафанаила в 1849 году Матфей составлял опись имущества архипастыря и архиерейского дома. В этом же году иеромонах был перемещен учителем в высшее отделение Псковского духовного училища. В следующем 1850-м становится действительным членом Псковской духовной консистории и в ноябре получает благодарность «за хорошее поведение». С 28 февраля по 28 августа 1852 года исполнял обязанности инспектора Псковского духовного училища и получил повторную архипастырскую благодарность «за очень хорошее поведение». Такой примерный в послушаниях и поведении грамотный пастырь привлек внимание церковного начальства, и с 9 марта 1853 по 29 июля 1854 года священник Матфей Цвинев был вызван в Синод «для назидания его в обращении раскольников».

[20] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию за 1848–1850 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 172. Л. 26 об.–27.

С октября 1854 года началась миссионерская деятельность Матфея. В 1856 году ему удалось обратить к православию из раскола 322 человека, а к единоверию 55 человек. За успешную миссионерскую деятельность 4 марта 1857 года архиепископом Псковским и Порховским Евгением (Баженовым), известным своей строгостью к духовенству, было объявлено архипастырское благословение и признательность священнику Цвиневу. 21 октября Матфей был перемещен из Петропавловского в Троицкий кафедральный собор города Пскова. 22 мая 1858 года священник Матфей указом Синода был утвержден в звании «миссионера для действия на раскольников» с назначением жалования 300 рублей и на транспортные расходы 155 рублей, а кроме того был оставлен сверхштатным священником кафедрального собора. В конце февраля 1859 года митрополит Григорий (Постников) вызвал священника Матфея в Петербург для занятия миссионерской должности при Александро-Невской лавре. 19 августа 1859 года вступил в число братства лавры и по предложению митрополита отправился в Финляндию для сбора сведений о раскольнических пустынях, находящихся на границе Олонецкой губернии. В монашество был пострижен 8 февраля 1860 года в лавре. Большие способности иеромонаха Михаила приводят его к начальственной должности. С 20 февраля 1861-го он исполняет обязанности правителя дел духовного собора лавры. В 1867 году иеромонах Михаил становится благочинным лавры, но вскоре уволен от дел по прошению и в 1868 году командирован на флот, где стал благочинным над флотскими священниками. За службу на флоте получил орден Св. Анны III степени в 1869 году. 29 декабря 1869 года стал архимандритом и наместником Почаевской лавры. Указом Синода архимандрит Михаил был перемещен 25 мая 1871 года во Владимиро-Волынский первоклассный Христорождественский монастырь. По прошению 15 апреля 1872 года он перешел в Дмитровский Борисо-Глебский монастырь 3-го класса с сохранением лично за ним степени настоятеля первоклассного монастыря. 30 июня 1872 года Михаил возглавил Дмитровское духовное правление. Из наград архимандрита можно отметить бронзовый наперсный крест в память Крымской войны 1853–1856 годов. 20 марта 1880 года архимандрит Михаил по решению начальства был назначен настоятелем Святогорского монастыря[21].

[21] Формулярный список о службе настоятеля монастыря архимандрита Михаила за 1882 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–6.

Игумен Кирилл (Славтовский) управлял монастырем после игумена Иоанна (Мази) в период 1907[22]–1914 годов[23]. В 55-летнем возрасте он стал настоятелем обители. Получил домашнее воспитание в крестьянской семье Псковской губернии. В миру носил имя Михаил Иванович Славтовский. С 3 декабря 1875 года он поступил в Псково-Печерский монастырь «на испытание», а через три года зачислен в послушники обители. В монашество был пострижен 37-летним 24 июля 1882 года и через 10 дней рукоположен во иеродиакона. С 8 декабря 1883 года исполнял обязанности иподиакона при Троицком кафедральном соборе Пскова. 22 декабря 1885 года переведен в Псковский архиерейский дом. 2 июня 1886 года по прошению переведен в кафедральный собор Архангельской епархии иподиаконом. 14 мая 1896 года «за заслуги по духовному ведомству» награжден наперсным крестом[24]. Два года Кирилл занимает должность в архиерейском доме Архангельска и является наместником Никольского монастыря. 30 сентября 1896 года он становится казначеем Михайловского монастыря епархии. 5 ноября 1897 года Кирилл переводится в Смоленский архиерейский дом. Награжден серебряной медалью на александровской ленте. Медалью награждались священнослужители и некоторые служащие, служившие во время царствования Александра III. С 10 января 1898 года иеромонах был перемещен на должность наместника Троицкого монастыря Смоленской епархии. Преосвященный Антонин, епископ Псковский и Порховский, ходатайствовал перед Синодом о переводе Кирилла в Псковскую епархию, и 16 февраля 1900 года Кирилл был возведен в сан игумена и стал настоятелем псковского Елизаровского монастыря. 30 сентября 1905 года получил строгий выговор за небрежное исполнение своих обязанностей и «неведение братии». 26 апреля 1906 года следует второе нарекание «за неправильное деяние», и уже 5 мая следует резолюция правящего архиерея о перемещении его в Никандрову пустынь. По определению Синода 12 июня 1906 года был уволен от должности и поступил

[22] Приказы Псковской духовной консистории, рапорты настоятеля монастыря и переписка о состоянии монастыря. Формулярный список служителей монастыря. 1908 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 264. Л. 136 об. –138.

[23] *Иоанн, игумен.* Святогорский Свято-Успенский мужской монастырь… С. 168.

[24] Приказы Псковской духовной консистории, рапорты настоятеля монастыря и переписка о состоянии монастыря. Формулярный список служителей монастыря. 1908 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 264. Л. 137.

в число братии Никандровой пустыни. 27 сентября 1907 года был назначен настоятелем Святогорского монастыря[25]. Впрочем, в 1911 году отметки «графы 9» ведомости о настоятеле, где были отмечены все нарекания к Кириллу, указом Синода по причине «хорошей аттестации начальства» решено было упразднить, что открывало для игумена путь к награждениям и повышению по службе[26].

Насельники обители

1. При игумене Моисее (1789–1804 и 1805–1808), в 1802 году казначеем становится иеромонах Созонт, 37 лет, из великороссиян, пономарский сын. Пострижен в монашество в Никандровой пустыни (ныне восстановлена) в 1799 году. При Новгородском Софийском соборе находился в архиерейском хоре, потом в 1782 году определен в Великолукский Сергиев монастырь в число братства. По разбору в 1784-м поступил в приказные служители и находился в Холомском нижнем земском суде по 1787 год, потом из-за болезни вышел в отставку и в этом же году опять определен в Великолукский Сергиев монастырь в число братства. В 1799-м переведен в Никандрову пустынь. В 1801 году произведен в оную пустынь иеродиаконом. В 1802 году произведен иеромонахом и в том же году переведен в Святогорский монастырь. В штрафах не был и под следствием не состоит. Игумен отметил, что он «хорошего поведения и впредь годен на послушание». Позже окажется, что именно этот казначей подведет престарелого настоятеля.

2. И. о. казначея в 1802 году иеромонах Антоний начал свой путь церковнослужителя в 1775 году пономарской должностью при Казанской церкви села Посадниково Новоржевского района. Ныне церковь еще стоит, частично сохранилась кровля и некоторые фрагменты росписи, но внутреннее убранство уничтожено. Затем будущий казначей был переведен на три года «дьячком» в село Сторожня к Воскресенской церкви и в 1780 году стал архиерейским певчим. Рукоположен во диаконы ныне восстановленной Георгиевской церкви пригорода Воронича в 1785-м. В 1788 году переведен в погост Крекшино Остров-

[25] Приказы Псковской духовной консистории, рапорты настоятеля монастыря и переписка о состоянии монастыря. Формулярный список служителей монастыря. 1908 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 264. Л. 136 об.–138.

[26] Указы Псковской духовной консистории. Переписка настоятеля монастыря. 1911 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 266. Л. 192.

ского уезда к Николаевской церкви диаконом же[27]. В 1790 году вступил в число братства Спасо-Мирожского Псковского монастыря. В 1801 году был переведен в Псково-Печерский монастырь, где был пострижен в монашество. Затем служит недолго в Спасо-Елизаровом монастыре и в Иоанно-Богословском Крыпецком. В 1807 году определен в Святогорский монастырь на должность казначея и в этом же году рукоположен во иеромонаха[28].

3. Иеромонах Василий окончил Смоленскую семинарию, дополнительно обучался современному и древнему греческим языкам, истории, географии, арифметике. В 1792–1800 годах был учителем грамматических классов вяземского училища, катехизатором. В вяземском соборе и по другим храмам региона произносил проповеди. В 1800 году становится учителем нижнего греческого класса Александро-Невской академии, рукоположен во иеродиакона и определен в морской корпус законоучителем, но в том же году переведен во Псково-Печерский монастырь иеродиаконом. Также занимался в обители произнесением устных проповедей. С 1802 года — учитель риторики Псковской семинарии. В 1802 году переведен в Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь, а в 1804-м определен в Святогорской монастырь, где в 1805 году становится иеромонахом. В 1806 году вновь переведен в Псково-Печерский монастырь. Возвращается в Святогорскую обитель иеромонах в 1810 году[29].

4. Иеродиакон Паисий был пострижен в монашество в 1800 году в Великолукском Троице-Сергиевом монастыре. В 1805 году архиепископом Псковским Иринеем (Клементьевским) был рукоположен во иеродиакона и через пять лет переведен в Святогорский монастырь[30].

5. 34-летний иеродиакон Зосима, находившийся в монастыре на послушнической вакансии, был постриженником Никандровой пустыни Псковской епархии. В 1806 году Зосима получил монашеский постриг и священный сан иеродиакона. По прошению через пять лет он был

---

[27] Крекшинский погост — родина церковного историка Н.И. Серебрянского, ныне церковь уничтожена.

[28] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 39 об.–42.

[29] Там же. Л. 40 об.–41.

[30] Там же.

переведен в Святогорский монастырь[31]. Кроме пяти монашествующих, в обители имелось еще три послушника: Василий Ефимов, Андрей Алексеев и Алексей Петров. Андрей Алексеев был 68 лет, остальные послушники молодого возраста, что делало их перспективными для монастырских трудов и послушаний.

6. В 1821 году при игумене Ионе (1818–1827) был 52-летний иеромонах Василий, постриженник Александро-Невской лавры. Он окончил Смоленскую духовную семинарию, в 1792 году преподавал в вяземском училище катехизис и произносил проповеди в местном соборе. Затем перешел преподавателем греческого языка в Александро-Невскую академию и в 1800 году в лавре был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, назначен преподавателем Закона Божьего в морской корпус, но в этом же году оказался в Псково-Печерском монастыре. Здесь произносил проповеди и вскоре стал учителем риторики Псковской духовной семинарии. Далее следует перевод в 1802 году в Крыпецкий, а в 1805 году — в Святогорский монастырь, где Василий принимает сан иеромонаха. 1806 год иеромонах Василий встретил уже в Псково-Печерском монастыре, а в 1810-м переводится обратно в Святогорский. При этом он был назначен начальством для произнесения проповедей по праздникам в псковском кафедральном соборе. 7 августа 1818 года был в память войны 1812 года награжден крестом на владимирской ленте[32]. Из послужного списка иеромонаха видно, что он высокообразован, пользуется уважением начальства, однако постоянные перемещения свидетельствуют о неуживчивости персонажа. Далеко не каждый служитель Церкви сменяет столько мест служения за относительно небольшой период.

7. Более размеренный жизненный путь прошел 78-летний монах Аркадий, который был пострижен в Святогорском монастыре в 1815 году и происходил из семьи дьячка. В данной должности он начал свое служение Церкви в 1763 году в торопецкой Входо-Иерусалимской церкви. Прослужив 15 лет, был уволен в мещанство, откуда в 1809 году удаляется для пострижения в монашество в Святогорский монастырь. С тех пор Аркадий не менял место жительства. Сложно сказать, годен

[31] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию. Списки служителей монастыря за 1788–1802, 1809, 1811 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 40 об.–41.

[32] Рапорты игумена Святогорского монастыря в Псковскую духовную консисторию за 1821 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 96. Л. 33 об.–34.

ли был этот инок к монастырским послушаниям. К сожалению, игумен не сделал соответствующих пометок в ведомости о братии.

8. При игумене Геннадии II (1827–1848) иеромонах Мелхиседек был дьячком псковского Иоанновского монастыря (с 1765 по 1793 год). Затем продолжил службу дьячком в псковском городском Петропавловском соборе. Овдовев в 1799 году, был направлен в Псково-Печерский монастырь, но в этом же году был переведен в Псковский архиерейский дом помощником эконома. В 1801 году переводится в Елизаровский псковский монастырь, где в 1802 году игуменом Иоасафом был пострижен в монашество и в этом же году получил сан иеродиакона. В 1803 году становится иеромонахом и казначеем обители. Нареканий во время данного послушания не было, и церковное начальство переводит в 1806 году Мелхиседека казначеем в Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь Псковской епархии. В 1809 году стал казначеем псковского Спасо-Мирожского монастыря. 14 февраля 1818 года получил, как и многие священники, высокомонаршее благоволение и крест бронзовый на владимирской ленте в память Отечественной войны 1812 года. В следующем 1819 году переводится по указу консистории в Свято-Благовещенскую Никандрову пустынь также казначеем. В 1826 году оказывается казначеем уже Святогорской обители. За долговременное служение в казначейской должности и управление Спасо-Мирожским монастырем награжден архиепископом Мефодием правом употреблять набедренник во время богослужения. Игумен Геннадий отметил, что казначей не был замешан в каких-либо делах, «поведения честного, а к послушаниям впредь по старости мало способен»[33].

9. Иеромонах Иосиф, 42 лет от роду, также происходил из воспитанников Псковского архиерейского дома. Его постриг в 1820 году совершил архиепископ Евгений (Болховитинов). До поступления в архиерейский дом Иосиф с 1805 года служил дьячком в церкви села Юшково Новоржевского уезда, расположенного в 12 км от Святогорского монастыря. В 1809 году стал диаконом. Овдовев в 1816 году, поступил в число братии Елизаровского псковского монастыря, затем в 1817 году по желанию переведен в архиерейский дом и стал казначеем. В 1821 году получил сан иеромонаха и через пять лет, 11 мая 1826 года,

[33] Рапорты игумена в Псковскую духовную консисторию за 1829 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 110. Л. 23 об.–24.

был переведен в Святогорский монастырь. Иосиф не бывал оштрафован за проступки и никаких разбирательств, связанных с ним, не было, но игумен отметил склонность насельника к проступкам. Интересно, что Геннадий первоначально кратко характеризует его в братской ведомости за 1829 год: «Поведения нетрезваго». Затем надпись была зачеркнута и появилась более развернутая характеристика: «Удалением от трапезы на неделю в оном 1829 году. Поведения только хорошаго не бывает. Мало трезв. Посему и впредь малонадежен к послушаниям»[34].

10. 43-летний иеромонах Владимир происходил из священнической семьи. Начинал служить пономарем, в 1809 году был рукоположен во дьякона к церкви села Сигорицы[35]. 25 июля 1823 года поступил в Святогорскую обитель, где в 1827 году игуменом Геннадием «пострижен во иеродиакона». Рукоположение во иеромонаха принял здесь же в 1828 году. Претензий игумен к нему не отметил никаких, но к послушаниям из-за слабости зрения Владимир был «малопригоден»[36].

11. Иеромонах Игнатий, 60-летнего возраста, происходил из купеческой семьи. 30 апреля 1819 года «был уволен из торопецкого общества» для поступления в Святогорский монастырь. В 1826 году игумен Иона постриг его в монашество, а в 1829 году Игнатий был рукоположен во иеромонаха. Он не имел нареканий, и игуменом отмечена его способность к послушаниям[37]. Из шести «бельцов», занимавших остальные вакантные места, также не отмечено нарушителей, а пятеро из них признаны «способными к послушаниям»[38].

В 1835 году (правление архимандрита Геннадия II) согласно ведомости[39] в монастыре подвизались:

1. Иеромонах Игнатий, 66 лет, происходил из купеческой семьи, великороссиянин. 30 апреля 1819 года по увольнении из торопецкого общества поступил в Святогорскую обитель послушником. Монашеский

---

[34] Рапорты игумена в Псковскую духовную консисторию за 1829 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 110. Л. 23 об.–24.

[35] Село Сигорицы, ближайшее к Святогорскому монастырю, находилось в Островском уезде, ныне деревня.

[36] Рапорты игумена в Псковскую духовную консисторию за 1829 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 110. Л. 23 об.–24.

[37] Там же. Л. 24 об.–25.

[38] Там же.

[39] Сведения о монастырском хозяйстве и рапорты в Псковскую духовную консисторию за 1835 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 144. Л. 33 об.–39.

постриг получил от игумена Ионы в 1826 году в Святогорском монастыре. В 1828 году здесь же был рукоположен во иеромонаха. «Поведения честного и к послушаниям способен… Дел не касалось до него», — отмечает ведомость.

2. Иеромонах Евгений, 59 лет, из священнической семьи, русский. Был пострижен игуменом Геннадием в 1830 году в монашество. С 1794 года служил дьячком. С 1800 года в Утретском погосте диаконом. С 1828 года по вдовству и прошению переведен в Святогорский монастырь в число братства, а в 1831 году рукоположен во иеромонаха. Способен к послушаниям, проступков за ним не было замечено.

3. Иеромонах и духовник Мелхиседек. Происходил из семьи диакона, великороссиянин. Пострижен в монашество в 1802 году игуменом Иоасафом в псковском Елизаровском монастыре. Служение будущий духовник обители начал в псковском Иоанно-Предтечевском монастыре дьячком в 1782 году. Через три года был переведен на такую же вакансию в Петропавловский собор. В 1793 году был рукоположен во диакона в дерптской Успенской церкви. В 1799 году овдовел и был принят в Псково-Печерский монастырь, откуда поступил помощником эконома Псковского архиерейского дома. В 1801 году переведен в псковский Елизаровский монастырь, где в 1802 году стал иеромонахом и затем в 1805 году казначеем. Через год был переведен казначеем в Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь, а в 1809 году оказывается уже казначеем Спасо-Мирожской обители. 14 февраля 1818 года получил высокомонаршее благоволение, а в 1812 году крест на владимирской ленте. С 1819 года служит казначеем Свято-Благовещенской Никандровой пустыни. В 1826 году служит казначеем Святогорского монастыря, где 8 августа за долговременное служение казначеем и управление Спасо-Мирожским монастырем от архиепископа Мефодия благословлен набедренником. С 8 октября 1830 года стал духовником Святогорского монастыря. 25 мая 1834 года по прошению и болезни уволен, с произведением ему оклада 100 рублей в год, в число нештатных монашествующих данного монастыря.

4. Вдовый диакон Феодор Филиппов, 59 лет, великороссиянин из диаконской семьи. В 1835 году поступил в рясофорный монашеский образ. С 19 лет служил пономарем в селе Луг Новоржевского уезда. В 1810 году стал диаконом погоста Локновато, а с 20 мая 1829 года «по вдовству и прошению» определен в Святогорский монастырь. Поведения хорошего, способен к послушаниям.

5. Диакон Петр Прохоров, 58 лет, белец, сын диакона, из великороссиян. В семинарии не учился. В 1791 году начал служить пономарем на Борисоглебском погосте. 4 августа 1798 года был посвящен в стихарь. 5 июня 1804 года стал диаконом Борисоглебского погоста. В 1833 году, 7 марта по согласию его самого и жены его был определен в Святогорский монастырь в число братства. Замечаний по поведению не имеет, способен к послушаниям.

6. 47-летний послушник Григорий Иванов был сыном священника, русский. По увольнении из Псковской семинарии был (с 28 марта 1808 года) причетником села Милково Новоржевского уезда. 10 мая 1810 года посвящен в стихарь. 26 марта 1834 года «по вдовству и по прошению» определен в Святогорский монастырь.

7. На послушнической вакансии — 27-летний белец Иван Михайлов Лебедев. Иван был священнический сын, учился в Псковском уездном училище, но был взят из низшего отделения в архиерейский хор, 21 мая 1826 года посвящен в стихарь. С 1829 года служит дьячком в Рождественской церкви Торопца. В 1832 году епархиальное начальство переместило его в Вознесенский девичий монастырь Пскова причетником. 23 июля 1832 года посвящен в диаконы Ильинского погоста, а 23 октября 1834 года овдовел и поступил послушником в Святогорский монастырь по своему прошению.

8. На послушнической вакансии — 17-летний Арсений Максимов, сын диакона, белец. С 18 августа 1834 года, по исключении из высшего отделения Псковского духовного училища, по прошению был определен в число послушников Святогорского монастыря для обучения «ставленническим предметам». Способен к послушаниям, хорошего поведения.

9. Иеромонах Никандр 41 года от роду (сверх иеромонашеской вакансии) происходил из священнической семьи, великороссиянин. По увольнении из «грамматического училища» в 1802 году служил в Мелетовском погосте пономарем. В 1816 году посвящен в стихарь и перемещен к Живоносно-Источницкой церкви пономарем. В 1819 году стал диаконом. В 1821 году по прошению переведен в Тверскую епархию в число братства Ниловой пустыни. В 1823 году вернулся в Псковскую епархию в число братства Печерского монастыря. В 1824 году стал казначеем Псковского архиерейского дома. В 1828 году стал иеромонахом, в 1831-м переведен в Печерский монастырь. В 1835 году был командирован во флот. За четырехкратное пребывание на флоте был награжден

командиром корабля капитаном I ранга Юрьева аттестатом. И в этом же году 7 октября определен был в Святогорский монастырь.

10. Игумен Иоанникий, 44 лет, из нежинских греков. В монашество был пострижен в 1820 году в Площанской пустыни третьим строителем иеромонахом Серафимом. Обучался в московской гимназии, затем 14 августа 1820 года стал послушником Площанской пустыни. По пострижении в монашество посвящен во иеродиакона. 8 июля 1824 года посвящен орловским епископом во иеромонаха. В 1828 году перемещен в Псковскую епархию и определен в архиерейский дом духовником. С 1 сентября стал игуменом торопецкого Троицкого Небина монастыря. 9 февраля 1831 года был перемещен в Псково-Печерский монастырь, а в 1835 году перемещен в Святогорский монастырь в число братства. В 1836 году был направлен из монастыря во флот и в этом же году вернулся в Святогорскую обитель с положительным аттестатом.

Все насельники не имели проблем с законом и характеризуются настоятелем как способные к послушанию[40].

При игумене Анатолии (1849–1851) в 1849 году в обители находились следующие насельники:

1. Казначей иеромонах Илиодор. 35 лет, из великороссиян, дьяческий сын. Пострижен 25 ноября 1846 года в Крыпецком монастыре. 27 ноября 1846 года стал иеродиаконом, а 1 декабря 1846-го — иеромонахом. 19 ноября 1848 года переведен в Святогорский монастырь, где 26 ноября того же года стал казначеем.

2. Иеромонах Моисей, дьяческий сын, из великороссиян. Возраст 81 год. В 1798 году стал дьяконом Христорождественского погоста Опочецкого уезда. По вдовству в 1829 году перешел в Святогорский монастырь в число братии, диаконом. 15 февраля 1831 года был рукоположен во иеромонаха, а в 1840 году стал казначеем, но в 1847 году уволен от должности.

3. Иеромонах Феофан, из великороссиян, дьяческий сын. 73 года. Стал диаконом в 1810 году, служил в Великолукском уезде. В 1829 году овдовел и поступил в Святогорский монастырь. В 1837 году принял монашеский постриг. В 1838 году рукоположен во иеромонаха. В 1841 году по указу консистории был командирован во флот. Возвратился в обитель в том же году с положительным аттестатом.

---

[40] Сведения о монастырском хозяйстве и рапорты в Псковскую духовную консисторию за 1835 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 144. Л. 33 об.–39.

4. Иеромонах Макарий. Перемещен из Никандровой пустыни 30 июля 1843 года с запрещением священнослужения, но в 1848 году разрешено служение.

5. Иеромонах Августин, 34 лет, из великороссиян, из господских людей. В 1843 году по прошению поступил в Никандрову пустынь послушником. 13 июня 1844 года переведен в Спасо-Елизаров монастырь. 15 февраля 1845 года переведен в Псково-Печерский, оттуда 17 ноября 1845 года в Крыпецкий монастырь, где пострижен 28 декабря 1846 года в монашество. 1 января 1847 года стал иеродиаконом, а 6 января того же года — иеромонахом. 21 сентября 1848 года был переведен в Святогорский монастырь.

6. Заштатный иеромонах и духовник Мелхиседек, 83 лет. Из великороссиян, дьяческий сын. Пострижен в 1802 году в Спасо-Елизаровском монастыре. Из казначеев Никандровой пустыни был перемещен казначеем Святогорского монастыря. За 1812 год имел наградной бронзовый крест на владимирской ленте. 6 августа 1826 года был награжден набедренником. 8 октября 1830 года определен духовником и в этом же году по прошению и болезни уволен от должности в число заштатных монашествующих с содержанием в 100 рублей в год ассигнациями из неокладных монастырских сумм.

7. Дьякон Иоанн Яковлев Вознесенский. 38 лет. Белец, из великороссиян, сын священника. Учился в Псковской духовной семинарии. В 1831 году по прошению поступил в Святогорский монастырь и был послушником до 2 сентября 1834 года, когда рукоположен во диакона Ашевского погоста Новоржевского уезда. 24 февраля 1841 года по вдовству и прошению был определен в число братства Святогорской обители.

8. Дьякон Лев Никитин Юпашковский. 56 лет, белец, из великороссиян, дьяческий сын. С 1830 года служил в Печанском погосте Опочецкого уезда, но 22 июля 1841 года переведен в Святогорский монастырь по вдовству и прошению.

9. Игумен Иоанникий из великолукского Сергиева монастыря. Запрещен в священнослужении. Переведен 22 июля 1841 года. На клиросном послушании.

10. Рясофорный послушник Степан Никитин Щербин, из великороссиян, 26 лет, белец. В марте 1848 года поступил в Крыпецкий монастырь, а 20 октября того же года был перемещен в Святогорский.

11. Рясофорный послушник Артемий Егор Русановский, белец, переведен из Крыпецкого монастыря 9 февраля 1849 года.

12. Послушник Александр Иванов Вревский, из великороссиян, 27 лет, дьяческий сын, белец. 7 сентября 1838 года выпустился из Псковского духовного уездного училища. С 11 октября 1838 года служил в Никольской церкви погоста Врев на дьяческом месте. Был посвящен в стихарь. Во время учебы в училище был певчим архиерейского хора. 12 февраля 1845 года по прошению был переведен в Святогорский монастырь.

13. Послушник Михаил Иванов Боголюбский, 23 лет, из великороссиян, белец. 7 декабря 1845 года, по увольнении из нижнего отделения Псковского уездного училища, по прошению определен в Святогорский монастырь послушником.

14. Послушник Михаил Никитин Руфанов, 21 год, из великороссиян, белец. 29 ноября 1846 года по увольнении из высшего отделения Псковского духовного училища по прошению был определен в Святогорскую обитель в число послушников[41].

При архимандрите Михаиле (1880–1883) в 1880 году в обители, согласно ведомости о братии, кроме настоятеля имелось 20 человек.

1. Казначей иеромонах Исайя, 48 лет, из великороссиян, священнический сын, из коллежских регистраторов. В миру именовался Иродион Дмитриевич Ладинский. Пострижен в монашество 5 марта 1867 года в Псково-Печерском монастыре. Из-за болезни Иродион оставил богословский класс Псковской духовной семинарии и поступил на гражданскую службу в 1857 году. В 1864 году по собственному желанию был уволен от службы с аттестатом секретаря Псковского губернского правления и согласно прошению его определен послушником в Псково-Печерский монастырь 13 февраля. Рукоположен во иеродиакона 26 марта 1867 года. По резолюции Его Преосвященства Преосвященнейшего Павла переведен в великолукский Троице-Сергиев монастырь 6 мая 1870 года. Согласно желанию, по резолюции Его Высокопреосвященства перемещен обратно в Псково-Печерский монастырь 30 октября 1870 года. Утвержден казначеем Псково-Печерского монастыря 21 декабря 1871 года. За ревностные труды по должности казначея награжден набедренником 29 мая 1872 года. За особенное усердие, оказанное в работах по исправлению ветхостей в церковных зданиях монастыря, объявлено ему архипастырское благословение 5 декабря 1872 года.

[41] Рапорты настоятеля монастыря в Псковскую духовную консисторию за 1848–1850 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 172. Л. 23 об.–29.

За неослабный надзор за работами, производимыми в 1873 году, по ремонтному исправлению повреждений и по возобновлению ветхости в церковных и других зданиях монастыря, за все труды, безпокойство и хлопоты к окончанию тех работ к празднику Юбилея обители, объявлено ему казначею выражение искренней благодарности Архипастыря Указом Псковской духовной консистории 25 августа 1873 года. Для пользы службы переведен в Святогорский монастырь также казначеем 1 ноября 1874 года. Указом Псковской духовной консистории за № 7475 от 10 октября 1879 года утвержден управляющим «Свято-Горским монастырем». Награжден от Святейшего Синода наперсным крестом 20 апреля 1880 года. «Денежного братскаго дохода» в год получает до 400 рублей серебром[42].

2. Иеромонах Онисим, 70 лет, великороссиянин из семьи священника. В миру именовался Василий Феодорович Пятницкий. Пострижен в монашество 23 мая 1871 года в Святогорском монастыре. Окончил Псковскую духовную семинарию с аттестатом I разряда 16 июня 1833 года. Рукоположен священником в Рождественский погост Опочецкого уезда 1 ноября 1833 года. Перемещен в погост Крекшино Опочецкого уезда 23 января 1837 года. 5 октября 1845 года переведен в Куховской погост Островского уезда. За представленные им климатологические и этнографические сведения в течение 1849, 1850, и 1851 годов имеет три свидетельства искренней признательности и почетный лист с благодарностью от Императорского Географического общества. В 1860–1862 годах был наставником крестьянских детей в приходе. Имеет бронзовый наперсный крест в память Севастопольской войны. 24 марта 1873 года награжден набедренником. По вдовству и прошению перемещен был в сей монастырь 25 января 1867 года. По указу Псковской духовной консистории от 10 декабря 1879 года участвует в управлении Святогорским монастырем. Денежного братского дохода в год получает до 200 рублей[43].

3. Иеромонах Вениамин, 59 лет. Из евреев Киевской губернии, окончивший курс в Раввинском училище, с правами раввина, Василий Миронович Рейза. Пострижен в монашество 8 сентября 1867 года. Рукоположен во иеродиакона 29 ноября 1867 года, а в иеромонаха 31 октября 1867 года. По принятию православной христианской веры

[42] Указы Псковской духовной консистории, рапорты настоятеля монастыря за 1880–1881 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 229. Л. 215 об.–226.

[43] Там же. Л. 216 об.–217.

по собственному желанию помещен в ближайший к Киеву Выдубецкий монастырь 12 июня 1849 года. Определен действительным послушником в означенный монастырь в 1854 году. По собственному желанию с разрешения высшего духовного начальства проживал в городе Севастополе для ухода за больными и ранеными в 1855 году. Поступил в Успенскую Семигородную пустынь Вологодской губернии, где также не оставлял своего усердия оказывать помощь больным домашними средствами. По представлению протоиерея церкви Собственного Его Императорского Величества Дворца Никандра Брянцева и по резолюции Его Преосвященства Павла, епископа Вологодского и Устюжского, за безмездное отправление богослужения в Приюте для крещаемых в православную веру евреев в Санкт-Петербурге, за усердное вразумление приготовляемых к Св. Крещению и вообще за добросовестное и рачительное служение его по делу Приюта награжден набедренником 2 марта 1869 года. По просьбе его перемещен в Псково-Печерский монастырь 4 марта 1870 года. За труды обращения в христианскую веру еврея-израилита объявлено ему, иеромонаху Вениамину, архипастырское благословение 24 марта того же года. Назначен благочинным Псково-Печерского монастыря 14 декабря 1871 года. За добросовестное исполнение своей обязанности по должности благочинного преподано ему архиерейское благословение 16 января 1873 года. За неослабный надзор за работами, производимыми в 1873 году, по ремонтному исправлению повреждений и по возобновлению ветхостей в церквах и других зданиях монастыря, за все труды, беспокойство и хлопоты к окончанию тех работ и к празднику юбилея обители объявлено ему выражение искренней благодарности архипастыря 24 августа 1873 года. За отличную усердную службу и особенную старательность при честном исполнении своих обязанностей преподано ему благословение Св. Синода 22 августа 1874 года. С дозволения августейшего покровителя Приюта для крещаемых и крещенных в православную веру еврейских детей великого князя Сергия Александровича комитет Приюта через Санкт-Петербургское епархиальное начальство исходатайствовал ему за усердную и полезную деятельность в пользу того приюта преподание благословения Св. Синода с грамотою 16 января 1876 года. По представлению епархиального начальства и удостоению Св. Синода за отлично усердную и полезную службу всемилостивейше награжден наперсным крестом, выдаваемым от Св. Синода, 3 апреля 1876 года. По предложению

Его Преосвященства перемещен на должность казначея и ризничего Псковского архиерейского дома 15 ноября 1877 года. По указу Псковской духовной консистории за № 4046 перемещен в число братии Святогорского Успенского монастыря 18 июня 1880 года[44].

4. Иеромонах Иоасаф, 73 лет. Великороссиянин из диаконов, в миру именовался Иван Комаров. Был пострижен в монашество 19 ноября 1866 года в Святогорском монастыре. По увольнении из высшего отделения духовного училища определен с посвящением в стихарь пономарем в погост Дубково Островского уезда в 1827 году. Перемещен в кафедральный псковский собор псаломщиком в 1837 году. Произведен диаконом в погост Столбушино Новоржевского уезда 21 ноября 1840 года. По собственному желанию поступил в сей монастырь в июне 1865 года. 11 декабря 1865 года стал иеромонахом. Определен в сей монастырь казначеем в марте 1869 года. 24 марта 1873 года награжден набедренником. В этом же году уволен от должности казначея. 30 июля 1874 года перемещен по распоряжению начальства в торопецкий Небин монастырь. По прошению перемещен в том же году 30 августа в Мирожский монастырь Пскова. Переведен вторично в сей монастырь в сентябре 1876 года. По указу Псковской духовной консистории от 10 декабря 1879 года участвует в управлении Святогорским монастырем. Денежного братского дохода в год получает не менее 150 рублей.

5. Иеромонах Никандр, 63 лет. Великороссиянин из калужских купеческих детей, в миру именовался Николай Антонович Гранин. Пострижен в монашество в Рижском архиерейском доме 24 мая 1849 года. По увольнению из общества указом Московской синодальной конторы определен в московский Симонов монастырь 10 сентября 1843 года. 26 июня 1847 года посвящен в стихарь. Перемещен в Рижский архиерейский дом 24 мая 1849 года. Переведен в Никандрову пустынь послушником 28 июня 1850 года. Произведен во иеродиакона 8 марта 1851 года. Переведен в Псково-Печерский монастырь. 31 октября 1852 года перемещен в Крыпецкий монастырь. 28 июля 1853 года переведен повторно в Никандрову пустынь. С 9 февраля 1854 года исполнял в сей пустыни должность ризничего с 1857 по декабрь 1860 года. Перемещен вторично в Псково-Печерский монастырь 21 октября 1856 года.

[44] Указы Псковской духовной консистории, рапорты настоятеля монастыря за 1880–1881 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 229. Л. 217 об.–218.

По предложению Его Высокопреосвященства Павла переведен в Спасо-Мирожский монастырь и произведен в иеромонаха 3 ноября 1870 года. По прошению перемещен в Святогорский монастырь 18 февраля 1871 года. Денежных братских доходов в год получает не менее 150 рублей серебром.

6. Иеромонах Авраамий, 34 лет. Из крестьян Муранской волости Санкт-Петербургской губернии. В миру именовался Михаил Иванов Пошкод. Был пострижен 22 июня 1880 года в Спасо-Мирожском монастыре. 12 апреля 1880 года стал послушником, 9 мая пострижен в рясофор. 14 мая 1880 года рукоположен во диакона, а 16 августа 1880 рукоположен во иеромонаха.

7. Иеродиакон Аполлос, 44 лет, великороссиянин, священнический сын. В миру именовался Александр Васильевич Троицкий. 15 июля 1856 года был уволен из высшего отделения духовного училища. В 1860 году был принят по прошению в Никандрову пустынь, где 26 апреля 1861 года стал послушником. Пострижен в монашество 26 апреля 1866 года в Никандровой пустыни. Рукоположен во иеродиакона 12 февраля 1867 года. 15 марта 1871 года перемещен в Святогорский монастырь. Денежный доход составляет 150 рублей в год.

8. Священник Алексей Кудрявцев, 64 лет, из великороссиян, белец. Согласно резолюции Его Преосвященства Павла определен в Святогорский монастырь 30 апреля 1877 года. Имеет годовой братский доход не менее 100 рублей серебром.

9. Священник Иоанн Гроздов, 43 года, великороссиянин, белец. С аттестатом 2-го разряда окончил Псковскую духовную семинарию 15 июля 1859 года. Был рукоположен 21 января 1861 года в священники погоста Говье Холмского уезда. 10 октября 1868 года был перемещен в погост Задвинье Торопецкого уезда. 30 апреля 1877 года перемещен в Святогорский монастырь. Братский доход не менее 100 рублей серебром в год.

10. Иеродиакон Паисий. В миру Петр Бойков, 43 лет, великороссиянин, священнический сын, из бельцов. По окончании курса в среднем отделении Псковской духовной семинарии уволен по болезни в сентябре 1857 года. 6 ноября 1857 года посвящен в диаконы Никольской церкви Староовсищеского погоста Островского уезда. С 1861 по 1869 год обучал крестьянских детей в Поташовском сельском приходском училище. 10 августа 1870 года перемещен к Воскресенской Ладинской церкви на пономарское праздное место с разрешением священнослуже-

ния. 21 октября 1878 года по собственному желанию уволен и переведен в Святогорский монастырь. Пострижен в монашество здесь же 24 декабря 1881 года с именем Паисий.

11. Диакон Симеон Ясицкий, 64 лет. Из великороссиян, белец. Был переведен из Никандровой пустыни в Святогорский монастырь 31 августа 1878 года. Женат. Братский доход до 100 рублей в год.

12. Заштатный диакон Опочецкой Успенской церкви Василий Опоцкий, 39 лет, женат. Священнический сын, великороссиянин, белец. За нетрезвость и дерзость определен в Святогорский монастырь бессрочно в подначалие 20 мая 1878 года.

14. Манатейный монах Максим, 71 года. Из крестьян Опочецкого уезда Воронецкой волости деревни Кошкино. В миру именовался Артемий Лукин. Пострижен в 1857 году, 13 августа, в Святогорский монастырь. По своему желанию и прошению был принят в число братии Саровской пустыни Тамбовской губернии 20 августа 1850 года. По прошению 15 октября 1874 года переведен обратно в Святогорский монастырь. Получал братский доход до 70 рублей в год серебром.

Кроме указанной братии в монастыре находились послушники: Иван Щукин, 33 лет (окончил высшее отделение духовного училища 20 ноября 1876 года, доход 100 рублей серебром), Василий Успенский, 38 лет, Алексей Иванов Преображенский, 60 лет (150 рублей серебром в год), послушник Александр Жемчужин, 18 лет (50 рублей серебром в год), Василий Панов, 18 лет (7 июля 1879 года окончил Порховское духовное училище, денег не получал), Василий Солевский, 21 года (10 июля 1876 года окончил Псковское духовное училище, крестьянин Порховского уезда, денег не получал), Евграф Вонифатьев Щербаков, 16 лет. Все кроме Щербакова происходили из духовного сословия Псковской губернии. Щербаков же был из мещан Витебской губернии, поступил в монастырь в октябре 1880 года и был определен на клиросное послушание. Послушник Святогорского монастыря в 1880 году мог получать из братских доходов 50 рублей серебром в год на свое содержание. Именно такую сумму, например, получал Жемчужин, а вот 33-летний Иван Щукин получал до 100 рублей серебром в год из братских доходов. Если послушник был в штате обители, то имел и штатное содержание. Всего в обители в 1880–1881 годах имелся 21 насельник, из них 20 штатных[45].

[45] Указы Псковской духовной консистории, рапорты настоятеля монастыря за 1880–1881 годы // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 229. Л. 19 об.–22.

В правление игумена Иоанна (Мази) (1895–1906) в 1901 году, согласно ведомости[46], в обители находились братия и послушники:

1. Казначей 57 лет, иеромонах Моисей. В миру именовался Михаил Петров. Обучался в Горыгорецком земледельческом училище, происходил из крестьян Псковской губернии, вдов после первого брака. Принят послушником в Святогорский монастырь в 1890 году, там же пострижен в монашество 28 июня 1897 года. Стал иеродиаконом в 1897 году, 24 августа, иеромонахом — 28 февраля 1898 года. Казначеем служил с 30 ноября 1897 года.

2. Иеромонах Порфирий, 70 лет. Обучался в Санкт-Петербургской духовной семинарии.

3. Иеромонах Никон, 50 лет. Образование получил «в быту».

4. Иеромонах Евгений, 40 лет. Обучался дома.

5. Иеромонах Исаак, 46 лет, из крестьян Псковской губернии. Обучался в Святогорском монастыре.

6. Иеромонах Антонин, 60 лет, из духовного звания. Окончил курс причетнического класса Псковского духовного училища.

7. Иеромонах Арсений, 39 лет, из крестьян. Обучался дома.

8. Священник Иоанн Гроздов, 65 лет (о нем см. выше). Вдов после первого брака.

9. Иеродиакон Афанасий, 39 лет. Происходил из крестьян, обучался «в домашнем быту».

10. Иеродиакон Венедикт, 33 лет. Происходил из крестьян, холост. Обучался дома.

11. Монах Феодор, 45 лет. Был сыном священника Псковской губернии. Обучался в Городском училище города Острова.

12. Монах Пимен, 82 лет. Родом из Псковской губернии, пономарский сын. Обучался в низшем отделении Великолукского духовного училища. Пострижен 7 августа 1901 года в Святогорском монастыре.

[46] Сведения о служителях монастыря, его зданиях, земле и церковно-приходской школе, о книгах. Отчет о приходе и расходе накладных сумм за 1901 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 247. Л. 130 об.–142.

Таблица

Информация о послушниках Святогорского монастыря по ведомости 1901 года[47]

№	ФИО	Возраст (лет), семейное положение	Происхождение. Образование. Послушание	Дата приема в монастырь
1	Феодор Васильев Новиков (не штатный)	29, холост	Из крестьян Могилевской губернии. Оршанское городское училище	
2	Илья Лаврентьев Лаврентьев	27, холост	Из крестьян Псковской губернии. Земская школа	01.10.1890
3	Михаил Степанов Старусов	28, холост	Из крестьян Симбирской губернии. Санкт-Петербург, Александровский приют	
4	Николай Матвеев	27, холост	Из крестьян Псковской губернии. Измерусское земское училище	1895
5	Иван Федоров	28, холост	Из крестьян Псковской губернии. Земское училище	20.06.1898
6	Андрей Михайлов	27, холост	Из крестьян Псковской губернии	13.08.1898
7	Евфимий Васильев Васильев (не штатный)	40, холост	Из крестьян Псковской губернии. Новоржевское земское училище	1897
8	Лев Григорьев (богомолец)	20, холост	Из крестьян Псковской губернии. Домашнее	1899
9	Прокопий Прокопьев Буров (богомолец)	15	Из крестьян Псковской губернии. Клиросное послушание	24.04.1899
10	Василий Алексеев (не штатный)	14, холост	Из крестьян Псковской губернии. Церковно-приходская школа	1900

[47] Сведения о служителях монастыря, его зданиях, земле и церковно-приходской школе, о книгах. Отчет о приходе и расходе накладных сумм за 1901 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 247. Л. 142–145.

11	Егор Федоров (не штатный)	18, холост	Из крестьян Псковской губернии. Земская школа	11.09.1900
12	Осип Семенов (не штатный)	19, холост	Из крестьян Санкт-Петербургской губернии	1901
13	Иван Яковлев Цветков (не штатный)	40, холост	Сын псаломщика Псковской губернии. Опочецкое городское училище	1901
14	Иван Лузин (богомолец)	20, холост	Сын «личного почетного гражданина» Витебской губернии	19.05.1901
15	Кронид Яхонтов (богомолец)	20	Сын священника Псковской губернии. Уволен из 1-го класса Псковской духовной семинарии	23.06.1901
16	Михаил Павлов (богомолец)	19, холост	Псковской губернии. Церковно-приходская школа. Клиросное послушание	20.07.1901
17	Павел Миравский (богомолец)	21, холост	Народное училище	27.08.1901
18	Василий Матвеев (богомолец)	27, холост	Из крестьян Санкт-Петербургской губернии. Церковно-приходская школа. Ризничий	20.09.1901
19	Петр Лебедев (богомолец)	21, холост	Сын дворянина, учителя Курляндской губернии. 2-й класс Рижского духовного училища	31.10.1901
20	Иван Скоропостижный (богомолец)	17, холост	Сын псаломщика Псковской губернии. 1-й класс Псковского духовного училища. Клиросное послушание	12.11.1901

Кроме вышеперечисленных насельников при монастыре трудились служители: Иван Рыхов (34 года), Семен Федотев (39 лет), Павел Евстафьев (33 лет), Семен Григорьев (31 год), Егор Михальев (62 лет), Матвей Иванов (54 лет), Степан Афанасьев (24 лет), Александр Иванов (18 лет), Иван Колпаков (61 года), Иван Васильев (41 года)[48].

[48] Сведения о служителях монастыря, его зданиях, земле и церковно-приходской школе, о книгах. Отчет о приходе и расходе накладных сумм за 1901

В 1912 году при игумене Кирилле (Славтовском) (1906–1914) в обители находятся следующие насельники:

1. Казначей иеромонах Евгений, 53 лет. Происходил из крестьян Псковской губернии, обучался дома, в миру носил имя Емельяна Диомидова, холост. В монашество пострижен 26 августа 1890 года в Святогорском монастыре. С 2 марта 1886 года послушник Святогорского монастыря. 8 ноября 1892 года рукоположен во диаконы. С 13 августа 1895 года иеромонах. 9 августа 1897 года получил архиерейскую грамоту за пожертвования в пользу обители. 11 августа 1899 года награжден медалью в память царствования Александра III. 18 апреля 1899 года награжден набедренником. 19 сентября 1898 года утвержден в должности казначея Святогорского монастыря.

2. Благочинный иеромонах Трофим, 40 лет. Из крестьян Псковской губернии, в миру именовался Иван Федоров. Обучался в земском училище, холост. 20 июня 1898 года стал послушником Святогорского монастыря, 8 октября 1901 года принят в штат. 15 апреля 1903 года пострижен в монашество в Святогорском монастыре. 18 июня 1903 года рукоположен во иеродиаконы, а 16 июля 1908 года стал иеромонахом. С 5 июля 1910 года благочинный монастыря. Награжден набедренником 26 мая 1911 года.

3. Ризничий иеромонах Венедикт, 46 лет. Происходил из крестьян Санкт-Петербургской губернии. В миру именовался Косьма Константинов, холост. Стал послушником Святогорского монастыря 10 января 1892 года по увольнении из армии. 5 апреля 1900 года рукоположен во иеродиакона, 27 декабря 1903 года в иеромонаха. 10 апреля 1904 года награжден набедренником. 3 мая 1905 года стал благочинным обители. 5 июня 1910 года уволен от должности благочинного.

4. Иеромонах Исаак, 56 лет, из крестьян Псковской губернии, обучался в земском училище. Носил мирское имя Иван Гаврилов, холост. В монастырь поступил штатным послушником 30 октября 1885 года. Довольно быстро, 22 декабря 1885 года был пострижен в монашество в Святогорском монастыре. 10 июня 1887 года рукоположен во иеродиакона. 7 мая 1890 года стал иеромонахом. За пожертвование в пользу обители получил 19 августа 1897 года архипастырское благословение и свидетельство. С 19 октября 1898 по 20 марта 1900 года был в Мирожском монастыре, затем вернулся в родную обитель. 15 июня

год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 247. Л. 145 об.–147.

1900 года награжден набедренником. Читает и поет на клиросе, отправляет чреду священнослужения.

5. Иеромонах Павел, 50 лет, из мещан Смоленской губернии. В миру именовался Петром Федоровым Белоусовым. Холост. Штатным послушником псковского Елизаровского монастыря стал 8 сентября 1896 года. Монашеский постриг принял 17 февраля 1901 года в Спасо-Елизаровском монастыре. Иеродиакон с 30 июля 1902 года, иеромонах с 15 апреля 1907 года. 5 мая 1908 года указом Псковской духовной консистории переведен в Святогорский монастырь. Отправляет чреду священнослужения, читает и поет на клиросе.

6. Иеромонах Николай, 37 лет, из псковских крестьян. Носил имя Ильи Лаврентьева, холост. В числе послушников обители с 1 октября 1890 года, с 19 октября 1899 года принят в штат. За особое усердие в преподавании церковного пения в монастырской церковно-приходской школе 13 сентября 1900 года получил архипастырское благословение со свидетельством. Принял монашество 6 декабря 1906 года в Святогорском монастыре. Иеродиаконом служил с 16 июля 1908 года, иеромонахом с 22 августа 1910-го. Читает и поет на клиросе, отправляет чреду священнослужения.

7. Иеромонах Гавриил, 50 лет, из крестьян Псковской губернии. Обучался в земском училище. Носил имя Евфимий Васильев. Послушник Святогорского монастыря с 3 августа 1897 года, с 10 декабря 1902 года в числе штатных послушников. Тайно пострижен в монашество в Святогорском монастыре 26 марта 1903 года. 26 ноября 1907 года его тайный постриг был признан консисторией. Иеродиаконом служит с 19 декабря 1910, а иеромонахом с 30 мая 1911 года.

8. Иеродиакон Афанасий, 50 лет. Происходил из крестьян Псковской губернии, обучался дома. Мирское имя — Андрей Антонов. Холост. В Святогорский монастырь поступил послушником с 17 ноября 1888 года. В монашество пострижен 26 октября 1894 года. С 17 августа 1895 года иеродиакон.

9. Иеродиакон Феофан, 40 лет. Из крестьян Могилевской губернии. В миру носил имя Феодор Васильев Новиков. Обучался в Оршанском городском училище. Холост. 12 октября 1896 года зачислен штатным послушником Святогорского монастыря. 19 мая 1901 года пострижен в рясофор. Пострижен в монашество 26 октября 1903 года. Стал иеродиаконом 22 августа 1910 года.

10. Иеродиакон Анастасий, 44 лет, из крестьян Псковской губернии. Обучался в церковно-приходской школе. Носил имя Павел Евстафьев, холост. Послушник с 1 октября 1899 года. В штате с 28 ноября 1905 года. Иеродиакон с 11 мая 1911 года. Пострижен 25 октября 1906 года в Святогорской обители.

11. Монах Феодор, 56 лет. Происходил из священнической семьи, обучался в Островском городском училище, в миру именовался Григорий Красноумов, холост. Принят в монастырь 25 апреля 1887 года послушником, «на испытание». В монашество пострижен 17 февраля 1896 года в Святогорской обители. 25 февраля 1893 года зачислен в штат.

12. Монах Давид, 35 лет. Был из крестьян Каменец-Подольской губернии. Обучался в церковно-приходской школе. В миру носил имя Дмитрий Фещук. Холост. Послушник Святогорского монастыря с 13 февраля 1905 года, штатный с 20 октября 1906 года. Монашество принял в Святогорской обители 10 апреля 1910 года. Проходит клиросное послушание и управляет хором.

13. Монах Иаков, 57 лет. Происходил из псковского крестьянства, обучался дома. Женат первым браком. Супруга поступила в Полоцкий Спасо-Ефросиниевский женский монастырь. Принят в послушники 30 июня 1896 года, с 31 января 1909 года в штате. 2 апреля 1911 года пострижен в монашество в Святогорском монастыре.

14. Монах Иоанн, 66 лет. Был из крестьян Псковской губернии, не обучался. 10 июня 1902 года был принят в число богомольцев обители. Штатный послушник со 2 августа 1911 года. 13 августа 1911 года стал монахом в Святогорском монастыре. Несет послушание ночного караульного.

15. Монах Онисим, 55 лет, происходил из псковского крестьянства, вдов. Послушник с 3 февраля 1907 года, принят в штат с 2 августа 1911 года. 13 августа того же года пострижен в монашество.

Кроме описанных братий в обители находились штатные послушники: Иоанн Иоаннов (45 лет), Симеон Федотов (51 год, лесничий в монастырском селе Загрязье), Алексей Никитин (39 лет, клирошанин церкви, рабочий). Из нештатных послушников примечателен Виктор Усов 22 лет, который жил в монастыре, но числился келейником преосвященного Алексия, епископа Тобольского. При переводе из Пскова епископ, по-видимому, оставил своего келейника в Святогорском монастыре. Как было отмечено выше, первоначально Усов прислу-

живал епископу, находясь с ним, а числился в монастыре. Кроме него нештатные послушники: Михаил Афанасьев (29 лет), Павел Михайлов (46 лет), Илья Васильев (30 лет), Василий Степанов (37 лет), Петр Николаев (34 лет), Георгий Антониев (35 лет), Николай Петров (29 лет), Михаил Дементьев (24 лет), Андрей Васильев (22 лет), Николай Архипов (19 лет), Феодор Иванов (46 лет), Прокофий Тимофеев (46 лет), Иоанн Иоаннов (25лет), Власий Федоров (16 лет), Василий Иоаннов (15 лет).

В 1912 году, помимо игумена Кирилла в обители имелось семь иеромонахов, три иеродиакона, пять монахов, 19 послушников. Большинство братий и послушников происходили из крестьян Псковской губернии и проходили послушания в соответствии с Правилами обители. Послушники были задействованы на послушаниях келейника, просфорника, рабочих. Большинство послушников было занято клиросным пением на монастырских богослужениях[49].

В 1914 году в обители находится преимущественно та же братия. Умер игумен Кирилл и благочинный иеромонах Трофим. Обязанности настоятеля исполнял иеромонах Евгений, благочинный не был назначен. Предписанием благочинного монастырей от 19 июля 1914 года иеромонахи Николай и Гавриил были «назначены в действующую армию». Иеродиакон Феофан был запрещен в священнослужении указом духовной консистории «за отказ подчиниться распоряжению Епархиального Начальства о перемещении его в Псково-Печерский монастырь». Данный иеродиакон находился под следствием по подозрению в принадлежности его к секте иоаннитов. В монашество 10 апреля 1914 года были пострижены послушник Иоанн Иоаннов с именем Иона и Алексей Никитин с именем Симон. Из послушников были приняты новые: Александр Дементьев (21 год), Иоанн Иоаннов (51 год), Иоанн Авраамов (18 лет), Александр Павлов (16 лет), Иоанн Иоаннов (15 лет), Павел Ильин (14 лет), Феодор Тихонов (12 лет)[50].

---

[49] Сведения о служителях, зданиях и хозяйстве монастыря. Переписка настоятеля монастыря с Псковской духовной консисторией с благочинным монастырей за 1912 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 268. Л. 178–195.

[50] Наряд указов Псковской духовной консистории. Ведомость о сборах и пожертвованиях. Список служителей монастыря. Опись настоятельских покоев за 1914 год // ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 270. Л. 287–303.

Татьяна Шарманова

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА — КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА ШКОЛЬНИКАМИ

Культура — это то, что в значительной мере
оправдывает перед Богом существование народа и нации.

Д.С. Лихачев

История Русской Православной Церкви неразрывно связана с историей всего Российского государства, его культурой, традициями и обычаями, бытом людей. Поэтому темы, связанные с христианством, встречаются почти на каждом уроке.

Обозначим основные этапы истории Русской Православной Церкви, которые изучаются (или упоминаются) на уроках истории в школе:

- проповеди Андрея Первозванного (I век н. э.);
- просветительская деятельность Кирилла и Мефодия (IX век н. э.);
- крещение княгини Ольги в Константинополе (957 год);
- принятие христианства в качестве государственной религии (988 год);

Русская Православная Церковь в юрисдикции Константинопольского патриархата (988–1448 годы);

- автокефалия Русской митрополии (1448–1589 годы);
- патриаршество (1589–1700 годы);
- синодальный период (1700–1917 годы);

Русская Православная Церковь в условиях атеистического государства (1917–1988 годы);

- возрождение Русской Православной Церкви (с 1988 года до наших дней).

Главной проблемой современного исторического образования в школе при изучении тем, связанных с христианством, является отсутствие понимания у школьников сущности православного вероучения, его обрядов, традиций и праздников. Неосмысленное содержание порождает пренебрежительное отношение к православным ценностям, что негативно сказывается на «здоровье нации».

В программе по истории уделяется достаточное время знакомству с крещением Руси, с причинами принятия христианской религии,

с византийским наследием и некоторым другим темам, но нет места толкованиям евангельских сюжетов, ведь далеко не все ученики изучают модуль «Основы православной культуры». Далеко не все ученики знают, кто такой Иисус Христос, где, когда и как Он жил, какие заповеди оставил людям, в чем суть Его учения. Поэтому темы, связанные с христианством, заучиваются механически, что подтверждают ответы старшеклассников из разных школ без специальной подготовки на вопрос: «Что ты знаешь об Иисусе Христе?» (орфография и пунктуация сохранена):

«После рождения Иисуса Христа началось летоисчисление. Был святым при жизни. После смерти восстал (для какой-то цели). +/- на нем строится Православие. Был распят на кресте, после чего тоже что-то произошло. Родился 7 января» (10 класс);

«И.Х., по версии верующих хрестиан, — посланник бога, присланный, чтобы передать людям его учения. Был распят за свои действия, но воскрес через 3 дня (по версии верующих), взяв людские грехи на себя» (11 класс);

«1. Он еврей. 2. Был распят за грехи чужих. 3. При его религии (христианство) в нынешнее время хорошо живется патриархам» (10 класс);

«Иисус Христос — это сын божий. Великий мученик. Я знаю историю про Адама и Еву. Знаю про то, что Иисус мог исцелять слепых» (10 класс);

«Иисус человек и также Бог, который спустился на землю, и несмотря на то, что он помогал, люди его приговорили к суду и наказанию, а именно нести на себе тяжелый крест к которому его позже прибьют гвоздями и оставят истекать кровью и потом отнесут его в пещеру и закроют камнем, и потом когда на воскресенье люди туда вернулись тело пропало» (10 класс);

«Иисус висел на кресте по мифам. В честь его рождения начали праздновать Рождество» (10 класс);

«Иисус Христос — сын Божий. Сын единого Бога. Родился на Святой земле — в Иерусалиме» (10 класс).

Между тем, Имя Спасителя звучит уже на первых уроках истории, когда дети знакомятся с лентой времени и выделяют границы исторических периодов (до н. э. и н. э.), которые разделяет Рождество Христово. Поэтому целесообразно выделить несколько культурологических уроков на этапе знакомства с принятием христианства.

Школьнику важно понять, почему мотивы из Священного Писания вдохновляли и продолжают вдохновлять самых гениальных людей разных времен, стран, школ и направлений искусства и стали основой самых знаменитых произведений мировой и русской художественной культуры.

Особое место в ряду культурных составляющих, используемых учителями на уроках, отводится произведениям искусства. Памятники художественной культуры, что обусловлено спецификой искусства, рождают чувственные переживания, оставляя яркий след в душе ребенка. При знакомстве с произведением искусства не лишним будет указать не только автора, но и место нахождения или хранения картины, таким образом расширив кругозор учащихся знакомством с самыми известными музеями России и мира. Усилить эмоциональное восприятие поможет музыкальное сопровождение. Дополнительный акцент на духовно-нравственные смыслы, заложенные в том или ином сюжете, решит воспитательную задачу урока.

Сюжетно-тематических сцен из жизни Иисуса Христа, описанных в четырех канонических Евангелиях, очень много. Они затрагивают и детство Иисуса Христа (путешествие в Вифлеем, Рождество Христово, Благовещенье пастухам и поклонение пастухов, поклонение волхвов, бегство в Египет и избиение младенцев, возвращение из Египта, представление во храм и обрезание, беседа во храме); и Его служение (крещение Христа, искушение Христа, призвание первых двух апостолов, уплата подати, Нагорная проповедь, ужин с Симеоном Фарисеем, ужин в доме Левия, Христос проповедует в Храме, очищение Храма, Иисус, благословляющий детей, Христос и самарянка, Христос прощает взятую в прелюбодеянии, отослание апостолов); чудеса (превращение воды в вино, насыщение пяти тысяч, хождение по водам, исцеление расслабленного, исцеление женщины, страдающей кровотечением, воскрешение сына вдовы, исцеление слепого, воскрешение Лазаря, Преображение Господне); притчи (о потерянной драхме, о добром самаритянине, о блудном сыне, о разумных и неразумных девах, о сеятеле, о сеятеле плевел, о богаче и Лазаре, о слепцах); страсти Господни (вход в Иерусалим, омовение ног, Тайная вечеря, прощание Христа с Матерью, моление о чаше, предательство Иуды, Христос перед Каиафой, отречение Петра, Христос перед Пилатом, бичевание Христа, поругание Христа, Се Человек, путь на Голгофу, пригвождение к кресту, распятие Христа, снятие с креста, оплакивание Христа, положение во гроб,

Воскресение, сошествие во Ад); явления Христа ученикам (путешествие в Эммаус, ужин в Эммаусе, уверение Фомы) и прочие.

Отметим ключевые события новозаветных сюжетов, отраженные в зеркале искусства, важные для понимания последовательности событий жизни Иисуса Христа и Его учения:

Благовещение;
Рождество Христово;
Сретенье;
Бегство в Египет;
Избиение младенцев в Вифлееме;
Отрок Иисус;
Иоанн Креститель;
Крещение Господне;
Искушение Иисуса Христа;
Призвание апостолов;
Чудеса Иисуса Христа;
Притчи и проповедь;
Предательство Иуды;
Страсти Христовы и Распятие;
Воскресение Христово.

Для восприятия содержания каждого сюжета ученикам можно предложить несколько живописных произведений, различных по времени и месту создания, по художественным особенностям, предварительно объяснив смысл изображения и символику элементов. Картины можно рассматривать в сравнении или просто как визуальные ряды, поскольку, по мнению ученых, клиповое мышление современных школьников и визуальное мышление тесно связаны между собой[1].

Почему картина, а не икона? Художник книг, автор книг по византийской и древнерусской иконографии, преподаватель иконологии С.В. Алексеев отмечает: «Картина представляет собой художественный образ, созданный творческой фантазией художника и являющийся формой передачи его собственного мироощущения. Мироощущение же, в свою очередь, зависит от объективных причин: исторической ситуации, политической системы, от типа и характера самой личности художника, от образа его жизни. Все выдающиеся художники умели чувствовать

[1] *Купчинская М.А.* Клиповое мышление как феномен современного общества / М.А. Купчинская, Н.В. Юдалевич // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3. С. 66–70.

то, что волнует их современников и, преломляя общественный нерв эпохи через себя, оставляли на полотне сконцентрированный художественный образ своего времени»[2].

Икона сложнее для восприятия, поскольку она пишется в обратной перспективе, при которой более далекие от зрителя предметы изображаются более крупными. Анализируя концепцию Павла Флоренского, О. Тарасов отмечает: «Обратная перспектива показывала явления и объекты невидимого мира в ином, «обратном», только отдаленно напоминающем их видимость в окружающей реальности»[3].

Сравнивая икону и картину, С.В. Алексеев приходит к выводу: «Итак, казалось бы, всё просто: картину — произведение искусства — мы созерцаем, а перед священным изображением — иконой — предстоим в молитве. Но эта простота кажущаяся. Разница между предметом, предназначенным для целей религиозных, и предметом, назначение которого — эстетическое наслаждение, не всегда однозначно выражена в области человеческого восприятия. Живопись, особенно живопись на религиозные сюжеты, так же может вызвать преображение души человеческой, как и икона»[4].

Рассмотрим на примере евангельского сюжета Благовещения некоторые возможные варианты подбора иллюстративного материала к уроку.

Благовещение

Благовещение — это тайна, которую пытались разгадать выдающиеся художники, скульпторы, поэты, композиторы. Доминирующее положение этой темы в искусстве отражает важность Благовещения с точки зрения христианского вероучения.

События Благовещения описаны единственным евангелистом — апостолом Лукой. В своем Евангелии он сообщает, что в шестой месяц после зачатия праведной Елизаветой святого Иоанна Предтечи архангел

---

[2] *Алексеев С.В.* Зримая истина: книга о православной иконе для семьи и школы. М., 2017. С. 46.

[3] *Тарасов О.* Флоренский и обратная перспектива. Из истории термина // ГИИ. Искусствознание [Электронный ресурс: http://artstudies.sias.ru/upload/isk/isk_2019_4_26-57_tarasov.pdf]. С. 28.

[4] *Алексеев С.В.* Зримая истина: книга о православной иконе для семьи и школы. С. 46.

Фра Анжелико. Благовещение. Примерно 1440 год. Фреска

Гавриил был послан Богом в Назарет к Деве Марии с вестью о грядущем рождении от нее Спасителя мира: «Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк. 1:28). Этот сюжет, как правило, открывает праздничный чин православного иконостаса.

Благовещение — это диалог.

Возможные элементы: Ангел, Дева Мария, голубь Святого Духа, нисходящий к ней, цветок лилии, книга, единорог.

Интересно посмотреть, как изображали эту сцену художники эпохи Возрождения, ориентирующиеся на единый канон: Фра Анжелико, Ханс Мемлинг, Сандро Боттичелли. Методисты рекомендуют сравнить изображения: «Повторяющийся сюжет, композиция, символика — однако как по-разному художники трактуют эту сцену, начиная от места действия и заканчивая чувствами, которые испытывает главная героиня — от смирения на полотне Фра Анжелико к сомнению у Ханса Мемлинга и даже смятению на картине Боттичелли. Авторы не просто представляют эту сцену различно, они трактуют этот ключевой сюжет библейской истории, исходя из собственных представлений о ценностном выборе»[5].

[5] *Коробкова Е.Н., Конопатова Н.К., Смирнова Ж.Э., Семенова О.Н.* Комплекс учебно-методических материалов к курсу «Основы религиозных культур

Ханс Мемлинг. Благовещение. Около 1480 года. Дерево, масло

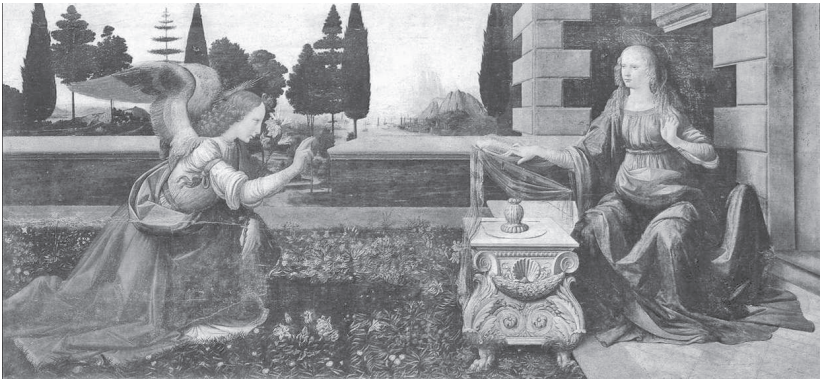
Сандро Боттичелли. Благовещение Честелло. 1490 год. Дерево, темпера

А вот английский художник Данте Габриэль Россетти отступил от христианского канона и потому навлек на себя нападки общественного мнения. Его Богородица выглядит испуганной и будто отстраняется от ангела. Нетрадиционна и цветовая гамма: на картине доминирует белый, в то время как цветом Богородицы считается голубой.

Школьникам также будет интересно узнать, как изобразили «Благовещение» другие знаменитые художники. Например, Леонардо да Винчи изменил пространство и изобразил божественные фигуры

и светской этики» (Модуль «Основы мировых религиозных культур»). СПб., 2015. С. 14.

Данте Габриэль Россетти. Благовещение. 1850 год. Холст, масло



Леонардо да Винчи. Благовещение. Около 1472–1475 годов. Дерево, темпера

на террасе, которая напоминает виллу. Еще одной особенностью стало то, что Леонардо да Винчи заострил внимание на пейзажах, мастерски и тщательно прорисовывая необыкновенной красоты сад.

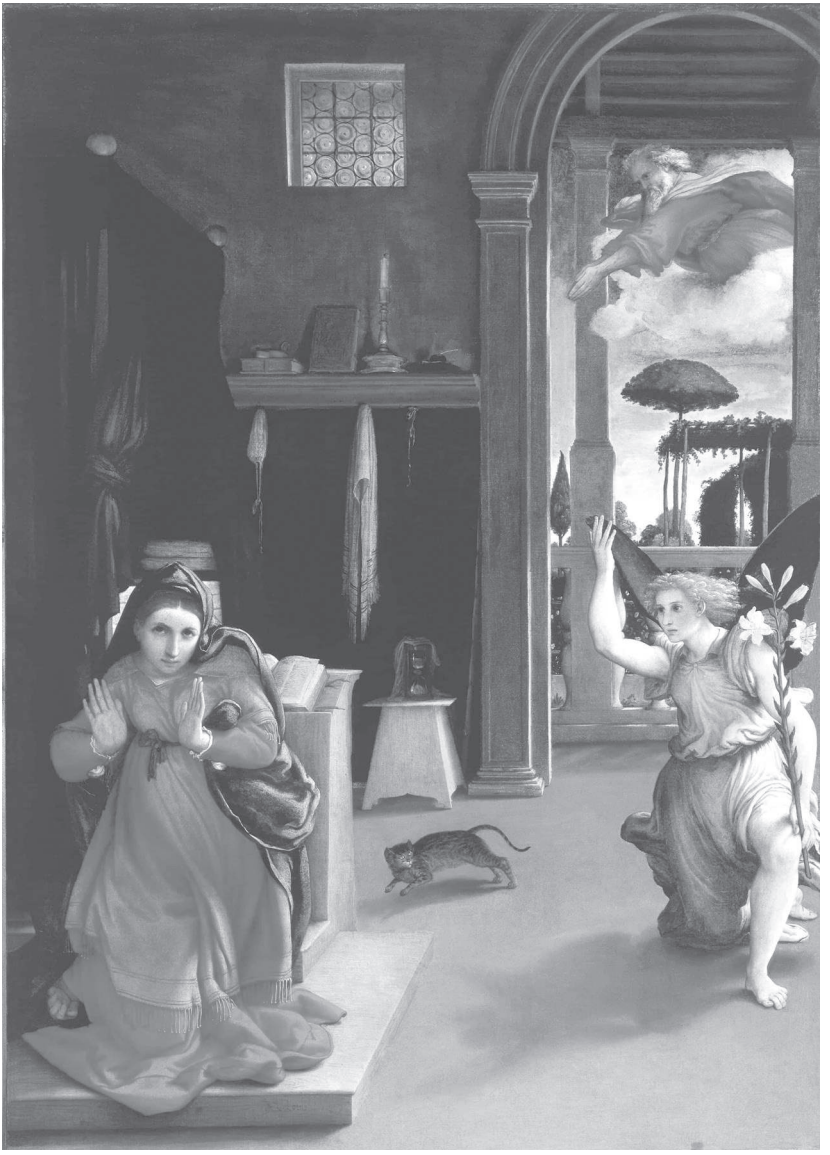
Уникальна композиция работы Лоренцо Лотто: Благая Весть идет от Бога Отца, через Архангела Гавриила — к Деве Марии, стоящей лицом к зрителю. Таким образом, Она сообщает полученное известие и зрителям, делая их сопричастным к происходящему.

Ангел тоже иногда опускается на колени, настолько тайна Благовещения превосходит всякое человеческое разумение. Невозможное соединение неба и земли, тварного и нетварного становится возможным, что неизменно вызывает страх и трепет. Лоренцо Лотто изобразил оказавшегося в этот момент рядом с Марией котенка, который в ужасе убегает.

Сюжет «Благовещение» мы можем встретить и у других художников: Пьеро делла Франческа; Паоло Веронезе; Тинторетто; Петер Пауль Рубенс; Лука Джордано; Владимир Лукич Боровиковский; Юлиус Шнорр фон Карольсфельд; Александр Андреевич Иванов; Джордж Лоуренс Буллейд; Михаил Васильевич Нестеров.

Привычные евангельские образы в необычной трактовке мы найдем у китайского художника Хэ Ци.

Аналогичным образом можно построить работу по следующим сюжетам Евангелия, предлагая учащимся знакомство не только с содержанием сюжета, но и с музеем, где хранится памятник культуры.



Лоренцо Лотто. Благовещение. Около 1527–1529 годов. Холст, масло

Хэ Ци. Благовещение

Рождество Христово

Только в двух из четырех Евангелий рассказывается об обстоятельствах рождения Иисуса Христа — в Евангелиях от Матфея и от Луки. Два других евангелиста, Марк и Иоанн, описывают Иисуса уже вполне взрослым человеком.

В евангельском повествовании обстоятельства рождения Иисуса Христа описаны крайне скупо. Местом Рождества называются хлев при постоялом дворе в городе Вифлееме или пещера в окрестностях города.

Возможные элементы: Дева Мария, Младенец Иисус, ясли, Иосиф, ангелы, вол или осел, другие животные, поклонение волхвов, омовение Младенца, пастухи.

Помимо картин интереснейший предмет, доступный для детского исследования, — вертеп. Вертеп — пещера, тайное укрытие, в котором поселилось святое семейство, прибыв в Вифлеем. Этим же словом назвали особую театральную конструкцию в виде многоэтажного ящика, где исстари играется только одна пьеса: Рождественская мистерия. В России вертепы были одним из важнейших атрибутов Рождества, и сегодня эта традиция возрождается.

К сюжету Рождества Христова обращались известнейшие художники: Джотто ди Бондоне, Альбрехт Альтдорфер, Мазаччо, Лоренцо Лотто, Пьеро делла Франческа, Рафаэль Санти, Джованни Баттиста Ортолано, Караваджо, Джерардо Доттор, Феличе Ловиско, Чезаре Гьярдини, Фра Филиппо Липпи, Джорджоне, Беноццо Гоццоли, Рогир ван дер Вейден, Федерико Бароччи, Ханс Бальдунг, Эль Греко, Никколо ди Томмазо, Эдвард Коли Берн-Джонс, Питер Пауль Рубенс, Петрус Кристус, Джентиле да Фабриано, Жорж Дюмениль де Латур, Сандро Боттичелли, Антонио Корреджо, Иероним Босх, Андрей Рублев, Илья Ефимович Репин, Василий Козьмич Шебуев, Владимир Лукич Боровиковский.

Сретение

Сретение Господне — это встреча с Господом. В этот день — сороковой день по Рождестве Христовом — Пресвятая Богородица принесла Младенца Иисуса в Иерусалимский храм, чтобы посвятить Его Богу. Почему встреча старца Симеона с Богомладенцем Иисусом стала великим христианским праздником? Встреча Бога и человека, которая произошла впервые в Иерусалимском храме, должна стать для каждого

человека его личным событием. Путь спасения для каждого должен начаться со встречи с Иисусом Христом как его личным Спасителем.

Художники: Ян ван Скорел, Андрей Иванович Иванов, Джироламо Романино, Джотто ди Бондоне, Франческо Бассано младший, Фра Бартоломео, Фра Анжелико, Филипп де Шампань, Тинторетто, Арент де Гелдер, Гербранд ван ден Экхоут, Ганс Гольбейн старший, Гербранд ван ден Экхоут, Джованни ди Паоло, Джироламо Романино, Рембрандт Харменс ван Рейн.

Бегство в Египет

Предупрежденный во сне о том, что Ирод разыскивает Младенца Иисуса, чтобы убить его, Иосиф отправил его с матерью в Египет, где они оставались до смерти Ирода. Лаконичное свидетельство Матфея обросло деталями в апокрифических текстах, ставших литературным источником для сюжетов, встречающихся в искусстве. Здесь три главные фигуры: Дева Мария (она едет верхом на осле), Младенец, которого она держит на руках, Иосиф, ведущий животное за поводья.

Обычно их охраняет один или несколько ангелов.

Художники: Микеланджело Караваджо, Якоб Йорданс, Тициан Вечеллио, Джотто ди Бондоне, Адам Эльсхаймер, Петр Михайлович Шамшин и другие.

Избиение младенцев в Вифлееме

В момент рождения Христа Ирод Великий, узнав о рождении Младенца, которому суждено было стать «царем иудейским», и боясь, что его собственная власть таким образом будет узурпирована, приказал убить всех младенцев в Вифлееме и его окрестностях.

О том, как производилось это избиение, ничего не известно. По преданию, детей было избито 14 000; память их чтится православной церковью 29 декабря.

Сцена тяжелая для восприятия, детей, особенно младшего возраста, нужно подготовить к ней.

Художники: Альбрехт Альтдорфер, Валерио Кастелло, Луиджи Амидани, Питер Брейгель старший, Гвидо Рени, Питер Пауль Рубенс, Джотто, Маттео де Джованни, Николя Пуссен, Джусто де Менабуои.

Отрок Иисус

Школьникам бывает очень интересно узнать, как выглядел Иисус в их возрасте, чем занимался. Обратимся к картинам художников, где Иисус изображен за плотницким делом или в храме среди учителей, слушающих Его.

Художники: Геррит ван Хонтхорст, Джон Эверетт Милле, Джотто, Симоне Мартини, Джованни Серодине, Василий Дмитриевич Поленов.

Иоанн Креститель

Иоанн Креститель — ближайший предшественник Иисуса Христа, предсказавший пришествие Мессии, жил в пустыне аскетом, затем проповедовал крещение покаяния для иудеев, крестил в водах Иордана Иисуса Христа, затем был обезглавлен из-за козней иудейской царевны Иродиады и ее дочери Саломеи. Об Иоанне свидетельствуют все четыре автора канонических Евангелий, а также историк Иосиф Флавий, дополняя сведения о последних днях деятельности Иоанна.

Как узнать Иоанна Крестителя на полотне художника? Детали изображения Иоанна Предтечи несут различный символический смысл.

Свиток в руках говорит о начале проповеди.

Отсеченная голова говорит о мученической кончине, а кроме того является образным выражением Божественного дара предвидения.

Чаша, в которой лежит голова, — параллель жертвенной чаши Евхаристии: Иоанн предшествовал Христу и рождением, и смертью.

Древо и топор как аллегория его проповеди: «Покайтеся, приближается царствие небесное, уже бо секира при корне дерева лежит: всяко убо древо не творящее плода добра пресекается» (Лк. 7:24–28). Эти слова перекликаются с проповедью Христа.

Горки, на фоне которых изображен Иоанн, не только конкретизируют место аскезы, но являются символом возвышенного ума и духовного очищения — мира горнего.

Художники: Леонардо да Винчи, Франческо Солимена, Гертген тот Синт Янс, Иероним Босх, Рембрандт Харменс ван Рейн, Рафаэль Санти, Питер Брейгель старший, Никола Пуссен, Паоло Веронезе, Джованни Баттиста Тьеполо, Пьер Франческо Мола.

Крещение Господне

Крещение Христа Иоанном Крестителем во время всеобщего крещения народа описано во всех четырех Евангелиях. Как сюжет христианского искусства встречается во все эпохи, начиная с живописи римских катакомб III века.

Художники: Салимбени, Эль Греко, Мазолино да Паникале, Хуан Карреньо де Миранда, Петр Михайлович Шамшин, Григорий Григорьевич Гагарин, Андрей Иванович Иванов, Генрих Ипполитович Семирадский, Михаил Васильевич Нестеров.

Искушение Иисуса Христа

Согласно евангельскому рассказу, после своего крещения Иисус Христос, ведомый Духом, удалился в пустыню, чтобы в уединении, молитве и посте подготовиться к исполнению миссии, с которой он пришел на землю. Иисус сорок дней «был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал» (Лк. 4:2). Тогда приступил к нему дьявол и тремя обольщениями попытался соблазнить его на грех, как всякого человека: голодом, гордыней и верой.

Художники: Хуан де Фландес, Дуччо, Михаэль Пахер, Рембрандт Харменс ван Рейн, Александр Андреевич Иванов, Иван Николаевич Крамской, Василий Иванович Суриков, Илья Ефимович Репин.

Призвание апостолов

В искусстве часто встречается эпизод, в котором Христос призывает Своих первых учеников.

Художники: Рафаэль, Караваджо, Доменико Гирландайо, Дуччо ди Буонинсенья, Михаил Петрович Боткин, Григорий Григорьевич Чернецов.

Чудеса Иисуса Христа

В Евангелиях описаны следующие деяния: претворение воды в вино, многочисленные исцеления больных и бесноватых, чудесный

улов рыбы, хождение по водам, чудесное насыщение народа хлебами и рыбой, чудо со статиром, иссушение смоковницы, воскрешение дочери Иаира и воскрешение Лазаря.

Художники: Дуччо («Иисус открывает глаза слепому»), Рафаэль Санти («Чудесный улов рыбы»), Франсиско Гойя («Умножение хлебов и рыб»), Антон Павлович Лосенко («Чудесный улов рыбы»), Владимир Егорович Маковский («Чудо в Кане»), Сергей Васильевич Беклемишев («Чудесный улов»), Клавдий Васильевич Лебедев («Хождение Иисуса Христа по водам»), Иван Константинович Айвазовский («Хождение по водам»), Михаил Александрович Врубель («Хождение по водам»), Александр Андреевич Иванов («Хождение по водам»), Василий Дмитриевич Поленов («Буря»), Валериан Степанович Крюков («Укрощение Иисусом Христом бури на море»), Эжен Плюшар («Насыщение пятью хлебами пяти тысяч человек»), Илья Ефимович Репин («Воскрешение дочери Иаира»), Василий Иванович Суриков («Исцеление слепорожденного Иисусом Христом»), Василий Васильевич Беляев («Исцеление Христом бесноватого в Капернауме»), Михаил Васильевич Нестеров («Воскрешение Лазаря»).

Притчи и Нагорная проповедь Христа

Произведения искусства и художники: фреска «Нагорная проповедь» церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, Джеймс Тиссо, Козимо Росселли, Кароли Ференци, Данте Габриэль Россетти, Ян Брейгель старший, Фра Анжелико, Кметти Янош, Купер Хьюитт, Рембрандт Харменс ван Рейн («Возвращение блудного сына»), Петр Васильевич Басин («Нагорная проповедь»), Макс Бекманн, Жан-Батист де Шампень, Николай Петрович Ломтев, Иван Кузьмич Макаров, Карл Генрих Блох, Морис Дени, Роберт Арсен, Жозеф Шауме.

Предательство Иуды

Художники: Джеймс Тиссо, Джотто ди Бондоне, Фра Беато Анжелико, Чимабуэ, Сан Аполлинаре Нуово, Гюстав Доре, Караваджо, Илья Сергеевич Глазунов.

Страсти Христовы и Распятие

Художники: Джотто ди Бондоне («Иисус перед Каиафой», «Поругание Христа»), Карл Генрих Блох («Иисус в терновом венце»), Пьетро Перуджино («Христос в терновом венце»), Антонио ди Переда и Сальгадо («Христос в терновом венце»), Антонис ван Дейк («Коронование терновым венцом»), Гвидо Рени («Иисус в терновом венце»), Жеан Ресто («Страсти Христовы»), Тициан («Се Человек»), Сандро Боттичелли («Иисус»), Иероним Босх («Несение Креста»), Василий Григорьевич Перов («Христос в Гефсиманском саду»), Илья Сергеевич Глазунов («Распни Его»), Иван Николаевич Крамской («Хохот. Радуйся, Царю иудейский!»), Альбрехт Альтдорфер («Распятие»), Андреа Мантенья («Распятие»), Джованни Доменико Тьеполо («Три креста»), Дэвид Джерард («Христос, распятый на кресте»), Виктор Михайлович Васнецов («Распятый Христос»), Рафаэль («Снятие со креста»), Карл Генрих Блох («И положили его во гробе»).

Воскресение Христово

Художники: Рафаэлино дель Гарбо, Фра Беато Анжелико, Джотто ди Бондоне, Рафаэль Санти, Сандро Боттичелли, Гюстав Доре, Андрей Рублев, Эдвард Коли Берн-Джонс, Карл Павлович Брюллов, Михаил Александрович Врубель, Михаил Васильевич Нестеров, Николай Константинович Рерих, Сергей Васильевич Карпычев, Николай Корнилович Пимоненко, Борис Михайлович Кустодиев, Станислав Юлианович Жуковский, Александр Владимирович Маковский, Сергей Иванович Смирнов.

* * *

По рекомендациям сторонников культурологического подхода, «планируя содержание урока, учителю важно помнить, что работа с произведениями художественной культуры требует корректного отношения и соблюдения принципа их суверенности. Ведь культурное наследие является не набором знаковых памятников прошлого, а системой

ценностных ориентиров, которые осознаются личностью и оцениваются на уровне личных приоритетов»[6].

А вот известный режиссер Андрей Тарковский в интервью на вопрос: «Для чего существует искусство?» высказал мысль, которая подтверждает важность искусства в изучении и понимании истории христианства не только школьниками, но и взрослыми людьми: «Прежде чем строить концепцию, в частности, взгляд на искусство, надо прежде всего ответить на другой вопрос, гораздо более важный и общий: зачем живет человек, в чем смысл человеческого существования? Мне кажется, мы должны использовать наше пребывание на земле, чтобы духовно возвыситься. А это означает, что искусство должно помочь нам в этом. В силу того, что смысл человеческого существования я понимаю таким образом, мне кажется, что искусство должно помогать человеку развиваться в этом направлении. То есть, короче говоря, искусство служит человеку тем, что помогает ему духовно измениться, вырасти»[7].

---

[6] *Коробкова Е.Н.* Культуроориентированный образовательный процесс: опыт реализации в петербургской школе: монография. СПб., 2016. С. 11–15.

[7] Исповедь Андрея Тарковского: Вопрос о счастье для меня не существует // Континент. 1984. № 42 [Электронный ресурс: https://econet.ru/articles/178156-ispoved-andreya-tarkovskogo-vopros-o-schastie-dlya-menya-ne-suschestvuet?ysclid=ldoi2gk3dy851576107].

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Васильева Ольга Анатольевна — искусствовед (Псков).

Волкова Валерия Павловна — заместитель директора по научной работе Государственного архива Псковской области (Псков).

Дмитриева Екатерина Евгеньевна — доктор филологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького (Москва).

Дубровский Александр Владимирович — кандидат фиологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (ИРЛИ) (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Зеленянская Юлия Валентиновна — заведующая отделом «Архив» Государственного музея-заповедника «Петергоф» (Петергоф).

Иванов Михаил Владимирович — протоиерей, настоятель Казанской церкви (Пушкинские Горы).

Иванова Татьяна Борисовна — старший научный сотрудник научного архива Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Инге-Вечтомова Мария Сергеевна — старший научный сотрудник Государственного литературного музея «XX век» (Санкт-Петербург).

Исакова Наталья Ивановна — директор Государственного архива Псковской области (Псков).

Ифтодий Юлия Игоревна — старший научный сотрудник Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина (Москва).

Камышева Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра языковой политики и международ-

ного образования Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Кондратеня Александр Владимирович — главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея (Опочка).

Крапошин Петр Валентинович — старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Большие Вяземы» (Московская область).

Кузьмин Александр Иванович — заслуженный работник культуры РФ, советник директора Государственного мемориального музея А.В. Суворова (Санкт-Петербург).

Медвинский Дмитрий Юрьевич — старший научный сотрудник Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург).

Мотеюнайте Илона Витаутасовна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета (Псков).

Поленова Наталья Федоровна — заслуженный работник культуры РФ, музеолог, директор Государственного мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова (Тульская область).

Пукова Александра Николаевна — хранитель музейных предметов (фонда печатной графики) Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Румянцева Галина Валентиновна — хранитель музейных предметов (фонд прикладной графики и научно-вспомогательного фонда) Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Семенищева Елена Васильевна — заведующая экспозиционно-выставочным отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (Московская область).

Сибагатова Резеда Хамитовна — заведующая сектором «Ведомственный архив» отдела «Архив» Государственного музея-заповедника «Петергоф» (Петергоф).

Старинкова Елена Валентиновна — кандидат культурологии, хранитель музейных предметов (фонд декоративно-прикладного искусства) Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Узенева Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, хранитель музея-усадьбы «Михайловское».

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Псков).

Филиппова Альбина Александровна — кандидат филологических наук, главный хранитель Мемориального музея В.Г. Костомарова при Центре языковой политики и международного образования Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Цветкова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета (Псков).

Шарманова Татьяна Викторовна — учитель истории и обществознания Физико-математического лицея № 31 (Челябинск).

Шкаровский Михаил Витальевич — доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ].....3

МУЗЕИ РОССИИ
КАК ПЕРЕДОВАЯ ОБОРОНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
В XX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА
Материалы XXVI Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(14–17 февраля 2023 года)

Наталья Исакова, Валерия Волкова
ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК И С.С. ГЕЙЧЕНКО
В ДОКУМЕНТАХ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....5

Мария Инге-Вечтомова
ПУШКИНОГОРЬЕ. ВАСИЛИЙ ЗВОНЦОВ.
ГРАВЮРЫ В ПИСЬМАХ.....13

Екатерина Дмитриева
ПСКОВ КОНЦА 1960–1970-Х ГОДОВ:
ПАМЯТИ С.С. ГЕЙЧЕНКО.....28

Илона Мотеюнайте
С.С. ГЕЙЧЕНКО И ПСКОВСКАЯ ШКОЛА № 9
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА.....40

Татьяна Иванова
ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ПУШКИНСКОМ
ЗАПОВЕДНИКЕ. О НЕКОТОРЫХ АВТОГРАФАХ
По материалам научного архива Пушкинского Заповедника.....47

Ольга Васильева
ЗА БЛИЖНИМ КРУГОМ. ИСТОРИЯ
И НАСЛЕДИЕ СЕМЬИ ПИМЕНОВЫХ.....63

Светлана Камышева, Альбина Филиппова
МАТЕРИАЛЫ О МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ А.С. ПУШКИНА
«МИХАЙЛОВСКОЕ» И АВТОГРАФЫ
СЕМЕНА СТЕПАНОВИЧА ГЕЙЧЕНКО В ФОНДАХ
МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ АКАДЕМИКА В.Г. КОСТОМАРОВА.....72

Александр Дубровский
К ИСТОРИИ ПСЕВДОПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «К Е***ВУ» 83

Петр Крапошин
«СВОРОТИЛ НА ПРЯМУЮ ТИФЛИССКУЮ ДОРОГУ»: КАКИМ БЫЛ И КАКИМ МОГ БЫ БЫТЬ МАРШРУТ ПУТЕШЕСТВИЯ А.С. ПУШКИНА В АРЗРУМ В 1829 ГОДУ 97

Юлия Узенева
ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОДИТЕЛЕЙ А.С. ПУШКИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИХ ПЕРЕПИСКИ 104

Нина Цветкова
С.П. ШЕВЫРЕВ: ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ....115

Юлия Зеленянская
МУЗЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ. К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТЕРГОФСКОГО ДВОРЦОВОГО УПРАВЛЕНИЯ (УПРАВЛЕНИЯ ПЕТЕРГОФСКИМИ ДВОРЦАМИ-МУЗЕЯМИ) В 1917–1924 ГОДАХ....126

Анатолий Филимонов
«СОСТАВ НАУЧНЫХ КАДРОВ ЗАПОВЕДНИКА НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЕН…»
За строкой постановления Псковского обкома ВКП(б). 1947 год....151

Галина Румянцева
СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ, РАССКАЗАННЫЕ МУЗЕЙНЫМИ ПРЕДМЕТАМИ....159

Елена Старинкова
ЗНАКИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ПРЕДМЕТАХ ИЗ СОБРАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА....166

Михаил Шкаровский
ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ И СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ....175

Александра Пукова
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ЭВАКУАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 193

Елена Семенищева
ДОБЛЕСТЬ РОДИТЕЛЕЙ — НАСЛЕДИЕ ДЕТЕЙ:
ДИРЕКТОР БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОЖУХОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....203

Резеда Сибагатова
СПАСЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ОРАНИЕНБАУМСКИХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....215

Юлия Ифтодий
СОХРАНЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
По материалам дневника В.А. Ермолова 236

Александр Кондратеня
НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИВАНОВ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
НАРОДНО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ГОРОДА ОПОЧКИ,
УЧАСТНИК СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
К 120-летию со дня рождения.....244

Александр Кузьмин
МУЗЕЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ 254

Дмитрий Медвинский
ЕВДОКИЯ ИГНАТЬЕВНА ЛЕДИНКИНА:
НЕИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ.....269

Наталья Поленова
ПОЛЕНОВО: ПУТЬ ОТ МУНИЦИПАЛЬНОГО МУЗЕЯ
К ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАПОВЕДНИКУ. МУЗЕЙНЫЙ ПУТЬ
ФЕДОРА ПОЛЕНОВА И НАТАЛИИ ГРАМОЛИНОЙ.....283

Михаил Иванов, протоиерей
ПРАВИЛА СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ 1857 ГОДА.....295

Михаил Иванов, протоиерей
НЕКОТОРЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ ИГУМЕНАХ И НАСЕЛЬНИКАХ
СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVIII–XIX ВЕКАХ.....331

Татьяна Шарманова
ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА —
КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ
ХРИСТИАНСТВА ШКОЛЬНИКАМИ.....362

Краткие сведения об авторах
сборника «Михайловская пушкиниана».....381

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 96

Музеи России
как передовая обороны
отечественной культуры
в XX — начале XXI века

МАТЕРИАЛЫ
XXVI Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(14–17 февраля 2023 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова
Обложка, обработка изображений Е.А. Мужаревская

На первой странице обложки:
Сергей Шумаков. Пятницкие ворота. 2011 год.
Из фондов Пушкинского Заповедника

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 02.06.2023.
Формат 60x88 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Объем 26,0 печ. л.
Заказ № 774. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.